

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ

А. И. КУПРИНА.

Съ портретомъ автора.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1912 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

—
1912.



Артистическое заведение Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

ГРАНАТОВЫЙ БРАСЛЕТЪ.

L. van Beethoven. 2 Son. (op. 2, № 2).
Largo Appassionato.

I.



Въ серединѣ августа, передъ рожденіемъ молодого мѣсяца, вдругъ наступили отвратительныя погоды, какія такъ свойственны сѣверному побережью Чернаго моря. То по цѣлымъ суткамъ тяжело лежалъ надъ землею и моремъ густой туманъ, и тогда огромная сирена на маякѣ ревѣла днемъ и ночью, точно бѣшеный быкъ. То съ утра до утра шелъ, не переставая, мелкій, какъ водяная пыль, дождикъ, превращавшій глинистыя дороги и тропинки въ сплошную густую грязь, въ которой увязали надолго возы и экипажи. То задувалъ съ сѣверо-запада, со стороны степи, свирѣпый ураганъ; отъ него верхушки деревьевъ раскачивались, пригибаясь и выпрямляясь, точно волны въ бурю, гремѣли по ночамъ желѣзныя кровли дачъ, и казалось, будто кто-то бѣгаетъ по нимъ въ подкованныхъ сапогахъ, вздрагивали оконныя рамы, хлопали двери, и дико завывало въ печныхъ трубахъ. Нѣсколько рыбачьихъ баркасовъ заблудилось въ морѣ, а два и совсѣмъ не вернулись: только спустя недѣлю повыбрасывало трупы рыбаковъ въ разныхъ мѣстахъ берега.

Обитатели пригороднаго морского курорта — бѣльшей частью греки и евреи, жизнелюбивые и мнительные, какъ

всѣ южане, — поспѣшно перебирались въ городъ. По размякшему шоссе безъ конца тянулись ломовыя дроги, перегруженные всяческими домашними вещами: тюфяками, диванами, сундуками, стульями, умывальниками, самоварами. Жалко, и грустно, и противно было глядѣть сквозь мутную кисею дождя на этотъ жалкій скарбъ, казавшійся такимъ изношеннымъ, грязнымъ и нищенскимъ; на горничныхъ и кухарокъ, сидѣвшихъ на верху воза на мокромъ брезентѣ съ какими-то утюгами, жестянками и корзинками въ рукахъ, на запотѣвшихъ, обезсилѣвшихъ лошадей, которыя то и дѣло останавливались, дрожа колысьями, дымясь и часто нося боками, на сипло ругавшихся дрогалей, закутанныхъ отъ дождя въ рогожи. Еще печальнѣе было видѣть оставленныя дачи, съ ихъ незапнымъ просторомъ, пустотой и оголенностью, съ изуродованными клумбами, разбитыми стеклами, брошенными собаками и всяческимъ дачнымъ соромъ изъ окурковъ, бумажекъ, черепковъ, коробочекъ и аптекарскихъ пузырьковъ.

Но къ началу сентября погода вдругъ рѣзко и совсемъ неожиданно переѣнилась. Сразу наступили тихіе безоблачные дни, такіе ясные, солнечные и теплые, какихъ не было даже въ іюлѣ. На обсохшихъ сжатыхъ поляхъ, на ихъ колючей желтой щетинѣ заблестѣла слюдянымъ блескомъ осенняя паутина. Успокоившіяся деревья безшумно и покорно роняли желтые листья.

Княгиня Вѣра Николаевна Шеина, жена предводителя дворянства, не могла покинуть дачи, потому что въ ихъ городскомъ домѣ еще не покончили съ ремонтомъ. И теперь она очень радовалась наступившимъ прелестнымъ днямъ, тишинѣ, уединенію, чистому воздуху, щебетанью на телеграфныхъ проволокахъ ласточекъ, стайившихся къ отлету, и ласковому соленому вѣтерку, слабо тянувшему съ моря.

II.

Кромѣ того сегодня былъ день ея именинъ — 17-е сентября. По милымъ, отдаленнымъ воспоминаніямъ дѣтства она всегда любила этотъ день и всегда ожидала отъ него чего-то счастливо-чудеснаго. Мужъ, уѣзжая утромъ по спѣшнымъ дѣламъ въ городъ, положилъ ей на ночной столикъ футляръ съ прекрасными серьгами изъ грушевидныхъ жемчужинъ, и этотъ подарокъ еще больше веселилъ ее.

Она была одна во всемъ домѣ. Ея холостой братъ Николай, товарищъ прокурора, жившій обыкновенно вмѣстѣ съ ними, также уѣхалъ въ городъ, въ судъ. Къ обѣду мужъ обѣщалъ привезти немногихъ и только самыхъ близкихъ знакомыхъ. Хорошо выходило, что именины совпали съ дачнымъ временемъ. Въ городѣ пришлось бы тратиться на большой парадный обѣдъ, пожалуй, даже на балъ, а здѣсь, на дачѣ, можно было обойтись самыми небольшими расходами. Князь Шеинъ, несмотря на свое видное положеніе въ обществѣ, а можетъ-быть, и благодаря ему, едва сводилъ концы съ концами. Огромное родовое имѣніе было почти совсѣмъ разстроено его предками, а жить приходилось выше средствъ: дѣлать пріемы, благотворить, хорошо одѣваться, держать лошадей и т. д. Княгиня Вѣра, у которой прежняя страстная любовь къ мужу давно уже перешла въ чувство прочной, вѣрной, истинной дружбы, всѣми силами старалась помочь князю удержаться отъ полнаго разоренія. Она во многомъ, незамѣтно для него, отказывала себѣ и, насколько возможно, экономила въ домашнемъ хозяйствѣ.

Теперь она ходила по саду и осторожно срѣзала ножницами цвѣты къ обѣденному столу. Клумбы опустѣли и имѣли беспорядочный видъ. Доцвѣтали разноцвѣтныя

махровыя гвоздики, а также левкой — наполовину въ цвѣтахъ, а наполовину въ тонкихъ зеленыхъ стручьяхъ, пахнувшихъ капустой, розовые кусты еще давали — въ третій разъ за это лѣто — бутоны и розы, но уже измельчавшіе, рѣдкіе, точно выродившіеся. Зато пышно цвѣли своей холодной, высоколѣтней красотой георгины, піоны и астры, распространяя въ чуткомъ воздухѣ осенній, травянистый, грустный запахъ. Остальные цвѣты послѣ своей роскошной любви и чрезмѣрнаго обильнаго лѣтняго материнства тихо осыпали на землю безчисленныя сѣмена будущей жизни.

Близко на шоссе слышались знакомые звуки автомобильнаго трехтоннаго рожка. Это подъѣзжала сестра княгини Вѣры — Анна Николаевна Фріессе, съ утра обѣщавшая по телефону пріѣхать помочь сестрѣ принимать гостей и по хозяйству.

Тонкій слухъ не обманулъ Вѣру. Она пошла навстрѣчу. Черезъ нѣсколько минутъ у дачныхъ воротъ круто остановился изящный автомобиль-каре́та, и шофферъ, ловко спрыгнувъ съ сидѣнья, распахнулъ дверцу.

Сестры радостно поцѣловались. Онѣ съ самаго ранняго дѣтства были привязаны другъ къ другу теплой и заботливой дружбой. По внѣшности онѣ до страннаго не были схожи между собою. Старшая, Вѣра, пошла въ мать, красавицу-англичанку, своей высокой гибкой фигурой, нѣжнымъ, но холоднымъ и гордымъ лицомъ, прекрасными, хотя довольно большими руками и той очаровательной покатостью плечъ, какую можно видѣть на старинныхъ миниатюрахъ. Младшая — Анна — наоборотъ, унаслѣдовала монгольскую кровь отца, татарскаго князя, дѣдъ котораго крестился только въ началѣ XIX-го столѣтія и древній родъ котораго восходилъ до самого Тамерлана, или Лангъ-Темира, какъ съ гордостью называлъ ея отецъ, по-татарски, этого великаго кровопійцу. Она была на пол-

головой ниже сестры, нѣсколько широкая въ плечахъ, живая и легкомысленная, насмѣшница. Лицо ея сильно монгольскаго типа съ довольно замѣтными скулами, съ узенькими глазами, которые она къ тому же, по близорукости, щурила, съ надменнымъ выраженіемъ въ маленькомъ, чувственномъ ртѣ, особенно въ слегка выдвинутой впередъ полной нижней губѣ, — лицо это однако плѣняло какой-то неуловимой и непонятной прелестью, которая заключалась, можетъ-быть, въ улыbkѣ, можетъ-быть, въ глубокой женственности всѣхъ чертъ, можетъ-быть, въ пикантной, задорно-кокетливой мимикѣ. Ея граціозная некрасивость возбуждала и привлекала вниманіе мужчинъ гораздо чаще и сильнѣе, чѣмъ аристократическая красота ея сестры.

Она была замужемъ за очень богатымъ и очень глупымъ человѣкомъ, который ровно ничего не дѣлалъ, но числился при какомъ-то благотворительномъ учрежденіи и имѣлъ званіе камеръ-юнкера. Мужа она терпѣть не могла, но родила отъ него двухъ дѣтей — мальчика и дѣвочку; больше она рѣшила не имѣть дѣтей и не имѣла. Что касается Вѣры — та жадно хотѣла дѣтей и даже, ей казалось, чѣмъ больше — тѣмъ лучше, но почему-то они у нея не рождались, и она болѣзненно и пылко обожала хорошенькихъ малокровныхъ дѣтей младшей сестры, всегда приличныхъ и послушныхъ, съ блѣдными мучнистыми лицами и съ завитыми льняными кукольными волосами.

Анна вся состояла изъ веселой безалаберности и милыхъ, иногда странныхъ противорѣчій. Она охотно предавалась самому рискованному флирту во всѣхъ столицахъ и на всѣхъ курортахъ Европы, но никогда не измѣняла мужу, котораго однако презрительно высмѣивала и въ глаза и за глаза; была расточительна, страшно любила азартныя игры, танцы, сильныя впечатлѣнія, острия

зрѣлица, посѣщала за границей сомнительныя кафе, но въ то же время отличалась щедрой добротой и глубокой, искренней набожностью, которая заставила ее даже принять тайно католичество. У нея были рѣдкой красоты спина, грудь и плечи. Отправляясь на большіе балы, она обнажалась гораздо больше предѣловъ, дозволяемыхъ приличіемъ и модой, но говорили, что подъ низкимъ декольте у нея всегда была надѣта власяница.

Вѣра же была строго-проста, со всѣми холодно и немного свысока любезна, независима и царственно-спокойна.

III.

— Боже мой, какъ у васъ здѣсь хорошо! Какъ хорошо! — говорила Анна, идя быстрыми и мелкими шагами рядомъ съ сестрой по дорожкѣ. — Если можно, посидимъ немного на скамеечкѣ надъ обрывомъ. Я такъ давно не видѣла моря. И какой чудный воздухъ—дышишь—и сердце веселится. Въ Крыму, въ Мисхорѣ прошлымъ лѣтомъ я сдѣлала изумительное открытіе. Знаешь, чѣмъ пахнетъ морская вода во время прибоя? Представь себѣ — резедой.

Вѣра ласково усмѣхнулась:

— Ты фантазерка.

— Нѣтъ, нѣтъ. Я помню также разъ, надо мной всѣ смѣялись, когда я сказала, что въ лунномъ свѣтѣ есть какой-то розовый оттѣнокъ. А на-дняхъ художникъ Борицкій — вотъ тотъ, что пишетъ мой портретъ — согласился, что я была права, и что художники объ этомъ давно знаютъ.

— Художникъ — твое новое увлеченіе?

— Ты всегда придумашь! — засмѣялась Анна и, быстро подойдя къ самому краю обрыва, отвѣсной стѣной падавшего глубоко въ море, заглянула внизъ и вдругъ вскрик-

нула въ ужасѣ и отшатнулась назадъ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ.

— У, какъ высоко!—произнесла она ослабѣвшимъ и вздрагивающимъ голосомъ.—Когда я гляжу съ такой высоты, у меня всегда какъ-то сладко и противно щекочетъ въ груди... и пальцы на ногахъ щемить... И все-таки тянетъ, тянетъ...

Она хотѣла еще разъ нагнуться надъ обрывомъ, но сестра остановила ее.

— Анна, дорогая моя, ради Бога! У меня у самой голова кружится, когда ты такъ дѣлаешь. Прошу тебя, сядь.

— Ну хорошо, хорошо, сѣла... Но ты только посмотри, какая красота, какая радость — просто глазъ не насытится. Если бы ты знала, какъ я благодарна Богу за всѣ чудеса, которыя Онъ для насъ сдѣлалъ!

Обѣ на минутку задумались. Глубоко-глубоко подъ ними покоилось море. Со скамейки не было видно берега, и оттого ощущение безконечности и величія морского простора еще больше усиливалось. Вода была ласково-спокойна и весело-синя, свѣтлѣя лишь косыми гладкими полосами въ мѣстахъ теченія и переходя въ густо-синій глубокой цвѣтъ на горизонтѣ.

Рыбачьи лодки, съ трудомъ отмѣчаемыя глазомъ, — такими онѣ казались маленькими, — неподвижно дремали въ морской глади, недалеко отъ берега. А дальше точно стояло въ воздухѣ, не подвигаясь впередъ, трехмачтовое судно, все съ верху до низу одѣтое однообразными, выпуклыми отъ вѣтра, бѣлыми, стройными парусами.

— Я тебя понимаю, — задумчиво сказала старшая сестра:—но у меня какъ-то не такъ, какъ у тебя. Когда я въ первый разъ вижу море, послѣ большого времени, оно меня и волнуетъ, и радуетъ, и поражаетъ. Какъ будто я въ первый разъ вижу огромное, торжественное чудо. Но потомъ, когда привыкну къ нему, оно начинаетъ

меня давить своей плоской пустотой... Я скучаю, глядя на него, и ужъ стараюсь больше не смотрѣть. Надоѣдаетъ.

Анна улыбнулась.

— Чему ты?—спросила сестра.

— Прошлымъ лѣтомъ, — сказала Анна лукаво: — мы изъ Ялты поѣхали большой кавалькадой верхомъ на Учъ-Кошъ. Это тамъ, за лѣсничествомъ, выше водопада. Попали сначала въ облако, было очень сыро и плохо видно, а мы все поднимались вверхъ, по крутой тропинкѣ, между соснами. И вдругъ какъ-то сразу окончился лѣсъ, и мы вышли изъ тумана. Вообрази себѣ: узенькая площадка на скалѣ, и подъ ногами у насъ пропасть. Деревни внизу кажутся не больше спичечной коробки, лѣса и сады—какъ мелкая травка. Вся мѣстность спускается къ морю, точно географическая карта. А тамъ дальше— море! Версть на пятьдесятъ, на сто впередъ. Миѣ казалось — я повисла въ воздухѣ и вотъ-вотъ полечу. Такая красота, такая легкость! Я оборачиваюсь назадъ и говорю проводнику въ восторгѣ: «Что? Хорошо, Сеидъ-оглы?» А онъ только языкомъ почмокалъ: «Эхъ, барина, какъ мне все это надоѣлъ. Каждый день видимъ».

— Благодарю за сравненіе, — засмѣялась Вѣра: — нѣтъ, я только думаю, что намъ, сѣверянамъ, никогда не понять прелести моря. Я люблю лѣсъ. Помнишь лѣсъ у насъ въ Егоровскомъ?.. Развѣ можетъ онъ когда-нибудь прискучить? Сосны!.. А какіе мхи!.. А мухоморы! Точно изъ краснаго атласа и вышиты бѣлымъ бисеромъ. Тишина такая... прохлада.

— Миѣ все равно, я все люблю, — отвѣтила Анна. — А больше всего я люблю мою сестренку, мою благоразумную Вѣреньку. Насъ вѣдь только двое на свѣтѣ.

Она обняла старшую сестру и прижалась къ ней, щека къ щекѣ. И вдругъ спохватилась.

— Нѣтъ, какая же я глупая! Мы съ тобою, точно въ романѣ, сидимъ и разговариваемъ о природѣ, а я совсѣмъ забыла про мой подарокъ. Вотъ посмотри. Я боюсь только, понравится ли?

Она достала изъ своего ручного мѣшечка маленькую записную книжку въ удивительномъ переплетѣ: на старомъ, стершемся и посѣрѣвшемъ отъ времени синемъ бархатѣ вился тускло-золотой филигранный узоръ рѣдкой сложности, тонкости и красоты, — очевидно, любовное дѣло рукъ искуснаго и терпѣливаго художника. Книжка была прикрѣплена къ тоненькой, какъ нитка, золотой цѣпочкѣ, листки въ серединѣ были замѣнены таблетками изъ слоновой кости.

— Какая прекрасная вещь! Прелесть! — сказала Вѣра и поцѣловала сестру. — Благодарю тебя. Гдѣ ты достала такое сокровище?

— Въ одной антикварной лавочкѣ. Ты вѣдь знаешь мою слабость рыться въ старинномъ хламѣ. Вотъ я и набрела на этотъ молитвенникъ. Посмотри, видишь, какъ здѣсь орнаментъ дѣлаетъ фигуру креста. Правда, я нашла только одинъ переплетъ, остальное все пришлось придумывать — листочки, застежки, карандашъ. Но Моллине совсѣмъ не хотѣлъ меня понять, какъ я ему ни толковала. Застежки должны были быть въ такомъ же стилѣ, какъ и весь узоръ, матовыя, стараго золота, тонкой рѣзьбы, а онъ Богъ знаетъ что сдѣлалъ. Зато цѣпочка настоящая венеціанская, очень древняя.

Вѣра ласково погладила прекрасный переплетъ.

— Какая глубокая старина!.. Сколько можетъ быть этой книжкѣ?—спросила она.

— Я боюсь опредѣлить точно. Приблизительно конецъ семнадцатаго вѣка, середина восемнадцатаго...

— Какъ странно, — сказала Вѣра съ задумчивой улыбкой. — Вотъ я держу въ своихъ рукахъ вещь, которой,

можетъ-быть, касались руки маркизы Помпадуръ или самой королевы Антуанетты... Но знаешь, Анна, это только тебѣ могла прійти въ голову шальная мысль передѣлать молитвенникъ въ дамскій carnet. Однако все-таки пойдёмъ посмотримъ, что тамъ у насъ дѣлается.

Онѣ прошли въ домъ черезъ большую каменную террасу, со всѣхъ сторонъ закрытую густыми шпалерами винограда «Изабелла». Черныя обильныя гроздья, издававшія слабый запахъ клубники, тяжело свисали между темной, кое-гдѣ озолоченной солнцемъ зеленью. По всей террасѣ разливался зеленый полусвѣтъ, отъ котораго лица женщинъ сразу поблѣднѣли.

— Ты велишь здѣсь накрывать? — спросила Анна.

— Да, я сама такъ думала сначала... Но теперь вечера такіе холодные. Ужъ лучше въ столовой. А мужчины пусть сюда уходятъ курить.

— Будетъ кто-нибудь интересный?

— Я еще не знаю. Знаю только, что будетъ нашъ дѣдушка.

— Ахъ, дѣдушка милый. Вотъ радость! — воскликнула Анна и всплеснула руками. — Я его, кажется, столѣтъ не видала.

— Будетъ сестра Васи и, кажется, профессоръ Спѣшниковъ. Я вчера, Анненька, просто голову потеряла. Ты знаешь, что они оба любятъ покушать — и дѣдушка и профессоръ. Но ни здѣсь ни въ городѣ — ничего не достанешь, ни за какія деньги. Лука отыскалъ гдѣ-то перепеловъ — заказалъ знакомому охотнику — и что-то мудритъ надъ ними. Ростбифъ достали сравнительно недурной — увы! — неизбежный ростбифъ. Очень хорошіе раки.

— Ну что жъ, не такъ ужъ дурно. Ты не тревожься. Впрочемъ, между нами, у тебя у самой есть слабость вкусно поѣсть.

— Но будетъ и кое-что рѣдкое. Сегодня утромъ рыбакъ принесъ морского пѣтуха. Я сама видѣла. Прямо какое-то чудовище. Даже страшно.

Анна, до жадности любопытная ко всему, что ея касалось и что не касалось, сейчасъ же потребовала, чтобы ей принесли показать морского пѣтуха.

Пришелъ высокій, бритый, желтолицый поваръ Лука съ большой продолговатой бѣлой лоханью, которую онъ съ трудомъ, осторожно держалъ за ушки, боясь расплескать воду на паркетъ.

— Двѣнадцать съ половиною фунтовъ, ваше сіятельство, — сказалъ онъ съ особенной поварской гордостью. — Мы давеча взвѣшивали.

Рыба была слишкомъ велика для лоханки и лежала на днѣ, завернувъ хвостъ. Ея чешуя отливала золотомъ, плавники были ярко-краснаго цвѣта, а отъ громадной хищной морды шли въ стороны два нѣжно-голубыхъ складчатыхъ, какъ вѣеръ, длинныхъ крыла. Морской пѣтухъ былъ еще живъ и усиленно работалъ жабрами.

Младшая сестра осторожно дотронулась мизинцемъ до головы рыбы. Но пѣтухъ неожиданно всплеснулъ хвостомъ, и Анна съ визгомъ отдернула руку.

— Не извольте беспокоиться, ваше сіятельство, все въ лучшемъ видѣ устроимъ, — сказалъ поваръ, очевидно, понимавшій тревогу Анны. — Сейчасъ болгаринъ принесъ двѣ дыни. Ананасныя. На манеръ, въ родѣ какъ канталупы, но только запахъ куда ароматнѣе. И еще осмѣлюсь спросить ваше сіятельство, какой соусъ прикажете подавать къ пѣтуху: тартаръ или польскій, а то можно просто сухари въ маслѣ?

— Дѣлай, какъ знаешь. Ступай! — приказала княгиня.

IV.

Послѣ пяти часовъ стали съѣзжаться гости. Князь Василій Львовичъ привезъ съ собою вдовую сестру Людмилу Львовну, по мужу Дурасову, полную, добродушную и необыкновенно молчаливую женщину; свѣтскаго, молодого, богатаго шалопая и кутилу Васючкà, котораго весь городъ зналъ подъ этимъ фамиллярнымъ именемъ, очень пріятнаго въ обществѣ умнѣемъ пѣть и декламировать, а также устраивать живыя картины, спектакли и благотворительные базары; знаменитую піанистку Женни Рейтеръ, подругу княгини Вѣры по Смольному институту, а также своего шурина Николая Николаевича. За ними пріѣхалъ на автомобилѣ мужъ Анны, съ бритымъ, толстымъ, безобразно-огромнымъ профессоромъ Спѣшниковымъ и съ мѣстнымъ вице-губернаторомъ фонъ-Зеккомъ. Позднѣе другихъ пріѣхалъ генералъ Аносовъ, въ хорошемъ наемномъ ландо, въ сопровожденіи двухъ офицеровъ: штабнаго полковника Понамарева, преждевременно состарившагося, худого, желчнаго человѣка, изможденнаго непосильной канцелярской работой, и гвардейскаго гусарскаго поручика Бахтинскаго, который славился въ Петербургѣ какъ лучшій танцоръ и несравненный распорядитель баловъ.

Генералъ Аносовъ, тучный, высокій, серебряный старецъ, тяжело слѣзалъ съ подножки, держась одной рукой за поручни козелъ, а другой — за задокъ экипажа. Въ лѣвой рукѣ онъ держалъ слуховой рожокъ, а въ правой — палку съ резиновымъ наконечникомъ. У него было большое, грубое, красное лицо съ мясистымъ носомъ и съ тѣмъ добродушно-величавымъ, чуть-чуть презрительнымъ выраженіемъ въ прищуренныхъ глазахъ, расположенныхъ лучистыми, припухлыми полукругами, какое

свойственно мужественнымъ и простымъ людямъ, видавшимъ часто и близко передъ своими глазами опасность и смерть. Обѣ сестры, издали узнавшія его, подбѣжали къ коляскѣ какъ разъ вѣ-время, чтобы полушутя, полусерьезно поддержать его съ обѣихъ сторонъ подъ руки.

— Точно... архіерея! — сказалъ генераль ласковымъ хриповатымъ басомъ.

— Дѣдушка, миленькій, дорогой! — говорила Вѣра тономъ легкаго упрека. — Каждый день васъ ждемъ, а вы хоть бы глаза показали.

— Дѣдушка у насъ на югѣ всякую совѣсть потерялъ, — засмѣялась Анна. — Можно было бы, кажется, вспомнить о крестной дочери. А вы держите себя донъ-Жуаномъ, безстыдникъ, и совсѣмъ забыли о нашемъ существованіи...

Генераль, обнаживъ свою величественную голову, цѣловалъ поочередно руки у обѣихъ сестеръ, потомъ цѣловалъ ихъ въ щеки и опять въ руку.

— Дѣвочки... подождите... не бранитесь, — говорилъ онъ, перемежая каждое слово вздохами, происходившими отъ давнишней одышки. — Честное слово... докторишки разнесчастные... все лѣто купали мои ревматизмы... въ какомъ-то грязномъ... киселѣ... ужасно пахнетъ... И не выпускали... Вы первыя... къ кому пріѣхалъ... Ужасно радъ... съ вами увидѣться... Какъ прыгаете?... Ты, Вѣрочка... совсѣмъ лэди... очень стала похожа... на покойницу-мать... Когда крестить позовешь?

— Ой, боюсь, дѣдушка, что никогда...

— Не отчаивайся... все впереди... Молись Богу... А ты, Аня, вовсе не измѣнилась... Ты и въ шестьдесятъ лѣтъ... будешь такая же стрекоза-егоза. Пойдите-ка. Давайте я вамъ представлю господъ офицеровъ.

— Я уже давно имѣлъ эту честь! — сказалъ полковникъ Понамаревъ, кланяясь.

— Я былъ представленъ княгинѣ въ Петербургѣ, — подхватилъ гусаръ.

— Ну, такъ представлю тебѣ, Аня, поручика Бахтинскаго. Танцоръ и буянъ, но хорошій кавалеристъ. Вынька, Бахтинскій, милый мой, тамъ изъ коляски... Пойдемте, дѣвочки... Чѣмъ, Вѣрочка, будешь кормить? У меня... послѣ лиманнаго режима... аппетитъ, какъ у выпускнаго... прапорщика.

Генераль Аносовъ былъ боевымъ товарищемъ и преданнымъ другомъ покойнаго князя Мирза-Булатъ-Тугановскаго. Всю нѣжную дружбу и любовь онъ послѣ смерти князя перенесъ на его дочерей. Онъ зналъ ихъ еще всѣмъ маленькими, а младшую Анну даже крестилъ. Въ то время — какъ и до сихъ поръ — онъ былъ комендантомъ большой, но почти упраздненной крѣпости въ г. К. и ежедневно бывалъ въ домѣ Тугановскихъ. Дѣти просто обожали его за баловство, за подарки, за ложи въ циркъ и театръ и за то, что никто такъ увлекательно не умѣлъ играть съ ними, какъ Аносовъ. Но больше всего ихъ очаровывали и крѣпче всего запечатлѣлись въ ихъ памяти его рассказы о военныхъ походахъ, сраженіяхъ и стоянкахъ на бивуакахъ, о побѣдахъ и отступленіяхъ, о смерти, ранахъ и лютыхъ морозахъ, — неторопливые, эпически-спокойные, простосердечные рассказы, рассказываемые между вечернимъ чаемъ и тѣмъ скучнымъ часомъ, когда дѣтей позовутъ спать.

По нынѣшнимъ нравамъ этотъ обломокъ старины представлялся исполинской и необыкновенно живописной фигурой. Въ немъ совмѣщались именно тѣ простыя, но трогательныя и глубокія черты, которыя даже и въ его времена гораздо чаще встрѣчались въ рядовыхъ, чѣмъ въ офицерахъ, тѣ чисто-русскія, мужицкія черты, которыя въ соединеніи даютъ возвышенный образъ, дѣлавшій иногда нашего солдата не только непобѣдимымъ, но и

великомученикомъ, почти святымъ, — черты, состоявшія изъ безхитростной, наивной вѣры, яснаго, добродушно-веселаго взгляда на жизнь, холодной и дѣловой отваги, покорства передъ лицомъ смерти, жалости къ побѣжденному, безконечному терпѣнію и поразительной физической и нравственной выносливости.

Аносовъ, начиная съ польской войны, участвовалъ во всѣхъ кампаніяхъ, кромѣ японской. Онъ и на эту войну пошелъ бы безъ колебаній, но его не позвали, а у него всегда было великое по скромности правило: «не лѣзь на смерть, пока тебя не позовутъ». За всю свою службу онъ не только никогда не высѣкъ, но даже не ударилъ ни одного солдата. Во время польскаго мятежа онъ отказался однажды разстрѣливать плѣнныхъ, несмотря на личное приказаніе полкового командира. «Шпіона я не только разстрѣляю, — сказалъ онъ: — но, если прикажете, лично убью. А это плѣнные, и я не могу». И сказалъ онъ это такъ просто, почтительно, безъ тѣни вызова или рисовки, глядя прямо въ глаза начальнику своими ясными, твердыми глазами, что его, вмѣсто того, чтобы самого разстрѣлять, оставили въ покоѣ.

Въ войну 1877—79 гг. онъ очень быстро дослужился до чина полковника, несмотря на то, что былъ мало образованъ, или, какъ онъ самъ выражался, кончилъ только «медвѣжьёю академію». Онъ участвовалъ при переправѣ черезъ Дунай, переходилъ Балканы, отсиживался на Шипкѣ, былъ при послѣдней атакѣ Плевны; ранили его одинъ разъ тяжело, четыре — легко, и кромѣ того онъ получилъ осколкомъ гранаты жестокую контузію въ голову. Радецкій и Скобелевъ знали его лично и относились къ нему съ исключительнымъ уваженіемъ. Именно про него и сказалъ какъ-то Скобелевъ: «Я знаю одного офицера, который гораздо храбрѣе меня — это майоръ Аносовъ».

Съ войны онъ вернулся почти оглохшій, благодаря осколку гранаты, съ больной ногой, на которой были ампутированы три отмороженныхъ, во время балканскаго перехода, пальца, съ жесточайшимъ ревматизмомъ, нажитымъ на Шипкѣ. Его хотѣли-было, по истеченіи двухъ лѣтъ мирной службы, упечь въ отставку, но Аносовъ заупрямился. Тутъ ему очень кстати помогъ своимъ вліяніемъ начальникъ края, живой свидѣтель его хладнокровнаго мужества при переправѣ черезъ Дунай. Въ Петербургѣ рѣшили не огорчать заслуженнаго полковника, и ему дали пожизненное мѣсто коменданта въ г. К. — должность болѣе почетную, чѣмъ нужную въ цѣляхъ государственной обороны.

Въ городѣ его всѣ знали отъ мала до велика и добродушно посмѣивались надъ его слабостями, привычками и манерой одѣваться. Онъ всегда ходилъ безъ оружія, въ старомодномъ сюртукѣ, въ фуражкѣ съ большими полями и съ громаднымъ прямымъ козырькомъ, съ палкою въ правой рукѣ, со слуховымъ рожкомъ въ лѣвой и непременно въ сопровожденіи двухъ ожирѣвшихъ, лѣнивыхъ, хриплыхъ мопсовъ, у которыхъ всегда кончикъ языка былъ высунуть наружу и прикушенъ. Если ему во время обычной утренней прогулки приходилось встрѣчаться со знакомыми, то прохожіе за нѣсколько кварталовъ слышали, какъ кричитъ комендантъ, и какъ дружно вслѣдъ за нимъ лаютъ его мопсы.

Какъ многіе глухіе, онъ былъ страстнымъ любителемъ оперы, и иногда, во время какого-нибудь томнаго дуэта, вдругъ на весь театръ раздавался его рѣшительный басъ: «А вѣдь чисто взялъ до, чортъ возьми! Точно орѣхъ разгрызъ». По театру проносился сдержанный смѣхъ, но генералъ даже и не подозрѣвалъ этого: по своей наивности онъ думалъ, что шопотомъ обмѣнялся со своимъ сосѣдомъ свѣжимъ впечатлѣніемъ.

По обязанности коменданта онъ довольно часто, вмѣстѣ со своими хрипящими мопсами, посѣщалъ главную гауптвахту, гдѣ весьма уютно за винтомъ, чаемъ и анекдотами отдыхали отъ тяготъ военной службы арестованные офицеры. Онъ внимательно разспрашивалъ каждого: «Какъ фамилія? Кѣмъ посаженъ? На сколько? За что?» Иногда совершенно неожиданно хвалилъ офицера за бра- вый, хотя и противозаконный поступокъ, иногда начи- налъ распекать, крича такъ, что его бывало слышно на улицѣ. Но, накричавшись досыта, онъ, безъ всякихъ пере- ходовъ и паузъ, освѣдомлялся, откуда офицеру посятъ обѣдъ и сколько онъ за него платитъ. Случалось, что ка- кой-нибудь заблудшій подпоручикъ, присланный для долго- временной отсидки изъ такого захолустья, гдѣ даже не имѣлось собственной гауптвахты, признавался, что онъ, по безденежью, довольствуется изъ солдатскаго котла. Аносовъ немедленно распорядился, чтобы бѣднягѣ носили обѣдъ изъ комендантскаго дома, отъ котораго до гаупт- вахты было не болѣе двухсотъ шаговъ.

Въ г. К. онъ и сблизился съ семьей Тугановскихъ и такими тѣсными узами привязался къ дѣтямъ, что для него стало душевной потребностью видѣть ихъ каждый вечеръ. Если случалось, что барышни выѣзжали куда- нибудь, или служба задерживала самого генерала, то онъ искренно тосковалъ и не находилъ себѣ мѣста въ боль- шихъ комнатахъ комендантскаго дома. Каждое лѣто онъ бралъ отпускъ и проводилъ цѣлый мѣсяцъ въ имѣніи Тугановскихъ, Егоровскомъ, отстоявшемъ отъ К. на 50 верстъ.

Онъ всю свою скрытую нѣжлость души и потребность сердечной любви перенесъ на эту дѣтвору, особенно на дѣвочекъ. Самъ онъ былъ когда-то женатъ, но такъ давно, что даже позабылъ объ этомъ. Еще до войны жена сбѣ- жала отъ него съ проѣзжимъ актеромъ, плѣнясь его бар-

хатной курткой и кружевными манжетами. Генераль посылалъ ей пенсію вплоть до самой ея смерти, но въ домъ къ себѣ не пустилъ, несмотря на сцены раскаянія и слезныя письма. Дѣтей у нихъ не было.

V.

Противъ ожиданія, вечеръ былъ такъ тихъ и тепелъ, что свѣчи на террасѣ и въ столовой горѣли неподвижными огнями. За обѣдомъ всѣхъ потѣшалъ князь Василій Львовичъ. У него была необыкновенная и очель своеобразная способность рассказывать. Онъ бралъ въ основу рассказа истинный эпизодъ, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ являлся кто-нибудь изъ присутствующихъ или общихъ знакомыхъ, но такъ сгущалъ краски и при этомъ говорилъ съ такимъ серьезнымъ лицомъ и такимъ дѣловымъ тономъ, что слушатели надрывались отъ смѣха. Сегодня онъ рассказывалъ о неудавшейся женитьбѣ Николая Николаевича на одной богатой и красивой дамѣ. Въ основѣ было только то, что мужъ дамы не хотѣлъ давать ей развода. Но у князя правда чудесно переплелась съ вымысломъ. Серьезнаго, всегда нѣсколько чопорнаго Николая онъ заставилъ ночью бѣжать по улицѣ въ однихъ чулкахъ, съ башмаками подъ мышкой. Гдѣ-то на углу молодого человѣка задержалъ городской, и только послѣ длиннаго и бурнаго объясненія Николаю удалось доказать, что онъ товарищъ прокурора, а не ночной грабитель. Свадьба, по словамъ рассказчика, чуть-чуть-было не состоялась, но въ самую критическую минуту отчаянная банда лжесвидѣтелей, участвовавшихъ въ дѣлѣ, вдругъ забастовала, требуя прибавки къ заработной платѣ. Николай изъ скупости (а онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ скуповатъ), а также будучи принципиальнымъ про-

тивникомъ стачекъ и забастовокъ, наотрѣзъ отказался платить лишнее, ссылаясь на опредѣленную статью закона, подтвержденную мнѣніемъ кассационнаго департамента. Тогда разсерженные лжесвидѣтели на извѣстный вопросъ: «не знаетъ ли кто-нибудь изъ присутствующихъ поводовъ, препятствующихъ совершенію брака?»—хоромъ отвѣтили: «Да, знаемъ. Все показанное нами на судѣ подъ присягой — сплошная ложь, къ которой насъ принудилъ угрозами и насиліемъ г. прокуроръ. А про мужа этой дамы мы, какъ освѣдомленные лица, можемъ сказать только, что это самый почтенный человѣкъ на свѣтѣ, цѣломудренный, какъ Іосифъ, и ангельской доброты».

Напавъ на нить брачныхъ исторій, князь Василій не пощадилъ и Густава Ивановича Фріессе, мужа Анны, рассказавъ, что онъ на другой день послѣ свадьбы явился требовать при помощи полиціи выселенія новобрачной изъ родительскаго дома, какъ не имѣющую отдѣльнаго паспорта, и водворенія ея на мѣсто проживанія законнаго мужа. Вѣрнаго въ этомъ анекдотѣ было только то, что въ первые дни замужней жизни Анна должна была безотлучно находиться около захворавшей матери, такъ какъ Вѣра спѣшно уѣхала къ себѣ на югъ, а бѣдный Густавъ Ивановичъ предавался унынію и отчаянію.

Всѣ смѣялись. Улыбалась и Анна своими прищуренными глазами. Густавъ Ивановичъ хохоталъ громко и восторженно, и его худое, гладко обтянутое блестящей кожей лицо, съ прилизанными жидкими, свѣтлыми волосами, съ ввалившимися глазными орбитами, походило на черепъ, обнажавшій въ смѣхѣ прескверные зубы. Онъ до сихъ поръ обожалъ Анну, какъ и въ первый день супружества, всегда старался сѣсть около нея, незамѣтно притронуться къ ней и ухаживалъ за нею такъ влюбленно и самодовольно, что часто становилось за него и жалко и неловко.

Передъ тѣмъ, какъ вставать изъ-за стола, Вѣра Николаевна машинально пересчитала гостей. Оказалось — тринадцать. Она была суевѣрна и подумала про-себя: «Вотъ это нехорошо! Какъ мнѣ раньше не пришло въ голову посчитать? И Вася виноватъ—ничего не сказалъ по телефону».

Когда у Шеиныхъ или у Фриессе собирались близкіе знакомые, то послѣ обѣда обыкновенно играли въ покеръ, такъ какъ обѣ сестры до смѣшного любили азартныя игры. Въ обоихъ домахъ даже выработались на этотъ счетъ свои правила: всѣмъ играющимъ раздавались поровну костяные жетончики опредѣленной цѣны, и игра длилась до тѣхъ поръ, пока всѣ костяжки не переходили въ однѣ руки, — тогда игра на этотъ вечеръ прекращалась, какъ бы партнеры ни настаивали на продолженіи. Братъ изъ кассы во второй разъ жетоны строго запрещалось. Такіе суровые законы были выведены изъ практики, для обузданія княгини Вѣры и Анны Николаевны, которыя въ азартѣ не знали никакого удержа. Общій проигрышъ рѣдко достигалъ 100 — 200 рублей.

Сѣли за покеръ и на этотъ разъ. Вѣра, не принимавшая участія въ игрѣ, хотѣла выйти на террасу, гдѣ накрывали къ чаю, но вдругъ ее съ нѣскольکو таинственнымъ видомъ вызвала изъ гостиной горничная.

— Что такое, Даша? — съ неудовольствіемъ спросила княгиня Вѣра, проходя въ свой маленькій кабинетъ, рядомъ со спальней. — Что у васъ за глупый видъ? И что такое вы вертите въ рукахъ?

Даша положила на столъ небольшой квадратный предметъ, завернутый аккуратно въ бѣлую бумагу и тщательно перевязанный розовой ленточкой.

— Я, ей-Богу, не виновата, ваше сіятельство, — залепетала она, вспыхнувъ румянцемъ отъ обиды. — Онъ пришелъ и сказалъ...

— Кто такой — онъ?

— Красная шапка, ваше сіятельство... посыльный.

— И что же?

— Пришелъ на кухню и положилъ вотъ это на столъ. «Передайте, говоритъ, вашей барынѣ. Но только, говоритъ, въ ихнія собственныя руки». Я спрашиваю: отъ кого? А онъ говоритъ: «Здѣсь все обозначено». И съ тѣми словами убѣжалъ.

— Подите, догоните его.

— Никакъ не догонишь, ваше сіятельство. Онъ приходилъ въ серединѣ обѣда, я только васъ не рѣшалась беспокоить, ваше сіятельство. Полчаса времени будетъ.

— Ну, хорошо, идите.

Она разрѣзала ножницами ленту и бросила въ корзину вмѣстѣ съ бумагой, на которой былъ написанъ ея адресъ. Подъ бумагой оказался небольшой ювелирный футляръ краснаго плюша, видимо, только-что изъ магазина. Вѣра подняла крышечку, подбитую блѣдно-голубымъ шелкомъ, и увидѣла втиснутый въ черный бархатъ овалъный золотой браслетъ, а внутри его бережно сложенную красивымъ восьмиугольникомъ записку. Она быстро развернула бумажку. Почеркъ показался ей знакомымъ, но, какъ настоящая женщина, она сейчасъ же отложила записку въ сторону, чтобы посмотреть на браслетъ.

Онъ былъ золотой, низкопробный, очень толстый, но дутый и съ наружной стороны весь сплошь покрытый небольшими старинными, плохо отшлифованными гранатами. Но зато по срединѣ браслета возвышались, окружая какой-то странный маленькій зеленый камешекъ, пять прекрасныхъ гранатовъ-кабошоновъ, каждый величиной съ горошину. Когда Вѣра случайнымъ движеніемъ удачно повернула браслетъ передъ огнемъ электрической лампы, то въ нихъ, глубоко подъ ихъ гладкой яйцевидной

поверхностью вдругъ загорѣлись прелестные густо-красные живые огни.

«Точно кровь!» — подумала съ неожиданной тревогой Вѣра.

Потомъ она вспомнила о письмѣ и развернула его. Она прочитала слѣдующія строки, написанныя мелко, великолѣпно-каллиграфическимъ почеркомъ:

«Ваше Сіятельство,
«Глубокоуважаемая Княгиня
«Вѣра Николаевна!

«Почтительно поздравляя Васъ съ свѣтлымъ и радостнымъ днемъ Вашего Ангела, я осмѣливаюсь препроводить Вамъ мое скромное вѣрноподданническое подношеніе».

«Ахъ, это — тотъ!» — съ неудовольствіемъ подумала Вѣра. Но однако дочитала письмо...

«Я бы никогда не позволилъ себѣ преподнести Вамъ что-либо, выбранное мною лично: для этого у меня нѣтъ ни права, ни тонкаго вкуса и — признаюсь — ни денегъ. Впрочемъ, полагаю, что и на всемъ свѣтѣ не найдется сокровища, достойнаго украсить Васъ.

«Но этотъ браслетъ принадлежалъ еще моей прабабкѣ, а послѣдняя, по времени, его носила моя покойная матушка. По срединѣ, между большими камнями, Вы увидите одинъ зеленый. Это весьма рѣдкій сортъ граната — зеленый гранатъ. По старинному преданію, сохранившемуся въ нашей семьѣ, онъ имѣетъ свойство сообщать даръ предвидѣнія носящимъ его женщинамъ и отгоняетъ отъ нихъ тяжелыя мысли, мужчинъ же охраняетъ отъ насильственной смерти.

«Всѣ камни съ точностью перенесены сюда со стараго серебрянаго браслета, и Вы можете быть увѣрены, что до васъ никто еще этого браслета не надѣвалъ.

«Вы можете сейчасъ же выбросить эту смѣшную

игрушку, или подарить ее кому-нибудь, но я буду счастливъ и тѣмъ, что къ ней прикасались Ваши руки.

«Умоляю Васъ не гнѣваться на меня. Я краснѣю при воспоминаніи о моей дерзости семь лѣтъ тому назадъ, когда Вамъ, барышнѣ, я осмѣливался писать глупыя и дикія письма и даже ожидать отвѣта на нихъ. Теперь во мнѣ осталось только благоговѣніе, вѣчное преклоненіе и рабская преданность. Я умѣю теперь только желать ежеминутно Вамъ счастья и радоваться, если Вы счастливы. Я мысленно кланяюсь до земли мебели, на которой Вы сидите, паркету, по которому Вы ходите, деревьямъ, которыя Вы мимоходомъ трогаете, прислугѣ, съ которой Вы говорите. У меня нѣтъ даже зависти ни къ людямъ ни къ вещамъ.

«Еще разъ прошу прощенія, что обезпокоилъ Васъ длиннымъ, ненужнымъ письмомъ.

«Вашъ до смерти и послѣ смерти покорный слуга.

«Г. С. Ж.»

«Показать Васѣ или не показать? И если показать — то когда? Сейчасъ или послѣ гостей? Нѣтъ, ужъ лучше послѣ — теперь не только этотъ несчастный будетъ смѣшонъ, но и я вмѣстѣ съ нимъ».

Такъ раздумывала княгиня Вѣра и не могла отвести глазъ отъ пяти алыхъ кровавыхъ огней, дрожавшихъ внутри пяти гранатовъ.

VI.

Полковника Понамарева едва удалось заставить сѣсть играть въ покеръ. Онъ говорилъ, что не знаетъ этой игры, что вообще не признаётъ азарта даже въ шутку, что любить и сравнительно хорошо играетъ только въ винтъ. Однако онъ не устоялъ передъ просьбами и въ концѣ концовъ согласился.

Сначала его приходилось учить и поправлять, но онъ довольно быстро освоился съ правилами покера, и вотъ не прошло и получаса, какъ всѣ фишки очутились передъ нимъ.

— Такъ нельзя! — сказала съ комической обидчивостью Анна. — Хотъ бы немного дали поволноваться.

Трое изъ гостей — Спѣшниковъ, полковникъ и вице-губернаторъ, туповатый, приличный и скучный нѣмецъ, были такого рода люди, что Вѣра положительно не знала, какъ ихъ занимать и что съ ними дѣлать. Она составила для нихъ винтъ, пригласивъ четвертымъ Густава Ивановича. Анна издали, въ видѣ благодарности, прикрыла глаза вѣками, и сестра сразу поняла ее. Всѣ знали, что если не усадить Густава Ивановича за карты, то онъ цѣлый вечеръ будетъ ходить около жены, какъ пришитый, скаля свои гнилые зубы на лицѣ черепа и портя женѣ настроеніе духа.

Теперь вечеръ потекъ ровно, безъ принужденія, оживленно. Васючокъ пѣлъ вполголоса, подъ аккомпанементъ Женни Рейтеръ, итальянскія народныя канцонетты и рубинштейновскія восточныя пѣсни. Голосокъ у него былъ маленькій, по пріятнаго тембра, послушный и вѣрный. Женни Рейтеръ, очень требовательная музыкантша, всегда охотно ему аккомпанировала. Впрочемъ, говорили, что Васючокъ за нею ухаживаетъ.

Въ углу на кушеткѣ Анна отчаянно кокетничала съ гусаромъ. Вѣра подошла и съ улыбкой прислушалась.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы, пожалуйста, не смѣйтесь, — весело говорила Анна, щуря на офицера свои милые, задорные татарскіе глаза. — Вы, конечно, считаете за трудъ летѣть, сломя голову, впереди эскадрона и брать барьеры на скачкахъ. Но посмотрите только на нашъ трудъ. Вотъ теперь мы только-что покончили съ лотереей-аллегри. Вы думаете, это было легко? Фи! Толпа, накурено, ка-

кіе-то дворники, извозчики, я не знаю, какъ ихъ тамъ зовутъ... И всѣ пристають съ жалобами, съ какими-то обидами... И цѣлый, цѣлый день на ногахъ. А впереди еще предстоитъ концертъ въ пользу недостаточныхъ интеллигентныхъ труженицъ, а тамъ еще бѣлый балъ...

— На которомъ, смѣю надѣяться, вы не откажете мнѣ въ мазуркѣ? — вставилъ Бахтинскій и, слегка наклонившись, щелкнулъ подъ кресломъ шпорами.

— Благодарю... Но самое, самое мое большое мѣсто— это нашъ пріютъ. Понимаете, пріютъ для порочныхъ дѣтей...

— О, вполне понимаю. Это, должно-быть, что-нибудь очень смѣшное?

— Перестаньте, какъ вамъ не совѣстно смѣяться надъ такими вещами. Но вы понимаете, въ чемъ наше несчастье? Мы хотимъ пріютить этихъ несчастныхъ дѣтей съ душами, полными наслѣдственныхъ пороковъ и дурныхъ примѣровъ, хотимъ обогрѣть ихъ, обласкать...

— Гм!..

— ... поднять ихъ нравственность, пробудить въ ихъ душахъ сознаніе долга... Вы меня понимаете? И вотъ къ намъ ежедневно приводятъ дѣтей сотнями, тысячами, но между ними — ни одного порочнаго! Если спросишь родителей, не порочное ли дитя — такъ, можете представить — они даже оскорбляются! И вотъ пріютъ открытъ, освященъ, все готово — и ни одного воспитанника, ни одной воспитанницы! Хоть премію предлагай за каждого доставленнаго порочнаго ребенка.

— Анна Николаевна, — серьезно и вкрадчиво перебилъ ее гусаръ. — Зачѣмъ премію? Возьмите меня бесплатно. Честное слово, болѣе порочнаго ребенка вы нигдѣ не отыщете.

— Перестаньте! Съ вами нельзя говорить серьезно, — расхохоталась она, откидываясь на спинку кушетки и блестя глазами.

Князь Василій Львовичъ, сидя за большимъ круглымъ столомъ, показывалъ своей сестрѣ, Аносову и шурину домашній юмористическій альбомъ съ собственноручными рисунками. Всѣ четверо смѣялись отъ души, и это понемногу перетянуло сюда гостей, незанятыхъ картами.

Альбомъ служилъ какъ бы дополненіемъ, иллюстраціей къ сатирическимъ рассказамъ князя Василя. Со своимъ непоколебимымъ спокойствіемъ онъ показывалъ, на примѣръ: «Исторію любовныхъ походовъ храбраго генерала Аносова въ Турціи, Болгаріи и другихъ странахъ»; «Приключеніе петиметра князя Николая Булатъ-Тугановскаго въ Монте-Карло» и т. д.

— Сейчасъ увидите, господа, краткое жизнеописаніе нашей возлюбленной сестры Людмилы Львовны, — говорилъ онъ, бросая быстрый смѣшливый взглядъ на сестру. — Часть первая — дѣтство. «Ребенокъ росъ, его назвали Лима».

На листкѣ альбома красовалась умышленно по-дѣтски нарисованная фигура дѣвочки, съ лицомъ въ профиль, но съ двумя глазами, съ ломаными черточками, торчащими вмѣсто ногъ изъ-подъ юбки, съ растопыренными пальцами разведенныхъ рукъ.

— Никогда меня никто не называлъ Лимой, — засмѣялась Людмила Львовна.

— Часть вторая. Первая любовь. Кавалерійскій юнкеръ подноситъ дѣвицѣ Лимѣ на колѣняхъ стихотвореніе собственнаго издѣлія. Тамъ есть поистинѣ жемчужной красоты строки:

„Твоя прекрасная нога, —
Явленье страсти неземной!“

«Вотъ и подлинное изображеніе ноги.

«А здѣсь юнкеръ склоняетъ невинную Лиму къ побѣгу изъ родительскаго дома. Здѣсь самое бѣгство. А

это вотъ — критическое положеніе: разгнѣванный отецъ догоняетъ бѣглецовъ. Юнкеръ малодушно сваливаетъ всю бѣду на кроткую Лиму.

„Ты тамъ все пудрилась, часъ лишній провороня,
И вотъ за нами вслѣдъ ужасная погоня...
Какъ хочешь, съ ней раздѣлывайся ты,
А я бѣгу въ кусты!“

Послѣ исторіи дѣвицы Лимы слѣдовала новая повѣсть: «Княгиня Вѣра и влюбленный телеграфистъ».

— Эта трогательная поэма только лишь иллюстрирована перомъ и цвѣтными карандашами, — объяснялъ серьезно Василій Львовичъ. — Текстъ еще изготавливается.

— Это что-то новое, — замѣтилъ Аносовъ: — я еще этого не видалъ.

— Самый послѣдній выпускъ. Свѣжая новость книжнаго рынка.

Вѣра тихо дотронулась до его плеча.

— Лучше не нужно, — сказала она.

Но Василій Львовичъ или не слышалъ ея словъ, или не придавалъ имъ настоящаго значенія.

— Начало относится къ временамъ доисторическимъ. Въ одинъ прекрасный майскій день одна дѣвица, по имени Вѣра, получаетъ по почтѣ письмо съ цѣлующимися голубками на заголовкѣ. Вотъ письмо, а вотъ и голуби.

«Письмо содержитъ въ себѣ пылкое признаніе въ любви, написанное вопреки всѣмъ правиламъ орфографіи. Начинается оно такъ: «Прекрасная Блондина, ты, которая... бурное море пламени, kloкочущее въ моей груди. Твой взглядъ, какъ ядовитый змѣй, впился въ мою истерзанную душу и т. д.». Въ концѣ скромная подпись: «По роду оружія я бѣдный телеграфистъ, но чувства мои достойны милорда Георга. Не смѣю откры-

вать моей полной фамилии — она слишком неприлична. Подписываюсь только начальными буквами: П. П. Ж. Прошу отвѣчать мнѣ въ почтамтъ, постѣ, рестантѣ». Здѣсь вы, господа, можете видѣть и портретъ самого телеграфиста, очень удачно исполненный цвѣтными карандашами.

«Сердце Вѣры пронзено (вотъ сердце, вотъ стрѣла). Но, какъ благонравная и воспитанная дѣвица, она показываетъ письмо почтеннымъ родителямъ, а также своему другу дѣтства и жениху, красивому молодому человѣку Васѣ Шеину. Вотъ и иллюстрація. Конечно, со временемъ здѣсь будутъ стихотворныя объясненія къ рисункамъ.

«Вася Шеинъ, рыдая, возвращаетъ Вѣрѣ обручальное кольцо.—«Я не смѣю мѣшать твоему счастью,—говоритъ онъ: — но, умоляю, не дѣлай сразу рѣшительнаго шага. Подумай, поразмысли, провѣрь и себя и его. Дитя, ты не знаешь жизни и летишь, какъ мотылекъ на блестящій огонь. А я — увы! — я знаю хладный и лицемерный свѣтъ. Знай, что телеграфисты увлекательны, но коварны. Для нихъ доставляетъ неизъяснимое наслажденіе обмануть своей гордой красотой и фальшивыми чувствами неопытную жертву, и жестоко насмѣяться надъ ней».

«Проходитъ полгода. Въ вихрѣ жизненнаго вальса Вѣра позабываетъ своего поклонника и выходитъ замужъ за красиваго молодого Васю, но телеграфистъ не забываетъ ея. Вотъ онъ переодѣвается трубочистомъ и, вымазавшись сажей, проникаетъ въ будуаръ княгини Вѣры. Слѣды пяти пальцевъ и двухъ губъ остались, какъ видите, повсюду: на коврахъ, на подушкахъ, на обояхъ и даже на паркетѣ.

«Вотъ онъ въ одеждѣ деревенской бабы поступаетъ на нашу кухню, простой судомойкой. Однако излишняя

благосклонность повара Луки заставляет его обратиться въ бѣгство.

«Вотъ онъ въ сумасшедшемъ домѣ. А вотъ постригся въ монахи. Но каждый день неуклонно посылаетъ онъ Вѣрѣ страстные письма. И тамъ, гдѣ падаютъ на бумагу, его слезы, тамъ чернила расплываются кляксами.

«Наконецъ онъ умираетъ, но передъ смертью завѣщаетъ передать Вѣрѣ двѣ телеграфныя пуговицы и флаконъ отъ духовъ — наполненный его слезами...»

— Господа, кто хочетъ чаю? — спросила Вѣра Николаевна.

VII.

Долгій осенній закатъ догорѣлъ. Погасла послѣдняя багровая, узенькая, какъ щель, полоска, рдѣвшая на самомъ краю горизонта, между сизой тучей и землей. Уже не стало видно ни земли, ни деревьевъ, ни неба. Только надъ головой большія звѣзды дрожали своими рѣспицами среди черной ночи, да голубой лучъ отъ маяка подымался прямо вверхъ топкимъ столбомъ и точно расплескивался тамъ о небесный куполъ жидкимъ, туманнымъ, свѣтлымъ кругомъ. Ночныя бабочки бились о стеклянные колпаки свѣчей. Звѣздчатые цвѣты бѣлаго табака въ палисадникѣ запахли острѣе изъ темноты и прохлады.

Спѣшниковъ, вице-губернаторъ и полковникъ Понамаревъ давно уже уѣхали, обѣщавъ прислать лошадей обратно со станціи трамвая за комендантомъ. Оставшіеся гости сидѣли на террасѣ. Генерала Аносова, несмотря на его протесты, сестры заставили надѣть пальто и укутали его ноги теплымъ пледомъ. Передъ нимъ стояла бутылка его любимаго краснаго вина Romard, рядомъ съ нимъ по обѣимъ сторонамъ сидѣли Вѣра и Анна.

Онъ заботливо ухаживали за генераломъ, наполняли тяжелымъ, густымъ виномъ его тонкій стаканъ, придвигали ему спички, нарѣзали сыръ и т. д. Старый комендантъ жмурился отъ блаженства.

— Да-съ... Осень, осень, осень, — говорилъ старикъ, глядя на огонь свѣчи и задумчиво покачивая головой. — Осень. Вотъ и мнѣ ужъ пора собираться. Ахъ, жаль-то какъ! Только-что настали красныя денечки. Тутъ бы жить да жить на берегу моря, въ тишинѣ, спокойненько...

— И пожилы бы у насъ, дѣдушка, — сказала Вѣра.

— Нельзя, милая, нельзя. Служба... Отпускъ кончился... А что говорить, хорошо бы было! Ты посмотри только, какъ розы-то пахнутъ... Отсюда слышу. А лѣтомъ въ жары ни одинъ цвѣтокъ не пахнулъ, только бѣлая акація... да и та конфетами.

Вѣра вынула изъ вазочки двѣ маленькихъ розы, розовую и карминную, и вдѣла ихъ въ петлицу генеральскаго пальто.

— Спасибо, Вѣрочка. — Аносовъ нагнулъ голову къ борту шинели, понюхалъ цвѣты и вдругъ улыбнулся славною старческой улыбкой.

— Пришли мы, помню я, въ Букарестъ и размѣстились по квартирамъ. Вотъ какъ-то иду я по улицѣ. Вдругъ повѣялъ на меня сильный розовый запахъ, я остановился и увидалъ, что между двухъ солдатъ стоитъ прекрасный хрустальный флаконъ съ розовымъ масломъ. Они смазали уже имъ сапоги и также ружейные замки. «Что это у васъ такое?» — спрашиваю. — «Какое-то масло, ваше высокоблагородіе, клали его въ кашу, да не годится, такъ и деретъ ротъ, а пахнетъ оно хорошо». Я далъ имъ цѣлковый, и они съ удовольствіемъ отдали мнѣ его. Масла уже оставалось не болѣе половины, но, судя по его дороговизнѣ, было еще по крайней мѣрѣ

на двадцать червонцевъ. Солдаты, будучи довольны, добавили: «Да вотъ еще, ваше высокоблагородіе, какой-то турецкій горохъ, сколько его ни варили, а все не подается проклятый». Это былъ кофе; я сказалъ имъ: «Это только годится туркамъ, а солдатамъ нейдетъ». Къ счастью, опиуму они не наѣлись. Я видѣлъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его лепешки, затоптанныя въ грязи.

— Дѣдушка, скажите откровенно, — попросила Анна: — скажите, испытывали вы страхъ во время сраженій? Боялись?

— Какъ это странно, Анечка: боялся — не боялся. Понятное дѣло — боялся. Ты не вѣрь, пожалуйста, тому, кто тебѣ скажетъ, что не боялся, и что свистъ пуль для него самая сладкая музыка. Это или психъ, или хвастунъ. Всѣ одинаково боятся. Только одинъ весь отъ страха раскисаетъ, а другой себя держитъ въ рукахъ. И видишь: страхъ-то остается всегда одинъ и тотъ же, а умѣнье держать себя отъ практики все возрастаетъ: отсюда и герои и храбрецы. Такъ-то. По испугался я одинъ разъ чуть не до смерти.

— Расскажите, дѣдушка, — попросили въ одинъ голосъ сестры.

Онѣ до сихъ поръ слушали рассказы Аносова съ тѣмъ же восторгомъ, какъ и въ ихъ раннемъ дѣтствѣ. Анна даже невольно, совсѣмъ по-дѣтски поставила локти на столѣ и уложила подбородокъ на составленные пятки ладоней. Была какая-то уютная прелесть въ его петропливомъ и наивномъ повѣствованіи. И самые обороты фразъ, которыми онъ передавалъ свои военныя воспоминанія, принимали у него невольно странный, неуклюжій, нѣсколько книжный характеръ. Точно онъ рассказывалъ по какому милому, древнему стереотипу.

— Рассказъ очень короткій, — отозвался Аносовъ. —

Это было на Шипкѣ, зимой, уже послѣ того, какъ меня контузили въ голову. Жили мы въ землянкѣ, вчетверомъ. Вотъ тутъ-то со мною и случилось страшное приключеніе. Однажды поутру, когда я всталъ съ постели, представилось мнѣ, что я не Яковъ, а Николай, и никакъ я не могъ себя переувѣрить въ томъ. Примѣтивъ, что у меня дѣлается помраченіе ума, закричалъ, чтобы подали мнѣ воды, помочилъ голову, и разумокъ мой воротился.

— Воображаю, Яковъ Михайловичъ, сколько вы тамъ побѣдъ одержали надъ женщинами, — сказала піанистка Женни Рейтеръ. — Вы, должно-быть, смолоду очень красивы были.

— О, нашъ дѣдушка и теперь красавецъ! — воскликнула Анна.

— Красавцемъ не былъ, — спокойно улыбаясь, сказалъ Аносовъ. — Но и мной тоже не брезговали. Вотъ въ этомъ же Букарестѣ былъ очень трогательный случай. Когда мы въ него вступили, то жители встрѣтили насъ на городской площади съ пушечною пальбою, отъ чего пострадало много окошекъ; но тѣ, на которыхъ поставлена была въ стакапахъ вода — остались невредимы. А почему я это узналъ? А вотъ почему. Пришедши на отведенную мнѣ квартиру, я увидѣлъ на окошкѣ стоящую низенькую клѣточку, на клѣточкѣ была большого размѣра хрустальная бутылка съ прозрачною водою, въ ней плавали золотыя рыбки, и между ними сидѣла на примосточкѣ канарейка. Канарейка въ водѣ! — это меня удивило, но, осмотрѣвъ, увидѣлъ, что въ бутылкѣ дно широко и вдавлено глубоко въ середину, такъ что канарейка свободно могла влетать туда и сидѣть. Послѣ сего сознался самъ себѣ, что я очень недогадливъ.

«Вошелъ я въ домъ и вижу прехорошенькую бол-

гарочку. Я предъявилъ ей квитанцію на постой и кстати ужъ спросилъ, почему у нихъ цѣлы стекла послѣ канонады, и она мнѣ объяснила, что это отъ воды. А также объяснила и про канарейку: до чего я былъ несообразителенъ!.. И вотъ среди разговора взгляды наши встрѣтились, между нами пробѣжала искра, подобная электрической, и я почувствовалъ, что влюбился сразу, — пламенно и безповоротно».

Старикъ замолчалъ и осторожно потянулъ губами черное вино.

— Но вѣдь вы все-таки объяснились съ ней потомъ? — спросила пианистка.

— Гм... конечно, объяснились... Но только безъ словъ. Это произошло такъ...

— Дѣдушка, надѣюсь, вы не заставите насъ краснѣть? — замѣтила Анна, лукаво смѣясь.

— Нѣтъ, нѣтъ, — романъ былъ самый приличный. Видите ли: всюду, гдѣ мы останавливались на постой, городскіе жители имѣли свои исключенія и прибавленія, но въ Букарестѣ такъ коротко обходились съ нами жители, что когда однажды я сталъ играть на скрипкѣ, то дѣвушки тотчасъ нарядились и пришли танцовать, и такое обыкновеніе повелось на каждый день.

«Однажды во время танцевъ, вечеромъ, при освѣщеніи мѣсяца, я вошелъ въ сѣнцы, куда скрылась и моя болгарочка. Увидѣвъ меня, она стала притворяться, что перебираетъ сухіе лепестки розъ, которые, надо сказать, тамошніе жители собираютъ цѣлыми мѣшками. Но я обнялъ ее, прижалъ къ своему сердцу, и нѣсколько разъ поцѣловалъ.

«Съ тѣхъ поръ каждый разъ, когда являлась луна на небѣ со звѣздами, спѣшилъ я къ возлюбленной моей и всѣ денныя заботы на время забывалъ съ нею. Когда же послѣдовалъ нашъ походъ изъ тѣхъ мѣстъ, мы дали

другъ другу клятву въ вѣчной взаимной любви и простились навсегда».

— И все?—спросила разочарованно Людмила Львовна.

— А чего же вамъ больше? — возразилъ комендантъ.

— Нѣтъ, Яковъ Михайловичъ, вы меня извините — это не любовь, а просто бивуачное приключеніе армейскаго офицера.

— Не знаю, милая моя, ей-Богу, не знаю — любовь это была, или иное чувство...

— Да нѣтъ... скажите... неужели въ самомъ дѣлѣ вы никогда не любили настоящей любовью? Знаете, такой любовью, которая... ну, которая... словомъ... святой, чистой, вѣчной любовью... неземной... Неужели не любили?

— Право, не сумѣю вамъ отвѣтить, — замылся старикъ, поднимаясь съ кресла. — Должно-быть, не любилъ. Сначала все было некогда: молодость, кутежи, карты, война... Казалось, конца не будетъ жизни, юности и здоровью. А потомъ оглянулся — и вижу, что я уже развалина... Ну, а теперь, Вѣрочка, не держи меня больше. Я распрощаюсь... Гусаръ, — обратился онъ къ Бахтинскому: — ночь теплая, пойдете-ка навстрѣчу нашему экипажу.

— И я пойду съ вами, дѣдушка, — сказала Вѣра.

— И я, — подхватила Анна.

Передъ тѣмъ какъ уходить, Вѣра подошла къ мужу и сказала ему тихо:

— Поди, посмотри... тамъ у меня въ столѣ, въ ящичкѣ, лежитъ красный футляръ, а въ немъ письмо. Прочитай его.

VIII.

Анна съ Бахтинскимъ шли впереди, а сзади ихъ, шаговъ на двадцать, комендантъ подъ руку съ Вѣрой.

Ночь была такъ черна, что въ первыя минуты, пока глаза не притерпѣлись послѣ свѣта къ темнотѣ, приходилось ощупью ногами отыскивать дорогу. Аносовъ, сохранившій, несмотря на годы, удивительную зоркость, долженъ былъ помогать своей спутницѣ. Время отъ времени онъ ласково поглаживалъ своей большой холодной рукой руку Вѣры, легко лежавшую на сгибѣ его рукава.

— Смѣшная эта Людмила Львовна, — вдругъ заговорилъ генералъ, точно продолжая вслухъ теченіе своихъ мыслей. — Сколько разъ я въ жизни наблюдалъ: какъ только стукнетъ дамѣ подъ пятьдесятъ, а въ особенности если она вдова или старая дѣвка, то такъ и тянетъ ее около чужой любви покрутиться. Либо шпионить, злорадствуетъ и сплетничаетъ, либо лѣзетъ устраивать чужое счастье, либо разводитъ словесный гуммиарабикъ насчетъ возвышенной любви. А я хочу сказать, что люди въ наше время разучились любить. Не вижу настоящей любви. Да и въ мое время не видѣлъ!

— Ну какъ же это такъ, дѣдушка? — мягко возразила Вѣра, пожимая слегка его руку. — Зачѣмъ клеветать? Вы вѣдь сами были женаты. Значитъ, все-таки любили?

— Ровно ничего не значитъ, дорогая Вѣрочка. Знаешь, какъ женился? Вижу, сидитъ около меня свѣжая дѣвчонка. Дышитъ — грудь такъ и ходитъ подъ кофточкой. Опустить рѣсницы, длинная-длинная такія, и вся вдругъ вспыхнетъ. И кожа на щекахъ нѣжная, шейка бѣлая такая, невинная и руки мяконькія, тепленькія. Ахъ ты, чортъ! А тутъ папа-мама ходятъ вокругъ, за дверями подслушиваютъ, глядятъ на тебя грустными такими, собачьими, преданными глазами. А когда уходишь — за дверями этакіе быстрые поцѣлуйчики... За чаемъ ножка тебя подъ столомъ какъ будто нечаянно тронетъ... Ну и готово. «Дорогой Никита Антонычъ, я пришелъ къ вамъ

просить руки вашей дочери. Повѣрьте, что это святое существо...» 'А у папы уже и глаза мокрые, и ужъ цѣловаться лѣзетъ... «Милый! Я давно догадывался... Ну дай вамъ Богъ... Смотри только, береги это сокровище»... И вотъ черезъ три мѣсяца святое сокровище ходитъ въ затрепанномъ капотѣ, туфли на босу ногу, волосенки жиденькіе, печесанные, въ папильоткахъ, съ денщиками собачится, какъ кухарка, съ молодыми офицерами ломается, сюсюкаетъ, взвизгиваетъ, закатываетъ глаза. Мужа почему-то на людяхъ называетъ Жакомъ. Знаешь, этакъ въ носъ, съ растяжкой, томно: «Ж-а-а-акъ». Мотовка, актриса, перяха, жадная. И глаза всегда лживые-лживые... Теперь все прошло, улеглось, утряслось. Я даже этому актеришкѣ въ душѣ благодаренъ... Слава Богу, что дѣтей не было...

— Вы простили имъ, дѣдушка?

— Простилъ — это не то слово, Вѣрочка. Первое время былъ какъ бѣшеный. Если бы тогда увидѣлъ ихъ, конечно, убилъ бы обоихъ. А потомъ понемногу отошло и отошло, и ничего не осталось, кромѣ презрѣнія. И хорошо. Избавилъ Богъ отъ лишняго пролитія крови. И кромѣ того избѣжалъ я общей участи большинства мужей. Чтò бы я былъ такое, если бы не этотъ мерзкій случай? Выючный верблюдъ, позорный потатчикъ, укrywатель, дойна́я корова, ширма, какая-то домашняя необходимая вещь... Нѣтъ! Все къ лучшему, Вѣрочка.

— Нѣтъ, нѣтъ, дѣдушка, въ васъ все-таки, простите меня, говорить прежняя обида... А вы свой несчастный опытъ переносите на все человѣчество. Возьмите хоть насъ съ Васей. Развѣ можно назвать нашъ бракъ несчастливымъ?

'Аносовъ довольно долго молчалъ. Потомъ протянулъ неохотно:

— Ну, хорошо... скажемъ — исключеніе... Но вотъ въ

большинствѣ-то случаевъ почему люди женятся? Возьмемъ женщину. Стыдно оставаться въ дѣвушкахъ, особенно когда подруги уже повыходили замужъ. Тяжело быть лишнимъ ртомъ въ семьѣ. Желаніе быть хозяйкой, главною въ домѣ, дамой, самостоятельной... Къ тому же потребность, прямо физическая потребность материнства, и чтобы начать вить свое гнѣздо. А у мужчинъ другіе мотивы. Во-первыхъ, усталость отъ холостой жизни, отъ беспорядка въ комнатахъ, отъ трактирныхъ обѣдовъ, отъ грязи, окурковъ, разорваннаго и разрозненнаго бѣлья, отъ долговъ, отъ безцеремонныхъ товарищей и прочее и прочее. Во-вторыхъ, чувствуешь, что семьей жить выгоднѣе, здоровѣе и экономнѣе. Въ-третьихъ, думаешь: вотъ пойдутъ дѣтишки: я-то умру, а часть меня все-таки останется на свѣтѣ... нѣчто въ родѣ иллюзіи безсмертія. Въ-четвертыхъ, соблазнъ невинности, какъ въ моемъ случаѣ. Кромѣ того бываютъ иногда и мысли о приданомъ. А гдѣ же любовь-то? Любовь безкорыстная, самоотверженная, не ждущая награды? Та, про которую сказано — «сильна, какъ смерть»? Понимаешь, такая любовь, для которой совершить любой подвигъ, отдать жизнь, пойти на мученіе — вовсе не трудъ, а одна радость. Постой, постой, Вѣра, ты мнѣ сейчасъ опять хочешь про твоего Васю? Право же, я его люблю. Опъ хорошій парень. Почему знать, можетъ-быть, будущее и покажетъ его любовь въ свѣтѣ большой красоты. Но ты пойми, о какой любви я говорю. Любовь должна быть трагедіей. Величайшей тайной въ мірѣ! Никакія жизненные удобства, расчеты и компромиссы не должны ея касаться.

— Вы видѣли когда-нибудь такую любовь, дѣвушка? — тихо спросила Вѣра.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ старикъ рѣшительно. — Я, правда, знаю два случая похожихъ. Но одинъ былъ продикто-

ванъ глупостью, а другой... такъ... какая-то кислота... одна жалость... Если хочешь, я расскажу. Это недолго.

— Прошу васъ, дѣдушка.

— Ну, вотъ. Въ одномъ полку нашей дивизіи (только не въ нашемъ) была жена полкового командира. Роза, я тебѣ скажу, Вѣрочка, преестественная. Костлявая, рыжая, длинная, худущая, ротастая... Штукатурка съ нея такъ и сыпалась, какъ со стараго московскаго дома. Но, понимаешь, этакая полковая Мессалина: темпераментъ, властность, презрѣніе къ людямъ, страсть къ разнообразію. Вдобавокъ — морфинистка.

«И вотъ однажды, осенью, присылаютъ къ нимъ въ полкъ новоиспеченнаго прапорщика, совсѣмъ желторотаго воробья, только-что изъ военнаго училища. Черезъ мѣсяць эта старая лошадь совсѣмъ овладѣла имъ. Онъ пажъ, онъ слуга, онъ рабъ, онъ вѣчный кавалеръ ея въ тащахъ, носить ея вѣеръ и платокъ, въ одномъ мундирчикѣ выскакиваетъ на морозъ звать ея лошадей. Ужасная это штука, когда свѣжій и чистый мальчишка положить свою первую любовь къ ногамъ старой, опытной и властолюбивой развратницы. Если онъ сейчасъ выскочилъ невредимъ — все равно въ будущемъ считай его погибшимъ. Это — штампъ на всю жизнь.

«Къ Рождеству онъ ей уже надоѣлъ. Она вернулась къ одной изъ своихъ прежнихъ, испытанныхъ пассій. А онъ не могъ. Ходить за ней, какъ привидѣніе. Измучился весь, исхудалъ, почернѣлъ. Говоря высокимъ штилемъ — «смерть уже лежала на его высокомъ челѣ». Ревновалъ онъ ее ужасно. Говорятъ, цѣлыя ночи простаивалъ подъ ея окнами.

«И вотъ однажды весной устроили они въ полку какую-то маёвку или пикникъ. Я и ее и его зналъ лично, но при этомъ происшествіи не былъ. Какъ и всегда въ этихъ случаяхъ, было много вышито. Обрато возвра-

щались ночью пѣшкомъ по полотну желѣзной дороги. Вдругъ навстрѣчу имъ идетъ товарный поѣздъ. Идетъ очень медленно вверхъ, по довольно крутому подъему. Даетъ свистки. И вотъ, только-что паровозные огни поровнялись съ компаніей, она вдругъ шепчетъ на ухо прапорщику: «Вы все говорите, что любите меня. А вѣдь, если я вамъ прикажу — вы, навѣрно, подъ поѣздъ не броситесь». А онъ, ни слова не отвѣтивъ, бѣгомъ — и подъ поѣздъ. Онъ-то, говорятъ, вѣрно рассчиталъ, какъ разъ между передними и задними колесами: такъ бы его аккуратно пополамъ и перерѣзало. Но какой-то идиотъ вздумалъ его удерживать и отталкивать. Да не осилилъ. Прапорщикъ, какъ уцѣпился руками за рельсы, такъ ему обѣ кисти и оттяпало».

— Охъ, какой ужасъ! — воскликнула Вѣра.

— Пришлось прапорщику оставить службу. Товарищи собрали ему кое-какія депъжонки на выѣздъ. Остаться-то въ городѣ ему было неудобно: живой укоръ передъ глазами и ей и всему полку. И пропалъ человѣкъ... самымъ подлымъ образомъ... сталъ попрошайкой... замерзъ гдѣ-то на пристани въ Петербургѣ...

«А другой случай былъ совсѣмъ жалкій. И такая же женщина была, какъ и первая, только молодая и красивая. Очень и очень нехорошо себя вела. На что ужъ мы легко глядѣли на эти домашніе романы, но даже и пасъ коробило. А мужъ — ничего. Все зналъ, все видѣлъ и молчалъ. Друзья намекали ему, а онъ только руками отмахивался: «Оставьте, оставьте... Не мое дѣло, не мое дѣло... Пусть только Леночка будетъ счастлива!..» Такой олухъ!

«Подъ конецъ сошлась она накрѣпко съ поручикомъ Вишняковымъ, субалтерномъ изъ ихней роты. Такъ втроемъ и жили въ двумужественномъ бракѣ — точно это самый законный видъ супружества. А тутъ нашъ

полкъ двинули на войну. Наши дамы провожали насъ, провожала и она, и, право, даже смотрѣть было совѣстно: хотя бы для приличія взглянула разокъ на мужа, — нѣтъ, повѣсилась на своемъ поручикѣ, какъ чортъ на сухой вербѣ, и не отходить. На прощанье, когда мы уже усѣлись въ вагоны и поѣздъ тронулся, такъ она еще мужу вслѣдъ, безстыдница, крикнула: «Помни же, береги Володю! Если что-нибудь съ нимъ случится — уйду изъ дому и никогда не вернусь. И дѣтей заберу».

«Ты, можетъ-быть, думаешь, что этотъ капитанъ былъ какая-нибудь тряпка? размазня? стрекозиная душа? Ничуть. Онъ былъ храбрымъ солдатомъ. Подъ Зелеными Горами онъ шесть разъ водилъ свою роту на турецкій редутъ, и у него отъ двухсотъ человѣкъ осталось только четырнадцать. Дважды раненый — онъ отказался итти на перевязочный пунктъ. Вотъ онъ былъ какой. Солдаты на него Богу молились».

«Но она велѣла... Его Леночка ему велѣла!»

«И онъ ухаживалъ за этимъ трусомъ и лодыремъ Вишняковымъ, за этимъ трутнемъ безмедовымъ, — какъ нянька, какъ мать. На ночлегахъ подъ дождемъ, въ грязи, онъ укутывалъ его своей шинелью. Ходилъ вмѣсто него на саперныя работы, а тотъ отлеживался въ землянкѣ или игралъ въ штоссъ. По ночамъ провѣрялъ за него сторожевые посты. А это, замѣть, Вѣруня, было въ то время, когда башибузуки вырѣзывали наши шкеты такъ же просто, какъ ярославская баба на огородѣ срѣзаетъ капустные кочни. Ей-Богу, хотя и грѣхъ вспоминать, но всѣ обрадовались, когда узнали, что Вишняковъ скончался въ госпиталѣ отъ тифа...»

— Ну, а женщинъ, дѣдушка, женщинъ вы встрѣчали любящихъ?

— О, конечно, Вѣрочка. Я даже больше скажу: я увѣренъ, что почти каждая женщина способна въ любви

на самый высокій героизмъ. Пойми, она цѣлуетъ, обнимаетъ, отдается — и она уже мать. Для нея, если она любитъ, любовь заключаетъ весь смыслъ жизни — всю вселенную! Но вовсе не она виновата въ томъ, что любовь у людей приняла такія пошлыя формы и снизошла просто до какого-то житейскаго удобства, до маленькаго развлеченія. Виноваты мужчины, въ двадцать лѣтъ пресыщенные, съ цыплячьими тѣлами и заячьими душами, неспособные къ сильнымъ желаніямъ, къ героическимъ поступкамъ, къ нѣжности и обожанію передъ любовью. Говорятъ, что раньше все это бывало. А если и не бывало, то развѣ не мечтали и не тосковали объ этомъ лучшіе умы и души человѣчества — поэты, романисты, музыканты, художники? Я на-дняхъ читалъ исторію Машеньки Леско и кавалера де-Гріе... Вѣришь ли, слезами обливался... Ну скажи же, моя милая, по совѣсти, развѣ каждая женщина, въ глубинѣ своего сердца, не мечтаетъ о такой любви — единой, всепрощающей, на все готовой, скромной и самоотверженной?

— О, конечно, конечно, дѣдушка...

— А разъ ея нѣтъ, женщины мстятъ. Пройдетъ еще лѣтъ тридцать... я не увижу, но ты, можетъ-быть, увидишь, Вѣрочка. Помяни мое слово, что лѣтъ черезъ тридцать женщины займутъ въ мірѣ неслыханную власть. Онѣ будутъ одѣваться, какъ индійскіе идолы. Онѣ будутъ поирать насъ, мужчинъ, какъ презрѣнныхъ, низкопоклонныхъ рабовъ. Ихъ сумасбродные прихоти и капризы станутъ для насъ мучительными законами. И все оттого, что мы цѣлыми поколѣніями не умѣли преклоняться и благоговѣть передъ любовью. Это будетъ месть. Знаешь законъ: сила дѣйствія равна силѣ противодѣйствія.

Немного помолчавъ, онъ вдругъ спросилъ:

— Скажи мнѣ, Вѣрочка, если только тебѣ не трудно,

что́ это за исторія съ телеграфистомъ, о которомъ рассказывалъ сегодня князь Василій? Что́ здѣсь правда и что́ выдумка, по его обычаю?

— Развѣ вамъ интересно, дѣдушка?

— Какъ хочешь, какъ хочешь, Вѣра. Если тебѣ почему-либо непріятно...

— Да вовсе нѣтъ. Я съ удовольствіемъ расскажу.

И она рассказала коменданту со всѣми подробностями о какомъ-то безумцѣ, который началъ преслѣдовать ее своею любовью еще за два года до ея замужества.

Она ни разу не видѣла его и не знаетъ его фамиліи. Онъ только писалъ ей и въ письмахъ подписывался Г. С. Ж. Однажды онъ обмолвился, что служить въ какомъ-то казенномъ учрежденіи маленькимъ чиновникомъ, — о телеграфѣ онъ не упоминалъ ни слова. Очевидно, онъ постоянно слѣдилъ за ней, потому что въ своихъ письмахъ весьма точно указывалъ, гдѣ она бывала на вечерахъ, въ какомъ обществѣ и какъ была одѣта. Сначала письма его носили вульгарный и курьезно-пылкій характеръ, хотя и были вполнѣ цѣломудренны. Но однажды Вѣра письменно (кстати, не проболтайте, дѣдушка, объ этомъ нашимъ: никто изъ нихъ не знаетъ) попросила его не утруждать ее больше своими любовными изліянiями. Съ тѣхъ поръ онъ замолчалъ о любви и сталъ писать лишь изрѣдка: на Пасху, на Новый годъ и въ день ея именинъ. Княгиня Вѣра рассказала также и о сегодняшней посылкѣ и даже почти дословно передала странное письмо своего таинственнаго обожателя...

— Да-а, — протяпулъ генераль наконецъ. — Можетъ-быть, это просто ненормальный малый, маніакъ, а — почему знать? — можетъ-быть, твой жизненный путь, Вѣрочка, пересѣкла именно такая любовь, о которой грезятъ женщины и на которую больше неспособны муж-

чины. Постой-ка. Видишь, впереди движутся фонари? Наверно, мой экипажъ.

Въ то же время сзади послышалось зычное рывканье автомобиля, и дорога, изрытая колесами, засіяла бѣлымъ ацетиленовымъ свѣтомъ. Подъѣхалъ Густавъ Ивановичъ.

— Анпочка, я захватилъ твои вещи. Садись, — сказалъ онъ. — Ваше превосходительство, не позволите ли довести васъ?

— Нѣтъ ужъ, спасибо, мой милый, — отвѣтилъ генералъ. — Не люблю я этой машины. Только дрожить и воняетъ, а радости никакой. Ну, прощай, Вѣрочка. Теперь я буду часто прѣзжать, — говорилъ онъ, цѣлуя у Вѣры лобъ и руки.

Всѣ распрощались. Фриессе довезъ Вѣру Николаевну до воротъ ея дачи и, быстро описавъ кругъ, исчезъ въ темнотѣ со своимъ ревущимъ и пыхтящимъ автомобилемъ.

IX.

Княгиня Вѣра съ неприятнымъ чувствомъ поднялась на террасу и вошла въ домъ. Она еще издали услышала громкій голосъ брата Николая и увидѣла его высокую, сухую фигуру, быстро сновавшую изъ угла въ уголъ. Василий Львовичъ сидѣлъ у ломбернаго стола и, низко наклонивъ свою стриженую, большую, свѣтловолосую голову, чертилъ мѣлкомъ по зеленому сукну.

— Я давно настаивалъ! — говорилъ Николай раздраженно и дѣлая правой рукой такой жестъ, точно онъ бросалъ на землю какую-то невидимую тяжесть. — Я давно настаивалъ, чтобы прекратить эти дурацкія письма. Еще Вѣра за тебя замужъ не выходила, когда я увѣрялъ, что ты и Вѣра тѣшитесь ими, какъ ребяташки, видя въ нихъ только смѣшное... Вотъ, кстати, и сама Вѣра... Мы, Вѣрочка, говоримъ сейчасъ съ Василиемъ Львови-

чемъ объ этомъ твоёмъ сумасшедшемъ, о твоёмъ Пе Пе Же. Я нахожу эту переписку дерзкой и пошлой.

— Переписки вовсе не было, — холодно остановилъ его Шеинъ. — Писалъ лишь онъ одинъ...

Вѣра покраснѣла при этихъ словахъ и сѣла на диванъ въ тѣнь большой латаніи.

— Я извиняюсь за выраженіе, — сказалъ Николай Николаевичъ и бросилъ на землю, точно оторвавъ отъ груди, невидимый тяжелый предметъ.

— А я не понимаю, почему ты называешь его моимъ, — встала Вѣра, обрадованная поддержкой мужа. — Онъ такъ же мой, какъ и твой...

— Хорошо, еще разъ извиняюсь. Словомъ, я хочу только сказать, что его глупостямъ надо положить конецъ. Дѣло, по-моему, переходитъ за тѣ границы, гдѣ можно смѣяться и рисовать забавные рисуночки... Повѣрьте, если я здѣсь о чемъ хлопочу и о чемъ волнуюсь, — такъ это только о добромъ имени Вѣры и твоёмъ, Василій Львовичъ.

— Ну, это ты, кажется, ужъ слишкомъ хватилъ, Коля, — возразилъ Шеинъ.

— Можетъ-быть, можетъ-быть... Но вы легко рискуете попасть въ смѣшное положеніе.

— Не вижу, какимъ способомъ, — сказалъ князь.

— Вообрази себѣ, что этотъ идіотскій браслетъ, — Николай приподнялъ красный футляръ со стола и тотчасъ же безглаголиво бросилъ его на мѣсто... — что эта чудовищная поповская штучка останется у насъ, или мы ее выбросимъ, или подаримъ Дашѣ. Тогда, во-первыхъ, Пе Пе Же можетъ хвастаться своимъ знакомымъ или товарищамъ, что княгиня Вѣра Николаевна Шеина принимаетъ его подарки, а во-вторыхъ, первый же случай поощрить его къ дальнѣйшимъ подвигамъ. Завтра онъ присылаетъ кольцо съ брильянтами, послѣзавтра жемчужное колъе,

а тамъ — глядишь — сядетъ на скамью подсудимыхъ за растрату или подлогъ, а князя Шеины будутъ вызваны въ качествѣ свидѣтелей... Милое положеніе!

— Нѣтъ, нѣтъ, браслетъ надо непременно отослать обратно! — воскликнулъ Василій Львовичъ.

— Я тоже такъ думаю, — согласилась Вѣра: — и какъ можно скорѣе. Но какъ это сдѣлать? Вѣдь мы не знаемъ ни имени, ни фамиліи, ни адреса.

— О, это-то совсѣмъ пустое дѣло! — возразилъ пренебрежительно Николай Николаевичъ. — Намъ извѣстны инициалы этого Пе Пе Же... Какъ его, Вѣра?

— Ге Эсъ Же.

— Вотъ и прекрасно. Кромѣ того намъ извѣстно, что онъ гдѣ-то служить. Этого совершенно достаточно. Завтра же я беру городской указатель и отыскиваю чиновника или служащаго съ такими инициалами. Если почему-нибудь я его не найду, то просто-напросто позову полицейскаго сыскаго агента и прикажу отыскать. На случай затрудненія у меня будетъ въ рукахъ вотъ эта бумажка съ его почеркомъ. Однимъ словомъ, завтра къ двумъ часамъ дня я буду знать въ точности адресъ и фамилію этого молодчика и даже часы, въ которые онъ бываетъ дома. А разъ я это узнаю, то мы не только завтра же возвратимъ ему его сокровище, а и примемъ мѣры, чтобы онъ ужъ больше никогда не напоминалъ намъ о своемъ существованіи.

— Чтò ты думаешь сдѣлать? — спросилъ князь Василій.

— Чтò? Поѣду къ губернатору и попрошу...

— Нѣтъ, только не къ губернатору. Ты знаешь, каковы наши отношенія... Тутъ прямая опасность попасть въ смѣшное положеніе.

— Все равно. Поѣду къ жандармскому полковнику. Онъ мнѣ пріятель по клубу. Пусть-ка онъ вызоветъ этого

Ромео и погрозить у него пальцемъ подъ носомъ. Знаешь, какъ онъ это дѣлаетъ? Приставить человѣку палець къ самому носу и рукой совсѣмъ не двигаетъ, а только лишь одинъ палець у него качается, и кричить: «Я, сударь, этого не потерплю-ю-ю!»

— Фи! Черезъ жандармовъ! — поморщилась Вѣра.

— И правда, Вѣра, — подхватилъ князь. — Лучше ужъ въ это дѣло никого постороннихъ не мѣшать. Пойдутъ слухи, сплетни... Мы всѣ достаточно хорошо знаемъ нашъ городъ. Всѣ живутъ, точно въ стеклянныхъ банкахъ... Лучше ужъ я самъ пойду къ этому... юношѣ... хотя, Богъ его знаетъ, можетъ-быть, ему шестьдесятъ лѣтъ?.. Вручу ему браслетъ и прочитаю хорошую, строгую нотацію.

— Тогда и я съ тобой, — быстро прервалъ его Николай Николаевичъ. — Ты слишкомъ мягокъ. Предоставь мнѣ съ нимъ поговорить... А теперь, друзья мои, — опъ вынулъ карманные часы и поглядѣлъ на нихъ: — вы извините меня, если я пойду на минутку къ себѣ. Едва на ногахъ держусь, а мнѣ надо просмотрѣть два дѣла.

— Мнѣ почему-то стало жалко этого несчастнаго, — нерѣшительно сказала Вѣра.

— Жалѣть его нечего! — рѣзко отозвался Николай, обращаясь въ дверяхъ. — Если бы такую выходку съ браслетомъ и письмомъ позволилъ себѣ человѣкъ нашего круга, то князь Василій послалъ бы ему вызовъ. А если бы онъ этого не сдѣлалъ, — то сдѣлалъ бы я. А въ прежнее время я бы просто велѣлъ отвести его на коношню и наказать розгами. Завтра, Василій Львовичъ, ты подожди меня въ своей канцеляріи, я сообщу тебѣ по телефону.

Х.

Заплеванная лѣстница пахла мышами, кошками, керосиномъ и стиркой. Передъ шестымъ этажомъ князь Василій Львовичъ останоуился.

— Подожди немножко, — сказалъ онъ шурина. — Дай, я отдышусь. Ахъ, Коля, не слѣдовало бы этого дѣлать...

Они поднялись еще на два марша. На лѣстничной площадкѣ было такъ темно, что Николай Николаевичъ долженъ былъ два раза зажигать спички, пока не разглядѣлъ номера квартиры.

На его звонокъ отворила дверь полная, сѣдая, сѣроглазая женщина въ очкахъ, съ немного согнутымъ впередъ, видимо, отъ какой-то болѣзни, туловищемъ.

— Господинъ Желтковъ дома? — спросилъ Николай Николаевичъ.

Женщина тревожно забѣгала глазами отъ глазъ одного мужчины къ глазамъ другого и обратно. Приличная внѣшность обоихъ, должно-быть, успокоила ее.

— Дома, прошу, — сказала она, открывая дверь. — Первая дверь налѣво.

Булатъ-Тугановскій постучалъ три раза коротко и рѣшительно. Какой-то шорохъ послышался внутри. Онъ еще разъ постучалъ.

— Войдите, — отозвался слабый голосъ.

Комната была очень низка, но очень широка и длинна, почти квадратной формы. Два круглыхъ окна, совсѣмъ похожихъ на пароходные иллюминаторы, еле-еле ее освѣщали. Да и вся она была похожа на каютъ-компанію грузового парохода. Вдоль одной стѣны стояла узенькая кровать, вдоль другой очень большой и широкой диванъ, покрытый истрепаннымъ прекраснымъ текинскимъ ковромъ, по срединѣ — столъ, накрытый цвѣтной малоросійской скатертью.

Лица хозяина сначала не было видно: онъ стоялъ спиною къ свѣту и въ замѣшательствѣ потиралъ руки. Онъ былъ высокъ ростомъ, худощавъ, съ длинными, пушистыми, мягкими волосами.

— Если не ошибаюсь, господинъ Желт-ковъ?—спросилъ высокомерно Николай Николаевичъ.

— Желтковъ. Очень пріятно. Позвольте представиться.

Онъ сдѣлалъ по направленію къ Тугановскому два шага съ протянутой рукой. Но въ тотъ же моментъ, точно не замѣчая его привѣтствія, Николай Николаевичъ обернулся всѣмъ тѣломъ къ Шеину.

— Я тебѣ говорилъ, что мы не ошиблись.

Худые, нервные пальцы Желткова забѣгали по борту коричневаго короткаго пиджачка, застегивая и разстегивая пуговицы. Наконецъ онъ съ трудомъ произнесъ, указывая на диванъ и целовко кланяясь:

— Прошу покорно. Садитесь.

Теперь онъ сталъ весь виденъ: очень блѣдный, съ нѣжнымъ дѣвичьимъ лицомъ, съ голубыми глазами и упрямымъ дѣтскимъ подбородкомъ, съ ямочкой посрединѣ; лѣтъ ему, должно-быть, было около тридцати, тридцати пяти.

— Благодарю васъ, — сказалъ просто князь Шеинъ, разглядывавшій его очень внимательно.

— Merçi, — коротко отвѣтилъ Николай Николаевичъ. И оба остались стоять. — Мы къ вамъ всего только на нѣсколько минутъ. Это — князь Василій Львовичъ Шеинъ, губернской предводитель дворянства. Моя фамилія — Мирза-Булатъ-Тугановскій. Я — товарищъ прокурора. Дѣло, о которомъ мы будемъ имѣть честь говорить съ вами, одинаково касается и князя и меня, или, вѣрнѣе, супруги князя, а моей сестры.

Желтковъ, совершенно растерявшись, опустился вдругъ на диванъ и пролепеталъ омертвѣвшими губами: «Прошу,

господа, садиться». Но, должно-быть, вспомнилъ, что уже безуспѣшно предлагалъ то же самое раньше, вскочилъ, подбѣжалъ къ окну, теребя волосы, и вернулся обратно на прежнее мѣсто. И опять его дрожащія руки забѣгали, теребя пуговицы, щипля свѣтлые, рыжеватые усы, трогая безъ нужды лицо.

— Я къ вашимъ услугамъ, ваше сіятельство, — произнесъ онъ глухо, глядя на Василя Львовича умоляющими глазами.

Но Шейнъ промолчалъ. Заговорилъ Николай Николаевичъ:

— Во-первыхъ, позвольте возвратить вамъ вашу вещь, — сказалъ онъ и, доставъ изъ кармана красный футляръ, аккуратно положилъ его на столъ. — Она, конечно, дѣлаетъ честь вашему вкусу, но мы очень просили бы васъ, чтобы такіе сюрпризы больше не повторялись.

— Простите... Я самъ знаю, что очень виноватъ, — прошепталъ Желтковъ, глядя внизъ, на полъ, и краснѣя. — Можетъ-быть, позвольте стаканчикъ чаю?

— Видите ли, господинъ Желтковъ, — продолжалъ Николай Николаевичъ, какъ будто не разслышавъ послѣднихъ словъ Желткова. — Я очень радъ, что нашелъ въ васъ порядочнаго человѣка, джентльмена, способнаго понимать съ полуслова. И я думаю, что мы договоримся сразу. Вѣдь, если я не ошибаюсь, вы преслѣдуете княгиню Вѣру Николаевну уже около семи-восьми лѣтъ?

— Да, — отвѣтилъ Желтковъ тихо и опустилъ рѣсницы благоговѣйно.

— И мы до сихъ поръ не принимали противъ васъ никакихъ мѣръ, хотя — согласитесь — это не только можно было бы, а даже и нужно было сдѣлать. Не правда ли?

— Да.

— Да. Но послѣднимъ вашимъ поступкомъ, именно присылкой этого вотъ самаго гранатоваго браслета, вы пе-

реступили тѣ границы, гдѣ кончается наше терпѣніе. Понимаете? — кончается. Я отъ васъ не скрою, что первой нашей мыслью было — обратиться къ помощи власти, но мы не сдѣлали этого, и я очень радъ, что не сдѣлали, потому что—повторяю—я сразу угадалъ въ васъ благороднаго человѣка.

— Простите. Какъ вы сказали?—спросилъ вдругъ внимательно Желтковъ и размѣялся. — Вы хотѣли обратиться къ власти?.. Именно такъ вы сказали?

Онъ положилъ руки въ карманы, сѣлъ удобно въ уголъ дивана, досталъ портсигаръ и спички и закурилъ.

— Итакъ, вы сказали, что вы хотѣли прибѣгнуть къ помощи власти?.. Вы меня извините, князь, что я сижусь?—обратился онъ къ Шеину. — Ну-съ, дальше?

Князь придвинулъ стулъ къ столу и сѣлъ. Онъ, не отрываясь, глядѣлъ съ недоумѣніемъ и жаднымъ, серьезнымъ любопытствомъ въ лицо этого страннаго человѣка.

— Видите ли, милый мой, эта мѣра отъ васъ никогда не уйдетъ, — съ легкой наглостью продолжалъ Николай Николаевичъ. — Врываться въ чужое семейство...

— Виноватъ, я васъ перебыю...

— Нѣтъ, виноватъ, теперь ужъ я васъ перебыю... — почти закричалъ прокуроръ.

— Какъ вамъ угодно. Говорите. Я слушаю. Но у меня есть нѣсколько словъ для князя Василія Львовича.

И, не обращая больше вниманія на Тугановскаго, онъ сказалъ:

— Сейчасъ настала самая тяжелая минута въ моей жизни. И я долженъ, князь, говорить съ вами внѣ всякихъ условностей... Вы меня выслушаете?

— Слушаю, — сказалъ Шеинъ. — Ахъ, Коля, да помолчи ты, — сказалъ онъ нетерпѣливо, замѣтивъ гнѣвный жестъ Тугановскаго. — Говорите.

Желтковъ въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ ловилъ

ртомъ воздухъ, точно задыхаясь, и вдругъ покотился, какъ съ обрыва. Говорилъ онъ однѣми челюстями, губы у него были бѣлыя и не двигались, какъ у мертваго.

— Трудно выговорить такую... фразу... что я люблю вашу жену. Но семь лѣтъ безнадежной и вѣжливой любви даютъ мнѣ право на это. Я соглашаюсь, что вначалѣ, когда Вѣра Николаевна была еще барышней, я писалъ ей глупыя письма и даже ждалъ на нихъ отвѣта. Я соглашаюсь съ тѣмъ, что мой послѣдній поступокъ, именно посылка браслета, была еще бѣльшей глупостью. Но.. вотъ я вамъ прямо гляжу въ глаза и чувствую, что вы меня поймете. Я знаю, что не въ силахъ разлюбить ее никогда... Скажите, князь... предположимъ, что вамъ это непріятно... скажите, — что бы вы сдѣлали для того, чтобъ оборвать это чувство? Выслать меня въ другой городъ, какъ сказалъ Николай Николаевичъ? Все равно и тамъ такъ же я буду любить Вѣру Николаевну, какъ здѣсь. Заключить меня въ тюрьму? Но и тамъ я найду способъ дать ей знать о моемъ существованіи. Остается только одно—смерть... Вы хотите, я приму ее въ какой угодно формѣ.

— Мы вмѣсто дѣла разводимъ какую-то мелодекламацію, — сказалъ Николай Николаевичъ, надѣвая шляпу.— Вопросъ очень коротокъ: вамъ предлагаютъ одно изъ двухъ: либо вы совершенно отказываетесь отъ преслѣдованія княгини Вѣры Николаевны, либо, если на это вы не согласитесь, мы примемъ мѣры, которыя намъ позволятъ наше положеніе, знакомство и т. д.

Но Желтковъ даже не поглядѣлъ на него, хотя и слышалъ его слова. Онъ обратился къ князю Василію Львовичу и спросилъ:

— Вы позволите мнѣ отлучиться на десять минутъ? Я отъ васъ не скрою, что пойду говорить по телефону съ княгиней Вѣрой Николаевной. Увѣряю васъ, что все, что возможно будетъ вамъ передать, я передамъ.

— Идите, — сказалъ Шейнъ.

Когда Василий Львовичъ и Тугановскій остались вдвоемъ, то Николай Николаевичъ сразу набросился на своего шурина:

— Такъ нельзя, — кричалъ онъ, дѣлая видъ, что бросаетъ правой рукой на землю отъ груди какой-то невидимый предметъ. — Такъ положительно нельзя. Я тебя предупреждалъ, что всю дѣловую часть разговора я беру на себя. А ты раскисъ и позволилъ ему распространяться о своихъ чувствахъ. Я бы это сдѣлалъ въ двухъ словахъ.

— Подожди, — сказалъ князь Василий Львовичъ: — сейчасъ все это объяснится. Главное, это то, что я вижу его лицо, и я чувствую, что этотъ человекъ не способенъ обманывать и лгать завѣдомо. И, правда, подумай, Коля, развѣ онъ виноватъ въ любви, и развѣ можно управлять такимъ чувствомъ, какъ любовь, — чувствомъ, которое до сихъ поръ еще не нашло себѣ истолкователя. — Подумавъ, князь сказалъ: — мнѣ жалко этого человека. И мнѣ не только, что жалко, но вотъ я чувствую, что присутствую при какой-то громадной трагедіи души, и я не могу здѣсь паясничать.

— Это декадентство, — сказалъ Николай Николаевичъ.

Черезъ десять минутъ Желтковъ вернулся. Глаза его блестѣли и были глубоки, какъ будто наполнены непролитыми слезами. И видно было, что онъ совсѣмъ забылъ о свѣтскихъ приличіяхъ, о томъ, кому гдѣ надо сидѣть, и пересталъ держать себя джентльменомъ. И опять съ больной, нервной чуткостью это понялъ князь Шейнъ.

— Я готовъ, — сказалъ онъ: — и завтра вы обо мнѣ ничего не услышите. Я какъ будто бы умеръ для васъ. Но одно условіе, — это я вамъ говорю, князь Василий Львовичъ: — видите ли, я растратилъ казенныя деньги, и мнѣ

какъ-никакъ приходится изъ этого города бѣжать. Вы позвольте мнѣ написать еще послѣднее письмо княгинѣ Вѣрѣ Николаевнѣ.

— Нѣтъ. Если кончилъ, такъ кончилъ. Никакихъ писемъ, — закричалъ Николай Николаевичъ.

— Хорошо, пишите, — сказалъ Шейнъ.

— Вотъ и все, — произнесъ, надменно улыбаясь, Желтковъ. — Вы обо мнѣ болѣе не услышите и, конечно, больше никогда меня не увидите. Княгиня Вѣра Николаевна совсемъ не хотѣла со мной говорить. Когда я ее спросилъ, можно ли мнѣ остаться въ городѣ, чтобы хотя изрѣдка ее видѣть, конечно, не показываясь ей на глаза, она отвѣтила: «Ахъ, если бы вы знали, какъ мнѣ надоѣла вся эта исторія. Пожалуйста, прекратите ее какъ можно скорѣе». И вотъ я прекращаю всю эту исторію. Кажется, я сдѣлалъ все, что могъ?

Вечеромъ, пріѣхавъ на дачу, Василій Львовичъ передалъ жещѣ очень точно всѣ подробности свиданія съ Желтковымъ. Онъ какъ будто бы чувствовалъ себя обязаннымъ сдѣлать это.

Вѣра, хотя была встревожена, но не удивилась и не пришла въ замѣшательство. Ночью, когда мужъ пришелъ къ ней въ постель, она вдругъ сказала ему, повернувшись къ стѣнѣ:

— Оставь меня, — я знаю, что этотъ человекъ убьетъ себя.

XI.

Княгиня Вѣра Николаевна никогда не читала газетъ потому, что, во-первыхъ, онѣ ей пачкали руки, а во-вторыхъ, она никогда не могла разобрать въ томъ языкѣ, которымъ нынче пишутъ.

Но судьба заставила ее развернуть какъ разъ тотъ

листъ и натолкнуться на тотъ столбецъ, гдѣ было напечатано :

«Загадочная смерть. Вчера вечеромъ, около 7 часовъ, покончилъ жизнь самоубійствомъ чиновникъ контрольной палаты Г. С. Желтковъ. Судя по даннымъ слѣдствія, смерть покойнаго произошла по причинѣ растраты казенныхъ денегъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, самоубійца упоминаетъ въ своемъ письмѣ. Въ виду того, что показаніями свидѣтелей установлена въ этомъ актѣ его личная воля, рѣшено не отправлять трупъ въ анатомическій театръ».

Вѣра думала про себя :

«Почему я это предчувствовала? Именно этотъ трагическій исходъ? И что это было : любовь или сумасшествіе?»

Цѣлый день она ходила по цвѣтнику и по фруктовому саду. Безпокойство, которое росло въ ней съ минуты на минуту, какъ будто не давало ей сидѣть на мѣстѣ. И всѣ ея мысли были прикованы къ тому невѣдомому человѣку, котораго она никогда не видѣла и врядъ ли когда-нибудь увидитъ, къ этому смѣшному Пе Пе Же.

«Почемъ знать, можетъ-быть, твой жизненный путь пересѣкла настоящая, самоотверженная, истинная любовь», вспомнились ей слова Аносова.

Въ 6 часовъ пришелъ почтальонъ. На этотъ разъ Вѣра Николаевна узнала почеркъ Желткова и съ нѣжностью, которой она въ себѣ не ожидала, развернула письмо.

Желтковъ писалъ такъ :

«Я не виноватъ, Вѣра Николаевна, что Богу было угодно послать мнѣ, какъ громадное счастье, любовь къ Вамъ. Случилось такъ, что меня не интересуетъ въ жизни ничто : ни политика, ни наука, ни философія, ни забота о будущемъ счастье людей — для меня вся жизнь заключается только въ Васъ. Я теперь чувствую, что какимъ-то неудобнымъ клиномъ врѣзался въ Вашу жизнь. Если можете, простите меня за это. Сегодня я уѣзжаю и ни-

когда не вернусь, и ничто Вамъ обо мнѣ не напомнить.

«Я безконечно благодаренъ Вамъ только за то, что Вы существуете. Я провѣрялъ себя — это не болѣзнь, не маниакальная идея — это любовь, которою Богу было угодно за что-то меня вознаградить.

«Пусть я былъ смѣшонъ въ Вашихъ глазахъ и въ глазахъ Вашего брата, Николая Николаевича. Уходя, я въ восторгѣ говорю: «Да святится имя Твое».

«Восемь лѣтъ тому назадъ я увидѣлъ васъ въ циркѣ въ ложѣ и тогда же въ первую секунду я сказалъ себѣ: я ее люблю потому, что на свѣтѣ нѣтъ ничего похожаго на нее, нѣтъ ничего лучше, нѣтъ ни звѣря, ни растенія, ни звѣзды, ни человѣка прекраснѣе Васъ и нѣжнѣе. Въ Васъ какъ будто бы воплотилась вся красота земли...

«Подумайте, чтò мнѣ нужно было дѣлать? Убѣжать въ другой городъ? Все равно сердце было всегда около Васъ, у Вашихъ ногъ, каждое мгновеніе дня заполнено Вами, мыслью о Васъ, мечтами о Васъ... сладкимъ бредомъ. Я очень стыжусь и мысленно краснѣю за мой дурацкій браслетъ, — ну, чтò же? — ошибка. Воображаю, какое онъ впечатлѣніе произвелъ на Вашихъ гостей.

«Черезъ десять минутъ я уѣду, я успѣю только наклеить марку и опустить письмо въ почтовый ящикъ, чтобы не поручать этого никому другому. Вы это письмо сожгите. Я вотъ сейчасъ затопилъ печку и сжигаю все самое дорогое, чтò было у меня въ жизни: вашъ платокъ, который, я признаюсь, укралъ. Вы его забыли на стулѣ на балу въ Благородномъ собраніи. Вашу записку, — о, какъ я ее цѣловалъ, — ею Вы запретили мнѣ писать Вамъ. Программу художественной выставки, которую Вы однажды держали въ рукѣ и потомъ забыли на стулѣ при выходѣ... Кончено. Я все отрѣзалъ, но все-таки думаю и даже увѣренъ, что Вы обо мнѣ вспомните.

Если Вы обо мнѣ вспомните, то... я знаю, что Вы очень музыкальны, я Васъ видѣлъ чаще всего на Бетховенскихъ квартетахъ, — такъ вотъ, если Вы обо мнѣ вспомните, то сыграйте или прикажите сыграть сонату D-dur № 2, Op 2.

«Я не знаю, какъ мнѣ кончить письмо. Отъ глубины души благодарю Васъ за то, что Вы были моей единственной радостью въ жизни, единственнымъ утѣшеніемъ, единой мыслью. Дай Богъ Вамъ счастья, и пусть ничто временное и житейское не тревожитъ Вашу прекрасную душу. Цѣлую Ваши руки.

«Г. С. Ж.»

Она пришла къ мужу съ покраснѣвшими отъ слезъ глазами и вздутыми губами и, показавъ письмо, сказала:

— Я ничего отъ тебя не хочу скрывать, но я чувствую, что въ нашу жизнь вмѣшалось что-то ужасное. Вѣроятно, вы съ Николаемъ Николаевичемъ сдѣлали что-нибудь не такъ, какъ нужно.

Князь Шейнъ внимательно прочелъ письмо, аккуратно сложилъ его и, долго помолчавъ, сказалъ:

— Я не сомнѣваюсь въ искренности этого человѣка, и даже больше, я не смѣю разбираться въ его чувствахъ къ тебѣ.

— Онъ умеръ? — спросила Вѣра.

— Да, умеръ. Я скажу, что онъ любилъ тебя, а во все не былъ сумасшедшимъ. Я не сводилъ съ него глазъ и видѣлъ каждое его движеніе, каждое измѣненіе его лица. И для него не существовало жизни безъ тебя. Мнѣ казалось, что я присутствую при громадномъ страданіи, отъ котораго люди умираютъ, и я даже почти понималъ, что передо мною мертвый человѣкъ. Понимаешь, Вѣра, я не зналъ, какъ себя держать, что мнѣ дѣлать...

— Вотъ что, Васенька, — перебила его Вѣра Николаевна: — тебѣ не будетъ больно, если я поѣду въ городъ и погляжу на него?

— Нѣтъ, нѣтъ, Вѣра, пожалуйста, прошу тебя. Я самъ поѣхалъ бы, но только Николай испортилъ мнѣ все дѣло. Я боюсь, что буду чувствовать себя принужденнымъ.

ХІІ.

Вѣра Николаевна оставила свой экипажъ за двѣ улицы до Лютеранской. Она безъ большого труда нашла квартиру Желткова. Навстрѣчу ей вышла сѣроглазая старая женщина, очень полная, въ серебряныхъ очкахъ, и такъ же, какъ вчера, спросила:

— Кого вамъ угодно?

— Господина Желткова, — сказала княгиня.

Должно-быть, ея костюмъ—шляпа, перчатки, и нѣсколько властный тонъ произвели на хозяйку квартиры большое впечатлѣніе. Она разговорилась.

— Пожалуйста, пожалуйста, вотъ первая дверь направо, а тамъ... сейчасъ... Онъ такъ скоро ушелъ отъ насъ. Ну, скажемъ, растрата. Сказалъ бы мнѣ объ этомъ. Вы знаете, какіе наши капиталы, когда отдаешь квартиры внаемъ холостякамъ. Но какіе-нибудь 600-700 рублей я бы могла собрать и внести за него. Если бы вы знали, что это былъ за чудный человекъ, пани. Восемь лѣтъ я его держала на квартирѣ, и онъ казался мнѣ совсѣмъ не квартирантомъ, а роднымъ сыномъ.

Тутъ же въ передней былъ стулъ, и Вѣра опустилась на него.

— Я другъ вашего покойнаго квартиранта, — сказала она, подбирая каждое слово къ слову. — Расскажите мнѣ что-нибудь о послѣднихъ минутахъ его жизни, о томъ, что онъ дѣлалъ и что говорилъ.

— Пани, къ намъ пришли два господина и очень долго разговаривали. Потомъ онъ объяснилъ, что ему предлагали мѣсто управляющаго въ экономіи. Потомъ панъ Ежій

побѣжалъ до телефона и вернулся такой веселый. Затѣмъ эти два господина ушли, а онъ сѣлъ и сталъ писать письмо. Потомъ пошелъ и опустилъ письмо въ ящикъ, а потомъ мы слышимъ, будто бы изъ дѣтскаго пистолета выстрѣлили. Мы никакого вниманія не обратили. Въ семь часовъ онъ всегда пилъ чай. Лукерья — прислуга — приходитъ и стучится, онъ не отвѣчаетъ, потомъ еще разъ, еще разъ. И вотъ должны были взломать дверь, а онъ уже мертвый.

— Разскажите мнѣ что-нибудь о браслетѣ, — приказала Вѣра Николаевна.

— Ахъ, ахъ, ахъ, браслетъ — я и забыла. Почему вы знаете? Онъ передъ тѣмъ, какъ написать письмо, пришелъ ко мнѣ и сказалъ: «Вы католичка?» Я говорю: «католичка». Тогда онъ говоритъ: «У васъ есть милый обычай — такъ онъ и сказалъ: милый обычай — вѣшать на изображеніе Матки Боски кольца, ожерелья, подарки. Такъ вотъ исполните мою просьбу: вы можете этотъ браслетъ повѣсить на икону?» Я ему обѣщала это сдѣлать.

— Вы мнѣ его покажете? — спросила Вѣра.

— Прѣшу, прѣшу, пани. Вотъ его первая дверь на лѣво. Его хотѣли сегодня отвезти въ анатомическій театръ, но у него есть братъ, такъ онъ упросилъ, чтобы его похоронить по-христіанску. Прѣшу, прѣшу.

Вѣра собралась съ силами и открыла дверь. Въ комнатѣ пахло ладаномъ и горѣли три восковыхъ свѣчи. Наискось комнаты лежалъ на столѣ Желтковъ. Голова его покоилась очень низко, точно нарочно ему, трупу, которому все равно, подсунули маленькую мягкую подушку. Глубокая важность была въ его закрытыхъ глазахъ, и губы улыбались блаженно и безмятежно, какъ будто бы онъ передъ разставаньемъ съ жизнью узналъ какую-то глубокую и сладкую тайну, разрѣшившую всю человѣческую его жизнь. Она вспомнила, что то же самое умиро-

творенное выраженіе она видѣла на маскахъ великихъ страдальцевъ — Пушкина и Наполеона.

— Если прикажете, пани, я уйду? — спросила старая женщина, и въ ея тонѣ послышалось что-то чрезвычайно интимное.

— Да, я потомъ васъ позову, — сказала Вѣра и сейчасъ же вынула изъ маленькаго бокового кармана кофточки большую красную розу, подняла немного вверхъ лѣвой рукой голову трупа, а правой рукой положила ему подъ шею цвѣтокъ. Въ эту секунду она поняла, что та любовь, о которой мечтаетъ каждая женщина, прошла мимо нея. Она вспомнила слова генерала Аносова о вѣчной исключительной любви — почти пророческія слова. И, раздвинувъ въ обѣ стороны волосы на лбу мертвеца, она крѣпко сжала руками его виски и поцѣловала его въ холодный влажный лобъ долгимъ дружескимъ поцѣлуемъ.

Когда она уходила, то хозяйка квартиры обратилась къ ней льстивымъ польскимъ тономъ:

— Пани, я вижу, что вы не какъ всѣ другія, не изъ любопытства только. Покойный панъ Желтковъ передъ смертью сказалъ мнѣ: «если случится, что я умру и придетъ поглядѣть на меня какая-нибудь дама, то скажите ей, что у Бетховена самое лучшее произведеніе...» — онъ даже нарочно записалъ мнѣ это. Вотъ поглядите...

— Покажите, — сказала Вѣра Николаевна и вдругъ заплакала.

— Извините меня, это впечатлѣніе смерти такъ тяжело, что я не могу удержаться.

И она прочла слова, написанныя знакомымъ почеркомъ:
L. van Beethoven. Son. № 2, op. 2. Largo Appassionato.

XIII.

Вѣра Николаевна вернулась домой поздно вечеромъ и была рада, что не застала дома ни мужа ни брата.

Зато ее дожидалась пианистка Женни Рейтеръ, и взволнованная тѣмъ, что она видѣла и слышала, Вѣра кинулась къ ней и, цѣлуя ея прекрасныя большія руки, закричала:

— Женни, милая, прошу тебя, сыграй для меня что-нибудь, — и сейчасъ же вышла изъ комнаты въ цвѣтникъ и сѣла на скамейку.

Она почти ни одной секунды не сомнѣвалась въ томъ, что Женни сыграетъ то самое мѣсто изъ 2-ой сонаты, о которомъ просилъ этотъ мертвецъ съ смѣшной фамиліей Желтковъ.

Такъ оно и было. Она узнала съ первыхъ же аккордовъ это исключительное, единственное по глубинѣ произведение. И душа ея какъ будто бы раздвоилась. Она одновременно думала о томъ, что мимо нея прошла большая любовь, которая повторяется только одинъ разъ въ тысячу лѣтъ. Вспомнила слова генерала Аносова и спросила себя, почему этотъ человекъ заставилъ ее слушать именно это Бетховенское произведение и еще противъ ея желанія? И въ умѣ ея слагались слова. Они такъ совпали въ ея мысли съ музыкой, что это было какъ будто бы куплеты, которые кончались словами: «Да святится имя Твое».

«Вотъ сейчасъ я вамъ покажу въ нѣжныхъ звукахъ жизнь, которая покорно и радостно обрекла себя на мученія, страданія и смерть. Ни жалобы, ни упрека, ни боли самолюбія я не зналъ. Я передъ тобою — одна молитва: «Да святится имя Твое».

«Да, я передвижу страданіе, кровь и смерть. И думаю, что трудно разстаться тѣлу съ душой, но, Прекрасная, хвала тебѣ, страстная хвала и тихая любовь. «Да святится имя Твое».

«Вспоминаю каждый твой шагъ, улыбку, взглядъ, звукъ твоей походки. Сладкой грустью, тихой, прекрас-

пой грустью обвѣяны мои послѣднія воспомнанія. Но я не причиною тебѣ горя. Я ухожу одинъ молча, такъ угодно было Богу и судьбѣ. «Да святится имя Твое».

«Въ предсмертный печальный часъ я молюсь только тебѣ. Жизнь могла бы быть прекрасной и для меня. Не ропщи, бѣдное сердце, не ропщи. Въ душѣ я призываю смерть, но въ сердцѣ полонъ хвалы тебѣ: «Да святится имя Твое».

«Ты, ты и люди, которые окружали тебя, всѣ вы не знаете, какъ ты была прекрасна. Бьютъ часы. Время. И, умирая, я въ скорбный часъ разставанія съ жизнью все-таки пою — слава Тебѣ».

«Вотъ она идетъ, все усмиряющая смерть, а я говорю — слава Тебѣ!..»

Княгиня Вѣра обняла стволъ акаціи, прижалась къ нему и плакала. Дерево мягко сотрясалось. Налетѣлъ легкой вѣтеръ и, точно сочувствуя ей, зашелестилъ листьями. Острѣе залахли звѣзды табака... И въ это время удивительная музыка, будто бы подчиняясь ея горю, продолжала:

«Успокойся, дорогая, успокойся, успокойся. Ты обо мнѣ помнишь? Помнишь? Ты вѣдь моя единая и послѣдняя любовь. Успокойся, я съ тобой. Подумай обо мнѣ, и я буду съ тобой, потому что мы съ тобой любили другъ друга только одно мгновеніе, но навѣки. Ты обо мнѣ помнишь? Помнишь? Помнишь? Вотъ я чувствую твои слезы. Успокойся. Мнѣ спать такъ сладко, сладко, сладко».

Женни Рейтеръ вышла изъ комнаты, уже кончивъ играть, и увидала княгиню Вѣру, сидящую на скамейкѣ всю въ слезахъ.

— Что съ тобой? — спросила піанистка.

Вѣра, съ глазами, блестящими отъ слезъ, безпокойно, взволнованно стала цѣловать ей лицо, губы, глаза и говорила:

— Нѣтъ, нѣтъ, — онъ меня простилъ теперь. Все хорошо.

ЛИСТРИГОНЫ.

I.

Тишина.

Въ концѣ октября или въ пачалѣ ноября Балаклава—этотъ оригинальнѣйшій уголокъ пестрой русской имперіи — начинаетъ жить своеобразной жизнью. Дни еще теплы и по-осеннему ласковы, но по ночамъ стоятъ холода, и земля гулко звенитъ подъ ногами. Послѣдніе курортные гости потянулись въ Севастополь со своими узлами, чемоданами, корзинами, баулами, золотушными дѣтьми и декадентскими дѣвицами. Какъ воспоминаніе о гостяхъ, остались только виноградные ошкурки, которые, въ видахъ своего драгоцѣннаго здоровья, разбросали больные повсюду — на набережной и по узкимъ улицамъ — въ противномъ изобиліи, да еще тотъ бумажный соръ въ видѣ окурковъ, клочковъ писемъ и газетъ, что всегда остается послѣ дачниковъ.

И сразу въ Балаклавѣ становится просторно, свѣжо, уютно и по-домашнему дѣловито, точно въ комнатахъ послѣ отъѣзда нашумѣвшихъ, пакурившихъ, насорившихъ непрошенныхъ гостей. Выползаетъ на улицу исконное, древне-греческое населеніе, до сихъ поръ прятавшееся по какимъ-то щелямъ и заднимъ каморкамъ.

На набережной, поперекъ ея, во всю ширину, разсти-
лаются сѣти. На грубыхъ камняхъ мостовой онѣ ка-
жутся нѣжными и тонкими, какъ паутина, а рыбаки пол-
заютъ по нимъ на четверенькахъ, подобно большимъ чер-
нымъ паукамъ, сплетающимъ разорванную воздушную за-
падню. Другіе сучать бечевку на бѣлугу и на камбалу
и для этого съ серьезнымъ, дѣловитымъ видомъ бѣгаютъ
взадъ и впередъ по мостовой съ веревкой черезъ плечи,
безпрерывно суча передъ собой клубокъ нитокъ.

Атаманы баркасовъ оттачиваютъ бѣлужьи крючки —
иступившіеся мѣдные крючки, на которые, по рыбацъему,
повѣрью, рыба идетъ гораздо охотнѣе; чѣмъ на современ-
ные, англійскіе, стальные. На той сторонѣ залива конопа-
тятъ, смолятъ и красятъ лодки, перевернутыя вверхъ килемъ.

У каменныхъ колодцевъ, гдѣ безпрерывно тонкой струй-
кой бѣжитъ и лепечетъ вода, подолгу, часами, судачатъ
о своихъ маленькихъ хозяйскихъ дѣлахъ худыя, темно-
лицыя, большеглазыя, длинноносыя гречанки, такъ
странно и трогательно похожія на изображеніе Богоро-
дицы на старинныхъ византійскихъ иконахъ.

И все это совершается неторопливо, по-домашнему, по-
сосѣдски, съ вѣковѣчной привычной ловкостью и кра-
сотою, подъ нежаркимъ осеннимъ солнцемъ на берегахъ
синяго, веселаго залива, подъ яснымъ осеннимъ небомъ,
которое спокойно лежитъ надъ развалиной покатыхъ плѣ-
шивыхъ горъ, окамляющихъ заливъ.

О дачникахъ нѣтъ и помину. Ихъ точно и не было.
Два-три хорошихъ дождя — и смыта съ улицъ послѣд-
няя память о нихъ. И все это безтолковое и суетливое
лѣто съ духовой музыкой по вечерамъ и съ пылью отъ
дамскихъ юбокъ, и съ жалкимъ флиртомъ, и спорами на
политическія темы, — все становится далекимъ и забы-
тымъ сномъ. Весь интересъ рыбацьяго поселка теперь со-
средоточенъ только на рыбѣ.

Въ кофейняхъ у Ивана Юрьича и у Ивана Адамовича, подъ стукъ костяжекъ домино, рыбаки собираются въ артели; избирается атаманъ. Разговоръ идетъ о паяхъ, о половинкахъ паевъ, о сѣтяхъ, о крючкахъ, о наживкѣ, о макрели, о кефали, о лобанѣ, о камсѣ и султанкѣ, о камбалѣ, бѣлугѣ и морскомъ пѣтухѣ. Въ 9 часовъ весь городъ погружается въ глубокой сонъ.

Нигдѣ во всей Россіи, — а я порядочно ее извѣздилъ по всѣмъ направленіямъ, — нигдѣ я не слушалъ такой глубокой, полной, совершенной тишины, какъ въ Балаклавѣ.

Выходишь на балконъ—и весь поглощаешься мракомъ и молчаніемъ. Черное небо, черная вода въ заливѣ, черныя горы. Вода такъ густа, такъ тяжела и такъ спокойна, что звѣзды отражаются въ ней, не рябясь и не мигая. Тишина не нарушается ни однимъ звукомъ человѣческаго жилья. Изрѣдка, разъ въ минуту, едва разслышишь, какъ хлопнетъ маленькая волна о камень набережной. И этотъ одинокій, мелодичный звукъ еще больше углубляетъ, еще больше настораживаетъ тишину. Слышишь, какъ размѣренными толчками шумитъ кровь у тебя въ ушахъ. Скрипнула лодка на своемъ канатѣ. И опять тихо. Чувствуешь, какъ ночь и молчаніе слились въ одномъ черномъ объятіи.

Гляжу налѣво, туда, гдѣ узкое горло залива исчезаетъ, сузившись между двумя горами.

Тамъ лежитъ длинная, пологая гора, увѣнчанная старыми развалинами. Если приглядишься внимательно, то ясно увидишь всю ее, подобную сказочному гигантскому чудовищу, которое, припавъ грудью къ заливу и глубоко всунувъ въ воду свою темную морду съ настороженнымъ ухомъ, жадно пьетъ и не можетъ напиться.

На томъ мѣстѣ, гдѣ у чудовища долженъ приходиться глазъ, свѣтится крошечной красной точкой фонарь тамо-

женнаго кордона. Я знаю этот фонарь, я сотни разъ проходилъ мимо него, прикасался къ нему рукой. Но въ странной тишинѣ и въ глубокой чернотѣ этой осенней ночи я все яснѣе вижу и спину и морду древняго чудовища, и я чувствую, что его хитрый и злобный маленькій раскаленный глазъ слѣдитъ за мною съ затаеннымъ чувствомъ ненависти.

Въ умѣ моемъ быстро проносится стихъ Гомера объ узкогорлой черноморской бухтѣ, въ которой Одиссей видѣлъ кровожадныхъ листригоновъ. Я думаю также о предприимчивыхъ, гибкихъ, красивыхъ генуэзцахъ, воздвигавшихъ здѣсь, на челѣ горы, свои колоссальныя крепостныя сооруженія. Думаю также о томъ, какъ однажды бурной зимней ночью разбилась о грудь стараго чудовища цѣлая англійская флотилія, вмѣстѣ съ гордымъ щеголеватымъ кораблемъ «Black Prince», который теперь покоится на морскомъ днѣ, вотъ здѣсь, совсѣмъ близко около меня, со своими милліонами золотыхъ слитковъ и сотнями жизней.

Старое чудовище въ полуснѣ щуритъ на меня свой маленькій, острый, красный глазъ. Оно представляется мнѣ теперь старымъ-старымъ, забытымъ божествомъ, которое въ этой черной тишинѣ грезитъ своими тысячелѣтними снами. И чувство странной неловкости овладѣваетъ мною.

Раздаются замедленные, лѣнливые шаги ночного сторожа, и я различаю не только каждый ударъ его кованыхъ, тяжелыхъ рыбацкихъ сапоговъ о камни тротуара, но слышу также, какъ между двумя шагами онъ чиркаетъ каблуками. Такъ ясны эти звуки среди ночной тиши, что мнѣ кажется, будто я иду вмѣстѣ съ нимъ, хотя до него — я знаю навѣрное — болѣе цѣлой версты. Но вотъ онъ завернулъ куда-то въ бокъ, въ мощный переулокъ, или, можетъ-быть, присѣлъ на скамейку: шаги его смолкли. Тишина. Мракъ.

II.

Макрель.

Идетъ осень. Вода холодѣетъ. Пока ловится только маленькая рыба въ мѣрежки, въ эти большія вазы изъ сѣтки, которыя прямо съ лодки сбрасываются на дно. Но вотъ раздается слухъ о томъ, что Юра Паратино оснастилъ свой баркасъ и отиравилъ его на мѣсто между мысомъ Айя и Ласпи, туда, гдѣ стоитъ его макрельный заводъ.

Конечно, Юра Паратино—не германскій императоръ, не знаменитый басъ, не модный писатель, не исполнительница цыганскихъ романсовъ, но когда я думаю о томъ, какимъ вѣсомъ и уваженіемъ окружено его имя на всемъ побережьѣ Чернаго моря, — я съ удовольствіемъ и съ гордостью вспоминаю его дружбу ко мнѣ.

Юра Паратино вотъ каковъ: это невысокій, крѣпкій, просоленный и просмоленный грекъ, лѣтъ сорока. У него бычачья шея, темный цвѣтъ лица, курчавые черные волосы, усы, бритый подбородокъ квадратной формы, съ животнымъ угибомъ посрединѣ — подбородокъ, говорящій о страшной волѣ и большой жестокости, тонкія, твердыя, энергично опускающіяся углами внизъ губы. Нѣтъ ни одного человѣка среди рыбаковъ ловче, хитрѣе, сильпѣе и смѣлѣе Юры Паратино. Никто еще не могъ перепить Юру и никто не видалъ его пьянымъ. Никто не сравнится съ Юрой удачливостью — даже самъ знаменитый Федоръ изъ Олеиза.

Ни въ комъ такъ сильно не развито, какъ въ немъ, то специально морское рыбацье равнодушіе къ несправедливымъ ударамъ судьбы, которое такъ высоко цѣнится этими солеными людьми.

Когда Юрѣ говорятъ о томъ, что буря порвала его снасти, или что его баркасъ, наполненный доверху дорогой рыбой, захлестнуло волной, и онъ пошелъ ко дну, Юра только замѣтитъ вскользь:

— А туда его, къ чортовой матери! — И тотчасъ же точно забудетъ объ этомъ.

Про Юру рыбаки говорятъ такъ:

— Еще макрель только думаетъ изъ Керчи итти сюда, а уже Юра знаетъ, гдѣ поставить заводъ.

Заводъ — это сдѣланная изъ сѣти западня въ десять сажень длиною и сажень пять въ ширину. Подробности мало кому интересны. Достаточно только сказать, что рыба, идущая ночью большой массой вдоль берега, попадаетъ, благодаря наклону сѣти, въ эту западню и vybrаться оттуда уже не можетъ безъ помощи рыбаковъ, которые поднимаютъ заводъ изъ воды и выпрастываютъ рыбу въ свои баркасы. Важно только въ-время замѣтить тотъ моментъ, когда вода на поверхности завода начнетъ кипѣть, какъ каша въ котлѣ. Если упустить этотъ моментъ, рыба прорветъ сѣть и уйдетъ.

И вотъ, когда таинственное предчувствіе увѣдомило Юру о рыбьихъ намѣреніяхъ — вся Балаклава переживаетъ нѣсколько тревожныхъ, томительно напряженныхъ дней. Дежурные мальчики день и ночь слѣдятъ съ высоты горъ за заводами, баркасы держатся наготовѣ. Изъ Севастополя пріѣхали скупщики рыбы. Мѣстный заводъ консервовъ приготовляетъ сараи для огромныхъ партій.

Однажды раннимъ утромъ повсюду — по домамъ, по кофейнымъ, по улицамъ — разносится, какъ молнія, слухъ:

— Рыба пошла, рыба идетъ! Макрель зашла въ заводы къ Ивану Егоровичу, къ Котѣ, къ Христо, къ Спиро и къ Капитанаки. И ужъ, конечно, къ Юрѣ Паратино.

Всѣ артели уходятъ на своихъ баркасахъ въ море.

Остальные жители поголовно на берегу: старики, жеп-

щины, дѣти, и оба толстыхъ трактирщика, и сѣдой кофейщикъ Иванъ Адамовичъ, и аптекарь, занятой чело-вѣкъ, прибѣжавшій впопыхахъ на минутку, и добродушный фельдшеръ Евсей Марковичъ, и оба мѣстныхъ доктора.

Особенно важно то обстоятельство, что первый баркасъ, пришедшій въ заливъ, продаетъ свою добычу по самой дорогой цѣнѣ, — такимъ образомъ для ожидающихъ на берегу соединяются вмѣстѣ и интересъ, и спортъ, и самолюбіе, и расчетъ.

Наконецъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ горло бухты сужается за горами, показывается, круто огибая берегъ, первал лодка.

— Это Юра.

— Нѣтъ, Коля.

— Конечно, это Генали.

У рыбаковъ есть свой особенный шикъ. Когда уловъ особенно богатъ, надо не войти въ заливъ, а прямо влетѣть на веслахъ, и трое гребцовъ мѣрно и часто, всѣ какъ одинъ, напрягая спину и мышцы рукъ, нагнувъ сильно шею, почти запрокидываясь назадъ, заставляютъ лодку быстрыми, короткими толчками мчаться по тихой глади залива. Атаманъ, лицомъ къ нимъ, гребетъ стоя; онъ руководитъ направлениемъ баркаса.

Конечно, это Юра Паратино!

До самыхъ бортовъ лодка наполнена бѣлой, серебряной рыбой, такъ что ноги гребцовъ лежатъ на ней вытянуты прямо и попираютъ ее. Небрежно, на ходу, въ то время, когда гребцы почти еще не замедляютъ разгона лодки, Юра соскакиваетъ на деревянную пристань.

Тотчасъ начинается торгъ со скупщиками.

— Тридцать! — говоритъ Юра и хлопаетъ съ размаху о ладонь длинной костлявой руки высокаго грека.

Это значитъ, что онъ хочетъ отдать рыбу по тридцать рублей за тысячу.

— Пятнадцать! — кричитъ грекъ и, въ свою очередь, высвободивъ руку изъ-подъ низу, хлопаетъ Юру по ладони.

— Двадцать восемь!

— Восемнадцать!

Хлопъ-хлопъ...

— Двадцать шесть!

— Двадцать!

— Двадцать пять! — говоритъ хрипло Юра. — И у меня тамъ еще идетъ одинъ баркасъ.

А въ это время изъ-за горла бухты показывается еще одинъ баркасъ, другой, третій, еще два сразу. Они стараются перегнать другъ друга, потому что цѣны на рыбу все падаютъ и падаютъ. Черезъ полчаса за тысячу уже платятъ 15 руб., черезъ часъ 10, и наконецъ 5 и даже 3 рубля.

Къ вечеру вся Балаклава нестерпимо воняетъ рыбой. Въ каждомъ домѣ жарится или маринуется скумбрія. Широкія устья печей въ булочныхъ заставлены глиняной черепицей, на которой рыба жарится въ собственномъ соку. Это называется: макрель на шкарѣ, — самое изысканное кушанье мѣстныхъ гастрономовъ. И всѣ кофейныя и трактиры наполнены дымомъ и запахомъ жареной рыбы.

А Юра Паратино — самый широкій человекъ во всей Балаклавѣ — заходитъ въ кофейную, гдѣ сгрудились въ табачномъ дыму и рыбьемъ чаду всѣ балаклавскіе рыбаки, и, покрывая общій гамъ, кричитъ повелительно кофейщику:

— Всѣмъ по чашкѣ кофе!

Моментъ всеобщаго молчанія, изумленія и восторга.

— Съ сахаромъ или безъ сахару? — спрашиваетъ по-

чтительно хозяинъ кофейни, огромный, черномазый Ивалъ Юрьичъ.

Юра въ продолженіе одной секунды колеблется: чашка кофе стоитъ три копейки, а съ сахаромъ пять. Но онъ чуждъ мелочности. Сегодня послѣдній пайщикъ на его баркасѣ заработалъ не меньше десяти рублей.

И онъ бросаетъ пренебрежительно:

— Съ сахаромъ. И музыку!..

Появляется музыка: кларнетъ и бубенъ. Они бубнятъ и дудятъ до самой поздней ночи однообразныя, унылыя татарскія пѣсни. На столахъ появляется молодое вино — розовое вино, пахнущее свѣже-раздавленнымъ виноградомъ; отъ него страшно скоро пьянѣешь, и на другой день болитъ голова.

А на пристани въ это время до поздней ночи разгружаются послѣдніе баркасы. Присѣвъ на корточки въ лодкѣ, двое или трое грековъ быстро, съ привычной ловкостью хватаютъ правой рукой двѣ, а лѣвой три рыбы и швыряютъ ихъ въ корзину, ведя точный, скорый, ни на секунду не прекращающійся счетъ.

И на другой день еще приходятъ баркасы съ моря.

Кажется, вся Балаклава переполнилась рыбой.

Лѣнивые, объѣвшіеся рыбой коты съ распухнувшими животами валяются поперекъ тротуаровъ, и когда ихъ толкнешь ногой, то они нехотя пріоткрываютъ одинъ глазъ и опять засыпаютъ. И домашніе гуси, тоже сонные, качаются по срединѣ залива, и изъ клювовъ у нихъ торчатъ хвосты недоѣденной рыбы.

Въ воздухѣ еще много дней стоитъ крѣпкій запахъ свѣжей рыбы и чадный запахъ жареной рыбы. И легкой, клейкой рыбьей чешуей осыпаны деревянныя пристани, и камни мостовой, и руки и платья счастливыхъ хозяекъ, и синія воды залива, лѣниво колышущагося подъ осеннимъ солнцемъ.

III.

Воровство.

Вечеръ. Мы сидимъ въ кофейнѣ Ивана Юрьича, освѣщенной двумя висячими лампами «Молнія». Густо накурено. Всѣ столики заняты. Кое-кто играетъ въ домино, другіе въ карты, третьи пьютъ кофе, иные просто, такъ себѣ, сидятъ въ теплѣ и свѣтѣ, перекидываясь разговорами и замѣчаніями. Длинная, лѣнивая, уютная, пріятная вечерняя скука овладѣла всей кофейной.

Понемногу мы затѣваемъ довольно странную игру, которой увлекаются всѣ рыбаки. Несмотря на скромность, долженъ сознаться, что честь изобрѣтенія этой игры принадлежитъ мнѣ. Она состоитъ въ томъ, что поочередно каждому изъ участниковъ завязываются глаза платкомъ, завязываются плотно, морскимъ узломъ, потомъ на голову ему накидывается куртка, и затѣмъ двое другихъ игроковъ, взявъ его подъ руки, водятъ по всѣмъ угламъ кофейни, нѣсколько разъ переворачиваютъ на мѣстѣ вокругъ самого себя, выводятъ на дворъ, опять приводятъ въ кофейню и опять водятъ его между столами, всячески стараясь запутать его. Когда, по общему мнѣнію, испытуемый достаточно сбить съ толку, его останавливаютъ и спрашиваютъ:

— Показывай, гдѣ сѣверъ?

Каждый подвергается такому экзамену по три раза, и тотъ, у кого способность ориентироваться оказалась хуже, чѣмъ у другихъ, ставитъ всѣмъ остальнымъ по чашкѣ кофе или соотвѣтствующее количество полубутылокъ молодого вина. Надо сказать, что въ большинствѣ случаевъ проигрываю я. Но Юра Паратино показываетъ

всегда на N съ точностью магнитной стрѣлки. Этакій звѣрь!

Но вдругъ я невольно оборачиваюсь назадъ и замѣчаю, что Христо Амбарзаки подзываетъ меня къ себѣ глазами. Онъ не одинъ, съ нимъ сидитъ мой атаманъ и учитель Яни.

Я подхожу. Христо для виду требуетъ домино, и въ то время, когда мы притворяемся, что играемъ, онъ, гремя костяжками, говоритъ вполголоса:

— Берите ваши дѣфаны и вмѣстѣ съ Яни приходите тихонько къ пристани. Бухта вся полна кефалью, какъ банка маслинами. Это ее загнали свиньи.

Дѣфаны — это очень тонкія сѣти, въ сажень вышиной, сажень 60 длины. Онѣ о трехъ полотнищахъ. Два крайнія съ широкими ячейками, среднее съ узкими. Маленькая скумбрія пройдетъ сквозь широкія стѣны, но запутается во внутреннихъ; наоборотъ, большая и крупная кефаль или лобанъ, который только стукнулся бы мордой о среднюю стѣну и повернулся бы назадъ, запутывается въ широкихъ наружныхъ ячейкахъ. Только у меня одного въ Балаклавѣ есть такія сѣти.

Потихоньку, избѣгая встрѣтиться съ кѣмъ-либо, мы выносимъ вмѣстѣ съ Яни сѣти на берегъ. Ночь такъ темна, что мы съ трудомъ различаемъ Христо, который ждетъ уже насъ въ лодкѣ. Какое-то фырганье, хрюканье, тяжелые вздохи слышатся въ заливѣ. Эти звуки производятъ дельфины, или морскія свиньи, какъ ихъ называютъ рыбаки. Многотысячную, громадную стаю рыбы они загнали въ узкую бухту и теперь носятся по заливу, беспощадно пожирая ее на ходу.

То, что мы сейчасъ собираемся сдѣлать, — безъ сомнѣнія, преступленіе. По своеобразному старинному обычаю, позволяется ловить въ бухтѣ рыбу только на удочку и въ мережки. Лишь однажды въ годъ, и то не больше

какъ въ продолженіе трехъ дней, ловятъ ее всей Балаклавой въ общественныя сѣти. Это — неписанный законъ, своего рода историческое рыбачье табу.

Но ночь такъ черна, вздохи и хрюканье дельфиновъ такъ возбуждаютъ страстное охотничье любопытство, что, подавивъ въ себѣ невольный вздохъ раскаянія, я осторожно прыгаю въ лодку и, въ то время какъ Христо беззвучно гребетъ, я помогаю Яни приводить сѣти въ порядокъ. Онъ перебираетъ нижній край, отягощенный большими свинцовыми грузилами, а я быстро и въ разъ съ нимъ передаю ему верхній край, оснащенный пробковыми поплавками.

Но чудесное, никогда невиданное зрѣлище вдругъ очаровываетъ меня. Гдѣ-то невдалекѣ, у лѣваго борта, раздается храпѣнье дельфина, и я внезапно вижу, какъ вокругъ лодки и подъ лодкой со страшной быстротой проносятся множество извилистыхъ серебристыхъ струекъ, похожихъ на слѣды тающаго фейерверка. Это бѣжать сотни и тысячи испуганныхъ рыбъ, спасающихся отъ преслѣдованія прожорливаго хищника. Тутъ я замѣчаю, что все море горитъ огнями. На гребняхъ маленькихъ, чуть плещущихъ волнъ играютъ голубые драгоценные камни. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ весла трогаютъ воду, загораются волшебнымъ блескомъ глубокія блестящія полосы. Я прикасаюсь къ водѣ рукой, и когда вынимаю ее обратно, то горсть свѣтящихся брильянтовъ падаетъ внизъ, и на моихъ пальцахъ долго горятъ нѣжныя синеватые фосфорическіе огоньки. Сегодня — одна изъ тѣхъ волшебныхъ ночей, про которыя рыбаки говорятъ:

— Море горитъ!...

Другой косякъ рыбы со страшной быстротой проносится подъ лодкой, бороздя воду короткими серебряными стрѣлками. И вотъ я слышу фыркание дельфина совсѣмъ близко. Наконецъ, вотъ и онъ! Онъ показывается съ

одной стороны лодки, исчезаетъ на секунду подъ килемъ и тотчасъ же проносится дальше. Онъ идетъ глубоко подъ водой, но я съ необыкновенной ясностью различаю весь его мощный бѣгъ и все его могучее тѣло, осеребренное игрой инфузорій, обведенное, точно контуромъ, миллиардомъ блескокъ, похожее на сіяющій стеклянный бѣгущій скелеть.

Христо гребетъ совершенно беззвучно, и Яни всего-навсего только одинъ разъ ударилъ свинцовыми грузилами о дерево. Мы перебрали уже всю сѣть, и теперь можно начинать.

Мы подходимъ къ противоположному берегу. Яни прочно устанавливается на носу, широко разставивъ ноги. Большой плоскій камень, привязанный къ веревкѣ, тихо скользитъ у него изъ рукъ, чуть слышно плещетъ объ воду и погружается на дно. Большой пробковый буюкъ всплываетъ наверхъ, едва замѣтно чернѣя на поверхности залива. Теперь совершенно беззвучно мы описываемъ лодкой полукругъ во всю длину нашей сѣти и опять причаливаемъ къ берегу и бросаемъ другой буюкъ. Мы внутри замкнутаго полукруга.

Если бы мы не занимались браконьерствомъ, а работали на открытомъ, свободномъ мѣстѣ, то теперь мы начали бы коладить, или, вѣрнѣе шантажировать, то - есть мы заставили бы шумомъ и плескомъ весель всю захваченную нашимъ полукругомъ рыбу кинуться въ разставленные для нея сѣти, гдѣ она должна застрянуть головами и жабрами въ ячейкахъ. Но наше дѣло требуетъ тайны, а поэтому мы только проѣзжаемъ отъ буйка до буйка, туда и обратно, два раза, при чемъ Христо беззвучно бурлитъ весломъ воду, заставляя ее вскипать прекрасными голубыми электрическими буграми. Потомъ мы возвращаемся къ первому буйку. Яни попережнему осторожно вытягиваетъ камень,

служившій якоремъ, и безъ малѣйшаго стука опускаетъ его на дно. Потомъ, стоя на носу, выставивъ впередъ лѣвую ногу и опершись на нее, онъ ритмическими движеніями поднимаетъ то одну, то другую руку, вытягивая вверхъ сѣть. Наклонившись немного черезъ бортъ, я вижу, какъ сѣть бѣжитъ изъ воды, и каждая ячейка ея, каждая ниточка глубоко видны мнѣ, точно восхитительное огненное плетеніе. Съ пальцевъ Яни стремятся внизъ и падаютъ маленькіе дрожащіе огоньки.

И я уже слышу, какъ мокро и тяжело шлепаются большая живая рыба о дно лодки, какъ она жирно трепещетъ, ударяя хвостомъ о дерево. Мы постепенно приближаемся ко второму буйку и съ прежними предосторожностями вытаскиваемъ его изъ воды.

Теперь моя очередь садиться на весла. Христо и Яни снова перебираютъ всю сѣть и выпрастываютъ изъ ея ячеекъ кефаль. Христо не можетъ сдержать себя и съ счастливымъ сдавленнымъ смѣхомъ кидаетъ черезъ голову Коли къ моимъ ногамъ большую, толстую, серебряную кефаль.

— Вотъ такъ рыба! — шепчетъ онъ мнѣ.

Яни тихо останавливаетъ его.

Когда ихъ работа кончена и мокрая сѣть вновь лежитъ на носовой площадкѣ баркаса, я вижу, что все дно застлано живой, еще шевелящейся рыбой. Но намъ нужно торопиться. Мы дѣлаемъ еще кругъ, еще и еще, хотя благоразуміе давно уже велитъ намъ вернуться въ городъ. Наконецъ мы подходимъ къ берегу въ самомъ глухомъ мѣстѣ. Яни приноситъ корзину, и съ вкуснымъ чмоканиемъ летятъ въ нее охалки большой мясистой рыбы, отъ которой такъ свѣжо и возбуждающе пахнетъ.

А черезъ десять минутъ мы возвращаемся обратно въ кофейню одинъ за другимъ. Каждый выдумываетъ какой-нибудь предлогъ для своего отсутствія. Но штаны и

куртки у насъ мокры, а у Яни запуталась въ усахъ и бородѣ рыба чешуя, и отъ насъ еще идетъ запахъ моря и сырой рыбы. И Христо, который не можетъ справиться съ недавнимъ охотничьимъ возбужденіемъ, нѣтъ-нѣтъ, да и намекнетъ на наше предпріятіе.

— А я сейчасъ шелъ по набережной... Сколько свиней зашло въ бухту. Ужасъ! — И метнетъ на насъ лукавымъ, горящимъ чернымъ глазомъ.

Яни, который вмѣстѣ съ нимъ относилъ и пряталъ корзину, сидитъ около меня и едва слышно бормочетъ въ чашку съ кофе:

— Тысячи двѣ, и все самыя крупныя. Я вамъ снесъ три десятка.

Это моя доля въ общей добычѣ. Я потихоньку киваю головой. Но теперь мнѣ немного совѣстно за мое недавнее преступленіе. Впрочемъ, я ловлю нѣсколько чужихъ, быстрыхъ плутоватыхъ взглядовъ. Кажется, что не мы одни занимались въ эту ночь браконьерствомъ!

IV.

Бѣлуга.

Наступаетъ зима. Какъ-то вечеромъ пошелъ снѣгъ, и все стало среди ночи бѣлымъ: набережная, лодки у берега, крыши домовъ, деревья. Только вода въ заливѣ остается жутко-черной и беспокойно плещется въ этой бѣлой, тихой рамѣ.

На всемъ крымскомъ побережьѣ — въ Анапѣ, Судакѣ, Керчи, Феодосіи, Ялтѣ, Балаклавѣ и Севастополѣ — рыбаки готовятся на бѣлугу. Чистятся рыбацьи сапоги, огромные до бедеръ сапоги изъ конской кожи, вѣсомъ по полупуду каждый, подновляются непромокаемые, крашеные

желтой масляной краской плащи и кожаные штаны, штопаются паруса, вяжутся перемёты.

Набожный рыбакъ Федоръ изъ Олеиза задолго до бѣлужьей ловли теплитъ въ своемъ шалашѣ передъ образомъ Николая Угодника, Муръ Ликійскихъ Чудотворца и покровителя всѣхъ моряковъ, восковыя свѣчи и лампадки съ лучшимъ оливковымъ масломъ. Когда онъ поѣдетъ въ море со своей артелью, состоящей изъ татаръ, морской Святитель будетъ прибитъ на кормѣ, какъ руководитель и податель счастья. Объ этомъ знаютъ всѣ крымскіе рыбаки, потому что это повторяется изъ года въ годъ, и потому еще, что за Федоромъ установилась слава очень смѣлаго и удачливаго рыбалки.

И вотъ однажды, съ первымъ попутнымъ вѣтромъ, на исходѣ ночи, но еще въ глубокой тьмѣ, сотни лодокъ отплываютъ отъ Крымскаго полуострова подъ парусами въ море.

Какъ красивъ моментъ отплытія! Съли всѣ пятеро на кормовую часть баркаса. «Съ Богомъ! Дай Богъ! Съ Богомъ!» Падаеть внизъ освобожденный парусъ и, похлопавъ нерѣшительно въ воздухѣ, вдругъ надувается, какъ выпуклое, острое, торчащее концомъ вверхъ, бѣлое птичье крыло. Лодка, вся наклонившись на одинъ бокъ, плавно выносится изъ устья бухты въ открытое море. Вода шипитъ и пѣнится за бортомъ и брызжетъ внутрь, а на самомъ борту, временами моча нижній край своей куртки въ водѣ, сидитъ небрежно какой-нибудь молодой рыбакъ и съ хвастливой небрежностью раскуриваетъ верченую папиросу. Подъ кормовой рѣшеткой хранится небольшой запасъ крѣпкой водки, немного хлѣба, десятокъ копченыхъ рыбъ и боченокъ съ водой.

Уплываютъ въ открытое море за тридцать и болѣе верстъ отъ берега. За этотъ длинный путь атаманъ и его помощникъ успѣваютъ изготовить снасть. А бѣлужья

снасть представляет собою вотъ что такое: вообразите себѣ, что по морскому дну, на глубинѣ сорока сажень, лежитъ крѣпкая веревка въ версту длиной, а къ ней привязаны черезъ каждые три-четыре аршина короткіе саженные куски шпагата, а на концахъ этихъ концовъ наживлена на крючки мелкая рыбешка. Два плоскихъ камня на обѣихъ оконечностяхъ главной веревки служатъ якорями, затопляющими ее, а два буйка, плавающихъ на этихъ якоряхъ, на поверхности моря, указываютъ ихъ положеніе. Буйки круглые, пробковые (сотня бутылочныхъ пробокъ, обвернутыхъ сѣткой), съ красными флажками наверху.

Помощникъ съ непостижимой ловкостью и быстротой насаживаетъ приманку на крючки, а атаманъ тщательно укладываетъ всю снасть въ круглую корзину, вдоль ея стѣнъ, правильной спиралью, наживкой внутрь. Въ темнотѣ, почти ощупью, вовсе не такъ легко исполнить эту кропотливую работу, какъ кажется съ перваго взгляда. Когда придетъ время опускать снасть въ море, то одинъ неудачно насаженный крючокъ можетъ зацѣпиться за веревку и жестоко перепутать всю систему.

На разсвѣтѣ приходятъ на мѣсто. У cadaго атамана есть свои излюбленные счастливые пункты, и онъ ихъ находитъ въ открытомъ морѣ, за десятки верстъ отъ берега такъ же легко, какъ мы находимъ коробку съ перьями на своемъ письменномъ столѣ. Надо только стать такимъ образомъ, чтобы Полярная звѣзда очутилась какъ разъ надъ колокольной монастыря св. Георгія, и двигаться, не нарушая этого направленія, на востокъ до тѣхъ поръ, пока не откроется Форосскій маякъ. У cadaго атамана имѣются свои тайныя вѣхи въ видѣ маяковъ, домовъ, крупныхъ прибрежныхъ камней, одинокихъ сосенъ на горахъ или звѣздъ.

Опредѣлили мѣсто. Выбрасываютъ на веревкѣ въ море

первый камень, устанавливаютъ глубину, привязываютъ буюкъ и отъ него идутъ на веслахъ впередъ на всю длину перемѣта, который атаманъ съ необычайной быстротой выматываетъ изъ корзины. Опускаютъ второй камень, пускаютъ на воду второй буюкъ — и дѣло окончено. Возвращаются домой на веслахъ, или, если вѣтеръ позволяетъ лавировать, подъ парусомъ. На другой день, или черезъ день, идутъ опять въ море и вытаскиваютъ снасть. Если Богу или случаю будетъ угодно, на крючьяхъ окажется бѣлуга, проглотившая приманку — огромная остроносая рыба, вѣсъ которой достигаетъ 10 — 20-ти, а въ рѣдкихъ случаяхъ даже 30-ти и болѣе пудовъ.

Такъ-то вотъ и вышелъ однажды ночью изъ бухты Ваня Андруцаки на своемъ баркасѣ. По правдѣ сказать, никто не ожидалъ добра отъ такого предпріятія. Старый Андруцаки умеръ прошлой весной, а Ваня былъ слишкомъ молодъ, и, по мнѣнію опытныхъ рыбаковъ, ему слѣдовало бы еще года два побыть простымъ гребцомъ, да еще годъ помощникомъ атамана. Но онъ набралъ свою артель изъ самой зеленой и самой отчаянной молодежи, сурово прикрикнулъ, какъ настоящій хозяинъ, на занывшую-было старуху-мать, изругалъ ворчливыхъ стариковъ-сосѣдей гнусными матерными словами и вышелъ въ море пьяный, съ пьяной командой, стоя на кормѣ со сбитой лихо на затылокъ барашковой шапкой, изъ-подъ которой буйно выбивались на загорѣлый лобъ курчавые, черные, какъ у пуделя, волосы.

Въ эту ночь на морѣ дулъ крѣпкій береговой, и шелъ снѣгъ. Нѣкоторые баркасы, выйдя изъ бухты, вскорѣ вернулись назадъ, потому что греческіе рыбаки, несмотря на свою многолѣтнюю опытность, отличаются чрезвычайнымъ благоразуміемъ, чтобы не сказать трусостью. «Погода не пускаетъ», — говорили они.

Но Ваня Андруцаки возвратился домой около полудня съ баркасомъ, наполненнымъ самой крупной бѣлугой, да кромѣ того еще приволокъ на буксирѣ огромную рыбину, чудовище въ 20 пудовъ вѣсомъ, которое артель долго добивала деревянными колотушками и веслами.

Съ этимъ великаномъ пришлось порядочно-таки помучиться. Про бѣлугу рыбаки вообще говорятъ, что надо только подтянуть ея голову въ уровень съ бортомъ, а тамъ ужъ рыба сама вскочитъ въ лодку. Правда, иногда при этомъ она могучимъ всплескомъ хвоста сбиваетъ въ воду неосторожного ловца. Но бываютъ изрѣдка при бѣлужьей ловлѣ и болѣе серьезные моменты, грозящіе настоящей опасностью для рыбаковъ. Такъ и случилось съ Ваней Андруцаки.

Стоя на самомъ носу, который то взлеталъ на пѣнистые бугры широкихъ волнъ, то стремительно падалъ въ гладкія водяныя зеленыя ямы, Ваня размѣренными движеніями рукъ и спины выбиралъ изъ моря перемѣтъ. Пять бѣлужонковъ, попавшихся съ самаго начала, почти одинъ за другимъ, уже лежали неподвижно на днѣ баркаса, но потомъ ловля пошла хуже: сто или полтора ста крючковъ подъ рядъ оказались пустыми, съ нетронутой наживкой.

Артель молча гребла, не спуская глазъ съ двухъ точекъ на берегу, указанныхъ атаманомъ. Помощникъ сидѣлъ у ногъ Вани, освобождая крючки отъ наживки и складывая веревку въ корзину правильнымъ бунтомъ. Вдругъ одна изъ пойманныхъ рыбъ судорожно встрепенулась.

— Бьетъ хвостомъ, поджидаетъ подругу, — сказалъ молодой рыбакъ Павелъ, повторяя старую рыбачью примѣту.

И въ ту же секунду Ваня Андруцаки почувствовалъ, что огромная живая тяжесть, вздрагивая и сопротивляясь

повисла у него на натянувшемся вкось перемётѣ, въ самой глубинѣ моря. Когда же, позднѣе, наклонившись за бортъ, онъ увидѣлъ подъ водой и все длинное, серебряное, волнующееся, рябящее тѣло чудовища, онъ не удержался и, обернувшись назадъ къ артели, прошепталъ съ сіяющими отъ восторга глазами:

— Здоровая!.. Какъ быкъ!.. Пудовъ на сорокъ...

Этого ужъ никакъ не слѣдовало дѣлать! Спаси Богъ, будучи въ морѣ, предупреждать событія или радоваться успѣху, не дойдя до берега. И старая таинственная примѣта тотчасъ же оправдалась на Ванѣ Андруцаки. Онъ уже видѣлъ, не болѣе какъ въ полуаршинѣ отъ поверхности воды, острую, утлую костистую морду и, сдерживая бурное трепетаніе сердца, уже готовился подвести ее къ борту, какъ вдругъ... могучій хвостъ рыбы плеснулъ сверхъ волны, и бѣлуга стремительно понеслась внизъ, увлекая за собою веревку и крючки.

Ваня не растерялся. Онъ крикнулъ рыбакамъ: «Табань!» — скверно и очень длинно выругался и принялся травить перемётъ вслѣдъ убѣгавшей рыбѣ. Крючки такъ и мелькали въ воздухѣ изъ-подъ его рукъ, шлепаясь въ воду. Помощникъ пособлялъ ему, выпрастывая снасть изъ корзины. Гребцы налегли на весла, стараясь ходомъ лодки опередить подводное движеніе рыбы. Это была страшно быстрая и точная работа, которая не всегда кончается благополучно. У помощника запуталось нѣсколько крючковъ. Онъ крикнулъ Ванѣ: «Стопъ травить!» — и принялся распутывать снасть съ той быстротой и тщательностью, которая въ минуты опасности свойственна только морскимъ людямъ. Въ эти нѣсколько секундъ перемётъ въ рукѣ Вани натянулся какъ струна, и лодка скакала точно бѣшеная съ волны на волну, увлекаемая ужаснымъ бѣгомъ рыбы и подгоняемая вслѣдъ за ней усиліями гребцовъ.

«Трави!» — крикнулъ наконецъ помощникъ. Веревка съ необычайной быстротой вновь побѣжала изъ ловкихъ рукъ атамана, но вдругъ лодку дернуло, и Ваня съ глухимъ стономъ выругался: мѣдный крючокъ съ размаха вонзился ему въ мякоть ладони подъ мизинцемъ и за-сѣлъ тамъ во всю глубину извива. И тутъ-то Ваня показалъ себя настоящимъ соленымъ рыбакомъ. Обмотавъ перемѣтъ вокругъ пальцевъ раненой руки, онъ задержалъ на секунду бѣгъ веревки, а другой рукой досталъ ножъ и перерѣзалъ шпагатъ. Крючокъ крѣпко держался въ рукѣ своимъ жаломъ, но Ваня вырвалъ его съ мясомъ и бросилъ въ море. И хотя обѣ его руки и веревка перемѣта сплошь окрасились кровью, и бортъ лодки и вода въ баркасѣ покраснѣли отъ его крови, онъ все-таки довелъ свою работу до конца и самъ нанесъ первый оглушающій ударъ колотушкой по башкѣ упрямой рыбѣ.

Его уловъ былъ первымъ бѣлужьимъ уловомъ этой осени. Артель^а продала рыбу по очень высокой цѣнѣ, такъ что на каждый пай пришлось почти до сорока рублей. По этому случаю было выпито страшное количество молодого вина, а подъ вечеръ весь экипажъ «Георгія Побѣдоносца» — такъ назывался Ванинъ баркасъ — отправился на двуконномъ фаэтонѣ съ музыкой въ Севастополь. Тамъ храбрые балаклавскіе рыбаки вмѣстѣ съ флотскими матросами разнесли на мелкіе кусочки фортепіано, двери, кровати, стулья и окна въ публичномъ домѣ, потомъ передрались между собою и только къ свѣту вернулись домой пьяные, въ синякахъ, но съ пѣснями. И только-что вылѣзли изъ коляски, какъ тотчасъ же свалились въ лодку, подняли парусъ и пошли въ море забрасывать крючья.

Съ этого самаго дня за Ваней Андруцаки установилась слава, какъ за настоящимъ соленымъ атаманомъ.

V.

Господня рыба.

Апокрифическое сказаніе.

Эту прелестную древнюю легенду рассказалъ мнѣ въ Балаклавѣ атаманъ рыбачьяго баркаса, Коля Констанди, настоящій соленый грекъ, отличный морякъ и большой пьяница.

Онъ въ то время училъ меня всѣмъ премудрымъ и страннымъ вещамъ, составляющимъ рыбачью науку.

Онъ показывалъ мнѣ, какъ вязать морскіе узлы и чинить прорванныя сѣти, какъ наживлять крючки на бѣлугу, забрасывать и промывать мережки, кидать намѣтку на камсу, выпрастывать кефаль изъ трехстѣнныхъ сѣтей, жарить лобана на шкарѣ, отковыривать ножомъ петалиди, приросшихъ къ скалѣ, и ѣсть сырыми креветокъ, узнавать ночную погоду по дневному прибою, ставить парусъ, выбирать якорь и измѣрять глубину дна.

Онъ терпѣливо объяснялъ мнѣ разницу между направлениемъ и свойствами вѣтровъ: леванти, греба-леванти, широко, тремонтана, страшнаго бѣра, благопріятнаго морского и капризнаго берегового.

Ему же я обязанъ знаніемъ рыбачьихъ обычаевъ и суевѣрій во время ловли: нельзя свистать на баркасѣ; плевать позволено только за бортъ; нельзя упоминать чорта, хотя можно проклинать при неудачѣ: вѣру, могилу, гробъ, душу, предковъ, глаза, печенки, селезенки и т. д.; хорошо оставлять въ снасти, какъ будто нечаянно, забытую рыбешку—это приноситъ счастье; спаси Богъ выбросить за бортъ что-нибудь съѣстное, когда

баркасъ еще въ морѣ, но всего ужаснѣе, непростительнѣе и зловреднѣе — это спросить рыбака: «Куда?». За такой вопросъ бьютъ.

Отъ него я узналъ о ядовитой рыбкѣ дракусъ, похожей на мелкую скумбрію, и о томъ, какъ ее снимать съ крючка, о свойствѣ морского ерша причинять нарывы уколомъ плавниковъ, о страшномъ двойномъ хвостѣ электрическаго ската и о томъ, какъ искусно выѣдаетъ морской краббъ устрицу, вставивъ сначала въ ея створку маленькій камешекъ.

Но немало также я слышалъ отъ Коли диковинныхъ и таинственныхъ морскихъ разсказовъ, слышалъ въ тѣ сладкіе, тихіе ночные часы ранней осени, когда нашъ яликъ нѣжно покачивался среди моря, вдали отъ невидимыхъ береговъ, а мы, вдвоемъ или втроемъ, при желтомъ свѣтѣ ручного фонаря, не торопясь, попивали молодое розовое мѣстное вино, пахнувшее свѣже-раздавленнымъ виноградомъ.

«Среди океана живетъ морской змѣй въ версту длиною. Рѣдко, не болѣе раза въ 10 лѣтъ, онъ подымается со дна на поверхность и дышетъ. Онъ одинокъ. Прежде ихъ было много, самцовъ и самокъ, но столько они дѣлали зла мелкой рыбешкѣ, что Богъ осудилъ ихъ на вымираніе, и теперь только одинъ старый, тысячелѣтній змѣй-самецъ сиротливо доживаетъ свои послѣдніе годы. Прежніе моряки видѣли его — то здѣсь, то тамъ — во всѣхъ странахъ свѣта и во всѣхъ океанахъ.

«Живетъ гдѣ-то среди моря, на безлюдномъ островѣ, въ глубокой подводной пещерѣ царь морскихъ раковъ. Когда онъ ударяетъ клешней о клешню, то на поверхности воды вскипаетъ великое волненіе.

«Рыбы говорятъ между собой — это всякій рыбакъ знаетъ. Онѣ сообщаютъ другъ другу о разныхъ опасностяхъ и человѣческихъ ловушкахъ, и неопытный, не-

ловкій рыбакъ можетъ надолго испортить счастливое мѣсто, если выпустить изъ сѣтей рыбу».

Слышалъ я также отъ Коли о Летучемъ Голландцѣ, объ этомъ вѣчномъ скитальцѣ морей, съ черными парусами и мертвымъ экипажемъ. Впрочемъ, эту страшную легенду знаютъ, и ей вѣрятъ, на всѣхъ морскихъ побережьяхъ Европы.

Но одно далекое преданіе, рассказанное имъ, особенно тронуло меня своей наивной рыбацъей простотой.

Однажды на зарѣ, когда солнце еще не всходило, но небо было цвѣта апельсина и по морю бродили розовые туманы, я и Коля вытягивали сѣть, поставленную съ вечера поперекъ берега на скумбрію. Уловъ былъ совсѣмъ плохой. Въ ячейкѣ сѣти запутались около сотни скумбріи, пять-шесть ершей, нѣсколько десятковъ золотыхъ толстыхъ карасиковъ и очень много студенистой перламутровой медузы, похожей на огромныя безцвѣтныя шляпки грибовъ со множествомъ ножекъ.

Но попалась также одна очень странная, невиданная мною доселѣ рыбка. Она была овальной, плоской формы и умѣстилась бы свободно на женской ладони. Весь ея контуръ былъ окруженъ частыми, мелкими, прозрачными ворсинками. Маленькая голова, и на ней совсѣмъ не рыбы глаза — черные, съ золотыми ободками, необыкновенно подвижные. Тѣло ровнаго золотистаго цвѣта. Всего же поразительнѣе были въ этой рыбкѣ два пятна, по одному съ каждаго бока, посрединѣ, величиною съ гривенникъ, но неправильной формы и чрезвычайно яркаго небесно-голубого цвѣта, какого нѣтъ въ распоряженіи художника.

— Посмотрите, — сказалъ Коля: — вотъ Господня рыба. Она рѣдко попадается.

Мы помѣстили ее сначала въ лодочный черпакъ, а

потомъ, возвращаясь домой, я налилъ морской воды въ большой эмалированный тазъ и пустилъ туда Господню рыбу. Она быстро заплывала по окружности таза, касаясь его стѣнокъ, и все въ одномъ и томъ же направленіи. Если ее трогали, она издавала чуть слышный, короткий, храпящій звукъ и усиливала безпрестанный бѣгъ. Черные глаза ея вращались, а отъ мерцающихъ безчисленныхъ ворсинокъ быстро дрожала и струилась вода.

Я хотѣлъ сохранить ее, чтобы отвезти живой въ Севастополь, въ аквариумъ біологической станціи, но Коля сказалъ, махнувъ рукой:

— Не стоить и трудиться. Все равно не выживетъ. Это такая рыба. Если ее хоть на секунду вытащить изъ моря — ей уже не жить. Это Господня рыба.

Къ вечеру она умерла. А ночью, сидя въ яликѣ, далеко отъ берега, я вспомнилъ и спросилъ:

— Коля, а почему же эта рыба — Господня?

— А вотъ почему, — отвѣтилъ Коля съ глубокой вѣрой. — Старые греки у насъ рассказываютъ такъ. Когда Иисусъ Христосъ, Господь нашъ, воскресъ на третій день послѣ своего погребенія, то никто Ему не хотѣлъ вѣрить. Видѣли много чудесъ отъ Него при Его жизни, но этому чуду не могли повѣрить и боялись.

«Отказались отъ Него ученики, отказались апостолы, отказались жены-мироносицы. Тогда приходитъ Онъ къ Своей Матери. А она въ это время стояла у очага и жарила на сковородкѣ рыбу, приготовляя обѣдъ Себѣ и близкимъ. Господь говоритъ Ей:

«— Здравствуй! Вотъ Я, Твой Сынъ, воскресшій, какъ было сказано въ писаніи. Миръ съ Тобою.

«Но Она задрожала и воскликнула въ испугѣ:

«— Если Ты подлинно сынъ Мой Иисусъ, сотвори чудо, чтобы я увѣровала.

«Улыбнулся Господь, что Она не вѣритъ Ему, и сказалъ:

«— Вотъ, Я возьму рыбу, лежащую на огнѣ, и она оживетъ. Повѣришь ли Ты Мнѣ тогда?»

«И едва Онъ, прикоснувшись своими двумя пальцами къ рыбѣ, поднялъ ее на воздухъ, какъ она затрепыхалась и ожила.

«Тогда увѣровала Мать Господа въ чудо и радостно поклонилась Сыну воскресшему. А на этой рыбѣ съ тѣхъ поръ такъ и остались два небесныхъ пятна. Это слѣды Господнихъ пальцевъ».

Такъ рассказывалъ простой, немудрый рыбакъ наивное давнее сказаніе. Спустя же нѣсколько дней я узналъ, что у Господней рыбы есть еще другое названіе — Зевсова рыба. Кто скажетъ: до какой глубины, время восходить тотъ апокрифъ?

VI.

Бора.

О, милые простые люди, мужественныя сердца, наивныя первобытныя души, крѣпкія тѣла, обвѣянные соленымъ морскимъ вѣтромъ, мозолистыя руки, зоркіе глаза, которые столько разъ глядѣли въ лицо смерти, въ самыя ея зрачки!

Третьи сутки дуетъ Бора. Бора — иначе Нордъ-Остъ — это яростный таинственный вѣтеръ, который рождается гдѣ-то въ плѣшивыхъ, облѣзшихъ горахъ около Новороссійска, сваливается въ круглую бухту и разводитъ страшное волненіе по всему Черному морю. Сила его такъ велика, что онъ опрокидываетъ съ рельсовъ груженые товарные вагоны, валитъ телеграфныя столбы, разрушаетъ только-что сложенные кирпичныя стѣны, бро-

саесть на землю людей, идущихъ въ одиночку. Въ срединѣ прошлаго столѣтія нѣсколько военныхъ судовъ, застигнутыхъ Нордъ-Остомъ, отстаивались противъ него въ Новороссійской бухтѣ: они развели полные пары и шли навстрѣчу вѣтру усиленнымъ ходомъ, не подаваясь ни на вершокъ впередъ, забросили противъ вѣтра двойные якоря, и тѣмъ не менѣе ихъ сорвало съ якорей, потащило внутрь бухты и выбросило, какъ щепки, на прибрежные камни.

Вѣтеръ этотъ страшенъ своей неожиданностью: его невозможно предугадать — это самый капризный вѣтеръ на самомъ капризномъ изъ морей.

Старые рыбаки говорятъ, что единственное средство спастись отъ него — это «удирать въ открытое море». И бывають случаи, что Бора уноситъ какой-нибудь четырехгребный баркасъ или голубую, разукрашенную серебряными звѣздами, турецкую фелюгу черезъ все Черное море, за триста пятьдесятъ верстъ, на Анатолійскій берегъ.

Третьи сутки дуетъ Бора. Новолуніе. Молодой мѣсяцъ, какъ и всегда, рождается съ большими мученіями и трудомъ. Опытные рыбаки не только не думаютъ о томъ, чтобы пуститься въ море, но даже вытащили свои баркасы подальше и понадежнѣе на берегъ.

Одинъ лишь отчаянный Федоръ изъ Олеиза, который за много дней передъ этимъ теплилъ свѣчу передъ образомъ Николая Чудотворца, рѣшился выйти, чтобы поднять бѣлужью снасть.

Три раза со своей артелью, состоявшей исключительно изъ татаръ, отплывалъ онъ отъ берега и три раза возвращался обратно на веслахъ съ большими усиліями, проклятіями и богохульствами, дѣлалъ въ часъ не болѣе одной десятой морского узла. Въ бѣшенствѣ, которое можетъ быть понятно только моряку, онъ срывалъ прикрѣпленный на носу образъ Николая, Муръ Ликійскихъ Чудо-

творца, швырялъ его на дно лодки, топталъ ногами и мерзко ругался, а въ это время его команда шапками и горстями вычерпывала воду, хлеставшую черезъ бортъ.

Въ эти дни старые, хитрые балаклавскіе листригоны сидѣли по кофейнямъ, крутили самодѣльные папиросы, пили крѣпкій бобковый кофе съ гущей, играли въ домино; жаловались на то, что погода не пускаетъ, и въ уютномъ теплѣ, при свѣтѣ висячихъ лампъ, вспоминали древніе легендарные случаи, наслѣдіе отцовъ и дѣдовъ, о томъ, какъ въ такомъ-то и въ такомъ-то году морской прибой достигалъ сотни саженой вверхъ, и брызги отъ него долетали до самаго подножія полуразрушенной генуэзской крѣпости.

Пропалъ безъ вѣсти одинъ баркасъ изъ Фороса, на которомъ работала артель пришлыхъ русопетовъ, восьмеро какихъ-то бѣлобрысыхъ Ивановъ, пріѣхавшихъ откуда-то, не то съ Ильменя, не то съ Волги искать удачи на Черномъ морѣ. Въ кофейняхъ никто о нихъ не пожалѣлъ и не потревожился. Почмокали языкомъ, посмѣялись и сказали презрительно и просто: «Тц... тц... тц... конечно, дураки, развѣ можно въ такую погоду? Известно — русскіе». Въ предутренній часъ темной ревущей ночи пошли они всѣ, какъ камни, на дно въ своихъ коневыхъ сапогахъ до поясницы, въ кожаныхъ курткахъ, въ крашеныхъ желтыхъ непромокаемыхъ плащахъ.

Совсѣмъ другое дѣло было, когда передъ Борой вышелъ въ море Ваня Андруцаки, наплевавъ на всѣ предостереженія и уговоры старыхъ людей. Богъ его знаетъ, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ? Вѣрнѣе всего изъ мальчишескаго задора, изъ буйнаго, молодого самолюбія, немножко подъ пьяную руку. А можетъ-быть, на него любовалась въ эту минуту красногубая, черноглазая гречанка?

Поднялъ парусъ — а вѣтеръ уже и въ то время былъ очень свѣжій — и только его и видѣли! Со скоростью

хорошаго призового рысака вынеслась лодка изъ бухты, помаячила минутъ пять своимъ бѣлымъ парусомъ въ морской синевѣ, и сейчасъ же нельзя было разобрать, что тамъ вдали бѣлѣетъ: парусъ или бѣлые барашки, скакавшіе съ волны на волну?

А вернулся онъ домой только черезъ трое сутокъ...

Трое сутокъ безъ сна, безъ ѣды и питья, днемъ и ночью и опять днемъ и ночью, и еще сутки, въ крошечной скорлупкѣ, среди обезумѣвшаго моря — и вокругъ ни берега, ни паруса, ни маячнаго огня, ни пароходнаго дыма! А вернулся Ваня Андруцаки домой — и точно забылъ обо всемъ, точно ничего съ нимъ и не было, точно онъ съѣздилъ на мальпостѣ въ Севастополь и купилъ тамъ десятокъ папиросъ.

Были, правда, нѣкоторыя подробности, которыя я съ трудомъ выдавилъ изъ Ваниной памяти. Напримѣръ, съ Юрой Липіади случилось, на исходѣ вторыхъ сутокъ, нѣчто въ родѣ истерическаго припадка, когда онъ началъ вдругъ ни съ того ни съ сего плакать и хохотать и совсѣмъ уже было-выпрыгнуть за бортъ, если бы Ваня Андруцаки вѣ-время не успѣлъ ударить его рулевымъ весломъ по головѣ. Былъ также моментъ, когда артель, напуганная бѣшенымъ ходомъ лодки, захотѣла убрать парусъ, и Ванѣ стоило, должно-быть, большихъ усилій, чтобы сжать въ кулакъ волю этихъ пяти человѣкъ и, передъ дыханіемъ смерти, заставить ихъ подчиниться себѣ. Кое-что я узналъ и о томъ, какъ кровь выступала у гребцовъ изъ-подъ ногтей отъ непомерной работы. Но все это было рассказано мнѣ отрывками, нехотя, вскользь. Да! Конечно, въ эти трое сутокъ напряженной, судорожной борьбы со смертью было много сказано и сдѣлано такого, о чемъ артель «Георгія Побѣдоносца» не расскажетъ никому, ни за какія блага, до конца дней своихъ!

Въ эти трое сутокъ ни одинъ человѣкъ не сомкнулъ

глазъ въ Балаклавѣ, кромѣ толстаго Петалиди, хозяина гостиницы «Парижъ». И всѣ тревожно бродили по набережной, лазили на скалы, взбирались на генуэзскую крѣпость, которая высится своими двумя древними зубцами надъ городомъ, всѣ: старики, молодые, женщины и дѣти. Полетѣли во всѣ концы свѣта телеграммы: начальнику черноморскихъ портовъ, мѣстному архіерею, на маяки, на спасательныя станціи, морскому министру, министру путей сообщенія, въ Ялту, въ Севастополь, въ Константинополь и Одессу, греческому патріарху, губернатору и даже почему-то русскому консулу въ Дамаскѣ, который случайно оказался знакомымъ одному балаклавскому греку-аристократу, торгующему мукой и цементомъ.

Проснулась древняя, многовѣковая спайка между людьми, кровное товарищеское чувство, такъ мало замѣтное въ буднишніе дни среди мелкихъ расчетовъ и житейскаго сора, заговорили въ душахъ тысячелѣтніе голоса пра-пра-пращуровъ, которые задолго до временъ Одиссея вмѣстѣ отстаивались отъ Боры въ такіе же дни и такіа же ночи.

Никто не спалъ. Ночью развели огромный костеръ на верху горы, и всѣ ходили по берегу съ огнями, точно на Пасху. Но никто не смѣялся, не пѣлъ, и опустѣли всѣ кофейни.

Ахъ, какой это былъ восхитительный моментъ, когда утромъ, часовъ около восьми, Юра Паратино, стоявшій на верху скалы надъ Бѣлыми камнями, прищурился, нагнулся впередъ, вцѣпилъ своими зоркими глазами въ пространство и вдругъ крикнулъ:

— Есть! Идутъ!

Кромѣ Юры Паратино никто не разглядѣлъ бы лодки въ этой черно-синей морской дали, которая колыхалась тяжело и еще злобно, медленно утихая отъ недавняго гнѣва. Но прошло пять, десять минутъ, и уже любой

мальчишка могъ удостовѣриться въ томъ, что «Георгій Побѣдоносецъ» идетъ, лавируя подъ парусомъ, къ бухтѣ. Была большая радость, соединившая сотню людей въ одно тѣло и въ одну душу!

Передъ бухтой они опустили парусъ и вошли на веслахъ, вошли какъ стрѣла, весело напрягая послѣднія силы, вошли, какъ входятъ рыбаки въ заливъ послѣ отличнаго улова бѣлуги. Кругомъ плакали отъ счастья: матери, жены, невѣсты, сестры, братишки. Вы думаете, что хоть одинъ рыбакъ изъ артели «Георгія Побѣдоносца» размякъ, расплакался, полѣзъ цѣловаться или рыдать на чьей-нибудь груди? Ничуть! Они всѣ шестеро, еще мокрые, осипшіе и обвѣтренные, ввалились въ кофейную Юры, потребовали вина, орали пѣсни, заказали музыку и плясали, какъ сумасшедшіе, оставляя на полу лужи воды. И только поздно вечеромъ товарищи разнесли ихъ пьяныхъ и усталыхъ по домамъ; и спали они безъ просыпу по двѣдцати часовъ каждый. А когда проснулись, то глядѣли на свою поѣздку въ море, ну вотъ такъ, какъ будто бы они съѣздили на мальпостѣ въ Севастополь на полчаса, чуть-чуть кутнули тамъ и вернулись домой.

VII.

Водолазы.

I.

Въ балаклавскую бухту — узкогорлую, извилистую и длинную — кажется, со временъ Крымской кампаніи не заходилъ ни одинъ пароходъ, кромѣ развѣ миноносокъ на маневрахъ. Да и что, по правдѣ сказать, дѣлать пароходамъ въ этомъ глухомъ рыбацьемъ полупоселкѣ-полугородкѣ? Единственный грузъ — рыбу — скупаютъ на мѣ-

стѣ перекупщики и везутъ на продажу за 13 верстѣ, въ Севастополь; изъ того же Севастополя приѣзжаютъ сюда немногіе дачники на мальпостѣ за пятьдесятъ копеекъ. Маленькій, но отчаянной храбрости паровой катериска «Герой», который ежедневно бѣгаетъ между Ялтой и Алупкой, пыхтя, какъ зарьявшая собака, и треплясь, точно въ ураганѣ, въ самую легкую зыбь, пробовалъ было установить пассажирское сообщеніе и съ Балаклавой. Но изъ этой попытки, повторенной раза три-четыре, ничего путнаго не вышло: только лишняя трата угля и времени. Въ каждый рейсъ «Герой» приходилъ пустымъ и возвращался пустымъ. А балаклавскіе греки, отдаленные потомки кровожадныхъ гомеровскихъ листригоновъ, встрѣчали и провожали его, стоя на пристани и, заложивъ руки въ карманы штановъ, мѣткими словечками, двусмысленными совѣтами и язвительными пожеланіями.

Зато во время севастопольской осады голубая прелестная бухта Балаклавы вмѣщала въ себѣ чуть ли не четверть всей союзной флотиліи. Отъ этой героической эпохи остались и до сихъ поръ кое-какіе достовѣрные слѣды: крутая дорога въ балкѣ Кефало-Вриси, проведенная англійскими саперами, итальянское кладбище на верху балаклавскихъ горъ между виноградниками, да еще при плантажѣ земли подъ виноградъ время отъ времени откапываютъ короткія гипсовыя и костяныя трубочки, изъ которыхъ болѣе, чѣмъ полвѣка тому назадъ курили табакъ союзные солдаты.

Но легенда цвѣтетъ пышнѣе. До сихъ поръ балаклавскіе греки убѣждены, что, только благодаря стойкости ихъ собственнаго балаклавскаго батальона, смогъ такъ долго продержаться Севастополь. Да! Въ старину населяли Балаклаву желѣзные и гордые люди. Объ ихъ гордости устное преданіе удержало замѣчательный случай.

Не знаю, бывалъ ли когда-нибудь покойный императоръ Николай I въ Балаклавѣ. Думаю всячески, что во

время Крымской войны онъ врядъ ли, за недостаткомъ времени, заѣзжалъ туда. Однако живая исторія увѣренно повѣствуетъ о томъ, какъ на смотру, подѣхавъ на бѣломъ конѣ къ славному балаклавскому батальону, грозный государь, пораженный воинственнымъ видомъ, огненными глазами и черными усищами балаклавцевъ, воскликнулъ громовымъ и радостнымъ голосомъ:

— Здорово, ребята!

Но батальонъ молчалъ.

Царь повторилъ нѣсколько разъ свое привѣтствіе, все въ болѣе и болѣе гнѣвномъ тонѣ. То же молчаніе! Наконецъ, совсѣмъ уже разсерженный, императоръ наскочилъ на батальоннаго начальника и воскликнулъ своимъ ужаснымъ голосомъ:

— Отчего же они, чортъ ихъ побери, не отвѣчаютъ? Кажется, я по-русски сказалъ: здорово, ребята!

— Здѣсь нѣтъ ребята, — отвѣтилъ кротко начальникъ. — Здѣсь сѣ капитаны..

Тогда Николай I разсмѣялся — что же ему оставалось еще дѣлать? — и вновь крикнулъ:

— Здравствуйте, капитаны!

И храбрые листригоны весело заорали въ отвѣтъ:

— Къли мѣра (добрый день!), ваше величество!

Такъ ли происходило это событіе или не такъ, и вообще происходило ли оно въ дѣйствительности, судить трудно, за неимѣніемъ вѣскихъ и убѣдительныхъ историческихъ данныхъ. Но и до сихъ поръ добрая треть отважныхъ балаклавскихъ жителей носитъ фамилію Капитанаки, и если вы встрѣтите когда-нибудь грека съ фамиліей Капитанаки, будьте увѣрены, что онъ самъ или его недалекіе предки — родомъ изъ Балаклавы.

II.

Но самыми яркими и соблазнительными цвѣтами украшено сказаніе о затонувшей у Балаклавы англійской эскадрѣ. Темной зимней ночью нѣсколько англійскихъ судовъ направлялись къ балаклавской бухтѣ, ища спасенія отъ бури. Между ними былъ прекрасный трехмачтовый фрегатъ «Black Prince», везшій деньги для уплаты жалованья союзнымъ войскамъ. Шестьдесятъ милліоновъ рублей звонкимъ англійскимъ золотомъ! Старикамъ даже и цифра извѣстна съ точностью.

Тѣ же старики говорятъ, что такихъ урагановъ теперь уже не бываетъ, какъ тотъ, что свирѣпствовалъ въ эту страшную ночь! Громадныя волны, ударяясь объ отвѣсныя скалы, всплескивали навверхъ до подножія Генуэзской башни, — двадцать сажень высоты! — и омывали ея сѣрыя старыя стѣны. Эскадра не сумѣла найти узкаго входа въ бухту, или, можетъ-быть, найдя, не смогла войти въ него. Она вся разбилась объ утесы и вмѣстѣ съ великолѣпнымъ кораблемъ «Black Prince» и съ англійскимъ золотомъ пошла ко дну около Бѣлыхъ Камней, которые и теперь еще внушительно торчатъ изъ воды, тамъ, гдѣ узкое горло бухты расширяется къ морю, съ правой стороны, если выходишь изъ Балаклавы.

Теперешніе пароходы совершаютъ свои рейсы далеко отъ бухты, верстахъ въ 15—20. Съ генуэзской крѣпости едва различишь кажущійся неподвижнымъ темный корпусъ парохода, длинный хвостъ сѣраго тающего дыма и двѣ мачты, стройно наклоненныя назадъ. Зоркій рыбацкій глазъ однако почти безошибочно разбираетъ эти суда по какимъ-то примѣтамъ, непонятымъ нашему опыту и зрѣнію. «Вотъ идетъ грузовой изъ Евпаторіи... Это Русскаго Общества, а это Россійскій... это — Кошкинскій... А

это валяетъ по мертвой зыби «Пушкина» — его и въ тихую погоду валяетъ»...

III.

И вотъ однажды, совсѣмъ неожиданно, въ бухту вошелъ огромный, старинной конструкціи, необыкновенно грязный итальянскій пароходъ «Genova». Случилось это позднимъ вечеромъ, въ ту пору осени, когда почти всѣ курортные жильцы уже разѣхались на сѣверъ, но море еще настолько тепло, что настоящая рыбная ловля пока не начиналась, когда рыбаки, не торопясь, чинятъ сѣти и заготавливаютъ крючки, играютъ въ домино по кофейнямъ; пьютъ молодое вино и вообще предаются временному легкому кейфу.

Вечеръ былъ тихій и темный, съ большими спокойными звѣздами на небѣ и въ спящей водѣ залива. Вдоль набережной зажигалась желтыми точками цѣпь фонарей. Закрывались свѣтлые четырехугольники магазиновъ. Легкими черными силуэтами медленно двигались по улицамъ и по тротуару люди...

И вотъ, не знаю кто, кажется, мальчишки, играющие наверху у Генуэзской башни, принесли извѣстіе, что съ моря завернулъ и идетъ къ бухтѣ какой-то пароходъ.

Черезъ нѣсколько минутъ все коренное мужское население было на набережной. Извѣстно, что грекъ — всегда грекъ и, значитъ, прежде всего, любопытенъ. Правда, въ балаклавскихъ грекахъ чувствуется, кромѣ примѣси позднѣйшей генуэзской крови, и еще какая-то таинственная, древняя, — почему знать — можетъ-быть, даже скиеская кровь — кровь первобытныхъ обитателей этого разбойничьяго и рыбачьяго гнѣзда. Среди нихъ увидишь много рослыхъ, сильныхъ и самоувѣренныхъ фи-

гуръ; попадаются правильныя, благородныя лица; нерѣдко встрѣчаются блондины и даже голубоглазые; балаклавцы не жадны, не услужливы, держатся съ достоинствомъ, въ морѣ отважны, хотя и безъ нелѣпаго риска, хорошіе товарищи и крѣпко исполняютъ данное слово. Положительно это—особая, исключительная порода грековъ, сохранившаяся, главнымъ образомъ, потому, что ихъ предки чуть не сотнями поколѣній родились, жили и умирали въ своемъ городишкѣ, заключая браки лишь между сосѣдями. Однако надо сознаться, что греки-колонизаторы оставили въ ихъ душахъ самую свою типичную черту, которой они отличались еще при Периклѣ—любопытство и страсть къ новостямъ.

Медленно, сначала показавшись лишь передовымъ крошечнымъ огонькомъ изъ-за крутого загиба бухты, вплывалъ пароходъ въ заливъ. Издали въ густой теплой темнотѣ ночи не было видно его очертаній, но высокіе огни на мачтахъ, сигнальные огни на мостикѣ и рядъ круглыхъ свѣтящихся иллюминаторовъ вдоль борта позволяли догадываться о его размѣрахъ и формахъ. Въ виду сотенъ лодокъ и баркасовъ, стоявшихъ вдоль набережной, онъ едва замѣтно подвигался къ берегу, съ той внимательной и громоздкой осторожностью, съ какой большой и сильный человѣкъ проходитъ сквозь дѣтскую комнату, заставленную хрупкими игрушками.

Рыбаки дѣлали предположенія. Многіе изъ нихъ плавали раньше на судахъ коммерческаго, а чаще военнаго флота.

— Что ты мнѣ будешь говорить? Развѣ я не вижу? Конечно — грузовой Русскаго Общества.

— Нѣтъ, это не русскій пароходъ.

— Вѣрно, испортилось что-нибудь въ машинѣ, зашелъ чиниться.

— Можетъ-быть, военное судно?

— Скажешь!

Одинъ Коля Констанди, долго плававшій на канонерской лодкѣ по Черному и Средиземному морямъ, угадалъ вѣрно, сказавъ, что пароходъ итальянскій. И то угадалъ онъ это только тогда, когда пароходъ совсѣмъ близко, сажень на 10, подошелъ къ берегу, и можно было рассмотреть его облинявшіе, облупленные борта, съ грязными потеками изъ люковъ, и разношерстную команду на палубѣ.

Съ парохода взвился спиралью конецъ каната и, змѣей развертываясь въ воздухѣ, полетѣлъ на головы зрителей. Всѣмъ извѣстно, что ловко забросить конецъ съ судна и ловко поймать его на берегу—считается первымъ условіемъ своеобразнаго морского шика. Молодой Апостолиди, не выпуская изо рта папироски, съ такимъ видомъ, точно онъ сегодня продѣлываетъ это въ сотый разъ, поймалъ конецъ на лету и тутъ же небрежно, но увѣренно замоталъ его вокругъ одной изъ двухъ чугунныхъ пушекъ, которыя съ незапамятныхъ временъ стоятъ на набережной, врытыя стоймя въ землю.

Отъ парохода отошла лодка. Три итальянца выскочили изъ нея на берегъ и завозились около канатовъ. На одномъ изъ нихъ былъ суконный беретъ, на другомъ—картузь съ прямымъ четырехугольнымъ козырькомъ, на третьемъ—какой-то вязаный колпакъ. Всѣ они были маленькіе крѣпыши, проворные, цѣпкіе и ловкіе, какъ обезьяны. Они безцеремонно расталкивали плечами толпу, тараторили что-то на своемъ быстромъ, пѣвучемъ и нѣжномъ генуэзскомъ нарѣчій и перекрикивались съ пароходомъ. Все время на ихъ загорѣлыхъ лицахъ смѣялись дружелюбно и фамиллярно большіе черные глаза и сверкали бѣлые молодые зубы.

— Бона сера... итальяно... маринаро! — одобрительно сказалъ Коля.

— Oh! Buona sera, signore!—весело, разомъ отозвались итальянцы.

Загремѣла съ визгомъ якорная цѣпь. Забурлило и заклокотало что-то внутри парохода. Погасли огни въ иллюминаторахъ. Черезъ полчаса итальянскихъ матросовъ спустили на берегъ.

Итальянцы—все какъ на подборъ низкорослые, чернолицые и молодые—оказались общительными и веселыми молодцами. Съ какой-то легкой, плѣнительной развязностью заигрывали они въ этотъ вечеръ въ пивныхъ залахъ и въ винныхъ погребкахъ съ рыбаками. Но балаклавцы встрѣтили ихъ сухо и сдержанно. Можетъ-быть, они хотѣли дать понять этимъ чужимъ морякамъ, что заходъ иностраннаго судна въ бухту вовсе былъ для нихъ не въ рѣдкость, что это случается ежедневно, и, стало-быть, нечего тутъ особенно удивляться и радоваться. Можетъ-быть, въ нихъ говорилъ маленькій мѣстный патриотизмъ?

И—ахъ!—нехорошо они въ этотъ вечеръ подшутили надъ славными, веселыми итальянцами, когда тѣ, въ своей милой международной довѣрчивости, тыкали пальцами въ хлѣбъ, вино, сыръ и въ другіе предметы и спрашивали ихъ названія по-русски, скаля ласково свои чудные зубы. Такимъ словамъ научили хозяева своихъ гостей, что каждый разъ потомъ, когда генуэзцы въ магазинѣ или на базарѣ пробовали объясняться по-русски, то приказчики падали отъ хохота на свои прилавки, а женщины стремглавъ бросались бѣжать куда попало, закрывая отъ стыда головы платками.

И въ тотъ же вечеръ—Богъ вѣсть какимъ путемъ, точно по невидимымъ электрическимъ проводамъ—облетѣлъ весь городъ слухъ, что итальянцы пришли нарочно для того, чтобы поднять затонувшій фрегатъ «Black Prince» вмѣстѣ съ его золотомъ, и что ихъ работа продолжится цѣлую зиму.

IV.

Въ успѣшность такого предпріятія никто въ Балаклавѣ не вѣрилъ. Прежде всего, конечно, надъ морскимъ кладомъ лежало таинственное заклятіе. Замшѣлые, древніе, бѣлые, согбенные старцы рассказывали о томъ, что и прежде дѣлались попытки добыть со дна англійское золото; пріѣзжали и сами англличане и какіе-то фантастическіе американцы, ухлопывали пропасть денегъ и уѣзжали изъ Балаклавы ни съ чѣмъ. Да и что могли подѣлать какіе-нибудь англличане или американцы, если даже легендарные, прежніе, геройскіе балаклавцы потерпѣли здѣсь неудачу? Само собой разумѣется, что прежде и погоды были не такія, и уловы рыбы, и баркасы, и паруса, и люди были совсѣмъ не такіе, какъ теперешняя мелюзга. Былъ нѣкогда миѳическій Спиро. Онъ могъ опуститься на любую глубину и пробыть подъ водой четверть часа. Такъ вотъ этотъ Спиро, зажавъ между ногами камень въ три пуда вѣсомъ, опускался у Бѣлыхъ Камней на глубину 40 сажень, на дно, гдѣ покоятся останки затонувшей эскадры. И Спиро все видѣлъ: и корабль и золото, но взять оттуда съ собой не могъ... не пускаетъ.

— Вотъ бы Сашка Комиссіонеръ попробовалъ, — лукаво замѣчалъ кто-нибудь изъ слушателей. — Онъ у насъ первый ныряльщикъ.

И всѣ кругомъ смѣялись, и болѣе другихъ смѣялся во весь свой гордый, прекрасный ротъ самъ Сашка Аргиди, или Сашка Комиссіонеръ, какъ его называютъ.

Этотъ парень — голубоглазый красавецъ съ твердымъ античнымъ профилемъ — въ сущности, первый лѣнтяй, плуть и шутъ на всемъ крымскомъ побережьѣ. Его прозвали комиссіонеромъ за то, что иногда въ разгаръ сезона онъ возьметъ и пришьетъ себѣ на ободокъ картуза

пару золотыхъ позументовъ и самовольно усядется на стулѣ гдѣ-нибудь поблизости гостиницы, прямо на улицѣ. Случается, что къ нему обратятся съ вопросомъ какіе-нибудь легкомысленные туристы, и тутъ ужъ имъ никакъ не отлѣпиться отъ Сашки. Онъ мыкаетъ ихъ по горамъ, по задворкамъ, по виноградникамъ, по кладбищамъ, вретъ имъ съ невѣроятной дерзостью, забѣжитъ на минуту въ чей-нибудь дворъ, наскоро разобьетъ въ мелкіе куски обломокъ стараго печного горшка и потомъ «какъ слоновъ» уговариваетъ ошалѣвшихъ путешественниковъ купить по случаю эти черепки—остатокъ древней греческой вазы, которая была сдѣлана еще до Рождества Христова... или суетъ имъ въ носъ обыкновенный овальный и тонкій голышъ съ повернутой вверху дыркой, изъ тѣхъ, что рыбаки употребляютъ какъ грузило для сѣтей, и увѣряетъ, что ни одинъ греческій морякъ не выйдетъ въ море безъ такого талисмана, освященнаго у раки Николая Угодника и спасающаго отъ бури.

Но самый лучший его номеръ—подводный. Катая простодушную публику по заливу и наслушавшись вдоволь, какъ она поетъ «Нелюдимо наше море» и «Внизъ по ма-тушкѣ по Волгѣ», онъ искусно и незамѣтно заводитъ рѣчь о затонувшей эскадрѣ, о сказочномъ Спиро и вообще о ныряніи. Но четверть часа подъ водой — это даже самымъ довѣрчивымъ пассажирамъ кажется враньемъ, да еще при этомъ специально-греческимъ враньемъ. Ну, двѣ-три минуты это еще куда ни шло, это можно, пожалуй, допустить... но пятнадцать!.. Сашка задѣтъ за живое... Сашка обиженъ въ своемъ національномъ самолюбіи... Сашка хмурится... Наконецъ, если ему не вѣрятъ, онъ самъ лично можетъ доказать, и даже сейчасъ, сію минуту, что онъ, Сашка, нырнетъ и пробудетъ подъ водой ровно десять минутъ.

— Правда, это трудно, — говоритъ онъ не безъ мрач-

ности. — Вечеромъ у меня будетъ итти кровь изъ ушей и изъ глазъ... Но я никому не позволю говорить, что Сашка Аргириди хвастунъ.

Его уговариваютъ, удерживаютъ, но ничто ужъ теперь не помогаетъ, разъ человекъ оскорбленъ въ своихъ лучшихъ чувствахъ. Онъ быстро, сердито срываетъ съ себя пиджакъ и панталоны, мгновенно раздѣвается, заставляя дамъ отворачиваться и заслоняться зонтиками, п—бухъ—съ шумомъ и брызгами летитъ внизъ головой въ воду, не забывъ, однако, предварительно однимъ угломъ глаза разсчитать разстояніе до недалекой мужской купальни.

Сашка дѣйствительно прекрасный пловецъ и нырокъ. Бросившись на одну сторону лодки, онъ тотчасъ же глубоко въ водѣ заворачиваетъ подъ килемъ и по дну плыветъ прямехонько въ купальню. И въ то время, когда на лодкѣ подымается общая тревога, взаимные упреки, аханье и всякая безтолочь, онъ сидитъ въ купальнѣ на ступенькѣ и торопливо докуриваетъ чей-нибудь папиросный окурокъ. И такимъ же путемъ совершенно неожиданно Сашка выскакиваетъ изъ воды у самой лодки, искусственно выпучивъ глаза и задыхаясь, къ общему облегченію и восторгу.

Конечно, ему перепадаетъ за эти фокусы кое-какая мелочишка. Но надо сказать, что руководитъ Сашкой въ его продѣлкахъ вовсе не алчность къ деньгамъ, а мальчишеская, безумная, веселая проказливость.

V.

Итальянцы ни отъ кого не скрывали цѣли своего приѣзда: они дѣйствительно пришли въ Балаклаву съ тѣмъ, чтобы попытаться изслѣдовать мѣсто крушенія и — если обстоятельства позволятъ — поднять со дна все наиболее цѣнное, — главнымъ образомъ, конечно, легендарное

золото. Всей экспедиціей руководилъ инженеръ Джузеппе Рестуччи — изобрѣтатель особаго подводнаго аппарата, высокій, пожилой, молчаливый человѣкъ, всегда одѣтый въ сѣрое, съ сѣрымъ длиннымъ лицомъ и почти сѣдыми волосами, съ бѣльмомъ на одномъ глазу, — въ общемъ гораздо больше похожій на англичанина, чѣмъ на итальянца. Онъ поселился въ гостиницѣ на набережной и по вечерамъ, когда къ нему кое-кто приходилъ посидѣть, гостепріимно угощалъ виномъ Кіанти и стихами своего любимаго поэта Стекетти.

«Женская любовь точно уголь, который, когда пламенѣетъ, то жжется, а холодный — грязнить!»

И хотя онъ это все говорилъ по-итальянски, своимъ сладкимъ и пѣвучимъ генуэзскимъ акцентомъ, но и безъ перевода смыслъ стиховъ былъ ясенъ, благодаря его необыкновенно-выразительнымъ жестамъ: съ такимъ видомъ внезапной боли онъ отдергивалъ руку, обожженную воображаемымъ огнемъ — и съ такой гримасой брезгливаго отвращенія онъ отбрасывалъ отъ себя холодный уголь.

Былъ еще на суднѣ капитанъ и двое его младшихъ помощниковъ. Но самымъ замѣчательнымъ лицомъ изъ экипажа былъ, конечно, водолазъ — il palambaro — славный генуэзецъ по имени Сальваторе Трама.

На его большомъ, кругломъ, темно-бронзовомъ лицѣ, испещренномъ, точно отъ обжога порохомъ, черными крапинками, проступали синими змѣйками напряженныя вены. Онъ былъ невысокъ ростомъ, но, благодаря необычайному объему грудной клѣтки, ширинѣ плечъ и массивности могучей шеи, производилъ впечатлѣніе чрезмѣрно толстаго человѣка. Когда онъ своей лѣнивой походкой, заложивъ руки въ брючные карманы и широко разставляя короткія ноги, проходилъ серединой набережной улицы, то издали казался совсѣмъ одинаковыхъ размѣровъ, какъ въ высоту, такъ и въ ширину.

Сальваторе Трама былъ привѣтливый, лѣнливо-веселый, довърчивый человѣкъ, съ склонностью къ аполексическому удару. Странныя, диковинныя вещи рассказывалъ онъ иногда о своихъ подводныхъ впечатлѣніяхъ.

Однажды, во время работы въ Бискайскомъ заливѣ, ему пришлось опуститься на дно, на глубину болѣе 20 сажень. Внезапно онъ замѣтилъ, что на него, среди зеленоватаго подводнаго сумрака, надвинулась сверху какая-то огромная, медленно плывущая тѣнь. Потомъ тѣнь остановилась. Сквозь круглое стекло водолазнаго шлема Сальваторе увидѣлъ, что надъ нимъ, въ аршинѣ надъ его головой, стоитъ, шевеля волнообразно краями своего круглаго и плоскаго, какъ у камбалы, тѣла, гигантскій электрическій скать, сажени въ двѣ діаметромъ, — вотъ въ эту комнату! — какъ сказалъ Трама. Одного прикосновенія его двойнаго хвоста къ тѣлу водолаза достаточно было бы для того, чтобы умертвить храбраго Трама электрическимъ разрядомъ страшной силы. И эти двѣ минуты ожиданія, пока чудовище, точно раздумавъ, медленно поплыло дальше, колыхаясь извилисто своими тонкими боками, Трама считаетъ самыми жуткими во всей своей тяжелой и опасной жизни.

Рассказывалъ онъ также о своихъ встрѣчахъ подъ водой съ мертвыми матросами, брошенными за бортъ съ корабля. Вопреки тяжести, привязанной къ ихъ ногамъ, они, вслѣдствіе разложенія тѣла, попадаютъ неизбежно въ полосу воды такой плотности, что не идутъ уже больше ко дну, но и не поднимаются вверхъ, а, стоя, странствуютъ въ водѣ, влекомые тихимъ теченіемъ, съ ядромъ, висающимъ на ногахъ.

Еще передавалъ Трама о таинственномъ случаѣ, приключившемся съ другимъ водолазомъ, его родственникомъ и учителемъ. Это былъ старый, крѣпкій, хладнокровный и отважный человѣкъ, обшарившій морское дно

на побережьяхъ чуть ли не всего земного шара. Свое исключительное и опасное ремесло онъ любилъ всей душой, какъ, впрочемъ, любилъ его каждый настоящій водолазъ.

Однажды этотъ человѣкъ, работая надъ прокладкой телеграфнаго подводнаго кабеля, долженъ былъ опуститься на дно, на сравнительно небольшую глубину. Но едва только онъ достигъ ногами дна и сигнализировалъ объ этомъ наверхъ веревкой, какъ сейчасъ же на лодкѣ уловили его новый тревожный сигналъ: «Подымайте наверхъ! Нахожусь въ опасности!»

Когда его поспѣшно вытащили и быстро отвинтили мѣдный шлемъ отъ скафандра, то всѣхъ поразило выраженіе ужаса, исказившее его блѣдное лицо и заставившее поблѣтть его глаза.

Водолаза раздѣли, напоили коньякомъ, старались его успокоить. Онъ долго не могъ выговорить ни слова, такъ сильно стучали его челюсти одна о другую. Наконецъ, придя въ себя, онъ сказалъ:

— Баста! Больше никогда не опущусь. Я видѣлъ...

Но такъ до конца своихъ дней онъ никому не сказалъ, какое впечатлѣніе или какая галлюцинація такъ сильно потрясла его душу. Если объ этомъ начинали разговаривать, онъ сердито замолкалъ и тотчасъ же покидалъ компанію. И въ море онъ дѣйствительно больше не опускался ни одного раза...

VI.

Матросовъ на «Genova» было человѣкъ пятнадцать. Жили они всѣ на пароходѣ, а на берегъ съѣзжали сравнительно рѣдко. Съ балаклавскими рыбаками отношенія у нихъ такъ и остались отдаленными и вѣжливо-холодными. Только изрѣдка Коля Констанди бросалъ имъ добродушное привѣтствіе:

— Бона джіорна, синьоры. Вино рессо...

Должно-быть, очень скучно приходилось въ Балаклавѣ этимъ молодымъ, веселымъ южнымъ молодчикамъ, которые раньше побывали и въ Ріо-Жанейро, и на Мадагаскарѣ, и въ Ирландіи, и у береговъ Африки, и во многихъ шумныхъ портахъ европейскаго материка. Въ морѣ— постоянная опасность и напряженіе всѣхъ силъ, а на сушѣ— вино, женщины, пѣсня, танцы и хорошая драка— вотъ жизнь настоящаго матроса. А Балаклава всего-навсего маленькій, тихонькій уголокъ, узенькая щелочка голубого залива среди голыхъ скалъ, облѣпленныхъ нѣсколькими десятками домишекъ. Вино здѣсь кислое и крѣпкое, а женщинъ и совсѣмъ нѣтъ для развлеченія браваго матроса. Балаклавскія жены и дочери ведутъ замкнутый и цѣломудренный образъ жизни, позволяя себѣ только одно невинное развлеченіе — посудачить съ сосѣдками у фонтана въ то время, когда ихъ кувшины наполняются водою. Даже свои, близкіе мужчины какъ-то избѣгаютъ ходить въ гости въ знакомыя семьи, а предпочитаютъ видѣться въ кофейнѣ или на пристани.

Однажды, впрочемъ, рыбаки оказали итальянцамъ небольшую услугу. При пароходѣ «Генова» былъ маленькій паровой катеръ со старенькой, очень слабосильной машиной. Нѣсколько матросовъ, подъ командой помощника капитана, вышли какъ-то въ открытое море на этомъ катерѣ. Но, какъ это часто бываетъ на Черномъ морѣ, внезапно сорвавшись, Богъ вѣсть откуда, вѣтеръ подулъ отъ берега и сталъ уносить катеръ въ море съ постепенно возрастающей скоростью. Итальянцы долго не хотѣли сдаваться: около часа они боролись съ вѣтромъ и волной, и, правда, страшно было въ это время смотрѣть со скалы, какъ маленькая дымящаяся скорлупка то показывалась на бѣлыхъ гребняхъ, то совсѣмъ исчезала, точно проваливалась между волнъ. Катеръ не могъ одолѣть вѣтра,

и его относило все дальше и дальше отъ берега. Наконецъ-то сверху, съ генуэзской крѣпости замѣтили бѣлую тряпку, поднятую на дымовой трубѣ—сигналь: «Терплю бѣдствіе». Тотчасъ же два лучшихъ балаклавскихъ баркаса, «Слава Россіи» и «Свѣтлана», подняли паруса и вышли на помощь катеру.

Черезъ два часа они привели его на буксирѣ. Итальянцы были немного сконфужены и довольно принужденно шутили надъ своимъ положеніемъ. Шутили и рыбаки, но видъ у нихъ былъ все-таки покровительственный.

Иногда при ловлѣ камбалы или бѣлуги рыбакамъ случалось вытаскивать на крючкѣ морского кота—тоже видъ электрическаго ската. Прежде рыбаки, соблюдая всѣ мѣры предосторожности, отцѣплялъ эту гадину отъ крючка и выбрасывалъ за бортъ. Но кто-то, — должно-быть, тотъ же знатокъ итальянскаго языка, Коля — пустилъ слухъ, что для итальянцевъ вообще морской котъ составляетъ первое лакомство. И съ тѣхъ поръ часто, возвращаясь съ ловли и проходя мимо парохода, какой-нибудь рыбаки кричалъ:

— Эй, итальяно, синьоро! Вотъ вамъ на закуску!..

И круглый, плоскій скать летѣлъ темнымъ кругомъ по воздуху и сочно шлепался о палубу. Итальянцы смѣялись, показывая свои великолѣпные зубы, добродушно кивали головами и что-то бормотали по-своему. Почему знать, можетъ-быть, они сами думали, что морской котъ считается лучшимъ мѣстнымъ деликатесомъ, и не хотѣли обижать добрыхъ балаклавцевъ отказомъ...

VII.

Недѣли черезъ двѣ по пріѣздѣ итальянцы собрали и спустили на воду большой паромъ, на которомъ установили паровую и воздуходувныя машины. Длинный кранъ

лебедки, какъ гигантское удилице, наклонно воздвигался надъ паромомъ. Въ одно изъ воскресеній Сальваторе Трама впервые спускался подъ воду въ заливѣ. На немъ былъ обыкновенный сѣрый резиновый водолазный костюмъ, дѣлавшій его еще шире, чѣмъ обыкновенно, башмаки съ свинцовыми подметками на ногахъ, желѣзная манишка на груди, круглый мѣдный шаръ, скрывавшій голову. Съ полчаса онъ ходилъ по дну бухты, и путь его отмѣчался массой воздушныхъ пузырьковъ, которые вскипали надъ нимъ на поверхности воды. А спустя недѣлю вся Балаклава узнала, что на завтра водолазъ будетъ опускаться уже у самыхъ Бѣлыхъ Камней, на глубину сорока сажень. И когда на другой день маленькій жалкій катеръ повелъ паромъ къ выходу изъ бухты, то у Бѣлыхъ Камней уже дожидались почти всѣ рыбацьи баркасы, стоявшіе въ бухтѣ.

Сущность изобрѣтенія г. Рестуччи именно въ томъ и заключалась, чтобы дать возможность водолазу опускаться на такую глубину, на которой человѣка въ обыкновенномъ скафандрѣ сплющило бы страшнымъ давленіемъ воды. И, надо отдать справедливость балаклавцамъ, они не безъ волненія и, во всякомъ случаѣ, съ чувствомъ настоящаго мужественнаго уваженія, глядѣли на приготовленія къ спуску, которыя совершались передъ ихъ глазами. Прежде всего паровой кранъ поднялъ и поставилъ стоймя странный футляръ, отдаленно напоминавшій человѣческую фигуру, безъ головы и безъ рукъ, футляръ, сдѣланный изъ толстой красной мѣди, покрытой снаружи голубой эмалью. Потомъ этотъ футляръ раскрыли, какъ раскрыли бы гигантскій портсигаръ, въ который нужно помѣстить, точно сигару, человѣческое тѣло. Сальваторе Трама, покуривая папиросу, спокойно глядѣлъ на эти приготовленія, лѣнливо посмѣивался, изрѣдка бросалъ небрежныя замѣчанія. Потомъ швырнулъ окурокъ

за бортъ, съ развальцемъ подошелъ къ футляру и бокомъ втиснулся въ него. Надъ водолазомъ довольно долго возились, устанавливая всевозможныя приспособленія, и надо сказать, что когда все было окончено, то онъ представлялъ собою довольно-таки страшное зрѣлище. Снаружи свободными оставались только руки, все тѣло вмѣстѣ съ неподвижными ногами было заключено въ сплошной голубой эмалевый гробъ громадной тяжести; голубой огромный шаръ, съ тремя стеклами — переднимъ и двумя боковыми — и съ электрическимъ фонаремъ на лбу, скрывалъ его голову; подъемный канатъ, каучуковая трубка для воздуха, сигнальная веревка, телефонная проволока и освѣтительный проводъ, казалось, опутывали весь снарядъ и дѣлали еще болѣе необычайной и жуткой эту мертвую, голубую, массивную мумію съ живыми человѣческими руками.

Раздался сигналъ паровой машины, послышался грохотъ цѣпей. Странный голубой предметъ отдѣлился отъ палубы парома, потомъ плавно, слегка закручиваясь по вертикальной оси, проплылъ въ воздухъ и медленно, страшно медленно, сталъ опускаться за бортъ. Вотъ онъ коснулся поверхности воды, погрузился по колѣна, до пояса, по плечи... Вотъ скрылась голова, наконецъ ничего не видно, кромѣ медленно ползущаго внизъ стального каната. Балаклавскіе рыбаки переглядываются и молча, съ серьезнымъ видомъ покачиваютъ головами...

Инженеръ Рестуччи у телефоннаго аппарата. Время отъ времени онъ бросаетъ короткія приказанія машинисту, регулирующему ходъ каната. Кругомъ на лодкахъ полная, глубокая тишина — слышенъ только свистъ машины, накачивающей воздухъ, погромыхиваніе шестеренъ, визгъ стального троса на блокъ и отрывистыя слова инженера. Всѣ глаза устремлены на то мѣсто, гдѣ недавно исчезла уродливая, шарообразная, страшная голова.

Спускъ продолжается мучительно долго. Больше часа. Но вотъ Рестуччи оживляется, нѣсколько разъ переспрашиваетъ что-то въ телефонную трубку и вдругъ кидаетъ короткую команду:

— Стопъ!..

Теперь всѣ зрители понимаютъ, что водолазъ дошелъ до дна, и всѣ вздыхаютъ точно съ облегченіемъ. Самое страшное окончилось...

Втиснутый въ металлическій футляръ, имѣя свободными только руки, Трама былъ лишенъ возможности передвигаться по дну собственными средствами. Онъ только приказывалъ по телефону, чтобы его перемѣщали вмѣстѣ съ паромомъ впередъ, передвигали лебедкой въ стороны, поднимали вверхъ и опускали. Не отрываясь отъ телефонной трубки, Рестуччи повторялъ его приказанія спокойно и повелительно, и казалось, что паромъ, лебедка и всѣ машины приводились въ движеніе волей невидимаго, таинственнаго подводнаго человѣка.

Черезъ двадцать минутъ Сальваторе Трама далъ сигналъ къ подниманію. Такъ же медленно его вытали на поверхность, и когда онъ опять повисъ въ воздухѣ, то производилъ странное впечатлѣніе какого-то грознаго и беспомощнаго голубого животнаго, извлеченнаго чудомъ изъ морской бездны.

Установили аппаратъ на палубѣ. Матросы быстрыми привычными движеніями сняли шлемъ и распаковали футляръ. Трама вышелъ изъ него въ поту, задыхаясь, съ лицомъ почти чернымъ отъ прилива крови. Видно было, что онъ хотѣлъ улыбнуться, но у него вышла только страдальческая, измученная гримаса. Рыбаки въ лодкахъ почтительно молчали и только въ знакъ удивленія покачивали головами и, по греческому обычаю, значительно почмокивали языкомъ.

Черезъ часъ всей Балаклавѣ стало извѣстно все, что

видѣлъ водолазъ на днѣ моря, у Бѣлыхъ Камней. Большинство кораблей было такъ занесено иломъ и всякимъ соромъ, что не было надежды на ихъ поднятіе, а отъ трехмачтоваго фрегата съ золотомъ, засосаннаго дномъ, торчитъ наружу только кусочекъ кормы, съ остаткомъ мѣдной позеленѣвшей надписи:ск Pr...

Грама рассказывалъ также, что вокругъ затонувшей эскадры онъ видѣлъ множество оборванныхъ рыбацкихъ якорей, и это извѣстіе умилило рыбаковъ, потому что каждому изъ нихъ, навѣрное, хотъ разъ въ жизни пришлось оставить здѣсь свой якорь, который заѣло въ камняхъ и обломкахъ...

VIII.

Но и балаклавскимъ рыбакамъ удалось однажды поразить итальянцевъ необыкновеннымъ и въ своемъ родѣ великолѣпнымъ зрѣлищемъ. Это было 6-го января, въ день Крещенія Господня, — день, который справляется въ Балаклавѣ совсѣмъ особеннымъ образомъ.

Къ этому времени итальянскіе водолазы уже окончательно убѣдились въ бесплодности дальнѣйшихъ работъ по поднятію эскадры. Имъ оставалось всего лишь нѣсколько дней до отплытія домой, въ милую, родную, веселую Гепую, и они торопливо приводили въ порядокъ пароходъ, чистили и мыли палубу, разбирали машины.

Видъ церковной процессіи, духовенство въ золотыхъ ризахъ, хоругви, кресты и образа, церковное пѣніе — все это привлекло ихъ вниманіе, и они стояли вдоль борта, облокотившись на перила.

Духовенство вошло на помость деревянной пристани. Сзади густо тѣснились женщины, старики и дѣти, а молодежь въ лодкахъ на заливѣ тѣснымъ полукругомъ опоясала пристань.

Быль солнечный, прозрачный и холодный день; выпавшей за ночь снѣгъ нѣжно лежалъ на улицахъ, на крышахъ и на плѣшивыхъ бурыхъ горахъ, а вода въ заливѣ синѣла, какъ аметистъ, и небо было голубое, праздничное, улыбающееся. Молодые рыбаки въ лодкахъ были одѣты только для приличія въ одно исподнее бѣлье, иные же были голы до пояса. Всѣ они дрожали отъ холода, ежились, потирали озябшія руки и груди. Стройно и необычно сладостно несло пѣніе хора по неподвижной глади воды.

«Во Іорданѣ крещающуся...» — тонко и фальшиво запѣлъ священникъ, и высоко поднятый крестъ заблестѣлъ въ его рукахъ бѣлымъ металломъ... Наступилъ самый серьезный моментъ. Молодые рыбаки стояли каждый на носу своего баркаса, всѣ полураздѣтые, наклоняясь впередъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи.

Во второй разъ пропѣлъ священникъ, и хоръ подхватилъ стройно и радостно «Во Іорданѣ». Наконецъ въ третій разъ поднялся крестъ надъ толпой и вдругъ, брошенный рукой священника, полетѣлъ, описывая блестящую дугу въ воздухѣ, и звонко упалъ въ море.

Въ тотъ же моментъ со всѣхъ баркасовъ съ плескомъ и криками ринулись въ воду, внизъ головами, десятки крѣпкихъ, мускулистыхъ тѣлъ. Прошло секунды три-четыре. Пустыя лодки покачивались, клапаясь. Взбудораженная вода ходила взадъ и впередъ... Потомъ одна за другой начали показываться надъ водою мотающіяся фыркающія головы, съ волосами, падающими на глаза. Позднѣе другихъ вынырнулъ съ крестомъ въ рукѣ молодой Яни Липіади.

Веселые итальянцы не могли сохранить надлежащей серьезности при видѣ этого необыкновеннаго, освященнаго сѣдой древностью, полуспортивнаго, полурелигіознаго обряда. Они встрѣтили побѣдителя такими друж-

ными аплодисментами, что даже добродушный батюшка укоризненно покачалъ головою:

— Нехорошо... И очень плохо. Что это имъ — театральное представленіе?..

Ослѣпительно блестяль снѣгъ, ласково синѣла вода, золотомъ солнце обливало заливъ, горы и людей. И крѣпко, густо, могущественно пахло моремъ. Хорошо!

VIII.

Бѣшеное вино.

Въ Балаклавѣ конецъ сентября просто очарователенъ. Вода въ заливѣ похолодѣла; дни стоятъ ясные, тихіе, съ чудесной свѣжестью и крѣпкимъ морскимъ запахомъ по утрамъ, съ синимъ безоблачнымъ небомъ, уходящимъ Богъ знаетъ въ какую высоту, съ золотомъ и пурпуромъ па деревьяхъ, съ безмолвными черными ночами. Курортные гости — шумные, больные, эгоистичные, праздные и вздорные — разѣхались, кто куда — на сѣверъ, къ себѣ по домамъ. Виноградный сезонъ окончился.

Къ этому-то сроку и поспѣваетъ бѣшеное вино.

Почти у каждаго грека, славнаго капитана-листригона, есть хоть крошечный кусочекъ виноградника, — тамъ, наверху, въ горахъ, въ окрестностяхъ итальянскаго кладбища, гдѣ скромнымъ бѣлымъ памятникомъ увѣнчаны могилы нѣсколькихъ сотенъ безвѣстныхъ иноземныхъ храбрцевъ. Виноградники запущены, одичали, разрослись, ягоды выродились, измельчали. Пять-шесть хозяевъ, правда, выводятъ и поддерживаютъ дорогіе сорта, въ родѣ «чаусъ», «шашля» или «Наполеонъ», продавая ихъ за цѣлебные курортной публикѣ (впрочемъ, въ Крыму въ лѣтній и осенній сезоны — все цѣлебное: цѣлебный виноградъ, цѣ-

лебные цыплята, цѣлебныя чадры, цѣлебныя туфли, кизилковыя палки и раковины, продаваемыя морщинистыми лукавыми татарами и важными, бронзовыми, грязными персами). Остальные владѣльцы ходятъ въ свой виноградникъ—или, какъ здѣсь говорятъ, «въ садъ»—только два раза въ годъ: въ началѣ осени—для сбора ягодъ, а въ концѣ — для обрѣзки, производимой самымъ варварскимъ образомъ.

Теперь времена измѣнились: нравы пали, и люди обѣднѣли, рыба ушла куда-то въ Трапезондъ, оскудѣла природа. Теперь потомки отважныхъ листригоповъ, легендарныхъ разбойниковъ-рыболововъ, катаютъ за пяточокъ по заливу дѣтей и нянекъ и живутъ сдачей своихъ домиковъ внаймы пріѣзжимъ. Прежде виноградъ родился—вотъ какой! — величиною въ дѣтскій кулакъ, и гроздья были по пуду вѣсомъ, а нынче и поглядѣть не на что — ягоды чуть-чуть побольше черной смородины, и нѣтъ въ нихъ прежней силы. Такъ разсуждаютъ между собой старики, сидя въ спокойныя осеннія сумерки около своихъ побѣленныхъ оградъ, на камешныхъ скамьяхъ, вросшихъ въ теченіе столѣтій въ землю. Но старый обычай все-таки сохранился до нашихъ дней. Всякій, кто можетъ, поодиночкѣ или въ складчину, жмутъ и давятъ виноградъ тѣми первобытными способами, къ которымъ, вѣроятно, прибѣгалъ нашъ прародитель Ной или хитроумный Улиссъ, опоившій такого крѣпкаго мужика, какъ Полифемъ. Давятъ прямо ногами, и когда давитьщикъ выходитъ изъ чана, то его голыя ноги выше колѣнъ кажутся вымазанными и забрызганными свѣжей кровью. И это дѣлается подъ открытымъ небомъ въ горахъ, среди древняго виноградника, обсаженнаго вокругъ миндальными деревьями и трехстолѣтными грецкими орѣхами.

Часто я гляжу на это зрѣлище, и необычайная, волнующая мечта охватываетъ мою душу. Вотъ на этихъ

самыхъ горахъ три, четыре, а можетъ, и пять тысячъ лѣтъ тому назадъ, подъ тѣмъ же высокимъ синимъ небомъ и подъ тѣмъ же милымъ краснымъ солнцемъ справлялся всенародно великолѣпный праздникъ Вакха, и тамъ, гдѣ теперь слышится гнусавый теноришка слабогрудаго дачника, уныло скрипящій:

И на могилу приноси

Хоть трижды въ день мнѣ хризанте-е-мы, —

тамъ раздавались безумно-радостные, божественно-пьяные возгласы:

„Эвое! Эвань! Эвое!“

Вѣдь всего въ четырнадцати верстахъ отъ Балаклавы грозно возвышаются изъ моря красно-коричневые острые обломки мыса Фиолентъ, на которыхъ когда-то стоялъ храмъ богини, требовавшей себѣ человѣческихъ жертвъ! Ахъ, какую странную, глубокую и сладкую власть имѣютъ надъ нашимъ воображеніемъ эти опустѣлыя, изуродованныя мѣста, гдѣ когда-то такъ радостно и легко жили люди, веселые, радостные, свободные и мудрые, какъ звѣри.

Но молодому вину не даютъ не только улежаться, а даже просто осѣсть.

Да его и добывается такъ мало, что оно не стоить настоящихъ заботъ. Оно и мѣсяца не постоитъ въ бочкѣ, какъ его уже разливаютъ въ бутылки и несутъ въ городъ. Оно еще бродитъ, оно еще не успѣло опомниться, какъ характерно выражаются винодѣлы: оно мутно и грязновато на свѣтъ, со слабымъ розовымъ или яблочнымъ оттѣнкомъ; но, все равно, пить его легко и пріятно. Оно пахнетъ свѣже-раздавленнымъ виноградомъ и оставляетъ на зубахъ терпкую, кислую оскомину.

Зато оно замѣчательно по своимъ послѣдствіямъ. Выпитое въ большомъ количествѣ, молодое вино не хочетъ опомниться и въ желудкѣ и продолжаетъ тамъ таинственный процессъ броженія, начатый еще въ бочкѣ. Оно

заставляет людей танцовать, прыгать, болтать безъ удержу, кататься по землѣ, пробовать силу, подымать невѣроятныя тяжести, цѣловаться, плакать, хохотать, врать чудовищныя небылицы. У него есть и еще одно удивительное свойство, какое присуще и китайской водкѣ ханджинь: если на другой день послѣ попойки выпить поутру стаканъ простой холодной воды, то молодое вино опять начинаетъ бродить, бурлить и играть въ желудкѣ и въ крови, а сумасбродное его дѣйствіе возобновляется съ прежней силой. Оттого-то и называютъ это молодое вино — «бѣшенымъ виномъ».

Балаклавцы — хитрый народъ и къ тому же наученный тысячелѣтнимъ опытомъ: поутру они пьютъ вмѣсто холодной воды то же самое бѣшеное вино. И все мужское коренное населеніе Балаклавы ходитъ недѣли двѣ подъ рядъ пьяное, разгульное, шатающееся, но благодушное и поющее. Кто ихъ осудитъ за это, славныхъ рыбаковъ? Позади — скучное лѣто, съ крикливыми, заносчивыми, требовательными дачниками, впереди — суровая зима, свирѣпыя нордъ-осты, ловля бѣлуги за тридцать-сорокъ верстъ отъ берега, — то среди непрогляднаго тумана, то въ бурю, когда смерть виситъ каждую минуту надъ головой и никто въ баркасѣ не знаетъ, куда ихъ несуть зыбь, теченіе и вѣтеръ!

По гостямъ, какъ и всегда въ консервативной Балаклавѣ, ходятъ рѣдко. Встрѣчаются въ кофейняхъ, въ столовыхъ и на открытомъ воздухѣ, за городомъ, гдѣ плоско и пестро начинается роскошная Байдарская долина. Каждый радъ похвастаться своимъ молодымъ виномъ, а если его и не хватитъ, то развѣ долго послать какого-нибудь бездомнаго мальчишку къ себѣ на домъ за новой порціей? Жена посердится, побранится, а все-таки пришлетъ двѣ-три четвертныхъ бутылки мутно-желтаго или мутно-розоваго полупрозрачнаго вина.

Кончились запасы — идутъ, куда понесутъ поги: на ближайшій хуторъ, въ деревню, въ лимонадную лавочку на 9-ю или на 5-ю версту балаклавскаго шоссе. Сядутъ въ кружокъ среди колючихъ ожинковъ кукурузы, хозяинъ вынесетъ вина прямо въ большомъ расширяющемся кверху эмалированномъ ведрѣ съ желѣзной дужкой, по которой ходитъ деревянная муфточка, — а ведро полно верхомъ. Пьютъ чашками, учтиво, съ пожеланіями и непременно — чтобы всѣ разомъ. Одинъ подымаетъ чашку и скажетъ: «стани-ясо», а другіе отвѣчаютъ: «си-ійя».

Потомъ запоютъ. Греческихъ пѣсенъ никто не знаетъ: можетъ-быть, онѣ давно позабыты, можетъ-быть, укронная, молчаливая балаклавская бухта никогда не располагала людей къ пѣнію. Поютъ русскія южныя рыбацкія пѣсни, поютъ въ унисонъ страшными каменными, деревянными, желѣзными голосами, изъ которыхъ каждый старается перекричать другого. Лица краснѣютъ, рты широко раскрыты, жилы вздулись на вспотѣвшихъ лбахъ.

Закипѣла въ морѣ пѣна —
Будетъ, братцы, перемѣна,
Братцы, перемѣна...
Зыбь за зыбомъ часто ходитъ,
Чуть корабль мой не потонетъ,
Братцы, не потонетъ...
Капитанъ стоитъ на ютѣ,
Старшій боцманъ на шкафутѣ,
Братцы, на шкафу-тѣ.

Выдумываютъ новые и новые предлоги для новой выпивки. Кто-то на-дняхъ купилъ сапоги, ужасные рыбацкія сапоги изъ конской кожи, вѣсомъ по полпуду каждый и длиною до бедеръ. Какъ же не вспрыснуть и не обмочить такую обновку? И опять появляется на сцену синее эмалированное ведро, и опять поютъ пѣсни, похожія на ревъ зимняго урагана въ открытомъ морѣ.

И вдругъ растроганный собственникъ сапогъ воскликнетъ со слезами въ голосъ:

— Товарищи! Зачѣмъ мнѣ эти сапоги?.. Зима еще далеко... Успѣется... Давайте, прошьемъ ихъ...

А потомъ навернуть на конецъ нитки катышокъ изъ воска и опускаютъ его въ круглую, точно обточенную дырку норы тарангула, дразня насѣкомое, пока оно не разозлится и не вцѣпится въ воскъ и не завязитъ въ немъ лапъ. Тогда быстрымъ и ловкимъ движеніемъ извлекаютъ насѣкомое наверхъ, на траву. Такъ поймаютъ двухъ крупныхъ тарангуловъ и сведутъ ихъ вмѣстѣ, въ днищѣ какой-нибудь разбитой склянки. Нѣтъ ничего страшнѣе и азартнѣе зрѣлища той драки, которая начинается между этими ядовитыми, многоногими, огромными пауками. Летятъ прочь оторванные лапы, бѣлая густая жидкость выступаетъ каплями изъ пронзенныхъ яйцевидныхъ, мягкихъ туловищъ. Оба паука стоятъ на заднихъ ногахъ, обнявъ другъ друга передними, и оба стараются ужалить противника ножницами своихъ челюстей въ глазъ или въ голову. И драка эта оттого особенно жутка, что она непременно кончается тѣмъ, что одинъ врагъ умерщвляетъ другого и мгновенно высасываетъ его, оставляя на землѣ жалкій, сморщенный чехоль. А потомки кровожадныхъ листригоновъ лежатъ звѣздой, на животахъ, головами внутрь, ногами наружу, подперевъ подбородки ладонями, и глядятъ молча, если только не ставятъ пари. Боже мой! Сколько лѣтъ этому ужасному развлеченію, этому самому жестокому изъ всѣхъ человѣческихъ зрѣлищъ!

А вечеромъ мы опять въ кофейной. По заливу плаваютъ лодки съ татарской музыкой: бубенъ и кларнетъ. Гнусаво, однообразно, безконечно-уныло всхлипываетъ незатѣливый, но непередаваемый азіатскій мотивъ... Какъ бѣшеный бьетъ и трепещется бубенъ. Въ темнотѣ не ви-

дать лодокъ. Это кутятъ старики, вѣрные стариннымъ обычаямъ. Зато у насъ въ кофейной свѣтло отъ лампъ «Молнія», и двое музыкантовъ: итальянецъ — гармонія и итальянка — мандолина играютъ и поютъ сладкими, осипшими голосами:

O! Nino, Nino, Mariano.

Я сижу, ослабѣвъ отъ дымнаго чада, отъ крика, отъ пѣнія, отъ молодого вина, которымъ меня потчуютъ со всѣхъ сторонъ. Голова моя горяча и, кажется, пухнетъ и гудитъ. Но въ сердцѣ у меня тихое умиленіе. Съ пріятными слезами на глазахъ я мысленно твержу тѣ слова, которыя такъ часто замѣтишь у рыболововъ на груди или на рукѣ въ видѣ татуировки:

«Боже, храни моряка».

О Л Е С Я .

ПОВѢСТЬ.

I.

Мой слуга, поваръ и спутникъ по охотѣ — полѣсовщикъ Ярмола вошелъ въ комнату, согнувшись подъ вязанкой дровъ, сбросилъ ее съ грохотомъ на полъ и подышалъ на замерзшіе пальцы.

— У, какой вѣтеръ, панычъ, на дворѣ, — сказалъ онъ, садясь на корточки передъ заслонкой. — Нужно хорошо въ грубкѣ протопить. Позвольте запалочку, панычъ.

— Значить, завтра на зайцевъ не пойдѣмъ, а? Какъ ты думаешь, Ярмола?

— Нѣтъ... не можно... слышите, какая завируха. Заяцъ теперь лежитъ и — а ни муръ-муръ... Завтра и одного слѣда не увидите.

Судьба забросила меня на цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ въ глухую деревушку Волынской губерніи, на окраину Полѣсья, и охота была единственнымъ моимъ занятіемъ и удовольствіемъ. Признаюсь, въ то время, когда мнѣ предложили ѣхать въ деревню, я вовсе не думалъ такъ нестерпимо скучать. Я поѣхалъ даже съ радостью. «Полѣсье... глушь... лоно природы... простые нравы... первобытная натура, — думалъ я, сидя въ вагонѣ: — совсѣмъ

незнакомый мнѣ народъ, со странными обычаями, своеобразнымъ языкомъ... и ужъ, навѣрно, какое множество поэтическихъ легендъ, преданій и пѣсенъ!» А я въ то время (разсказывать, такъ все разсказывать) ужъ успѣлъ тиснуть въ одной маленькой газеткѣ разсказъ съ двумя убійствами и однимъ самоубійствомъ и зналъ теоретически, что для писателей полезно наблюдать нравы.

Но... или перебродскіе крестьяне отличались какою-то особенной, упорной несообщительностью, или я не умѣлъ взяться за дѣло, — отношенія мои съ ними ограничивались только тѣмъ, что, увидѣвъ меня, они еще издали снимали шапки, а поровнявшись со мной, угрюмо произносили: «гай Бугъ», что должно было обозначать: «помогай Богъ». Когда же я пробовалъ съ ними разговориться, то они глядѣли на меня съ удивленіемъ, отказывались понимать самые простые вопросы и все порывались цѣловать у меня руки — старый обычай, оставшійся отъ польскаго крѣпостничества.

Книжки, какія у меня были, я всѣ очень скоро перечиталъ. Отъ скуки — хотя это сначала казалось мнѣ непріятнымъ — я сдѣлалъ попытку познакомиться съ мѣстной интеллигенціей въ лицѣ ксендза, жившаго за 15 верстъ, находившагося при немъ «пана органиста», мѣстнаго урядника и конторщика сосѣдняго имѣнія изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ, но ничего изъ этого не вышло.

Потомъ я пробовалъ заняться лѣченіемъ перебродскихъ жителей. Въ моемъ распоряженіи были: касторовое масло, карболка, борная кислота, іодъ. Но тутъ, помимо моихъ скудныхъ свѣдѣній, я наткнулся на полную невозможность ставить діагнозы, потому что признаки болѣзни у всѣхъ моихъ пациентовъ были всегда одни и тѣ же: «въ серединѣ болитъ» и «ни ѣсть ни пить не могу».

Приходитъ, на примѣръ, ко мнѣ старая баба. Вытеревъ со смущеннымъ видомъ носъ указательнымъ пальцемъ

правой руки, она достаетъ изъ-за пазухи пару яицъ, при чемъ на секунду я вижу ея коричневую кожу, и кладетъ ихъ на столъ. Затѣмъ она начинаетъ ловить мои руки, чтобы запечатлѣть на нихъ поцѣлуй. Я прячу руки и убѣждаю старуху: «Да полно, бабка... оставь... я не попъ... мнѣ этого не полагается... Что у тебя болить?»

— Въ серединѣ у меня болить, панычу, въ самой, что ни на есть, серединѣ, такъ что даже ни пить ни ѣсть не могу.

— Давно это у тебя сдѣлалось?

— А я знаю? — отвѣчаетъ она также вопросомъ. — Такъ и печетъ, и печетъ. Ни пить ни ѣсть не могу.

И, сколько я ни бьюсь, болѣе опредѣленныхъ признаковъ болѣзни не находится.

— Да вы не безпокойтесь, — посовѣтовалъ мнѣ однажды конторщикъ изъ унтеровъ: — сами вылѣчатся. Присохнетъ, какъ на собакѣ. Я, доложу вамъ, только одно лѣкарство употребляю — нашатырь. Приходитъ ко мнѣ мужикъ. «Что тебѣ?» — «Я, говоритъ, больной»... Сейчасъ же ему подъ носъ склянку нашатырнаго спирту. «Нюхай!»... Нюхаетъ... «Нюхай еще... сильнѣе!»... Нюхаетъ... «Что, легче?» — «Якъ будто полегшало»... — «Ну, такъ и ступай съ Богомъ».

Къ тому же мнѣ претило это цѣлованіе рукъ (а иные такъ прямо падали въ ноги и изо всѣхъ силъ стремились облобызать мои сапоги). Здѣсь сказывалось вовсе не движеніе признательнаго сердца, а просто омерзительная привычка, привитая вѣками рабства и насилія. И я только удивлялся тому же самому конторщику изъ унтеровъ и уряднику, глядя, съ какой невозмутимой важностью суютъ они въ губы мужикамъ свои огромныя красныя лапы...

Мнѣ оставалась только охота. Но въ концѣ января

наступила такая погода, что и охотиться стало невозможно. Каждый день дулъ страшный вѣтеръ, а за ночь на снѣгу образовался твердый, льдистый слой наста, по которому заяцъ пробѣгалъ, не оставляя слѣдовъ. Сидя взаперти и прислушиваясь къ вою вѣтра, я тосковалъ страшно. Понятно, я ухватился съ жадностью за такое невинное развлеченіе, какъ обученіе грамотѣ полѣсовщика Ярмолы.

Началось это, впрочемъ, довольно оригинально. Я однажды писалъ письмо и вдругъ почувствовалъ, что кто-то стоитъ за моей спиной. Обернувшись, я увидѣлъ Ярмолу, подошедшаго, какъ и всегда, беззвучно въ своихъ мягкихъ лаптяхъ.

— Что тебѣ, Ярмола? — спросилъ я.

— Да вотъ дивлюсь, какъ вы пишете. Вотъ бы мнѣ такъ... Нѣтъ, нѣтъ... не такъ, какъ вы, — смущенно заторопился онъ, видя, что я улыбаюсь. — Мнѣ бы только мое фамиліе...

— Зачѣмъ это тебѣ? — удивился я... (Надо замѣтить, что Ярмола считается самымъ бѣднымъ и самымъ лѣнивымъ мужикомъ во всемъ Перебродѣ; жалованье и свой крестьянскій заработокъ онъ пропиваетъ; такихъ плохихъ воловъ, какъ у него, нѣтъ нигдѣ въ окрестности. По моему мнѣнію, ему-то ужъ ни въ какомъ случаѣ не могло понадобиться знаніе грамоты). Я еще разъ спросилъ съ сомнѣніемъ: — Для чего же тебѣ надо умѣть писать фамилію?

— А видите, какое дѣло, панычъ, — отвѣтилъ Ярмола необыкновенно мягко: — ни одного грамотнаго нѣтъ у насъ въ деревнѣ. Когда бумагу какую нужно подписать или въ волости дѣло, или что... никто не можетъ... Староста печать только кладетъ, а самъ не знаетъ, что въ ней напечатано... То хорошо было бы для всѣхъ, если бы кто умѣлъ расписаться.

Такая заботливость Ярмола — завѣдомаго браконьера, беспечнаго бродяги, съ мнѣніемъ котораго никогда даже не подумалъ бы считаться сельскій сходъ, — такая заботливость его объ общественномъ интересѣ родного села почему-то растрогала меня. Я самъ предложилъ давать ему уроки. И что же это была за тяжкая работа — всѣ мои попытки выучить его сознательному чтенію и письму! Ярмола, знавшій въ совершенствѣ каждую тропинку своего лѣса, чуть ли не каждое дерево, умѣвшій ориентироваться днемъ и ночью въ какомъ угодно мѣстѣ, различавшій по слѣдамъ всѣхъ окрестныхъ волковъ, зайцевъ и лисицъ, — этотъ самый Ярмола никакъ не могъ представить себѣ, почему, на примѣръ, буквы «м» и «а» вмѣстѣ составляютъ «ма». Обыкновенно надъ такой задачей онъ мучительно раздумывалъ минутъ десять, а то и больше, при чемъ его смуглое, худое лицо съ впалыми черными глазами, все ушедшее въ жесткую черную бороду и большіе усы, выражало крайнюю степень умственнаго напряженія.

— Ну скажи, Ярмола — «ма». Просто только скажи — «ма», — приставалъ я къ нему. — Не гляди на бумагу, гляди на меня, вотъ такъ. Ну, говори — «ма»...

Тогда Ярмола глубоко вздыхалъ, клалъ на столъ указку и произносилъ грустно и рѣшительно:

— Нѣтъ... не могу...

— Какъ же не можешь? Это же вѣдь такъ легко. Скажи просто-напросто — «ма», вотъ какъ я говорю.

— Нѣтъ... не могу, панычъ... забылъ...

Всѣ методы, приемы и сравненія разбивались объ эту чудовищную непонятливость. Но стремленіе Ярмола къ просвѣщенію вовсе не ослабѣвало.

— Мнѣ бы только мою фамилію! — застѣнчиво упрашивалъ онъ меня. — Больше ничего не нужно. Только фамилію: Ярмола Попружукъ — и больше ничего.

Отказавшись окончательно отъ мысли выучить его разумному чтенію и письму, я сталъ учить его подписываться механически. Къ моему великому удивленію, этотъ способъ оказался наиболѣе доступнымъ Ярмолѣ, такъ что къ концу второго мѣсяца мы уже почти осилили фамилію. Что же касается до имени, то его, въ виду облегченія задачи, мы рѣшили совсѣмъ отбросить.

По вечерамъ, окончивъ топку печей, Ярмола съ нетерпѣніемъ дожидался, когда я позову его.

— Ну, Ярмола, давай учиться, — говорилъ я.

Онъ бокомъ подходилъ къ столу, облакачивался на него локтями, просовывалъ между своими черными, закорузлыми, негибнущими пальцами перо и спрашивалъ меня, поднявъ кверху брови:

— Писать?

— Пиши.

Ярмола довольно увѣренно чертилъ первую букву — «П» (эта буква у насъ носила названіе: «два стояка и сверху перекладина»); потомъ онъ смотрѣлъ на меня вопросительно:

— Что жъ ты не пишешь? Забылъ?

— Забылъ... — досадливо качалъ головой Ярмола.

— Эхъ, какой ты! Ну, ставь колесо.

— А-а! Колесо, колесо!.. Знаю... — оживлялся Ярмола и старательно рисовалъ на бумагѣ вытянутую вверхъ фигуру, весьма похожую очертаніями на Каспійское море. Окончивши этотъ трудъ, онъ нѣкоторое время молча любовался имъ, наклоняя голову то на лѣвый, то на правый бокъ и щуря глаза.

— Что же ты сталъ? Пиши дальше.

— Подождите немного, паньчу... сейчасъ.

Минуты двѣ онъ размышлялъ и потомъ робко спрашивалъ:

— Такъ же, какъ первая?

— Вѣрно. Пиши.

Такъ мало - по - малу мы добрались до послѣдней буквы — «к» (твердый знакъ мы отвергли), которая была у насъ известна, какъ «палка, а по срединѣ палки кривуля хвостомъ набокъ».

— А что вы думаете, панычу, — говорилъ иногда Ярмола, окончивъ свой трудъ и глядя на него съ любовной гордостью: — если бы мнѣ еще мѣсяцевъ съ пять или шесть поучиться, я бы совсѣмъ хорошо зналъ. Какъ вы скажете?

II.

Ярмола сидѣлъ на корточкахъ передъ заслонкой, перемѣшивая въ печкѣ уголья, а я ходилъ взадъ и впередъ по діагонали моей комнаты. Изъ всѣхъ двѣнадцати комнатъ огромнаго помѣщичьяго дома я занималъ только одну, бывшую диванную. Другія стояли запертыми на ключъ, и въ нихъ неподвижно и торжественно плѣсневѣла старинная штофная мебель, диковинная бронза и портреты XVIII столѣтїя.

Вѣтеръ за стѣнами дома бѣсился, какъ старый, озябшій голый дьяволъ. Въ его ревѣ слышались стоны, визгъ и дикій смѣхъ. Мятель къ вечеру расходилась еще сильнѣе. Снаружи кто-то яростно бросалъ въ стекла оконъ горсти мелкаго сухого снѣга. Недалекій лѣсъ ропталъ и гудѣлъ съ непрерывной, затаенной, глухой угрозой...

Вѣтеръ забирался въ пустыя комнаты и въ печныя воющія трубы, и старый домъ, весь расшатанный, дырявый, полуразвалившійся, вдругъ оживлялся странными звуками, къ которымъ я прислушивался съ невольной тревогой. Вотъ точно вздохнуло что-то въ бѣлой залѣ, вздохнуло глубоко, прерывисто, печально. Вотъ заходили и заскрипѣли гдѣ-то далеко высохшія гнилыя половицы подъ чьими-то тяжелыми и безшумными шагами. Чудится

мнѣ затѣмъ, что рядомъ съ моей комнатою, въ коридорѣ, кто-то осторожно и настойчиво нажимаетъ на дверную ручку и потомъ, внезапно разъярившись, мчится по всему дому, бѣшено потрясая всѣми ставнями и дверьми, или, забравшись въ трубу, скулить такъ жалобно, скучно и непрерывно, то поднимая все выше, все тоньше свой голосъ до жалобнаго визга, то опуская его внизъ, до звѣринаго рычанья. Порою Богъ вѣсть откуда врывался этотъ страшный гость и въ мою комнату, пробѣгалъ внезапно холодомъ у меня по спинѣ и колебалъ пламя лампы, тускло свѣтившей подъ зеленымъ бумажнымъ, обгорѣвшимъ сверху, абажуромъ.

На меня нашло странное, неопредѣленное безпокойство. Вотъ, думалось мнѣ, сижу я глухой и ненастной зимней ночью въ ветхомъ домѣ, среди деревни, затерявшейся въ лѣсахъ и сугробахъ, въ сотняхъ верстъ отъ городской жизни, отъ общества, отъ женскаго смѣха, отъ человѣческаго разговора... И начинало мнѣ представляться, что годы и десятки лѣтъ будетъ тянуться этотъ ненастный вечеръ, будетъ тянуться вплоть до моей смерти, и такъ же будетъ ревѣть за окнами вѣтеръ, такъ же тускло будетъ горѣть лампа подъ убогимъ зеленымъ абажуромъ, такъ же тревожно буду ходить я взадъ и впередъ по моей комнатѣ, такъ же будетъ сидѣть около печки молчаливый, сосредоточенный Ярмола, — странное, чуждое мнѣ существо, равнодушное ко всему на свѣтѣ: и къ тому, что у него дома въ семьѣ вѣсть нечего, и къ бушеванію вѣтра, и къ моей неопредѣленной, разъядающей тоскѣ.

Мнѣ вдругъ нестерпимо захотѣлось нарушить это томительное молчаніе какимъ-нибудь подобіемъ человѣческаго голоса, и я спросилъ:

— Какъ ты думаешь, Ярмола, откуда это сегодня такой вѣтеръ?

— Вѣтеръ? — отозвался Ярмола, лѣниво подымая голову. — А панычъ развѣ не знаетъ?

— Конечно, не знаю. Откуда же мнѣ знать?

— И вправду не знаете? — оживился вдругъ Ярмола. — Это я вамъ скажу, — продолжалъ онъ съ таинственнымъ оттѣнкомъ въ голосѣ: — это я вамъ скажу: чи вѣдьмака народилась, чи вѣдьмакъ веселье справляетъ.

— Вѣдьмака — это колдунья по-вашему?

— А такъ, такъ... колдунья.

Я съ жадностью накинулся на Ярмолу. «Почемъ знать, — думалъ я: — можетъ-быть, сейчасъ же мнѣ удастся выжать изъ него какую-нибудь интересную исторію, связанную съ волшебствомъ, съ зарытыми кладами, съ вовкулаками?..»

— Ну, а у васъ здѣсь, на Полѣсьѣ, есть вѣдьмы? — спросилъ я.

— Не знаю... Можетъ, есть, — отвѣтилъ Ярмола съ прежнимъ равнодушіемъ и опять нагнулся къ печкѣ. — Старые люди говорятъ, что были когда-то... Можетъ, и неправда...

Я сразу разочаровался. Характерной чертой Ярмолы была упорная несловоохотность, и я ужъ не надѣялся добиться отъ него ничего больше объ этомъ интересномъ предметѣ. Но, къ моему удивленію, онъ вдругъ заговорилъ съ лѣнивой небрежностью и какъ будто бы обращаясь не ко мнѣ, а къ гудѣвшей печкѣ:

— Была у насъ лѣтъ пять тому назадъ такая вѣдьма... Только ее хлопцы съ села прогнали!

— Куда же они ее прогнали?

— Куда!.. Извѣстно, въ лѣсъ... Куда же еще? И хату ся сломали, чтобы отъ того проклятаго кубла и щепокъ не осталось... А саму ее вывели за вышницы и по шеѣ.

— За что же такъ съ ней обошлись?

— Вреда отъ нея много было: ссорилась со всѣми,

зелье подъ хаты подливала, закрутки вязала въ житѣ... Одинъ разъ просила она у нашей молодежи злотъ (15 к.). Та ей говоритъ: «Нѣтъ у меня злота, отстань». — «Ну, добре, говоритъ, будешь ты помнить, какъ мнѣ злотаго не дала...» И что же вы думаете, паньчу: съ тѣхъ самыхъ поръ стало у молодежи дитя болѣть. Болѣло, болѣло, да и совсѣмъ умерло. Вотъ тогда хлопцы вѣдьмаку и прогнали, пусть ей очи повылазятъ...

— Ну, а гдѣ же теперь эта вѣдьмака? — продолжалъ я любопытствовать.

— Вѣдьмака? — медленно переспросилъ, по своему обыкновению, Ярмола. — А я знаю?

— Развѣ у нея не осталось въ деревнѣ какой-нибудь родни?

— Нѣтъ, не осталось. Да она чужая была, изъ кацапокъ, чи изъ цыгановъ... Я еще маленькимъ хлопцемъ былъ, когда она пришла къ намъ на село. И дѣвочка съ ней была: дочка или внучка... Обѣихъ прогнали..

— А теперь къ ней развѣ никто не ходитъ: погадать тамъ или зелья какого-нибудь попросить?

— Бабы бѣгаютъ, — пренебрежительно уронилъ Ярмола.

— Ага! Значитъ, все-таки извѣстно, гдѣ она живетъ?

— Я не знаю... Говорятъ люди, что гдѣ-то около Басова Кута она живетъ... Знаете — болото, что за Ириповскимъ шляхомъ. Такъ вотъ въ этомъ болотѣ она и сидитъ, трясьца ея матери!

«Вѣдьма живетъ въ какихъ-нибудь десяти верстахъ отъ моего дома... настоящая, живая, полѣсская вѣдьма!» Эта мысль сразу заинтересовала и взволновала меня.

— Послушай, Ярмола, — обратился я къ полѣсовщику: — а какъ бы мнѣ съ ней познакомиться, съ этой вѣдьмой?

— Тфу! — сплюнулъ съ негодованіемъ Ярмола. — Вотъ еще добро нашли.

— Добро или недобро, а я къ ней все равно пойду. Какъ только немного потеплѣетъ, сейчасъ же и отправлюсь. Ты меня, конечно, проводишь?

Ярмолу такъ поразили послѣднія слова, что онъ даже вскочилъ съ полу.

— Я?! — воскликнулъ онъ съ негодованіемъ. — А и ни за что! Пусть оно тамъ Богъ вѣдаетъ что, а я не пойду.

— Ну вотъ глупости, пойдешь.

— Нѣтъ, панычу, не пойду... ни за что не пойду... Чтобы я?! — опять воскликнулъ онъ, охваченный новымъ наплывомъ возмущенія: — чтобы я пошелъ до вѣдьмачьяго кубла? Да пусть меня Богъ боронитъ. И вамъ не совѣтую, панычъ.

— Какъ хочешь... а я все-таки пойду. Мнѣ очень любопытно на нее посмотреть.

— Ничего тамъ нѣтъ любопытнаго, — пробурчалъ Ярмола, съ сердцемъ захлопывая печную дверку.

Часъ спустя, когда онъ, уже убравъ самоваръ и напившись въ темныхъ сѣняхъ чаю, собирался итти домой, я спросилъ:

— Какъ зовутъ эту вѣдьму?

— Мануйлиха, — отвѣтилъ Ярмола съ грубой мрачностью.

Онъ хотя и не высказывалъ никогда своихъ чувствъ, но, кажется, сильно ко мнѣ привязался; привязался за нашу общую страсть къ охотѣ, за мое простое обращеніе, за помощь, которую я изрѣдка оказывалъ его вѣчно голодающей семьѣ, а главнымъ образомъ за то, что я одинъ на всемъ свѣтѣ не корилъ его пьянствомъ, чего Ярмола терпѣть не могъ. Поэтому, моя рѣшимость познакомиться съ вѣдьмой привела его въ отвратительное настроеніе духа, которое онъ выразилъ только усиленнымъ сопѣніемъ да еще тѣмъ, что, выйдя на крыльцо, изъ всей силы ударилъ ногой въ бокъ свою собаку —

Рябчика. Рябчикъ отчаянно завизжалъ и отскочилъ въ сторону, но тотчасъ же побѣжалъ вслѣдъ за Ярмолой, не переставая скулить.

III.

Дня черезъ три потеплѣло. Однажды утромъ, очень рано, Ярмола вошелъ въ мою комнату и заявилъ небрежно:

— Нужно ружья почистить, панычъ.

— А что? — спросилъ я, потягиваясь подъ одѣяломъ.

— Заяцъ ночью сильно походилъ: слѣдовъ много. Можетъ, пойдёмъ на пановку?

Я видѣлъ, что Ярмолъ не терпится скорѣе пойти въ лѣсъ, но онъ скрываетъ это страстное желаніе охотника подъ напускнымъ равнодушіемъ. Дѣйствительно въ передней уже стояла его одностволка, отъ которой не ушелъ еще ни одинъ бекасъ, несмотря на то, что вблизи дула она была украшена нѣсколькими оловянными заплатами, наложенными въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ржавчина и пороховые газы проѣли желѣзо.

Едва войдя въ лѣсъ, мы тотчасъ же напали на заячій слѣдъ: двѣ лапки рядомъ и двѣ позади одна за другой. Заяцъ вышелъ на дорогу, прошелъ по ней сажень двѣсти и сдѣлалъ съ дороги огромный прыжокъ въ сосновый молоднякъ.

— Ну, теперь будемъ обходить его, — сказалъ Ярмола. — Какъ даль столба, такъ тутъ сейчасъ и ляжетъ. Вы, панычъ, идите... — Онъ задумался, соображая по какимъ-то ему одному извѣстнымъ примѣтамъ, куда меня направить... — Вы идите до старой корчмы. А я его обойду отъ Замлына. Какъ только собака его выгонитъ, я буду гукать вамъ.

И онъ тотчасъ же скрылся, точно нырнулъ въ густую

чащу мелкаго кустарника. Я прислушался. Ни одинъ звукъ не выдалъ его браконьерской походки, ни одна вѣточка не треснула подъ его ногами, обутыми въ лыковые постолы.

Я неторопливо дошелъ до старой корчмы — нежилой, развалившейся хаты, и сталъ на опушкѣ хвойнаго лѣса, подъ высокою сосной съ прямымъ голымъ стволомъ. Было такъ тихо, какъ только бываетъ въ лѣсу зимою, въ безвѣтреный день. Нависшіе на вѣтвяхъ пышные комья снѣга давили ихъ книзу, придавая имъ чудесный, праздничный и холодный видъ. По временамъ срывалась съ вершины тоненькая вѣточка, и чрезвычайно ясно слышалось, какъ она, падая, съ легкимъ трескомъ задѣвала за другія вѣтви. Снѣгъ розовѣлъ на солнцѣ и синѣлъ въ тѣни. Мною овладѣло тихое очарованіе этого торжественнаго, холоднаго безмолвія, и мнѣ казалось, что я чувствую, какъ время медленно и безшумно проходитъ мимо меня...

Вдругъ далеко, въ самой чащѣ, раздался лай Рябчика, — характерный лай собаки, идущей за звѣремъ: тоненькій, залихватый и нервный, почти переходящій въ визгъ. Тотчасъ же услышалъ я и голосъ Ярмолы, кричавшаго съ ожесточеніемъ вслѣдъ собакъ: «У — бый! У — бый!», первый слогъ — протяжнымъ рѣзкимъ фальцетомъ, а второй — отрывистой басовой нотой (я только много времени спустя дознался, что этотъ охотничій полѣсскій крикъ происходитъ отъ глагола «убивать»).

Мнѣ казалось, судя по направленію лая, что собака гонитъ влѣво отъ меня, и я торопливо побѣжалъ черезъ полянку, чтобы перехватить звѣря. Но не успѣлъ я сдѣлать и двадцати шаговъ, какъ огромный сѣрый заяцъ выскочилъ изъ-за шпана и, какъ будто бы не торопясь, заложивъ назадъ длинныя уши, высокими, рѣдкими прыжками перебѣжалъ черезъ дорогу и скрылся въ молод-

някъ. Слѣдомъ за нимъ стремительно вылетѣлъ Рябчикъ. Увидѣвъ меня, онъ слабо махнулъ хвостомъ, торопливо куснулъ нѣсколько разъ зубами снѣгъ и опять погналъ зайца.

Ярмола вдругъ такъ же безшумно вынырнулъ изъ чащи. — Что же вы, панычъ, не стали ему на дорогѣ? — крикнулъ онъ и укоризненно зачмокалъ языкомъ.

— Да вѣдь далеко было... больше двухсотъ шаговъ.

Видя мое смущеніе, Ярмола смягчился.

— Ну, ничего... Онъ отъ насъ не уйдетъ. Идите на Ириновскій шляхъ, — онъ сейчасъ туда выйдетъ.

Я пошелъ по направленію Ириновскаго шляха и уже черезъ минуты двѣ услыхалъ, что собака опять гонитъ гдѣ-то недалеко отъ меня. Охваченный охотничьимъ волненіемъ, я побѣжалъ, держа ружье наперевѣсъ, сквозь густой кустарникъ, ломая вѣтви и не обращая вниманія на ихъ жестокіе удары. Я бѣжалъ такъ довольно долго и уже сталъ задыхаться, какъ вдругъ лай собаки прекратился. Я пошелъ тише. Мнѣ казалось, что если я буду идти все прямо, то непременно встрѣчусь съ Ярмолой на Ириновскомъ шляху. Но вскорѣ я убѣдился, что во время моего бѣга, огибая кусты и пни и совсѣмъ не думая о дорогѣ, я заблудился. Тогда я началъ кричать Ярмолѣ. Онъ не откликался.

Между тѣмъ машинально я шелъ все дальше. Лѣсъ рѣдѣлъ понемногу, почва опускалась и становилась кочковатой. Слѣдъ, оттиснутый на снѣгу моей ногой, быстро темнѣлъ и наливался водой. Нѣсколько разъ я уже проваливался по колѣна. Мнѣ приходилось перепрыгивать съ кочки на кочку; въ покрывавшемъ ихъ густомъ буромъ мху ноги тонули точно въ мягкомъ коврѣ.

Кустарникъ скоро совсѣмъ окончился. Передо мной было большое круглое болото, занесенное снѣгомъ, изъ-подъ бѣлой пелены котораго торчали рѣдкія кочки. На про-

тивоположномъ концѣ болота, между деревьями, выглядывали бѣлыя стѣны какой-то хаты. «Вѣроятно, здѣсь живетъ ириновскій лѣсникъ, — подумалъ я. — Надо зайти и спросить у него дорогу».

Но дойти до хаты было не такъ-то легко. Каждую минуту я увязалъ въ трясинѣ. Сапоги мои набрали воды и при каждомъ шагѣ громко хлюпали; становилось невмочь тянуть ихъ за собою.

Наконецъ я перебрался черезъ это болото, взобрался на маленькій пригорокъ и теперь могъ хорошо рассмотреть хату. Это даже была не хата, а именно сказочная избушка на курьихъ ножкахъ. Она не касалась поломъ земли, а была построена на сваяхъ, вѣроятно, въ виду половодья, затопляющаго весною весь Ириновскій лѣсъ. Но одна сторона ея отъ времени осѣла, и это придавало избушкѣ хромой и печальный видъ. Въ окнахъ не доставало нѣсколькихъ стеколъ; ихъ замѣняли какія-то грязныя ветошки, выпиравшіяся горбомъ наружу.

Я нажалъ на клямку и отворилъ дверь. Въ хатѣ было очень темно, а у меня, послѣ того, какъ я долго глядѣлъ на свѣтъ, ходили передъ глазами фіолетовые круги; поэтому я долго не могъ разобрать, есть ли кто-нибудь въ хатѣ.

— Эй, добрые люди, кто изъ васъ дома?—спросилъ я громко.

Около печки что-то завозилось. Я подошелъ поближе и увидалъ старуху, сидѣвшую на полу. Передъ ней лежала огромная куча куриныхъ перьевъ. Старуха брала отдѣльно каждое перо, сдирала съ него бородку и клала пухъ въ корзину, а стержни бросала прямо на землю.

«Да вѣдь это — Мануйлиха, ириновская вѣдьма», — мелькнуло у меня въ головѣ, едва я только повнимательнѣе взглянулъ въ старуху. Всѣ черты бабы-яги, какъ ее изображаетъ народный эпосъ, были налицо: худыя щеки,

втянутыя внутрь, переходили внизу въ острый, длинный, дряблый подбородокъ, почти соприкасавшійся съ висящимъ внизъ носомъ; провалившійся беззубый ротъ безпрестанно двигался, точно пережевывая что-то; выцветшіе, когда-то голубые глаза, холодные, круглые, выпуклые, съ очень короткими красными вѣками, глядѣли точно глаза невиданной зловѣщей птицы.

— Здравствуй, бабка!—сказалъ я какъ можно привѣтливѣе. — Тебя ужъ не Мануйлихой ли зовутъ?

Въ отвѣтъ что-то заклокотало и захрипѣло въ груди у старухи; потомъ изъ ея беззубаго, шамкающаго рта вырвались странные звуки, то похожіе на задыхающееся карканье старой вороны, то вдругъ переходившіе въ сиплую, обрывающуюся фистулу:

— Прежде, можетъ, и Мануйлихой звали добрые люди... А теперь зовутъ зовуткой, а величаютъ уткой. Тебѣ что надо-то?—спросила она недружелюбно и не прекращая своего однообразнаго занятія.

— Да вотъ, бабушка, заблудился я. Можетъ, у тебя молоко найдется?

— Нѣтъ молока,—сердито отрѣзала старуха.—Много васъ по лѣсу ходитъ... Всѣхъ не напоишь, не накормишь...

— Ну, бабушка, неласковая же ты до гостей.

— И вѣрно, батюшка: совсѣмъ неласковая. Разнословъ для васъ не держимъ. Усталъ — посиди, никто тебя изъ хаты не гонитъ. Знаешь, какъ въ пословицѣ говорится: «Приходите къ намъ на завалинкѣ посидѣть, у нашего праздника звона послушать, а обѣдать къ вамъ мы и сами догадаемся». Такъ-то вотъ...

Эти обороты рѣчи сразу убѣдили меня, что старуха дѣйствительно пришла въ этомъ краѣ; здѣсь не любятъ и не понимаютъ хлесткой, уснащенной рѣдкими словцами рѣчи, которой такъ охотно щеголяетъ красно-

бай-сѣверянинъ. Между тѣмъ старуха, продолжая механически свою работу, все еще бормотала что-то себѣ подъ носъ, но все тише и невнятнѣе. Я разбиралъ только отдѣльные слова, не имѣвшія между собой никакой связи: «Вотъ тебѣ и бабушка Мануйлиха... А кто такой—невѣдомо... Лѣта-то мои не маленькія... Ногами егозить, стрекочить, сокочить — чистая сорока...»

Я нѣкоторое время молча прислушивался, и внезапная мысль, что передо мною — сумасшедшая женщина, вызвала у меня ощущение брезгливаго страха.

Однако я успѣлъ осмотрѣться вокругъ себя. Большую часть избы занимала огромная облупившаяся печка. Образовъ въ переднемъ углу не было. По стѣнамъ, вмѣсто обычныхъ охотниковъ съ зелеными усами и фіолетовыми собаками и портретовъ никому невѣдомыхъ генераловъ, висѣли пучки засушенныхъ травъ, связки сморщенныхъ корешковъ и кухонная посуда. Ни совы ни чернаго кота я не замѣтилъ, но зато съ печки два рябыхъ солидныхъ скворца глядѣли на меня съ удивленнымъ и недовѣрчивымъ видомъ.

— Бабушка, а воды-то у васъ по крайней мѣрѣ можно напиться? — спросилъ я, возвышая голосъ.

— А вонъ, въ кадкѣ, — кивнула головой старуха.

Вода отзывала болотной ржавчиной. Поблагодаривъ старуху (на что она не обратила ни малѣйшаго вниманія), я спросилъ ее, какъ мнѣ выйти на шляхъ.

Она вдругъ подняла голову, поглядѣла на меня пристально своими холодными птичьими глазами и забормотала торопливо:

— Иди, иди... Иди, молодецъ, своей дорогой. Нечего тутъ тебѣ дѣлать. Хорошъ гость въ гостинку... Ступай, батюшка, ступай...

Мнѣ дѣйствительно ничего больше не оставалось, какъ уйти. Но вдругъ мнѣ пришло въ голову попытаться по-

слѣднее средство, чтобы хоть немного смягчить суровую старуху. Я вынулъ изъ кармана новый серебряный четвертакъ и протянулъ его Мануйлихѣ. Я не ошибся: при видѣ денегъ старуха зашевелилась, глаза ея раскрылись еще больше, и она потянулась за монетой своими скрюченными, узловатыми, дрожащими пальцами.

— Э, нѣтъ, бабка Мануйлиха, даромъ не дамъ,—подразнилъ я ее, пряча монету.—Ну-ка, погадай мнѣ.

Коричневое, сморщенное лицо колдуньи собралось въ недовольную гримасу. Она, повидимому, колебалась и нерѣшительно глядѣла на мой кулакъ, гдѣ были зажаты деньги. Но жадность взяла верхъ.

— Ну, ну, пойдѣмъ, что ли, пойдѣмъ,—прошамкала она, съ трудомъ подымаясь съ полу.—Никому я не ворожу теперь, касатикъ... Забыла... Стара стала, глаза не видятъ. Только для тебя развѣ.

Держась за стѣну, сотрясаясь на каждомъ шагу сгорбленнымъ тѣломъ, она подошла къ столу, достала колоду бурыхъ, распухшихъ отъ времени картъ, стасовала ихъ и придвинула ко мнѣ.

— Сыми-ка... Лѣвой ручкой сыми... Отъ сердца...

Поплевавъ на пальцы, она начала раскладывать кабалу. Карты падали на столъ съ такимъ звукомъ, какъ будто бы онѣ были сваляны изъ тѣста, и укладывались въ правильную восьмиконечную звѣзду. Когда послѣдняя карта легла рубашкой вверхъ на короля, Мануйлиха протянула ко мнѣ руку.

— Позолоти, баринъ хорошій... Счастливъ будешь, богатъ будешь....—запѣла она попрошайническимъ, чисто-цыганскимъ тономъ.

Я сунулъ ей приготовленную монету. Старуха проворно, по-обезьяньи, спрятала ее за щеку.

— Большой интересъ тебѣ выходить черезъ дальнюю дорогу,—начала она привычной скороговоркой.—Встрѣча

съ бубновой дамой и какой-то пріятный разговоръ въ важномъ домѣ. Въ скорости получишь неожиданное извѣстіе отъ трефоваго короля. Падаютъ тебѣ какія-то хлопоты, а потомъ опять падаютъ какія-то небольшія деньги. Будешь въ большой компаніи, пьянъ будешь... Не такъ, чтобы очень сильно, а все-таки выходитъ тебѣ выпивка. Жизнь твоя будетъ долгая. Если въ 67 лѣтъ не умрешь, то...

Вдругъ она остановилась, подняла голову, точно къ чему-то прислушиваясь. Я тоже насторожился. Чей-то женскій голосъ, свѣжій, звонкій и сильный, пѣлъ, приближаясь къ хатѣ. Я тоже узналъ слова граціозной малорусской пѣсенки:

Ой чи цвить, чи ни цвить
Калиноньку ломить.
Ой чи сонъ, чи не сонъ
Головоньку клонить.

— Ну иди, иди теперь, соколикъ, — тревожно засуетилась старуха, отстраняя меня рукой отъ стола. — Нечего тебѣ по чужимъ хатамъ околачиваться. Иди, куда шель...

Она даже ухватила меня за рукавъ моей куртки и тянула къ двери. Лицо ея выражало какое-то звѣриное безпокойство.

Голосъ, пѣвшій пѣсню, вдругъ оборвался совсѣмъ близко около хаты, громко звякнула желѣзная клямка, и въ просвѣтѣ быстро распахнувшейся двери показалась рослая смѣющаяся дѣвушка. Обѣими руками она бережно поддерживала полосатый переднекъ, изъ котораго выглядывали три крошечныхъ птичьихъ головки съ красными шейками и черными блестящими глазенками.

— **Смотри**, бабушка, зяблики опять за мною увязались, — воскликнула она, громко смѣясь: — посмотри, какіе смѣшные... Голодные совсѣмъ. А у меня, какъ нарочно, хлѣба съ собой не было.

Но, увидѣвъ меня, она вдругъ замолчала и вспыхнула густымъ румянцемъ. Ея тонкія черныя брови недовольно сдвинулись, а глаза съ вопросомъ обратились на старуху.

— Вотъ баринъ зашелъ... Пытаетъ дорогу, — пояснила старуха. — Ну, батюшка, — съ рѣшительнымъ видомъ обернулась она ко мнѣ: — будетъ тебѣ прохладатся. Напился водицы, поговорилъ, да пора и честь знать. Мы тебѣ не компанія...

— Послушай, красавица, — сказалъ я дѣвушкѣ. — Покажи мнѣ, пожалуйста, дорогу на Ириновскій шляхъ, а то изъ вашего болота во вѣки вѣковъ не выберешься.

Должно-быть, на нее подѣйствовалъ мягкій, просительный тонъ, который я придалъ этимъ словамъ. Она бережно посадила на печку, рядомъ со скворцами, своихъ зябликовъ, бросила на лавку скинутую уже короткую свитку, и молча вышла изъ хаты.

Я послѣдовалъ за ней.

— Это у тебя все ручныя птицы? — спросилъ я, догоняя дѣвушку.

— Ручныя, — отвѣтила она отрывисто и даже не взглянувъ на меня. — Ну вотъ, глядите, — сказала она, останавливаясь у плетня. — Видите тропочку, вонъ, вонъ, между соснами-то? Видите?

— Вижу...

— Идите по ней все прямо. Какъ дойдете до дубовой колоды, повернете налѣво. Такъ прямо, все лѣсомъ, лѣсомъ и идите. Тутъ сейчасъ вамъ и будетъ Ириновскій шляхъ.

Въ то время, когда она вытянутой правой рукой показывала мнѣ направленіе дороги, я невольно залюбовался ею. Въ ней не было ничего похожего на мѣстныхъ «дивчатъ», лица которыхъ подъ уродливыми повязками, прикрывающими сверху лобъ, а снизу ротъ и подбородокъ, носятъ такое однообразное, испуганное выраженіе.

Моя незнакомка, высокая брюнетка лѣтъ около 20 — 25, держалась легко и стройно. Просторная бѣлая рубаха свободно и красиво обвивала ея молодую, здоровую грудь. Оригинальную красоту ея лица, разъ его увидѣвъ, нельзя было позабыть, но трудно было даже привыкнуть къ нему, его описать. Прелесть его заключалась въ этихъ большихъ, блестящихъ, темныхъ глазахъ, которымъ тонкія, надломленные посрединѣ брови придавали неуловимый оттѣнокъ лукавства, властности и наивности; въ смугло-розовомъ тонѣ кожи, въ своевольномъ изгибѣ губъ, изъ которыхъ нижняя, нѣсколько болѣе полная, выдавалась впередъ съ рѣшительнымъ и капризнымъ видомъ.

— Неужели вы не боитесь жить однѣ въ такой глуши? — спросилъ я, остановившись у забора.

Она равнодушно пожала плечами.

— Чего же намъ бояться? Волки сюда не заходятъ.

— Да развѣ волки одни... Снѣгомъ васъ занести можетъ, пожаръ можетъ случиться... И мало ли что еще. Вы здѣсь однѣ, вамъ и помочь никто не успѣетъ.

— И слава Богу! — махнула она пренебрежительно рукой. — Какъ бы насъ съ бабкой вовсе въ покоѣ оставили, такъ лучше бы было, а то...

— А то что?

— Много будете знать, скоро состаритесь, — отрѣзала она. — Да вы сами-то кто будете? — спросила она тревожно.

Я догадался, что, вѣроятно, и старуха и эта красавица боятся какихъ-нибудь утѣсненій со стороны «предержащихъ», и поспѣшилъ ее успокоить.

— О! Ты, пожалуйста, не тревожься. Я ни урядникъ, ни писарь, ни акцизный, словомъ — я никакое начальство.

— Нѣтъ, вы правду говорите?

— Даю тебѣ честное слово. Ей-Богу, я самый посторонній человѣкъ. Просто, пріѣхалъ сюда погостить на

нѣсколько мѣсяцевъ, а тамъ и уѣду. Если хочешь, я даже никому не скажу, что былъ здѣсь и видѣлъ васъ. Ты мнѣ вѣришь?

Лицо дѣвушки немного прояснилось.

— Ну, значить, коль не врите, такъ правду говорите. А вы какъ: раньше объ насъ слышали или сами зашли?

— Да я и самъ не знаю, какъ тебѣ сказать... Слышать-то я слышалъ, положимъ, и даже хотѣлъ когда-нибудь забрести къ вамъ, а сегодня зашелъ случайно— заблудился... Ну, а теперь скажи, чего вы людей боитесь? Чтò они вамъ злого дѣлаютъ?

Она поглядѣла на меня съ испытующимъ недоувѣриемъ. Но совѣсть у меня была чиста, и я, не сморгнувъ, выдержалъ этотъ пристальный взглядъ. Тогда она заговорила съ возрастающимъ волненіемъ:

— Плохо намъ отъ нихъ приходится... Простые люди еще ничего, а вотъ начальство... Приѣдетъ урядникъ — тащить, приѣдетъ становой — тащить. Да еще прежде, чѣмъ взять-то, надъ бабкой надругается: ты, говорятъ, вѣдьма, чертовка, каторжница... Эхъ! Да чтò и говорить!

— А тебя не трогаютъ? — сорвался у меня неосторожный вопросъ.

Она съ надменной самоуувѣренностью повела головой снизу вверхъ, и въ ея сузившихся глазахъ мелькнуло злое торжество...

— Не трогаютъ... Одинъ разъ сунулся ко мнѣ землемеръ какой-то... Поласкаться ему, видишь, захотѣлось... Такъ, должно-быть, и до сихъ поръ не забылъ, какъ я его приласкала.

Въ этихъ насмѣшливыхъ, но своеобразно-гордыхъ словахъ прозвучало столько грубой независимости, что я невольно подумалъ: «Однако недаромъ ты выросла среди полѣсского бора, — съ тобой и впрямь опасно шутить».

— А мы развѣ трогаемъ кого-нибудь! — продолжала

она, проникаясь ко мнѣ все бѣльшимъ довѣріемъ.—Намъ и людей не надо. Разъ въ годъ только схожу я въ мѣстечко купить мыла да соли... Да вотъ еще бабушкѣ чаю,— чай она у меня любитъ. А то хоть бы и вовсе никого не видѣть.

— Ну, я вижу, вы съ бабушкой людей не жалуете... А мнѣ можно когда-нибудь зайти на минуточку?

Она засмѣялась и — какъ странно, какъ неожиданно измѣнилось ея красивое лицо! Прежней суровости въ немъ и слѣда не осталось: оно вдругъ сдѣлалось свѣтлымъ, застѣнчивымъ, дѣтскимъ.

— Да что у насъ вамъ дѣлать? Мы съ бабкой скучныя... Что жъ, заходите, пожалуй, коли вы и впрямь добрый человекъ. Только вотъ что... вы ужъ если когда къ намъ забредете, такъ безъ ружья лучше...

— Ты боишься?

— Чего мнѣ бояться? Ничего я не боюсь,—и въ ея голосѣ опять послышалась увѣренность въ своей силѣ.— А только не люблю я этого. Зачѣмъ бить пташекъ или вотъ зайцевъ тоже. Никому они худого не дѣлаютъ, а жить имъ хочется такъ же, какъ и намъ съ вами. Я ихъ люблю: они маленькіе, глупые такіе... Ну, однако до свиданія, — заторопилась она: — не знаю, какъ величать-то васъ по имени... Боюсь, бабка браниться станетъ.

И она легко и быстро побѣжала въ хату, наклонивъ внизъ голову и придерживая руками разбившіеся отъ вѣтра волосы.

— Постой, постой! — крикнулъ я. — Какъ тебя зовутъ-то? Ужъ будемъ знакомы какъ слѣдуетъ.

Она остановилась на мгновение и обернулась ко мнѣ.

— Аленой меня зовутъ... По-здѣшнему — Олеса.

Я вскинулъ ружье на плечи и пошелъ по указанному мнѣ направленію. Поднявшись на небольшой холмикъ, откуда начиналась узкая, едва замѣтная лѣсная тропинка,

я оглянулся. Красная юбка Олеси, слегка колеблемая вѣтромъ, еще виднѣлась на крыльцѣ хаты, выдѣляясь яркимъ пятномъ на ослѣпительно-бѣломъ, ровномъ фонѣ снѣга.

Черезъ часъ послѣ меня пришелъ домой Ярмола. По своей обычной неохотѣ къ праздному разговору, онъ ни слова не спросилъ меня о томъ, какъ и гдѣ я заблудился. Онъ только сказалъ какъ будто бы вскользь:

— Тамъ... я зайца на кухню занесъ... жарить будемъ, или пошлете кому-нибудь?

— А вѣдь ты не знаешь, Ярмола, гдѣ я былъ сегодня? — сказалъ я, заранѣе представляя себѣ удивленіе полѣсовщика.

— Отчего же мнѣ не знать? — грубо проворчалъ Ярмола. — Извѣстно, къ вѣдьмакамъ ходили...

— Какъ же ты узналъ это?

— А почему же мнѣ не узнать? Слышу, что вы голоса не подаете, ну я и вернулся на вашъ слѣдъ... Эхъ, паны-ычъ! — прибавилъ онъ съ укоризненной досадой. — Не слѣдуетъ вамъ такими дѣлами заниматься... Грѣхъ!..

IV.

Весна наступила въ этомъ году ранняя, дружная и — какъ всегда на Полѣсьѣ — неожиданная. Побѣжали по деревенскимъ улицамъ бурливые, коричневые, сверкающіе ручейки, сердито пѣнясь вокругъ встрѣчныхъ камней и быстро вертя щепки и гусиный пухъ; въ огромныхъ лужахъ воды отразилось голубое небо съ плывущими по нему круглыми, точно крутящимися, бѣлыми облаками; съ крышъ посыпались частыя звонкія капли. Воробьи, стаями обсыпавшіе придорожныя ветлы, кричали такъ громко и возбужденно, что ничего нельзя было слышать за ихъ крикомъ. Вездѣ чувствовалась радостная, торопливая тревога жизни.

Снѣгъ сошелъ, оставшись еще кое-гдѣ грязными рыхлыми клочками въ лощинахъ и тѣнистыхъ перелѣскахъ. Изъ-подъ него выглянула обнаженная, мокрая, теплая земля, отдохнувшая за зиму, и теперь полная свѣжихъ соювъ, полная жажды новаго материнства. Надъ черными нивами вился легкій парокъ, наполнявшій воздухъ запахомъ оттаявшей земли, — тѣмъ свѣжимъ, вкрадчивымъ и могучимъ, пьянымъ запахомъ весны, который даже и въ городѣ узнаешь среди сотенъ другихъ запаховъ. Мнѣ казалось, что вмѣстѣ съ этимъ ароматомъ вливалась въ мою душу весенняя грусть, сладкая и нѣжная, исполненная безпокойныхъ ожиданій и смутныхъ предчувствій, — поэтическая грусть, дѣлающая въ вашихъ глазахъ всѣхъ женщинъ хорошенькими и всегда приправленная неопредѣленными сожалѣніями о прошлыхъ вѣснахъ. Ночи стали теплѣе; въ ихъ густомъ влажномъ мракѣ чувствовалась незримая, спѣшная творческая работа природы...

Въ эти весенніе дни образъ Олеси не выходилъ изъ моей головы. Мнѣ правилось, оставшись одному, лечь, зажмурить глаза, чтобы лучше сосредоточиться, и безпрестанно вызывать въ своемъ воображеніи ея то суровое, то лукавое, то сіяющее нѣжной улыбкой лицо, ея молодое тѣло, выросшее въ привольѣ стараго бора такъ же стройно и такъ же могуче, какъ растутъ молодыя ёлочки, ея свѣжій голосъ съ неожиданными низкими бархатными нотками... «Во всѣхъ ея движеніяхъ, въ ея словахъ, — думалъ я: — есть что-то благородное (конечно, въ лучшемъ смыслѣ этого довольно пошлаго слова), какая-то врожденная изящная умѣренность...» Также привлекалъ меня къ Олесѣ и нѣкоторый ореолъ окружавшей ее таинственности, суевѣрная репутація вѣдьмы, жизнь въ лѣсной чащѣ среди болота и въ особенности — эта гордая увѣренность въ свои силы, сквозившая въ немногихъ обращенныхъ ко мнѣ словахъ.

Нѣтъ ничего мудренаго, что, какъ только немного просохли лѣсныя тропинки, я отправился въ избушку на курьихъ ножкахъ. На случай, если бы понадобилось успокоить ворчливую старуху, я захватилъ съ собою полфунта чаю и нѣсколько пригоршенъ кусковъ сахару.

Я засталъ обѣихъ женщинъ дома. Старуха возилась около ярко пылавшей печи, а Олеся пряла ленъ, сидя на очень высокой скамейкѣ; когда я, входя, стукнулъ дверью, она обернулась, нитка оборвалась подъ ея руками, и веретено покатилося по полу.

Старуха нѣкоторое время внимательно и сердито вглядывалась въ меня, сморщившись и заслоняя лицо ладонью отъ жара печки.

— Здравствуй, бабуся! — сказалъ я громкимъ, бодрымъ голосомъ. — Не узнаешь, должно-быть, меня? Помнишь, я въ прошломъ мѣсяцѣ заходилъ про дорогу спрашивать? Ты мнѣ еще гадала?

— Ничего не помню, батюшка, — зашамкала старуха, недовольно тряся головой: — ничего не помню. И что ты у насъ позабылъ, — никакъ не пойму. Что мы тебѣ за компанія? Мы люди простые, сѣрые... Нечего тебѣ у насъ дѣлать. Лѣсъ великъ, есть мѣсто, гдѣ разойтись... такъ-то...

Ошеломленный нелюбезнымъ пріемомъ, я совсѣмъ потерялся и очутился въ томъ глупомъ положеніи, когда не знаешь, что дѣлать: обратить ли грубость въ шутку, или самому разсердиться, или наконецъ, не сказавъ ни слова, повернуться и уйти назадъ. Невольно я повернулся съ беспомощнымъ выраженіемъ къ Олесѣ. Она чуть-чуть улыбнулась съ оттѣнкомъ не злой насмѣшки, встала изъ-за прялки и подошла къ старухѣ.

— Не бойся, бабка, — сказала она примирительно: — это не лихой человѣкъ, онъ намъ худого не сдѣлаетъ. Милости просимъ садиться, — прибавила она, указывая мнѣ

на лавку въ переднемъ углу и не обращая болѣе вниманія на воркотню старухи.

Ободренный ея вниманіемъ, я догадался выдвинуть самое рѣшительное средство.

— Какая же ты сердитая, бабуся... Чуть гости на порогъ, а ты сейчасъ и бранишься. А я-было тебѣ гостинцу принесъ, — сказалъ я, доставая изъ сумки свои свертки.

Старуха бросила быстрый взглядъ на свертки, но тотчасъ же отвернулась къ печкѣ.

— Никакихъ мнѣ твоихъ гостинцевъ не нужно, — проворчала она, ожесточенно разгребая кочергой уголья. — Знаемъ мы тоже гостей этихъ. Сперва безъ мыла въ душу лѣзутъ, а потомъ... Что у тебя въ кулечкѣ-то? — вдругъ обернулась она ко мнѣ.

Я тотчасъ же вручилъ ей чай и сахаръ. Это подѣйствовало на старуху смягчающимъ образомъ, и хотя она и продолжала ворчать, но уже не въ прежнемъ, неприимомъ тонѣ.

Олеся сѣла опять за пряжу, а я помѣстился около нея, на низкой, короткой и очень шаткой скамеечкѣ. Лѣвой рукой Олеся быстро сучила бѣлую, мягкую, какъ шелкъ, кудель, а въ правой у нея съ легкимъ жужжаніемъ крутилось веретено, которое она то пускала падать почти до земли, то ловко подхватывала его и короткимъ движеніемъ пальцевъ опять заставляла вертѣться. Эта работа, такая простая на первый взглядъ, но, въ сущности, требующая огромнаго, многовѣкового навыка и ловкости, такъ и кипѣла въ ея рукахъ. Невольно я обратилъ вниманіе на эти руки: онѣ загрубѣли и почернѣли отъ работы, но были невелики и такой красивой формы, что имъ позавидовали бы многія благовоспитанныя дѣвицы.

— А вотъ вы мнѣ тогда и не сказали, что вамъ бабка гадала, — произнесла Олеся. И, видя, что я опасливо обернулся назадъ, она прибавила: — Ничего, ничего, она не-

много на ухо туга, не услышитъ. Она только мой голосъ хорошо разбираетъ.

— Да, гадала. А что?

— Да такъ себѣ... Просто спрашиваю... А вы вѣрите? — кинула она на меня украдкой быстрый взглядъ.

— Чему? Тому, что твоя бабка мнѣ гадала, или вообще?

— Нѣтъ, вообще..

— Какъ сказать, вѣрнѣе будетъ, что не вѣрю, а все-таки почему знать? Говорятъ, бываютъ случаи... Даже въ умныхъ книгахъ объ нихъ напечатано. А вотъ тому, что твоя бабка говорила, такъ совсѣмъ не вѣрю. Такъ и любая баба деревенская сумѣетъ поворожить.

Олеся улыбнулась.

— Да, это правда, что она теперь плохо гадаетъ. Стара стала, да и боится она очень. А что вамъ карты сказали?

— Ничего интереснаго не было. Я теперь и не помню. Что обыкновенно говорятъ: дальняя дорога, трефовый интересъ... Я и позабылъ даже.

— Да, да, плохая она стала ворожка. Слова многія позабыла отъ старости... Куда жъ ей? Да и опасается она. Развѣ только деньги увидитъ, такъ согласится.

— Чего же она боится?

— Извѣстно чего, — начальства боится... Урядникъ придетъ, такъ завсегда грозитъ: «Я, говоритъ, тебя во всякое время могу упрятать. Ты знаешь, говоритъ, что вашему брату за чародѣйство полагается? Ссылка въ каторжную работу, безъ сроку, на Соколиный островъ». Какъ вы думаете, вретъ онъ это или нѣтъ?

— Нѣтъ, врать онъ не вретъ; дѣйствительно за это что-то полагается, но уже не такъ страшно... Ну, а ты, Олеся, умѣешь гадать?

Она какъ будто бы немного замялась, но всего лишь на мгновеніе.

— Гадаю... Только не за деньги, — добавила она поспѣшно.

— Можетъ-быть, ты и мнѣ кинешь карты?

— Нѣтъ, — тихо, но рѣшительно отвѣтила она, покачавъ головой.

— Почему же ты не хочешь? Ну, не теперь, такъ когда-нибудь послѣ... Мнѣ почему-то кажется, что ты мнѣ правду скажешь.

— Нѣтъ. Не стану. Ни за что не стану.

— Ну, ужъ это нехорошо, Олеся. Ради перваго знакомства нельзя отказывать... Почему ты несогласна?

— Потому что я на васъ уже бросала карты, въ другой разъ нельзя...

— Нельзя? Отчего же? Я этого не понимаю.

— Нѣтъ, нѣтъ, нельзя... нельзя... — зашептала она съ суевѣрнымъ страхомъ. — Судьбу нельзя два раза пытаться... Не годится... Она узнаетъ, подслушаетъ... Судьба не любить, когда ее спрашиваютъ. Оттого всѣ ворожки несчастныя.

Я хотѣлъ отвѣтить Олесѣ какой-нибудь шуткой и не могъ: слишкомъ много искренняго убѣжденія было въ ея словахъ, такъ что даже, когда она, упомянувъ про судьбу, со странной боязнью оглянулась на дверь, я невольно повторилъ это движеніе.

— Ну, если не хочешь мнѣ погадать, такъ расскажи, что у тебя тогда вышло? — попросилъ я.

Олеся вдругъ бросила прялку и притронулась рукой къ моей рукѣ.

— Нѣтъ... Лучше не надо, — сказала она, и ея глаза приняли умоляюще-дѣтское выраженіе. — Пожалуйста, не просите... Нехорошо вамъ вышло... Не просите лучше...

Но я продолжалъ настаивать. Я не могъ разобратъ: былъ ли ея отказъ и темные намеки на судьбу наигранымъ пріемомъ гадалки, или она дѣйствительно сама вѣ-

рила въ то, о чемъ говорила, но мнѣ стало какъ-то не по себѣ, почти жутко.

— Ну хорошо, я, пожалуй, скажу, — согласилась наконецъ Олеся. — Только смотрите, уговоръ лучше денегъ: не сердиться, если вамъ что не понравится. Вышло вамъ вотъ что: человекъ вы хотя и добрый, но только слабый... Доброта ваша не хорошая, не сердечная. Слову вы своему не господинъ. Надъ людьми любите верхъ брать, а сами имъ хотя и не хотите, но подчиняетесь. Вино любите, а также... Ну да все равно, говорить, такъ ужъ все по порядку... До нашей сестры больно охочи, и черезъ это вамъ много въ жизни будетъ зла... Деньгами вы не дорожите и копить ихъ не умѣете — богатымъ никогда не будете... Говорить дальше?

— Говори, говори! Все, что знаешь, говори!

— Дальше вышло, что жизнь ваша будетъ невеселая. Никого вы сердцемъ не полюбите, потому что сердце у васъ холодное, лѣнивое, а тѣмъ, которыя васъ будутъ любить, вы много горя принесете. Никогда вы не женитесь, такъ холостымъ и умрете. Радостей вамъ въ жизни большихъ не будетъ, но будетъ много скуки и тяготы... Настанетъ такое время, что руки сами на себя наложить захотите... Такое у васъ дѣло одно выйдетъ... Но только не посмѣете, такъ снесете... Сильную нужду будете терпѣть, однако подъ конецъ жизни судьба ваша переменится черезъ смерть какого-то близкаго вамъ человека и совсѣмъ для васъ неожиданно. Только все это будетъ еще черезъ много лѣтъ, а вотъ въ этомъ году... Я не знаю, ужъ когда именно — карты говорятъ, что очень скоро... Можетъ-быть, даже и въ этомъ мѣсяцѣ...

— Что же случится въ этомъ году? — спросилъ я, когда она опять остановилась.

— Да ужъ боюсь даже говорить дальше. Падаетъ вамъ большая любовь со стороны какой-то трефовой дамы. Вотъ

только не могу догадаться, замужня она или дѣвушка, а знаю, что съ темными волосами...

Я невольно бросилъ быстрый взглядъ на голову Олеси.

— Что вы смотрите?—покраснѣла вдругъ она, почувствовавъ мой взглядъ съ пониманіемъ, свойственнымъ нѣкоторымъ женщинамъ. — Ну да, въ родѣ моихъ, — продолжала она, машинально поправляя волосы и еще больше краснѣя.

— Такъ ты говоришь—большая трефовая любовь? — пошутилъ я.

— Не смѣйтесь, не надо смѣяться, — серьезно, почти строго замѣтила Олеся.—Я вамъ все только правду говорю.

— Ну хорошо, не буду, не буду. Что же дальше?

— Дальше... Охъ! Нехорошо выходитъ этой трефовой дамѣ, хуже смерти. Позоръ она черезъ васъ большой приметъ, такой, что во всю жизнь забыть нельзя, печаль долгая ей выходитъ... А вамъ въ ея планетѣ ничего дурного не выходитъ.

— Послушай, Олеся, а не могли ли тебя карты обмануть? Зачѣмъ же я буду трефовой дамѣ столько неприятностей дѣлать? Человѣкъ я тихій, скромный, а ты столько страховъ про меня наговорила.

— Ну, ужъ этого я не знаю. Да и вышло-то такъ, что не вы это сдѣлаете, — не нарочно, значить, а только черезъ васъ вся эта бѣда стрясется... Вотъ когда мои слова сбудутся, вы меня тогда вспомните.

— И все это тебѣ карты сказали, Олеся?

Она отвѣтила не сразу, уклончиво и какъ будто бы неохотно:

— И карты... Да я и безъ нихъ узнаю много, вотъ хоть бы по лицу. Если, на примѣръ, который человѣкъ долженъ скоро нехорошей смертью умереть, я это сейчасъ у него на лицѣ прочитаю, даже говорить мнѣ съ нимъ не нужно.

— Что же ты видишь у него въ лицѣ?

— Да я и сама не знаю. Страшно мнѣ вдругъ сдѣлается, точно онъ не живой передо мной стоитъ. Вотъ хоть у бабушки спросите, она вамъ скажетъ, что я правду говорю. Трофимъ, мельникъ, въ позапрошломъ году у себя на млинѣ удавился, а я его только за два дня передъ тѣмъ видѣла и тогда же сказала бабушкѣ: «Вотъ посмотри, бабуся, что Трофимъ на-дняхъ дурной смертью умретъ». Такъ оно и вышло. А на прошлыя святки зашелъ къ намъ конокрадъ-Яшка, просилъ бабушку погадать. Бабушка разложила на него карты, стала ворожить. А онъ, шутя, спрашиваетъ: «Ты мнѣ скажи, бабка, какой я смертью умру?» А самъ смѣется. Я какъ поглядѣла на него, такъ и пошевелинуться не могу: вижу, сидитъ Яковъ, а лицо у него мертвое, зеленое... Глаза закрыты, а губы черныя... Потомъ, черезъ недѣлю, слышимъ, что поймали мужики Якова, когда онъ лошадей хотѣлъ свести... Всю ночь его били... Злой у насъ народъ здѣсь, безжалостный... Въ пятки гвозди ему заколотили, перебили кольями всѣ ребра, а къ утру изъ него и духъ вонъ.

— Отчего же ты ему не сказала, что его бѣда ждетъ?

— А зачѣмъ говорить? — возразила Олеся. — Что у судьбы положено, развѣ отъ этого убѣжишь? Только бы понапрасну человекъ свои послѣдніе дни тревожился... Да мнѣ и самой гадко, что я такъ вижу, сама себѣ я противна дѣлаюсь... Только что жъ? Это вѣдь у меня отъ судьбы. Бабка моя, когда помоложе была, тоже смерть узнавала, и моя мать тоже, и бабкина мать — это не отъ насъ... это въ нашей крови такъ.

Она перестала прятъ и сидѣла, низко опустивъ голову, тихо положивъ руки вдоль колѣнъ. Въ ея неподвижно остановившихся глазахъ съ расширившимися зрачками отразился какой-то темный ужасъ, какая-то невольная покорность таинственнымъ силамъ и сверхъестественнымъ знаніямъ, осѣнявшимъ ея душу.

V.

Въ это время старуха разостлала на столъ чистое полотенце съ вышитыми концами и поставила на него дымящійся горшокъ.

— Иди ужинать, Олеся, — позвала она внучку и послѣ минутнаго колебанія прибавила, обращаясь ко мнѣ: — можетъ-быть, и вы, господинъ, съ нами откушаете? Милости просимъ... Только неважныя у насъ кушанья-то, суповъ не варимъ, а просто крупничокъ полевой...

Нельзя сказать, чтобы ея приглашеніе отзывалось особенной настойчивостью, и я уже было-хотѣлъ отказатьсь отъ него, но Олеся, въ свою очередь, попросила меня съ такой милой простотой и съ такой ласковой улыбкой, что я поневолѣ согласился. Она сама налила мнѣ полную тарелку крупника — похлебки изъ гречневой крупы съ саломъ, лукомъ, картофелемъ и курицей — чрезвычайно вкуснаго и питательнаго кушанья. Садясь за столъ, ни бабушка ни внучка не перекрестились. За ужиномъ я не переставалъ наблюдать за обѣими женщинами, потому что, по моему глубокому убѣжденію, которое я и до сихъ поръ сохраняю, нигдѣ человѣкъ не высказывается такъ ясно, какъ во время ѣды. Старуха глотала крупникъ съ торопливой жадностью, громко чавкая и запихивая въ ротъ огромные куски хлѣба, такъ что подъ ея дряблыми щеками вздувались и двигались большія гули. У Олеси даже въ манерѣ ѣсть была какая-то врожденная порядочность.

Спустя часъ послѣ ужина я простился съ хозяйками избушки на курьихъ ножкахъ.

— Хотите, я васъ провожу немножко? — предложила Олеся.

— Какіе-такіе проводы еще выдумала! — сердито прошамкала старуха. — Не сидится тебѣ на мѣстѣ, стрекоза...

Но Олеся уже накинула на голову красный кашемировый платокъ и вдругъ, подбѣжавъ къ бабушкѣ, обняла ее и звонко поцѣловала.

— Бабушка! Милая, дорогая, золотая... я только на минуточку, сейчасъ и назадъ.

— Ну ладно, ужъ ладно, верченая,—слабо отбивалась отъ нея старуха.—Вы, господинъ, не обезсудьте: совсѣмъ дурочка она у меня.

Пройдя узкую тропинку, мы вышли на лѣсную дорогу, черную отъ грязи, всю истоптанную слѣдами копытъ и изоборожденную колеями, полными воды, въ которой отражался пожаръ вечерней зари. Мы шли обочиной дороги, сплошь покрытой бурыми прошлогодними листьями, еще не высохшими послѣ снѣга. Кое-гдѣ сквозь ихъ мертвую желтизну подымали свои лиловыя головки крупные колокольчики «сна» — перваго цвѣтка Полѣсья.

— Послушай, Олеся,—началь я:—мнѣ очень хочется спросить тебя кое о чемъ, да я боюсь, что ты разсердишься... Скажи мнѣ, правду ли говорятъ, что твоя бабка... какъ бы это выразиться?..

— Колдунья? — спокойно помогла мнѣ Олеся.

— Нѣтъ... Не колдунья... — замаялся я. — Ну да, если хочешь—колдунья... Конечно, вѣдь мало ли что болтаютъ. Почему ей просто-напросто не знать какихъ-нибудь травъ, средствъ, заговоровъ?.. Впрочемъ, если тебѣ это неприятно, ты можешь не отвѣчать.

— Нѣтъ, отчего же,—отозвалась она просто:—что жъ тутъ неприятнаго? Да она, правда, колдунья. Но только теперь она стала стара и ужъ не можетъ дѣлать того, что дѣлала раньше.

— Что же она умѣла дѣлать? — любопытствовалъ я.

— Разное. Лѣчить умѣла, отъ зубовъ пользовала, руду заговаривала, отчитывала, если кого бѣщенная собака уку-

ситъ или змѣя, клады указывала... да всего и не перечислишь.

— Знаешь что, Олеся?.. Ты меня извини, а я вѣдь этому всему не вѣрю. Ну, будь со мною откровенна, я тебя никому не выдамъ: вѣдь все это—одно притворство, чтобы только людей морочить?

Она равнодушно пожала плечами.

— Думайте, какъ хотите. Конечно, бабу деревенскую обморочить ничего не стѣитъ, но васъ бы я не стала обманывать.

— Значитъ, ты твердо вѣришь колдовству?

— Да какъ же мнѣ не вѣрить? Вѣдь у насъ въ роду чары... Я и сама многое умѣю.

— Олеся, голубушка... Если бы ты знала, какъ мнѣ это интересно... Неужели ты мнѣ ничего не покажешь?

— Отчего же, покажу, если хотите, — съ готовностью согласилась Олеся. — Сейчасъ желаете?

— Да, если можно, сейчасъ.

— А бояться не будете?

— Ну вотъ глупости. Ночью, можетъ-быть, боялся бы, а теперь еще свѣтло.

— Хорошо. Дайте мнѣ руку.

Я повиновался. Олеся быстро засучила рукавъ моего пальто и разстегнула запонку у манжетки, потомъ она достала изъ своего кармана небольшой, вершка въ три, финскій ножикъ и вынула его изъ кожанаго чехла.

— Что ты хочешь дѣлать? — спросилъ я, чувствуя, какъ во мнѣ шевельнулось подленькое опасеніе.

— А вотъ сейчасъ... Вѣдь вы же сказали, что не будете бояться!

Вдругъ рука ея сдѣлала едва замѣтное легкое движеніе, и я ощутилъ въ мякоти руки, немного выше того мѣста, гдѣ щупаютъ пульсъ, раздражающее прикосновеніе остраго лезвея. Кровь тотчасъ же выступила во

всю ширину порѣза, полилась по рукѣ и частыми каплями закапала на землю. Я едва удержался отъ того, чтобы не крикнуть, но, кажется, поблѣднѣлъ.

— Не бойтесь, живы останетесь, — усмѣхнулась Олеся.

Она крѣпко обхватила рукой мою руку повыше раны и, низко склонившись къ ней лицомъ, стала быстро шептать что-то, обдавая мою кожу горячимъ прерывистымъ дыханіемъ. Когда же Олеся выпрямилась и разжала свои пальцы, то на пораненномъ мѣстѣ осталась только красная царапина.

— Ну чтò? Довольно съ васъ? — съ лукавой улыбкой спросила она, пряча свой ножикъ. — Хотите еще?

— Конечно, хочу. Только, если бы можно было, не такъ ужъ страшно и безъ кровопролитія, пожалуйста.

— Чтò бы вамъ такое показать? — задумалась она. — Ну хоть развѣ это вотъ: идите впереди меня по дорогѣ... Только, смотрите, не оборачивайтесь назадъ.

— А это не будетъ страшно? — спросилъ я, стараясь безпечной улыбкой прикрыть боязливое ожиданіе непріятнаго сюрприза.

— Нѣтъ, нѣтъ... Пустяки... Идите.

Я пошелъ впередъ, очень заинтересованный опытомъ, чувствуя за своей спиной напряженный взглядъ Олеси. Но, пройдя около двадцати шаговъ, я вдругъ споткнулся на совсѣмъ ровномъ мѣстѣ и упалъ ничкомъ.

— Идите, идите! — закричала Олеся. — Не оборачивайтесь! Это ничего, до свадьбы заживетъ... Держитесь крѣпче за землю, когда будете падать.

Я пошелъ дальше. Еще десять шаговъ, и я вторично растянулся во весь ростъ.

Олеся громко захохотала и захлопала въ ладоши.

— Ну чтò? Довольны? — крикнула она, сверкая своими бѣлыми зубами. — Вѣрите теперь? Ничего, ничего!.. Полетѣли не вверхъ, а внизъ.

— Какъ ты это сдѣлала? — съ удивленіемъ спросилъ я, отряхиваясь отъ приставшихъ къ моей одеждѣ вѣточекъ и сухихъ травинокъ. — Это не секретъ?

— Вовсе не секретъ. Я вамъ съ удовольствіемъ расскажу. Только боюсь, что, пожалуй, вы не поймете... Не сумѣю я объяснить...

Я дѣйствительно не совсѣмъ понялъ ее. Но, если не ошибаюсь, этотъ своеобразный фокусъ состоитъ въ томъ, что она, идя за мною слѣдомъ шагъ за шагомъ, полагая въ ногу и, неотступно глядя на меня, въ то же время старается подражать каждому, самому малѣйшему моему движенію, такъ сказать, отождествляетъ себя со мною. Пройдя такимъ образомъ нѣсколько шаговъ, она начинаетъ мысленно воображать, на нѣкоторомъ разстояніи впереди меня, веревку, протянутую поперекъ дороги на аршинъ отъ земли. Въ ту минуту, когда я долженъ прикоснуться ногой къ этой воображаемой веревкѣ, Олеся вдругъ дѣлаетъ падающее движеніе, и тогда, по ея словамъ, самый крѣпкій человѣкъ долженъ непременно упасть... Только много времени спустя я вспомнилъ сбивчивое объясненіе Олеси, когда читалъ отчетъ д-ра Шарко объ опытахъ, произведенныхъ имъ надъ двумя пациентками Сальпетріера, профессиональными колдуньями, страдавшими истеріей. И я былъ очень удивленъ, узнавъ, что французскія колдуньи изъ простонародья прибѣгали въ подобныхъ случаяхъ совершенно къ той же сноровкѣ, какую пускала въ ходъ хорошенькая полѣсская вѣдьма.

— О! Я еще много чего умѣю, — самоувѣренно заявила Олеся. — Напримѣръ, я могу нагнать на васъ страхъ!

— Что это значитъ?

— Сдѣлаю такъ, что вамъ страшно станетъ. Сидите вы, напримѣръ, у себя въ комнатѣ вечеромъ, и вдругъ

на васъ найдеть ни съ того ни съ сего такой страхъ, что вы задрожите и оглянуться назадъ не посмѣете. Только для этого мнѣ нужно знать, гдѣ вы живете, и раньше видѣть вашу комнату.

— Ну, ужъ это совсѣмъ просто, — усомнился я. — Подойдешь къ окну, постучишь, крикнешь что-нибудь.

— О, нѣтъ, нѣтъ... Я буду въ лѣсу въ это время, никуда изъ хаты не выйду... Но я буду сидѣть и все думать, что вотъ я иду по улицѣ, захожу въ вашъ домъ, открываю двери, захожу въ вашу комнату... Вы сидите гдѣ-нибудь... ну, хоть у стола... я подкрадываюсь къ вамъ сзади тихонько... вы меня не слышите... я хватаю васъ за плечо руками и начинаю давить... все крѣпче, крѣпче, крѣпче... а сама гляжу на васъ... вотъ такъ — смотрите...

Ея тонкія брови вдругъ сдвинулись, глаза въ упоръ остановились на мнѣ съ грознымъ и притягивающимъ выраженіемъ, зрачки увеличились и посинѣли. Мнѣ тотчасъ же вспомнилась видѣнная мною въ Москвѣ, въ Третьяковской галлерей, голова Медузы, — работа ужъ не помню какого художника. Подъ этимъ пристальнымъ, страннымъ взглядомъ меня охватилъ холодный ужасъ сверхъестественнаго.

— Ну полно, полно, Олеся... будетъ, — сказалъ я съ дѣланнымъ смѣхомъ. — Мнѣ гораздо больше нравится, когда ты улыбаешься — тогда у тебя такое милое, дѣтское лицо.

Мы пошли дальше. Мнѣ вдругъ вспомнилась выразительность и даже для простой дѣвушки изысканность фразъ въ разговорѣ Олеси, и я сказалъ:

— Знаешь, что меня удивляетъ въ тебѣ, Олеся? Вотъ ты выросла въ лѣсу, никого не выдавши... Читать ты, конечно, тоже много не могла...

— Да я вовсе не умѣю и читать-то.

— Ну, тѣмъ болѣе... А между тѣмъ ты такъ хорошо говоришь, не хуже настоящей барышни. Скажи мнѣ, откуда у тебя это? Понимаешь, о чемъ я спрашиваю?

— Да, понимаю. Это все отъ бабушки... Вы не смотрите, что она такая съ виду. У! Какая она умная! Вотъ, можетъ-быть, она и при васъ разговорится, когда побольше привыкнетъ... Она все знаетъ, ну просто все на свѣтѣ, про что ни спросишь. Правда, постарѣла она теперь.

— Значитъ, она много видѣла на своемъ вѣку? Откуда она родомъ? Гдѣ она раньше жила?

Кажется, эти вопросы не понравились Олесѣ. Она отвѣтила не сразу, уклончиво и неохотно:

— Не знаю... Да она объ этомъ и не любитъ говорить. Если же когда и скажетъ что, то всегда просить забыть и не вспоминать больше... Ну, однако мнѣ пора, — заторопилась Олесья: — бабушка будетъ сердиться. До свиданья... Простите, имени вашего не знаю.

Я назвалъся.

— Иванъ Тимоѳеевичъ? Ну, вотъ и отлично. Такъ до свиданья, Иванъ Тимоѳеевичъ! Не брезгуйте нашей хатой, заходите.

На прощанье я протянулъ ей руку, и ея маленькая, крѣпкая рука отвѣтила мнѣ сильнымъ, дружескимъ пожатіемъ.

VI.

Съ этого дня я сталъ частымъ гостемъ въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ. Каждый разъ, когда я приходилъ, Олесья встрѣчала меня съ своимъ привычнымъ сдержаннымъ достоинствомъ. Но всегда, по первому невольному движенію, которое она дѣлала, увидѣвъ меня, я замѣчалъ, что она радуется моему приходу. Старуха по-прежнему не переставала бурчать что-то себѣ подъ носъ,

но явнаго недоброжелательства не выражала, благодаря невидимому для меня, но несомнѣнному заступничеству внучки; также немалое вліяніе въ благотворномъ для меня смыслѣ оказывали приносимые мною кое-когда подарки: то теплый платокъ, то банка варенья, то бутылка вишневой наливки. У насъ съ Олесей, точно по безмолвному обоюдному уговору, вошло въ обыкновеніе, что она меня провожала до Ириновскаго шляха, когда я уходилъ домой. И всегда у насъ въ это время завязывался такой живой, интересный разговоръ, что мы оба старались поневолѣ продлить дорогу, идя какъ можно тише безмолвными лѣсными опушками. Дойдя до Ириновскаго шляха, я ее провожалъ обратно съ полверсты, и все-таки, прежде чѣмъ проститься, мы еще долго разговаривали, стоя подъ пахучимъ навѣсомъ сосновыхъ вѣтвей.

Не одна красота Олеси меня въ ней очаровывала, но также и ея цѣльная, самобытная, свободная натура, ея умъ, одновременно ясный и окутанный непоколебимымъ наслѣдственнымъ суевѣріемъ, дѣтски-невинный, но и не лишенный лукаваго кокетства красивой женщины. Она не уставала меня спрашивать подробно обо всемъ, что занимало и волновало ея первобытное, яркое воображеніе: о странахъ и народахъ, объ явленіяхъ природы, объ устройствѣ земли и вселенной, объ ученыхъ людяхъ, о большихъ городахъ... Многое ей казалось удивительнымъ, сказочнымъ, неправдоподобнымъ. Но я съ самаго начала нашего знакомства взялъ съ нею такой серьезный, искренній и простой тонъ, что она охотно принимала на безконтрольную вѣру всѣ мои рассказы. Иногда, затрудняясь объяснить ей что-нибудь, слишкомъ, по моему мнѣнію, непонятное для ея полудикарской головы (а иной разъ и самому мнѣ не совсѣмъ ясное), я возражалъ на ея жадные вопросы: «Видишь ли... Я не сумѣю тебѣ этого рассказать... Ты не поймешь меня».

Тогда она принималась меня умолять:

— Нѣтъ, пожалуйста, пожалуйста, я постараюсь... Вы хоть какъ-нибудь скажите... хоть и непонятно...

Она принуждала меня пускаться въ чудовищныя сравненія, въ самые дерзкіе примѣры, и если я затруднялся подыскать выраженіе, она сама помогала мнѣ цѣлымъ дождемъ нетерпѣливыхъ вопросовъ, въ родѣ тѣхъ, которые мы предлагаемъ заикѣ, мучительно застрявшему на одномъ словѣ. И дѣйствительно, въ концѣ концовъ ея гибкій, подвижной умъ и свѣжее воображеніе торжествовали надъ моимъ педагогическимъ безсиліемъ. Я поневолѣ убѣждался, что для своей среды, для своего воспитанія (или, вѣрнѣе сказать, отсутствія его) она обладала изумительными способностями.

Однажды я вскользь упомянулъ что-то про Петербургъ. Олеся тотчасъ же заинтересовалась:

— Что такое Петербургъ? Мѣстечко?

— Нѣтъ, это не мѣстечко; это самый большой русскій городъ.

— Самый большой? Самый, самый, что ни на есть? И больше его нѣту? — наивно пристала она ко мнѣ.

— Ну да... Тамъ все главное начальство живетъ... господа большіе... Дома тамъ все каменные, деревянныхъ нѣтъ.

— Ужъ, конечно, гораздо больше нашей Степани? — увѣренно спросила Олеся.

— О, да... немножко побольше... такъ, разъ въ пятьсотъ. Тамъ такіе есть дома, въ которыхъ въ каждомъ народу живетъ вдвое больше, чѣмъ во всей Степани.

— Ахъ, Боже мой! Какіе же это дома? — почти въ испугѣ спросила Олеся.

Мнѣ пришлось, по обыкновенію, прибѣгнуть къ сравненію.

— Ужасные дома. Въ пять, въ шесть, а то и въ семь этажей. Видишь вотъ ту сосну?

— Самую большую? Вижу.

— Такъ вотъ такіе высокіе дома. И съ верху до низу набиты людьми. Живутъ эти люди въ маленькихъ конуркахъ, точно птицы въ клѣткахъ, человѣкъ по десяти въ каждой, такъ что всѣмъ и воздуху-то не хватаетъ. А другіе внизу живутъ, подъ самой землей, въ сырости и холодѣ; случается, что солнца у себя въ комнатѣ круглый годъ не видятъ.

— Ну, ужъ я бѣ ни за что не промѣняла своего лѣса на вашъ городъ, — сказала Олеся, покачавъ головой. — Я и въ Степань-то приду на базаръ, такъ мнѣ противно сдѣлается. Толкаются, шумятъ, бранятся... И такая меня тоска возьметъ за лѣсомъ, — такъ бы бросила все и безъ оглядки побѣжала... Богъ съ нимъ, съ городомъ вашимъ, не стала бы я тамъ жить никогда.

— Ну, а если твой мужъ будетъ изъ города? — спросилъ я съ легкой улыбкой.

Ея брови нахмурились, и тонкія поздри дрогнули.

— Вотъ еще! — сказала она съ пренебреженіемъ. — Никакого мнѣ мужа не надо.

— Это ты теперь только такъ говоришь, Олеся. Почти всѣ дѣвушки то же самое говорятъ и все же замужъ выходятъ. Подожди немного: встрѣтишься съ кѣмъ-нибудь, — полюбишь — тогда не только въ городъ, а на край свѣта съ нимъ пойдешь.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ... пожалуйста, не будемъ объ этомъ, — досадливо отмахивалась она. — Ну къ чему этотъ разговоръ?.. Прошу васъ, не надо.

— Какая ты смѣшная, Олеся. Неужели ты думаешь, что никогда въ жизни не полюбишь мужчину? Ты — такая молодая, красивая, сильная. Если въ тебѣ кровь загорится, то ужъ тутъ не до зароконъ будетъ.

— Ну что жъ — и полюблю! — сверкнувъ глазами, съ вызовомъ отвѣтила Олеся. — Спрашиваться ни у кого не буду...

— Стало-быть, и замужъ пойдешь, — поддразнилъ я.

— Это вы, можетъ-быть, про церковь говорите? — догадалась она.

— Конечно, про церковь... Священникъ вокругъ аналоя будетъ водить, дьяконъ запоетъ «Исаія ликуй», на голову тебѣ надѣнутъ вѣнецъ...

Олеся опустила вѣки и со слабой улыбкой отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ, голубчикъ... Можетъ-быть, вамъ и не понравится, что я скажу, а только у насъ въ роду никто не вѣнчался: и мать и бабка безъ этого прожили... Намъ въ церковь и заходить-то нельзя...

— Все изъ-за колдовства вашего?

— Да, изъ-за нашего колдовства, — со спокойной серьезностью отвѣтила Олеся. — Какъ же я посмѣю въ церковь показаться, если уже отъ самаго рожденія моя душа продана ему.

— Олеся... Милая... Повѣрь мнѣ, что ты сама себя обманываешь... Вѣдь это дико, это смѣшно, что ты говоришь.

На лицѣ Олеси опять показалось уже замѣченное мною однажды странное выраженіе убѣжденной и мрачной покорности своему таинственному предназначенію.

— Нѣтъ, нѣтъ... Вы этого не можете понять, а я это чувствую... Вотъ здѣсь, — она крѣпко притиснула руку къ груди: — въ душѣ чувствую. Весь нашъ родъ проклятъ во вѣки вѣковъ. Да вы посудите сами: кто же намъ помогаетъ, какъ не онъ? Развѣ можетъ простой чело-вѣкъ сдѣлать то, что я могу? Вся наша сила отъ него идетъ.

И каждый разъ нашъ разговоръ, едва коснувшись этой необычайной темы, кончался подобнымъ образомъ. Напрасно я истощалъ всѣ доступные пониманію Олеси доводы, напрасно говорилъ въ простой формѣ о гипнотизмѣ, о внушеніи, о докторрахъ-психіатрахъ и объ индійскихъ

Факирахъ, напрасно старался объяснить ей физиологическимъ путемъ нѣкоторые изъ ея опытовъ, хотя бы, на примѣръ, заговариваніе крови, которое такъ просто достигается искуснымъ нажатіемъ на вену, — Олеся, такая доврчивая ко мнѣ во всемъ остальномъ, съ упрямой настойчивостью опровергала мнѣ мои доказательства и объясненія... «Ну хорошо, хорошо, про заговоръ крови я вамъ, такъ и быть, подарю, — говорила она, возвышая голосъ въ увлеченіи спора: — а откуда же другое берется? Развѣ я одно только и знаю, что кровь заговаривать? Хотите, я вамъ въ одинъ день всѣхъ мышей и таракановъ выведу изъ хаты? Хотите, я въ два дня вылѣчу простой водой самую сильную огневицу, хоть бы всѣ ваши доктора отъ больного отказались? Хотите, я сдѣлаю такъ, что вы какое-нибудь одно слово совсѣмъ позабудете? А сны почему я разгадываю? А будущее почему узнаю?»

Кончался этотъ споръ всегда тѣмъ, что и я и Олеся умолкали не безъ внутренняго раздраженія другъ противъ друга. Дѣйствительно, для многаго изъ ея чернаго искусства я не умѣлъ найти объясненія въ своей небольшой наукѣ. Я не знаю и не могу сказать, обладала ли Олеся и половиной тѣхъ секретовъ, о которыхъ говорила съ такой наивной вѣрой, но то, чему я самъ бывалъ нерѣдко свидѣтелемъ, вселило въ меня непоколебимое убѣжденіе, что Олесѣ были доступны тѣ бессознательныя, инстинктивныя, туманныя, добытыя случайнымъ опытомъ, странныя знанія, которыя, опередивъ точную науку на цѣлыя столѣтія, живутъ, перемѣшавшись со смѣшными и дикими повѣрьями, въ темной, замкнутой народной массѣ, передаваясь, какъ величайшая тайна, изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Несмотря на рѣзкое разногласіе, въ этомъ единственномъ пунктѣ, мы все сильнѣе и крѣпче привязывались другъ къ другу. О любви между нами не было сказано

еще ни слова, но быть вмѣстѣ для насъ уже сдѣлалось потребностью, и часто въ молчаливыя минуты, когда наши взгляды нечаянно и одновременно встрѣчались, я видѣлъ, какъ увлажнялись глаза Олеси, и какъ билась тоненькая голубая жилка у нея на вискѣ...

Зато мои отношенія съ Ярмолой совсѣмъ испортились. Для него, очевидно, не были тайной мои посѣщенія избушки на курьихъ ножкахъ и вечернія прогулки съ Олесей: онъ всегда съ удивительной точностью зналъ все, что происходитъ въ его лѣсу. Съ нѣкотораго времени я замѣтилъ, что онъ начинаетъ избѣгать меня. Его черные глаза слѣдили за мною издали съ упрекомъ и неудовольствіемъ каждый разъ, когда я собирался идти въ лѣсъ, хотя порицанія своего онъ не высказывалъ ни однимъ словомъ. Наши комически-серьезныя занятія грамотой прекратились. Если же я иногда вечеромъ звалъ Ярмолу учиться, онъ только махалъ рукой.

— Куда тамъ! Пустое это дѣло, панычъ, — говорилъ онъ съ лѣпивымъ презрѣніемъ.

На охоту мы тоже перестали ходить. Всякій разъ, когда я подымалъ объ этомъ разговоръ, у Ярмолы находилась какой-нибудь предлогъ для отказа: то ружье у него неисправно, то собака больна, то ему самому некогда: «Нема часу, панычъ... нужно пашню сегодня орать», — чаще всего отвѣчалъ Ярмола на мое приглашеніе, и я отлично зналъ, что онъ вовсе не будетъ «орать пашню», а проведетъ цѣлый день около монополіи въ сомнительной надеждѣ на чье-нибудь угощеніе. Эта безмолвная, затаенная вражда начинала меня утомлять, и я уже подумывалъ о томъ, чтобы отказаться отъ услугъ Ярмолы, воспользовавшись для этого первымъ подходящимъ предлогомъ... Меня останавливало только чувство жалости къ его огромной нищей семьѣ, которой четыре рубля Ярмолова жалованья помогали не умереть съ голода.

VII.

Однажды, когда я, по обыкновенію, пришелъ передъ вечеромъ въ избушку на курьихъ ножкахъ, мнѣ сразу бросилось въ глаза удрученное настроеніе духа ея обитательницъ. Старуха сидѣла съ ногами на постели и, сгорбившись, обхвативъ голову руками, качалась взадъ и впередъ и что-то невнятно бормотала. На мое привѣтствіе она не обратила никакого вниманія. Олеся поздоровалась со мной, какъ и всегда, ласково, но разговоръ у насъ не вязался. Повидимому, она слушала меня разсѣянно и отвѣчала невпопадъ. На ея красивомъ лицѣ лежала тѣнь какой-то безпрестанной внутренней заботы.

— Я вижу, у васъ случилось что-то нехорошее, Олеся, — сказалъ я, осторожно прикасаясь рукой къ ея рукѣ, лежавшей на скамейкѣ.

Олеся быстро отвернулась къ окну, точно разглядывая тамъ что. Она старалась казаться спокойной, но ея брови сдвинулись и задрожали, а зубы крѣпко прикусили нижнюю губу.

— Нѣтъ... что же у насъ могло случиться особеннаго? — произнесла она глухимъ голосомъ. — Все какъ было, такъ и осталось.

— Олеся, зачѣмъ ты говоришь мнѣ неправду? Это нехорошо съ твоей стороны... А я было-думалъ, что мы съ тобой совсѣмъ друзьями стали.

— Право же, ничего нѣтъ... Такъ... свои заботы... пустячныя...

— Нѣтъ, Олеся, должно-быть, не пустячныя. Посмотри — ты сама на себя непохожа сдѣлалась.

— Это вамъ такъ кажется только.

— Будь же со мной откровенна, Олеся. Не знаю, смогу ли я тебѣ помочь, но, можетъ-быть, хоть совѣтъ ка-

кой-нибудь дамь... Ну, наконецъ, просто тебѣ легче станетъ, когда подѣлишься горемъ.

— Ахъ, да, правда, не стоить и говорить объ этомъ, — съ нетерпѣніемъ возразила Олеся. — Ничѣмъ вы тутъ намъ не можете пособить.

Старуха вдругъ съ небывалой горячностью вмѣшалась въ нашъ разговоръ:

— Чего ты фордыбачишься, дурочка! Тебѣ дѣло говорятъ, а ты носъ дерешь. Точно умнѣе тебя и на свѣтѣ-то нѣтъ никого. Позвольте, господинъ, я вамъ всю эту исторію расскажу по порядку, — повернулась она въ мою сторону.

Размѣры непріятности оказались гораздо значительнѣе, чѣмъ я могъ предположить изъ словъ гордой Олеси. Вчера вечеромъ въ избушку на курьихъ ножкахъ заѣзжалъ мѣстный урядникъ.

— Сначала-то онъ честь-честью сѣлъ и водки потребовалъ, — говорила Мануйлиха: — а потомъ и пошелъ, и пошелъ. Выбирайся, говоритъ, изъ хаты въ двадцать четыре часа со всѣми своими потрохами. Если говорить, я въ слѣдующій разъ пріѣду и застаю тебя здѣсь, такъ и знай, не миновать тебѣ этапнаго порядка. При двухъ, говоритъ, солдатахъ отправлю тебя, ана-оному, на родину. А моя родина, батюшка, далекая, городъ Амченскъ... У меня тамъ теперь и души знакомой нѣтъ, да и пачпорта наши просрочены-распросрочены, да еще къ тому неисправные. Ахъ, Ты, Господи, несчастье мое!

— Почему же онъ раньше позволялъ тебѣ жить, а только теперь надумался? — спросилъ я.

— Да вотъ поди жь ты... Брехалъ онъ что-то такое, да я, признаться, не поняла. Видишь, какое дѣло: хибарка эта, вотъ въ которой мы живемъ, не наша, а помѣщичья. Вѣдь мы раньше съ Олесей на селѣ жили, а потомъ...

— Знаю, знаю, бабушка, слышалъ объ этомъ... Мужики на тебя разсердились...

— Ну вотъ, вотъ это самое. Я тогда у стараго помѣщика, господина Абросимова, эту халупу выпросила. Ну, а теперь будто бы купилъ лѣсъ новый помѣщикъ, и будто бы. хочетъ онъ какія-то болота, что ли, сушить. Только чего же я-то имъ помѣшала?

— Бабушка, а можетъ-быть, все это вранье одно? — замѣтилъ я. — Просто-напросто уряднику; «красненькую» захотѣлось получить.

— Давала, родной, давала. Не беретъ! Вотъ исторія... Четвертной билетъ давала, не беретъ... Куд-да тебѣ! Такъ на меня вызвѣрился, что я ужъ не знала, гдѣ стою. Заладилъ въ одну душу: «вонъ да вонъ!» Чтò жъ мы теперь дѣлать будемъ, сироты мы несчастныя! Батюшка родимый, хотъ бы ты намъ чѣмъ помогъ, усовѣстилъ бы его, утробу ненасытную. Вѣкъ бы, кажется, была тебѣ благодарна.

— Бабушка! — укоризненно, съ разстановкой произнесла Олеся.

— Чего тамъ — бабушка! — разсердилась старуха. — Я тебѣ уже двадцать пятый годъ — бабушка. Чтò же, по-твоему, съ сумой лучше итти? Нѣтъ, господинъ, вы ея не слушайте. Ужъ будьте милостивы, если чтò можете сдѣлать, то сдѣлайте.

Я въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ обѣщаль похлопотать, хотя, по правдѣ сказать, надежды было мало. Если ужъ нашъ урядникъ отказывался «взять», значитъ, дѣло было слишкомъ серьезное. Въ этотъ вечеръ Олеся простилась со мной холодно и, противъ обыкновенія, не пошла меня провожать. Я видѣлъ, что самолюбивая дѣвушка сердится на меня за мое вмѣшательство и немного стыдится бабушкиной плаксивости.

VIII.

Было сѣренькое теплое утро. Уже нѣсколько разъ принимался итти крупный, короткій, благодатный дождь, послѣ котораго на глазахъ растеть молодая трава и вытягиваются новые побѣги. Послѣ дождя на минутку выглядывало солнце, обливая радостнымъ сверканіемъ облитую дождемъ молодую, еще нѣжную зелень сиреней, сплошь наполнявшихъ мой палисадникъ; громче ставился задорный крикъ воробьевъ на рыхлыхъ огородныхъ грядкахъ; сильнѣе благоухали клейкія коричневые почки тополя. Я сидѣлъ у стола и чертилъ планъ лѣсной дачи, когда въ комнату вошелъ Ярмола.

— Есть врядникъ, — проговорилъ онъ мрачно.

У меня въ эту минуту совсѣмъ вылетѣло изъ головы отданное мною два дня тому назадъ приказаніе увѣдомить меня въ случаѣ пріѣзда урядника, и я никакъ не могъ сразу сообразить, какое отношеніе имѣеть въ настоящую минуту ко мнѣ этотъ представитель власти.

— Что такое? — спросилъ я въ недоумѣніи.

— Говорю, что врядникъ пріѣхалъ, — повторилъ Ярмола тѣмъ же враждебнымъ тономъ, который онъ вообще принималъ со мною за послѣдніе дни. — Сейчасъ я видѣлъ его на плотинѣ. Сюда ѣдетъ.

На улицѣ слышалось тархтѣніе колесъ. Я поспѣшно бросился къ окну и отворилъ его. Длинный, худой, шоколаднаго цвѣта меринъ, съ отвислою нижней губой и обиженной мордой, степенной рысцой влекъ высокую тряскую плетушку, съ которой онъ былъ соединенъ при помощи одной лишь оглобли, — другую оглоблю замѣняла толстая веревка (злые уѣздные языки увѣряли, что урядникъ нарочно завелъ этотъ печальный «выѣздъ» для пресѣченія всевозможныхъ нежелательныхъ толкованій). Урядникъ самъ правилъ лошадыю, занимая своимъ чудо-

вищнымъ тѣломъ, облеченнымъ въ сѣрую шинель щегольскаго офицерскаго сукна, оба сидѣнья.

— Мое почтеніе, Евпсихій Африкановичъ! — крикнулъ я, высовываясь изъ окошка.

— А-а, мое почтенье-съ! Какъ здоровьице? — отозвался онъ любезнымъ, раскатистымъ начальническимъ баритономъ.

Онъ сдержалъ мерица и, прикоснувшись выпрямленной ладонью къ козырьку, съ тяжеловѣсной граціей наклонилъ впередъ туловище.

— Зайдите на минуточку. У меня къ вамъ дѣлишко одно есть.

Урядникъ широко развелъ руками и затрясъ головой.

— Не могу-съ! При исполненіи служебныхъ обязанностей. Бду въ Волошу, на мертвое тѣло — утопленникъ-съ.

Но я уже зналъ слабыя стороны Евпсихія Африкановича и потому сказалъ съ дѣланымъ равнодушіемъ:

— Жаль, жаль... А я изъ экономіи графа Ворцеля добылъ пару такихъ бутылочекъ...

— Не могу-съ. Долгъ службы...

— Мнѣ буфетчикъ по знакомству продалъ. Онъ ихъ въ погребѣ какъ дѣтей родныхъ воспитывалъ... Зашли бы... А я вашему коньку овса прикажу дать.

— Вѣдь вотъ вы какой, право, — съ упрекомъ сказалъ урядникъ. — Развѣ не знаете, что служба прежде всего?... А они съ чѣмъ, эти бутылки-то? Сливянка?

— Какое сливянка! — махнулъ я рукой. — Старка, батюшка, вотъ что!

— Мы, признаться, ужъ подзакусили, — съ сожалѣніемъ почесалъ щеку урядникъ, невѣроятно сморщивъ при этомъ лицо.

Я продолжалъ съ прежнимъ спокойствіемъ:

— Не знаю, правда ли, но буфетчикъ божился, что

ей двѣсти лѣтъ. Запахъ прямо какъ коньякъ и самой янтарной желтизны.

— Эхъ! Чтò вы со мной дѣлаете! — воскликнулъ въ комическомъ отчаяннiи урядникъ. — Кто же у меня лошадь-то приметъ?

Старки у меня дѣйствительно, оказалось нѣсколько бутылокъ, хотя и не такой древней, какъ я хвастался, но я рассчитывалъ, что сила внушенiя прибавитъ ей нѣсколько десятковъ лѣтъ... Во всякомъ случаѣ это была подлинная домашняя, ошеломляющая старка, гордость погреба разорившагося магната (Евпсихiй Африкановичъ, который происходилъ изъ духовныхъ, немедленно выпросилъ у меня бутылку на случай, какъ онъ выразился, могущаго произойти простуднаго заболѣванiя...). И закуска у меня нашлась гастрономическая: молодая редиска со свѣжимъ, только-что сбитымъ масломъ.

— Ну-съ, а дѣльце-то ваше какого сорта? — спросилъ послѣ пятой рюмки урядникъ, откинувшись на спинку затрещавшаго подъ нимъ стараго кресла.

Я принялся излагать ему положенiе бѣдной старухи, упомянулъ про ея безпомощность и отчаянiе, вскользь прошелся насчетъ ненужнаго формализма. Урядникъ слушалъ меня съ опущенной внизъ головой, методически очищая отъ корешковъ красную, упругую, ядреную редиску и пережевывая ее съ аппетитнымъ хрустѣнiемъ. Изрѣдка онъ быстро вскидывалъ на меня равнодушные, мутные, до смѣшнаго маленькiе и голубые глаза, но на его красной огромной физиономiи я не могъ ничего прочесть: ни сочувствiя ни сопротивленiя. Когда я наконецъ замолчалъ, онъ только спросилъ:

— Ну, такъ чего же вы отъ меня хотите?

— Какъ чего? — заволновался я. — Вникните же, пожалуйста, въ ихъ положенiе. Живутъ двѣ бѣдныя, беззащитныя женщины...

— И одна изъ нихъ прямо бутонъ садовый! — ехидно вставилъ урядникъ.

— Ну ужъ тамъ бутонъ или не бутонъ — это дѣло девятое. Но почему, скажите, вамъ и не принять въ нихъ участія? Будто бы вамъ ужъ такъ къ спѣху требуется ихъ выселить? Ну хоть подождите немного, покамѣстъ я самъ у помѣщика похлопочу. Чѣмъ вы рискуете, если подождете съ мѣсяць?

— Какъ, чѣмъ я рискую-съ?! — взвился съ кресла урядникъ. — Помилуйте, да всѣмъ рискую и прежде всего службой-съ. Богъ его знаетъ, каковъ этотъ господинъ Ильяшевичъ, новый помѣщикъ. А, можетъ-быть, каверзникъ-съ... изъ такихъ, которые, чуть что, сейчасъ бумажку, перышко и доносикъ въ Петербургъ-съ? У насъ вѣдь бываютъ и такіе-съ!

Я попробовалъ успокоить расходившагося урядника.

— Ну полноте, Евпсихій Аффрикановичъ. Вы преувеличиваете все это дѣло. Наконецъ, что же? Вѣдь рискъ рискомъ, а благодарность все-таки благодарностью.

— Фью-ю-ю! — протяжно свистнулъ урядникъ и глубоко засунулъ руки въ карманы шароваръ. — Тоже благодарность называется! Что же вы думаете, я изъ-за какихъ-нибудь двадцати пяти рублей поставлю на карту свое служебное положеніе? Нѣтъ-съ, это вы обо мнѣ плохо понимаете.

— Да что вы горячитесь, Евпсихій Аффрикановичъ. Здѣсь вовсе не въ суммѣ дѣло, а просто такъ... Ну хоть по человѣчеству...

— По че-ло-вѣ-че-ству? — иронически отчеканилъ онъ каждый слогъ. — Позвольте-съ, да у меня эти человѣки вотъ гдѣ сидятъ-съ!

Онъ энергично ударилъ себя по могучему бронзовому затылку, который свѣшивался на воротникъ жирной безволосой складкой.

— Ну, ужъ это вы, кажется, слишкомъ, Евпсихій Африкановичъ.

— Ни капельки не слишкомъ-съ. «Это — язва здѣшнихъ мѣстъ», по выраженію знаменитаго баснописца, господина Крылова. Вотъ кто эти двѣ дамы-съ! Вы не изволили читать прекрасное сочиненіе его сіятельства, князя Урусова, подъ заглавіемъ «Полицейскій урядникъ»?

— Нѣтъ, не приходилось.

— И очень напрасно-съ. Прекрасное и высоко нравственное произведеніе. Совѣтую на досугѣ ознакомиться...

— Хорошо, хорошо, я съ удовольствіемъ ознакомлюсь. Но я все-таки не понимаю, какое отношеніе имѣетъ эта книжка къ двумъ бѣднымъ женщинамъ?

— Какое? Очень прямое-съ. Пунктъ первый (Евпсихій Африкановичъ загнулъ толстый, волосатый указательный палецъ на лѣвой рукѣ): «Урядникъ имѣетъ неослабное наблюденіе, чтобы всѣ ходили въ храмъ Божій съ усердіемъ, пребывая, однако въ ономъ безъ усилія...» Позвольте узнать, ходитъ ли эта... какъ ее... Мануйлиха, что ли?.. Ходитъ ли она когда-нибудь въ церковь? Я молчалъ, удивленный неожиданнымъ оборотомъ рѣчи. Онъ поглядѣлъ на меня съ торжествомъ и загнулъ второй палецъ.

— Пунктъ второй: «Запрещаются повсемѣстно лжепредсказанія и лжепредзнаменованія...» Чувствуете-съ? Затѣмъ пунктъ третій-съ: «Запрещается выдавать себя за колдуна или чародѣя и употреблять подобные обманы-съ». Что вы на это скажете? А вдругъ все это обпаружится или стороной дойдетъ до начальства? Кто въ отвѣтъ? — Я. Кого изъ службы по шапкѣ? — Меня. Видите, какая штукаенція.

Онъ опять усѣлся въ кресло. Глаза его, поднятые къверху, разсѣяннo бродили по стѣнамъ комнаты, а пальцы громко барабанили по столу.

— Ну, а если я васъ попрошу, Евпсихій Аффрикановичъ, — началъ я опять умильнымъ тономъ. — Конечно, ваши обязанности сложныя и хлопотливыя, но вѣдь сердце у васъ, я знаю, предоброе, золотое сердце. Чтò вамъ стòитъ пообѣщать мнѣ не трогать этихъ женщинъ?

Глаза урядника вдругъ остановились поверхъ моей головы.

— Хорошенькое у васъ ружьишко, — небрежно уронилъ онъ, не переставая барабанить. — Славное ружьишко. Прошлый разъ, когда я къ вамъ заѣзжалъ и не засталъ дома, я все на него любовался... Чудное ружьецо!

Я тоже повернулъ голову назадъ и поглядѣлъ на ружье.

— Да, ружье недурное, — похвалилъ я. — Вѣдь оно старинное, фабрики Гастингъ-Реннета, я его только въ прошломъ году на центральное передѣлалъ. Вы обратите вниманіе на стволы.

— Какъ-же-съ, какъ-же-съ... я на стволы-то главнымъ образомъ и любовался. Великолѣпная вещь... Просто, можно сказать, сокровище.

Наши глаза встрѣтились, и я увидѣлъ, какъ въ углахъ губъ урядника дрогнула легкая, но многозначительная улыбка. Я поднялся съ мѣста, снялъ со стѣны ружье и подошелъ съ нимъ къ Евпсихію Аффрикановичу.

— У черкесовъ есть очень милый обычай дарить гостю все, чтò онъ похвалитъ, — сказалъ я любезно. — Мы съ вами хотя и не черкесы, Евпсихій Аффрикановичъ, но я прошу васъ принять отъ меня эту вещь на память.

Урядникъ для виду застыдился.

— Помилуйте, такую прелесть! Нѣтъ, нѣтъ, это уже черезчуръ щедрый обычай!

Однако мнѣ не пришлось долго его уговаривать. Урядникъ принялъ ружье, бережно поставилъ его между своихъ колѣнъ и любовно отеръ чистымъ носовымъ платкомъ пыль, осѣвшую на спусковой скобѣ. Я немного успокоился, увидѣвъ, что ружье по крайней мѣрѣ перешло

въ руки любителя и знатока. Почти тотчасъ Евпсихій Африкановичъ всталъ и заторопился ѣхать.

— Дѣло не ждетъ, а я тутъ съ вами забалакался, — говорилъ онъ, громко стуча о полъ неналѣзавшими калошами. — Когда будете въ нашихъ краяхъ, милости просимъ ко мнѣ.

— Ну, а какъ же насчетъ Мануйлихи, господинъ начальство? — деликатно напомнилъ я.

— Посмотримъ, увидимъ... — неопредѣленно буркнулъ Евпсихій Африкановичъ. — Я вотъ васъ еще о чемъ хотѣлъ попросить... Редисъ у васъ замѣчательный...

— Самъ вырастилъ.

— Уд-дивительный редисъ! А у меня, знаете ли, моя благовѣрная страшная обожательница всякой овощи. Такъ если бы, знаете, того... пучочекъ одинъ.

— Съ наслажденіемъ, Евпсихій Африкановичъ. Сочту долгомъ... Сегодня же съ нарочнымъ отправлю корзиночку. И маслица ужъ позвольте заодно... Масло у меня на рѣдкость.

— Ну, и маслица... — милостиво разрѣшилъ урядникъ. — А этимъ бабамъ вы дайте ужъ знакъ, что я ихъ пока-что не трону. Только пусть онѣ вѣдаютъ, — вдругъ возвысилъ онъ голосъ: — что однимъ спасибо отъ меня не отдѣлаются. А засимъ желаю здравствовать. Еще разъ мерси вамъ за подарочекъ и за угощеніе.

Онъ по-военному пристукнулъ каблуками и грузной походкой сытаго важнаго человѣка пошелъ къ своему экипажу, около котораго въ почтительныхъ позахъ безъ шапокъ уже стояли сотскій, сельскій староста и Ярмола.

IX.

Евпсихій Африкановичъ сдержалъ свое обѣщаніе и оставилъ на неопредѣленное время въ покоѣ обитательницъ

лѣсной хатки. Но мои отношенія съ Олесей рѣзко и странно измѣнились. Въ ея обращеніи со мной не осталось и слѣда прежней довѣрчивой и наивной ласки, прежняго оживленія, въ которомъ такъ мило смѣшивалось кокетство красивой дѣвушки съ рѣзвой ребяческой шаловливостью. Въ нашемъ разговорѣ появилась какая-то непреодолимая неловкая принужденность... Съ поспѣшной боязливостью Олеся избѣгала живыхъ темъ, дававшихъ раньше такой безбрежный просторъ нашему любопытству.

Въ моемъ присутствіи она отдавалась работѣ съ напряженной, суровой дѣловитостью, но часто я наблюдалъ, какъ среди этой работы ея руки вдругъ опускались безсильно вдоль колѣнъ, а глаза неподвижно и неопредѣленно устремлялись внизъ, на полъ. Если въ такую минуту я называлъ Олесю по имени или предлагалъ ей какой-нибудь вопросъ, она вздрагивала и медленно обращала ко мнѣ свое лицо, въ которомъ отражались испугъ и усиліе понять смыслъ моихъ словъ. Иногда мнѣ казалось, что ее тяготитъ и стѣсняетъ мое общество, но это предположеніе плохо вязалось съ громаднымъ интересомъ, возбуждаемымъ въ ней всего лишь нѣсколько дней тому назадъ каждымъ моимъ замѣчаніемъ, каждой фразой... Оставалось думать только, что Олеся не хочетъ мнѣ простить моего, такъ возмутившаго ея независимую натуру, покровительства въ дѣлѣ съ урядникомъ. Но и эта догадка не удовлетворяла меня: откуда, въ самомъ дѣлѣ, могла явиться у простой, выросшей среди лѣса дѣвушки такая чрезмѣрно-щепетильная гордость?

Все это требовало разъясненій, а Олеся упорно избѣгала всякаго благопріятнаго случая для откровеннаго разговора. Наши вечернія прогулки прекратились. Напрасно каждый день, собираясь уходить, я бросалъ на Олесю краснорѣчивые, умоляющіе взгляды, — она дѣлала видъ,

что не понимаетъ ихъ значенія. Присутствіе же старухи, несмотря на ея глухоту, беспокоило меня.

Иногда я возмущался противъ собственнаго безсилія и противъ привычки, тянувшей меня каждый день къ Олесѣ. Я и самъ не подозрѣвалъ, какими тонкими, крѣпкими, незримыми нитями было привязано мое сердце къ этой очаровательной, непонятной для меня дѣвушкѣ. Я еще не думалъ о любви, но я уже переживалъ тревожный, предшествующій любви періодъ, полный смутныхъ, томительно-грустныхъ ощущеній. Гдѣ бы я ни былъ, чѣмъ бы ни старался развлечься, — всѣ мои мысли были заняты образомъ Олеси, все мое существо стремилось къ ней, каждое воспоминаніе объ ея, иной разъ самыхъ ничтожныхъ словахъ, объ ея жестахъ и улыбкахъ, сжимало съ тихой и сладкой болью мое сердце. Но наступалъ вечеръ, и я подолгу сидѣлъ возлѣ нея на низкой шаткой скамеечкѣ, съ досадой чувствуя себя все болѣе робкимъ, пеловкимъ и ненаходчивымъ.

Однажды я провелъ такимъ образомъ около Олеси цѣлый день. Уже съ утра я себя чувствовалъ нехорошо, хотя еще не могъ ясно опредѣлить, въ чемъ заключалось мое нездоровье. Къ вечеру мнѣ стало хуже. Голова сдѣлалась тяжелой, въ ушахъ шумѣло, въ темени я ощущалъ тупую безпрестанную боль, — точно кто-то давилъ на него мягкой, но сильной рукой. Во рту у меня пересохло, и по всему тѣлу постоянно разливалась какая-то лѣтняя, томная слабость, отъ которой каждую минуту хотѣлось зѣвать и тянуться. Въ глазахъ чувствовалась такая боль, какъ будто бы я только-что пристально и близко глядѣлъ на блестящую точку.

Когда же позднею вечеромъ я возвращался домой, то какъ разъ на серединѣ пути меня вдругъ схватилъ и затрясъ бурный приступъ озноба. Я шелъ, почти не видя дороги, почти не сознавая, куда иду, и шатаюсь, какъ

пьяный, между тѣмъ какъ мои челюсти выбивали одна о другую частую и громкую дробь.

Я до сихъ поръ не знаю, кто довезъ меня до дому... Ровно шесть дней была меня неотступная, ужасная полѣсская лихорадка. Днемъ недугъ какъ будто бы затихалъ, и ко мнѣ возвращалось сознание. Тогда, совершенно изнуренный болѣзью, я еле-еле бродилъ по комнатѣ съ болью и слабостью въ колѣняхъ; при каждомъ болѣе сильномъ движеніи кровь прилиwała горячей волной къ головѣ и застилала мракомъ всѣ предметы передъ моими глазами. Вечеромъ же, обыкновенно часовъ около семи, какъ буря, налеталъ на меня приступъ болѣзни, и я проводилъ на постели ужасную, длинную, какъ столѣтіе, ночь, то трясясь подъ одѣяломъ отъ холода, то пылая невыносимымъ жаромъ. Едва только дремота слегка касалась меня, какъ странныя, нелѣпая, мучительно-пестрая сновидѣнія начинали играть моимъ разгоряченнымъ мозгомъ. Всѣ мои грезы были полны мелочныхъ, микроскопическихъ деталей, громоздившихся и цѣплявшихся одна за другую въ безобразной сутолокѣ. То мнѣ казалось, что я разбираю какіе-то разноцвѣтные, причудливыхъ формъ ящики, вынимая маленькіе изъ большихъ, а изъ маленькихъ еще меньшіе, и никакъ не могу прекратить этой безконечной работы, которая мнѣ давно уже кажется отвратительной. То мелькали передъ моими глазами съ одуряющей быстротой длинныя яркія полосы обоевъ, и на нихъ, вмѣсто узоровъ, я съ изумительной отчетливостью видѣлъ цѣлыя гирлянды изъ человѣческихъ фізіономій — порою красивыхъ, добрыхъ и улыбающихся, порою дѣлающихъ страшныя гримасы, высовывающихъ языки, скалящихъ зубы и вращающихъ огромными бѣлками. Затѣмъ я вступалъ съ Ярмолой въ запутанный, необычайно сложный отвлеченный споръ. Съ каждой минутой доводы, которые мы приводили другъ другу, становились все болѣе тон-

кими и глубокими; отдѣльные слова и даже буквы словъ принимали вдругъ таинственное, неизмѣримое значеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ меня все сильнѣе охватывалъ брезгливый ужасъ передъ невѣдомой, противоестественной силой, что выматываетъ изъ моей головы одинъ за другимъ уродливые софизмы и не позволяетъ мнѣ прервать давно уже опротивѣвшаго спора...

Это былъ какой-то кипящій вихрь человѣческихъ и звѣриныхъ фигуръ, ландшафтовъ, предметовъ самыхъ удивительныхъ формъ и цвѣтовъ, словъ и фразъ, значеніе которыхъ воспринималось всѣми чувствами... Но — странное дѣло — въ то же время я не переставалъ видѣть на потолкѣ свѣтлый ровный кругъ, отбрасываемый лампой съ зеленымъ обгорѣвшимъ абажуромъ. И я зналъ почему-то, что въ этомъ спокойномъ кругѣ съ нечеткими краями притаилась безмолвная, однообразная, таинственная и грозная жизнь, еще болѣе жуткая и угнетающая, чѣмъ бѣшенный хаосъ моихъ сновидѣній.

Потомъ я просыпался, или, вѣрнѣе, не просыпался, а внезапно заставалъ себя бодрствующимъ. Сознаніе почти возвращалось ко мнѣ. Я понималъ, что лежу въ постели, что я боленъ, что я только-что бредилъ, но свѣтлый кругъ на темномъ потолкѣ все-таки пугалъ меня затаенной зловѣщей угрозой. Слабою рукой дотягивался я до часовъ, смотрѣлъ на нихъ и съ тоскливымъ недоумѣніемъ убѣждался, что вся безконечная вереница моихъ уродливыхъ сновъ заняла не болѣе двухъ-трехъ минутъ. «Господи! Да когда же настанетъ разсвѣтъ!» — съ отчаяніемъ думалъ я, мечась головой по горячимъ подушкамъ и чувствуя, какъ опалаетъ мнѣ губы мое собственное тяжелое и короткое дыханіе... Но вотъ опять овладѣвала мною тонкая дремота, и опять мозгъ мой дѣлался игральщищемъ пестраго кошмара, и опять черезъ двѣ минуты я просыпался, охваченный смертельной тоской...

Черезъ шесть дней моя крѣпкая натура, вмѣстѣ съ помощью хинина и настоя подорожника, побѣдила болѣзнь. Я всталъ съ постели весь разбитый, едва держась на ногахъ. Выздоровленіе совершалось съ жадной быстротой. Въ головѣ, утомленной шестидневнымъ лихорадочнымъ бредомъ, чувствовалось теперь лѣнивое и пріятное отсутствіе мыслей. Аппетитъ явился въ удвоенномъ размѣрѣ, и тѣло мое крѣпло по часамъ, впивая каждой своей частицей здоровье и радость жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ новой силой потянуло меня въ лѣсъ, въ одинокую, покривившуюся хату. Нервы мои еще не оправились, и каждый разъ, вызывая въ памяти лицо и голосъ Олеси, я чувствовалъ такое нѣжное умиленіе, что мнѣ хотѣлось плакать.

Х.

Прошло еще пять дней, и я настолько окрѣпъ, что пѣшкомъ, безъ малѣйшей усталости, дошелъ до избушки на курьихъ ножкахъ. Когда я ступилъ на ея порогъ, то сердце забилось съ тревожнымъ страхомъ у меня въ груди. Почти двѣ недѣли не видалъ я Олеси и теперь особенно ясно понялъ, какъ была она мнѣ близка и мила. Держась за скобку двери, я нѣсколько секундъ медлилъ и едва переводилъ дыханіе. Въ нерѣшимости я даже закрылъ глаза на нѣкоторое время, прежде чѣмъ толкнуть дверь...

Въ впечатлѣніяхъ, подобныхъ тѣмъ, которыя послѣдовали за моимъ входомъ, никогда невозможно разобратъся... Развѣ можно запомнить слова, произносимыя въ первые моменты встрѣчи матерью и сыномъ, мужемъ и женой, или двумя влюбленными? Говорятся самая простыя, самая обиходныя фразы, смѣшныя даже, если ихъ записывать съ точностью на бумагѣ. Но здѣсь каждое

слово уместно и бесконечно мило уже потому, что говорится оно самым дорогим на свете голосом.

Я помню, очень ясно помню только то, что ко мне быстро обернулось бледное лицо Олеси, и что на этом прелестном, новом для меня лице в одно мгновение отразились, смѣняя другъ друга, недоумѣніе, испугъ, тревога и нѣжная, сіяющая улыбка любви... Старуха что-то шамкала, топчась возлѣ меня, но я не слышалъ ея привѣтствій. Голосъ Олеси донесся до меня, какъ сладкая музыка :

— Что съ вами случилось? Вы были больны? Охъ, какъ же вы исхудали, бѣдный мой.

Я долго не могъ ей ничего отвѣтить, и мы молча стояли другъ противъ друга, держась за руки, прямо, глубоко и радостно смотря другъ другу въ глаза. Эти нѣсколько молчаливыхъ секундъ я всегда считаю самыми счастливыми въ моей жизни, — никогда, никогда, ни раньше ни позднѣе, я не испытывалъ такого чистаго, полнаго, всепоглощающаго восторга. И какъ много я читалъ въ большихъ темныхъ глазахъ Олеси: и волненіе встрѣчи, и упрекъ за мое долгое отсутствіе, и горячее признаніе въ любви... Я почувствовалъ, что вмѣстѣ съ этимъ взглядомъ Олеся отдаетъ мнѣ радостно, безъ всякихъ условій и колебаній, все свое существо.

Она первая нарушила это очарованіе, указавъ мнѣ медленнымъ движеніемъ вѣкъ на Мануйлиху. Мы усѣлись рядомъ, и Олеся принялась подробно и заботливо расспрашивать меня о ходѣ моей болѣзни, о лѣкарствахъ, которыя я принималъ, о словахъ и мнѣніяхъ доктора (два раза пріѣзжавшаго ко мнѣ изъ мѣстечка). Про доктора она заставила меня рассказать нѣсколько разъ подъ рядъ, и я порою замѣчалъ на ея губахъ бѣглую насмѣшливую улыбку.

— Ахъ, зачѣмъ я не знала, что вы захворали! — вос-

кликнула она съ нетерпѣливымъ сожалѣніемъ. — Я бы въ одинъ день васъ на ноги поставила... Ну, какъ же имъ можно довѣриться, когда они ничего, ни-че-го не понимаютъ? Почему вы за мной не послали?

Я замаялся.

— Видишь ли, Олеся... это и случилось такъ внезапно... и кромѣ того я боялся тебя беспокоить. Ты въ послѣднее время стала со мной какая-то странная, точно все сердилась на меня, или надоѣлъ я тебѣ... Послушай, Олеся, — прибавилъ я, понижая голосъ: — намъ съ тобой много, много нужно поговорить... только однимъ... понимаешь?

Она тихо опустила вѣки въ знакъ согласія, потомъ боязливо оглянулась на бабушку и быстро шепнула:

— Да... я и сама хотѣла... потомъ... подождите...

Едва только закатилось солнце, какъ Олеся стала меня торопить итти домой.

— Собирайтесь, собирайтесь скорѣе, — говорила она, увлекая меня за руку со скамейки. — Если васъ теперь сыростью охватитъ, — болѣзнь сейчасъ же назадъ вернется.

— А ты куда же, Олеся? — спросила вдругъ Мануйлиха, видя, что ея внучка поспѣшно набросила на голову большой сѣрый шерстяной платокъ.

— Пойду... провожу немножко, — отвѣтила Олеся.

Она произнесла это равнодушно, глядя не на бабушку, а въ окно, но въ ея голосѣ я уловилъ чуть замѣтный отгѣнокъ раздраженія.

— Пойдешь-таки? — съ удареніемъ переспросила старуха.

Глаза Олеси сверкнули и въ упоръ остановились на лицѣ Мануйлихи.

— Да, и пойду! — возразила она надменно. — Ужъ давно объ этомъ говорено и переговорено... Мое дѣло, мой и отвѣтъ.

— Эхъ, ты!.. — съ досадою и укоризной воскликнула старуха.

Она хотѣла еще что-то прибавить, но только махнула рукой, поплелась своею дрожащею походкою въ уголъ и, кряхтя, закопошилась тамъ надъ какой-то корзиной.

Я понялъ, что этотъ быстрый недовольный разговоръ, которому я только-что былъ свидѣтелемъ, служить продолженіемъ длиннаго ряда взаимныхъ ссоръ и вспышекъ. Спускаясь рядомъ съ Олесей къ бору, я спросилъ ее:

— Бабушка не хочетъ, чтобы ты ходила со мною гулять? Да?

Олеся съ досадою пожала плечами.

— Пожалуйста, не обращайтесь на это вниманія. Ну да, не хочетъ... Чтò жь!.. Развѣ я не вольна дѣлать, чтò мнѣ нравится?

Во мнѣ вдругъ поднялось неудержимое желаніе упрекнуть Олесю за ея прежнюю суровость.

— Значить, и раньше, еще до моей болѣзни, ты тоже могла, но только не хотѣла оставаться со мною одинъ-на-одинъ... Ахъ, Олеся, если бы ты знала, какую ты причиняла мнѣ боль... Я такъ ждалъ, такъ ждалъ каждый вечеръ, что ты опять пойдешь со мною... А ты, бывало, всегда такая невнимательная, скучная, сердитая... О, какъ ты меня мучила, Олеся!..

— Ну, перестаньте, голубчикъ... Забудьте это, — съ мягкимъ извиненіемъ въ голосѣ попросила Олеся.

— Нѣтъ, я вѣдь не въ укоръ тебѣ говорю, — такъ, къ слову пришлось... Теперь я понимаю, почему это было... А вѣдь сначала — право, даже смѣшно и вспомнить — я подумалъ, что ты обидѣлась на меня изъ-за урядника. И эта мысль меня сильно огорчала. Мнѣ казалось, что ты меня такимъ далекимъ, чужимъ человѣкомъ считаешь, что даже простую дружескую услугу тебѣ отъ меня трудно принять... Очень мнѣ это было горько... Я вѣдь

и не подозрѣвалъ Олеса, что все это отъ бабушки идетъ...

Лицо Олеси вдругъ вспыхнуло яркимъ румянцемъ.

— И вовсе не отъ бабушки!.. Сама я этого не хотѣла! — горячо, съ задоромъ воскликнула она.

Я поглядѣлъ на нее сбоку, такъ что мнѣ сталъ виденъ чистый, нѣжный профиль ея слегка наклоненной головы. Только теперь я замѣтилъ, что и сама Олеса похудѣла за это время, и вокругъ ея глазъ легли голубоватые тѣни. Почувствовавъ мой взглядъ, Олеса вскинула на меня глаза, но тотчасъ же опустила ихъ и отвернулась съ застѣнчивой улыбкой.

— Почему ты не хотѣла, Олеса? Почему? — спросилъ я обрывающимся отъ волненія голосомъ и, схвативъ Олесю за руку, заставилъ ее остановиться.

Мы въ это время находились какъ разъ на серединѣ длинной, узкой и прямой, какъ стрѣла, лѣсной просѣки. Высокія, стройныя сосны обступали насъ съ обѣихъ сторонъ, образуя гигантскій, уходящій вдаль коридоръ со сводомъ изъ душистыхъ сплетшихся вѣтвей. Голые, облупившіеся стволы были окрашены багровымъ отблескомъ догорающей зари...

— Почему? Почему, Олеса? — твердилъ я шопотомъ и все сильнѣе сжималъ ея руку.

— Я не могла... Я боялась, — еле слышно произнесла Олеса. — Я думала, что можно уйти отъ судьбы... А теперь... теперь...

Она задохнулась, точно ей не хватало воздуха, и вдругъ ея руки быстро и крѣпко обвились вокругъ моей шеи, и мои губы сладко обжегъ торопливый, дрожащій шопоть Олеси:

— Теперь мнѣ все равно, все равно!.. Потому что я люблю тебя, мой дорогой, мое счастье, мой ненаглядный!..

Она прижималась ко мнѣ все сильнѣе, и я чувствовалъ, какъ трепетало подъ моими руками ея сильное, крѣпкое, горячее тѣло, какъ часто билось около моей груди ея сердце. Ея страстные поцѣлуи вливались въ мою еще не окрѣпшую отъ болѣзни голову, какъ пьяное вино, и я началъ терять самообладаніе.

— Олеса, ради Бога, не надо... оставь меня, — говорилъ я, стараясь разжать ея руки. — Теперь и я боюсь... боюсь самого себя... Пусти меня, Олеса.

Она подняла кверху свое лицо, и все оно освѣтилось томной, медленной улыбкой.

— Не бойся, мой миленькій, — сказала она съ непередаваемымъ выраженіемъ нѣжной ласки и трогательной смѣлости. — Я никогда не попрекну тебя, ни къ кому ревновать не стану... Скажи только: любишь ли?

— Люблю, Олеса. Давно люблю и крѣпко люблю. Но... не цѣлуй меня больше... Я слабѣю, у меня голова кружится, я не ручаюсь за себя...

Ея губы опять долго и мучительно-сладко прильнули къ моимъ, и я не услышалъ, а скорѣе угадалъ ея слова:

— Ну, такъ и не бойся. и не думай ни о чемъ больше... Сегодня нашъ день, и никто у насъ его не отниметъ...

.
И вся эта ночь слилась въ какую-то волшебную, чарующую сказку. Возшелъ мѣсяцъ, и его сіяніе причудливо, пестро и таинственно расцвѣтило лѣсъ, легло среди мрака нервными, изсиня блѣдными пятнами на корявые стволы, на изогнутые сучья, на мягкій, какъ плюшевый коверъ, мохъ. Тонкіе стволы березъ бѣлѣли рѣзко и отчетливо, а на ихъ рѣдкую листву, казалось, были наброшены серебристые, прозрачные, газовые покровы. Мѣстами свѣтъ вовсе не проникалъ подъ густой навѣсъ сосновыхъ вѣтвей. Тамъ стоялъ полный, непроницаемый мракъ, и только въ самой серединѣ его скользнувшій не-

вѣдомо откуда лучъ вдругъ ярко озарялъ длинный рядъ деревьевъ и бросалъ на землю узкую правильную дорожку, — такую свѣтлую, нарядную и прелестную, точно аллея, убранная эльфами для торжественнаго шествія Оберона и Титаніи. И мы шли, обнявшись, среди этой улыбающейся живой легенды, безъ единого слова, подавленные своимъ счастьемъ и жуткимъ безмолвіемъ лѣса.

— Дорогой мой, а я вѣдь и забыла совсѣмъ, что тебѣ домой надо спѣшить, — спохватилась вдругъ Олеся. — Вотъ какая гадкая! Ты только-что выздоровѣлъ, а я тебя до сихъ поръ въ лѣсу держу.

Я обнялъ ее и откинулъ платокъ съ ея густыхъ темныхъ волосъ и, наклонясь къ ея уху, спросилъ чуть слышно:

— Ты не жалѣешь, Олеся? Не раскаиваешься?

Она медленно покачала головой.

— Нѣтъ, нѣтъ... Чтò бы потомъ ни случилось, я не пожалѣю. Мнѣ такъ хорошо...

— А развѣ непременно должно что-нибудь случиться?

Въ ея глазахъ мелькнуло отраженіе знакомаго мнѣ мистическаго ужаса.

— О, да, непременно... Помнишь, я тебѣ говорила про трефовую даму? Вѣдь эта трефовая дама — я, это со мной будетъ несчастье, про что сказали карты... Ты знаешь, я вѣдь хотѣла тебя попросить, чтобы ты и вовсе у насъ пересталъ бывать. А тутъ какъ разъ ты заболѣлъ, и я тебя чуть не полмѣсяца не видала... И такая меня по тебѣ тоска обуяла, такая грусть, что, кажется, все бы на свѣтѣ отдала, лишь бы съ тобой хоть минуточку еще побыть... Вотъ тогда-то я и рѣшилась. Пусть, думаю, чтò будетъ, то и будетъ, а я своей радости никому не отдамъ...

— Это правда, Олеся. Это и со мной такъ было, — сказалъ я, прикасаясь губами къ ея виску. — Я до тѣхъ

поръ не зналъ, что люблю тебя, покамѣсть не разстался съ тобой. Не даромъ, видно, кто-то сказалъ, что разлука для любви то же, что вѣтеръ для огня: маленькую любовь она тушитъ, а большую раздуваетъ еще сильнѣй.

— Какъ ты сказалъ? Повтори, повтори, пожалуйста, — заинтересовалась Олеся.

Я повторилъ еще разъ это, не знаю кому принадлежащее изреченіе. Олеся задумалась, и я увидѣлъ по движенію ея губъ, что она повторяетъ мои слова.

Я близко вглядывался въ ея блѣдное, закинутое назадъ лицо, въ ея большіе черные глаза съ блестящими въ нихъ яркими лунными бликами, — и смутное предчувствіе близкой бѣды вдругъ внезапнымъ холодомъ заползло въ мою душу.

ХІ.

Почти цѣлый мѣсяцъ продолжалась наивная, очаровательная сказка нашей любви, и до сихъ поръ вмѣстѣ съ прекраснымъ обликомъ Олеси живутъ съ неувядающей силой въ моей душѣ эти пылающія вечернія зори, эти росистыя, благоухающія ландышами и медомъ утра, полныя бодрой свѣжести и звонкаго птичьяго гама, эти жаркіе, томные, лѣтніе іюньскіе дни... Ни разу ни скука, ни утомленіе, ни вѣчная страсть къ бродячей жизни не шевельнулись за это время въ моей душѣ. Я, какъ языческій богъ или какъ молодое, сильное животное, наслаждался свѣтомъ, тепломъ, сознательной радостью жизни и спокойной, здоровой, чувственной любовью.

Старая Мануйлиха стала послѣ моего выздоровленія такъ несносно-брюзглива, встрѣчала меня съ такой откровенной злобой и, покамѣсть я сидѣлъ въ хатѣ, съ такимъ шумнымъ ожесточеніемъ двигала горшками въ печкѣ,

что мы съ Олесей предпочли сходиться каждый вечеръ въ лѣсу... И величественная зеленая прелесть бора, какъ драгоценная оправка, украшала нашу безмятежную любовь.

Каждый день я все съ бѣльшимъ удивленіемъ находилъ, что Олеся — эта выросшая среди лѣса, не умѣющая даже читать дѣвушка — во многихъ случаяхъ жизни проявляетъ чуткую деликатность и особенный, врожденный тактъ. Въ любви — въ прямомъ, грубомъ ея смыслѣ — всегда есть ужасныя стороны, составляющія мученье и стыдъ для нервныхъ художественныхъ натуръ. Но Олеся умѣла избѣгать ихъ съ такой наивной цѣломудренностью, что ни разу ни одно дурное сравненіе, ни одинъ циничный моментъ не оскорбили нашей связи.

Между тѣмъ приближалось время моего отъѣзда. Собственно говоря, всѣ мои служебныя обязанности въ Перебродѣ были уже покончены, и я умышленно оттягивалъ срокъ моего возвращенія въ городъ. Я еще ни слова не говорилъ объ этомъ Олесѣ, боясь даже представить себѣ, какъ она приметъ мое извѣщеніе о необходимости уѣхать. Вообще я находился въ затруднительномъ положеніи. Привычка пустила во мнѣ слишкомъ глубокіе корни. Видѣть ежедневно Олесю, слышать ея милый голосъ и звонкій смѣхъ, ощущать нѣжную прелесть ея ласки — стало для меня больше, чѣмъ необходимою. Въ рѣдкіе дни, когда ненастье мѣшало намъ встрѣчаться, я чувствовалъ себя точно потеряннымъ, точно лишеннымъ чего-то самаго главнаго, самаго важнаго въ моей жизни. Всякое занятіе казалось мнѣ скучнымъ, лишнимъ, и все мое существо стремилось въ лѣсъ, къ теплу, къ свѣту, къ милому, привычному лицу Олеси.

Мысль жениться на Олесѣ все чаще и чаще приходила мнѣ въ голову. Сначала она лишь изрѣдка представлялась мнѣ, какъ возможный, на крайній случай, честный

исходъ изъ нашихъ отношеній. Одно лишь обстоятельство пугало и останавливало меня: я не смѣлъ даже вообразать себѣ, какова будетъ Олеся, одѣтая въ модное платье, разговаривающая въ гостиной съ женами моихъ сослуживцевъ, исторгнутая изъ этой очаровательной рамки стараго лѣса, полного легендъ и таинственныхъ силъ.

Но чѣмъ ближе подходило время моего отъѣзда, тѣмъ большій ужасъ одиночества и бѣльшая тоска овладѣвали мною. Рѣшеніе жениться съ каждымъ днемъ крѣпло въ моей душѣ, и подъ конецъ я уже пересталъ видѣть въ немъ дерзкій вызовъ обществу. «Женятся же хорошіе и ученые люди на швейкахъ, на горничныхъ, — утѣшалъ я себя: — и живутъ прекрасно, и до конца дней своихъ благословляютъ судьбу, толкнувшую ихъ на это рѣшеніе. Не буду же я несчастнѣе другихъ, въ самомъ дѣлѣ?»

Однажды въ серединѣ іюня, подъ вечеръ, я, по обыкновенію, ожидалъ Олесю на поворотѣ узкой лѣсной тропинки между кустами цвѣтущаго боярышника. Я еще издали узналъ легкій, быстрый шумъ ея шаговъ.

— Здравствуй, мой родненькій, — сказала Олеся, обнимая меня и тяжело дыша. — Заждался, небось? А я насилу-насилу вырвалась... Все съ бабушкой воевала.

— До сихъ поръ не утихла?

— Куда тамъ! «Ты, говоритъ, пропадешь изъ-за него... Натѣшится онъ тобою вволю, да и бросить. Не любить онъ тебя вовсе...»

— Это она про меня такъ?

— Про тебя, милый... Вѣдь я все равно ни одному ея словечку не вѣрю.

— А она все знаетъ?

— Не скажу навѣрно... кажется, знаетъ. Я съ ней, впрочемъ, объ этомъ ничего не говорю — сама догадывается. Ну, да что объ этомъ думать... Пойдемъ.

Она сорвала вѣтку боярышника съ пышнымъ гнѣздомъ бѣлыхъ цвѣтовъ и воткнула себѣ въ волосы. Мы медленно пошли по тропинкѣ, чуть розовѣвшей на вечернемъ солнцѣ.

Я еще прошлой ночью рѣшилъ во что бы то ни стало высказаться въ этотъ вечеръ. Но странная робость отяжелела мой языкъ. Я думалъ: если я скажу Олесѣ о моемъ отъѣздѣ и объ женитьбѣ, то повѣритъ ли она мнѣ? Не покажется ли ей, что я своимъ предложеніемъ только уменьшаю, смягчаю первую боль наносимой раны? «Вотъ какъ дойдемъ до того клена съ ободраннымъ стволомъ, такъ сейчасъ же и начну», — назначилъ я себѣ мысленно. Мы ровнялись съ кленомъ, и я, блѣднѣя отъ волненія, уже переводилъ дыханіе, чтобы начать говорить, но внезапно моя смѣлость ослабѣвала, разрѣшаясь нервнымъ, болѣзненнымъ біеніемъ сердца и холодомъ во рту. «Двадцать семь — мое фѣральное число, — думалъ я нѣсколько минутъ спустя: — досчитаю до двадцати семи, и тогда!..» И я принимался считать въ умѣ, но когда доходилъ до двадцати семи, то чувствовалъ, что рѣшимость еще не созрѣла во мнѣ. «Нѣтъ, — говорилъ я себѣ: — лучше ужъ буду продолжать считать до шестидесяти, — это составитъ какъ разъ цѣлую минуту, — и тогда, непременно, непременно...»

— Что такое сегодня съ тобой? — спросила вдругъ Олеся. — Ты думаешь о чемъ-то неприятномъ. Что съ тобой случилось?

Тогда я заговорилъ, но заговорилъ какимъ-то самому мнѣ противнымъ тономъ, съ напускной, неестественной небрежностью, точно дѣло шло о самомъ пустячномъ предметѣ.

— Дѣйствительно, есть маленькая неприятность... ты угадала, Олеся... Видишь ли, моя служба здѣсь окончена, и меня начальство вызываетъ въ городъ.

Мелькомъ, сбоку я взглянулъ на Олесю и увидѣлъ, какъ сбѣжала краска съ ея лица, и какъ задрожали ея губы. Но она не отвѣтила мнѣ ни слова. Нѣсколько минутъ я молча шелъ съ ней рядомъ. Въ травѣ громко кричали кузнечики, и откуда-то издалека доносился однообразный, напряженный скрипъ коростеля.

— Ты, конечно, и сама понимаешь, Олеся, — опять началъ я:—что мнѣ здѣсь оставаться неудобно и негдѣ, да наконецъ и службой пренебрегать нельзя...

— Нѣтъ... что же... тутъ и говорить нечего, — отозвалась Олеся, какъ будто бы спокойно, но такимъ глухимъ, безжизненнымъ голосомъ, что мнѣ стало жутко. — Если служба, то, конечно... надо ѣхать...

Она остановилась около дерева и оперлась спиною объ его стволъ, вся блѣдная, съ бессильно упавшими вдоль тѣла руками, съ жалкой, мучительной улыбкой на губахъ. Ея блѣдность испугала меня. Я кинулся къ ней и крѣпко сжалъ ея руки.

— Олеся... что съ тобой? Олеся... милая!..

— Ничего... извините меня... это пройдетъ. Такъ... голова закружилась...

Она сдѣлала надъ собой усиліе и прошла впередъ, не отнимая у меня своей руки.

— Олеся, ты теперь обо мнѣ дурно подумала, — сказалъ я съ упрекомъ. — Стыдно тебѣ! Неужели и ты думаешь, что я могу уѣхать, бросивъ тебя? Нѣтъ, моя дорогая. Я потому и началъ этотъ разговоръ, что хочу сегодня же пойти къ твоей бабушкѣ и сказать ей, что ты будешь моей женой.

Совсѣмъ неожиданно для меня, Олесю почти не удивили мои слова.

— Твоей женой? — Она медленно и печально покачала головой. — Нѣтъ, Ванечка: милый, это невозможно!

— Почему же, Олеся? Почему?

— Нѣтъ, нѣтъ... Ты и самъ понимаешь, что объ этомъ смѣшно и думать. Ну, какая я тебѣ жена на самомъ дѣлѣ? Ты—баринъ, ты умный, образованный, а я? Я и читать не умѣю, и куда ступить не знаю... Ты одного стыда изъ-за меня не оберешься...

— Это все глупости, Олеся! — возразилъ я горячо. — Ты черезъ полгода сама себя не узнаешь. Ты не подозрѣваешь даже, сколько въ тебѣ врожденнаго ума и наблюдательности. Мы съ тобой вмѣстѣ прочитаемъ много хорошихъ книжекъ, познакомимся съ добрыми, умными людьми, мы съ тобой весь широкій свѣтъ увидимъ, Олеся... Мы до старости, до самой смерти будемъ итти рука объ руку, вотъ какъ теперь идемъ, и не стыдиться, а гордиться тобой я буду и благодарить тебя!..

На мою пылкую рѣчь Олеся отвѣтила мнѣ признательнымъ пожатіемъ руки, но продолжала стоять на своемъ.

— Да развѣ это одно?.. Можетъ-быть, ты еще не знаешь?.. Я никогда не говорила тебѣ... Вѣдь у меня отца нѣтъ... Я незаконная...

— Перестань, Олеся... Это меньше всего меня останавливаетъ. Что мнѣ за дѣло до твоей родни, если ты сама для меня дороже отца и матери, дороже цѣлаго міра? Нѣтъ, все это мелочи, все это пустыя отговорки!..

Олеся съ тихой, покорной лаской прижалась плечомъ къ моему плечу.

— Голубчикъ... Лучше бы ты вовсе объ этомъ не начиналъ разговора... Ты молодой, свободный... Неужели у меня хватило бы духу связать тебя по рукамъ и по ногамъ на всю жизнь... Ну, а если тебѣ потомъ другая понравится? Вѣдь ты меня тогда возненавидишь, проклянешь тотъ день и часъ, когда я согласилась пойти за тебя. Не сердись, мой дорогой!—съ мольбой воскликнула она, видя по моему лицу, что мнѣ непріятны эти

слова.—Я не хочу тебя обидѣть. Я вѣдь только о твоёмъ счастьѣ думаю. Наконецъ ты позабылъ про бабушку. Ну, посуди самъ, развѣ хорошо будетъ съ моей стороны ее одну оставить?

— Чтò жъ... и бабушкѣ у насъ мѣсто найдется. (Признаться, мысль о бабушкѣ меня сильно покоробила): А не захочетъ она у насъ жить, такъ во всякомъ городѣ есть такіе дома... они называются богадѣльнями... гдѣ такимъ старушкамъ даютъ и покой, и уходъ внимательный...

— Нѣтъ, чтò ты! Она изъ лѣса никуда не пойдётъ. Она людей боится.

— Ну, такъ ты ужъ сама придумывай, Олеся, какъ лучше. Тебѣ придется выбирать между мной и бабушкой. Но только знай одно—что безъ тебя мнѣ и жизнь будетъ противна.

— Солнышко мое! — съ глубокой нѣжностью произнесла Олеся. — Ужъ за одни твои слова спасибо тебѣ... Отогрѣлъ ты мое сердце... Но все-таки замужъ я за тебя не пойду... Лучше ужъ я такъ пойду съ тобой, если не прогонишь... Только не спѣши, пожалуйста, не торопи меня. Дай мнѣ денька два, я все это хорошенько обдумаю... И съ бабушкой тоже нужно поговорить.

— Послушай, Олеся,—спросилъ я, осянненный новой догадкой.—А можетъ-быть, ты опять... церкви боишься?

Пожалуй, что съ этого вопроса и надо было начать. Почти ежедневно спорилъ я съ Олесей, стараясь разубѣдить ее въ мнимомъ проклятіи, тяготѣющемъ надъ ея родомъ, вмѣстѣ съ обладаніемъ чародѣйными силами. Въ сущности, въ каждомъ русскомъ интеллигентѣ сидитъ немножко развивателя. Это у насъ въ крови, это вѣдрено намъ всей русской беллетристикой послѣднихъ десятилѣтій. Почему знать? — если бы Олеся глубоко вѣровала, строго блюла посты и не пропускала ни одного

церковнаго служенія, — весьма возможно, что тогда я сталъ бы иронизировать (но только слегка, ибо я всегда былъ вѣрующимъ человѣкомъ) надъ ея религіозностью и развивать въ ней критическую пытливость ума. Но она съ твердой и наивной убѣжденностью исповѣдывала свое общеніе съ темными силами и свое отчужденіе отъ Бога, о которомъ она даже боялась говорить.

Напрасно я покушался поколебать суевѣріе Олеси. Всѣ мои логическіе выводы, всѣ мои, иной разъ грубыя и злыя насмѣшки разбивались объ ея покорную увѣренность въ свое таинственное роковое призваніе.

— Ты боишься церкви, Олеся? — повторилъ я.

Она молча наклонила голову.

— Ты думаешь, что Богъ не приметъ тебя? — продолжалъ я съ возрастающей горячностью. — Что у Него не хватитъ для тебя милосердія? У Того, который, повелѣвая милліонами ангеловъ, сошелъ однако на землю и принялъ ужасную, позорную смерть для избавленія всѣхъ людей? У Того, кто не погнушался раскаяніемъ самой послѣдней женщины и обѣщаль разбойнику-убійцѣ, что онъ сегодня же будетъ съ Нимъ въ раю?..

Все это было уже не ново Олесѣ въ моемъ толкованіи, но на этотъ разъ она даже и слушать меня не стала. Она быстрымъ движеніемъ сбросила съ себя платокъ и, скомкавъ его, бросила мнѣ въ лицо. Началась возня. Я старался отнять у нея цвѣтокъ боярышника. Сопротивляясь, она упала на землю и увлекла меня за собою, радостно смѣясь и протягивая мнѣ свои, раскрытыя частымъ дыханіемъ, влажныя, милыя губы..

Поздно ночью, когда мы простились и уже разошлись на довольно большое разстояніе, я вдругъ услышалъ за собою голосъ Олеси:

— Ванечка! Подожди минутку... Я тебѣ что-то скажу!

Я повернулся и пошелъ къ ней навстрѣчу. Олеся по-

спѣшно подбѣжала ко мнѣ. На небѣ уже стоялъ тонкій серебряный зазубренный серпъ молодого мѣсяца, и при его блѣдномъ свѣтѣ я увидѣлъ, что глаза Олеси полны крупныхъ невылившихся слезъ.

— Олеса, о чемъ ты? — спросилъ я тревожно.

Она схватила мои руки и стала ихъ цѣловать поочередно.

— Милый... какой ты хорошій! Какой ты добрый! — говорила она дрожащимъ голосомъ. — Я сейчасъ шла и подумала: какъ ты меня любишь!.. И знаешь, мнѣ ужасно хочется сдѣлать тебѣ что-нибудь очень, очень пріятное.

— Олеса... Дѣвочка моя славная, успокойся...

— Послушай, скажи мнѣ, — продолжала она: — ты бы очень былъ доволенъ, если бы я когда-нибудь пошла въ церковь? Только правду, истинную правду скажи.

Я задумался. У меня вдругъ мелькнула въ головѣ суевѣрная мысль: а не случится ли отъ этого какого-нибудь несчастья?

— Что же ты молчишь? Ну, говори скорѣе, былъ бы ты этому радъ, или тебѣ все равно?

— Какъ тебѣ сказать, Олеса? — началъ я съ запинкой. — Ну, да, пожалуй, мнѣ это было бы пріятно. Я вѣдь много разъ говорилъ тебѣ, что мужчина можетъ не вѣрить, сомнѣваться, даже смѣяться наконецъ. Но женщина... женщина должна быть набожна безъ разсужденій. Въ той простой и нѣжной довѣрчивости, съ которой она отдаетъ себя подъ защиту Бога, я всегда чувствую что-то трогательное, женственное и прекрасное.

Я замолчалъ. Олеса тоже не отзывалась, притаившись головой около моей груди.

— А зачѣмъ ты меня объ этомъ спросила? — полюбопытствовалъ я.

Она вдругъ встрепенулась.

— Такъ себѣ... Просто спросила... Ты не обращай вниманія. Ну, до свиданія, милый. Приходи же завтра.

Она скрылась. Я еще долго глядѣлъ въ темноту, прислушиваясь къ частымъ, удалявшимся отъ меня шагамъ. Вдругъ внезапный ужасъ предчувствія охватилъ меня. Мнѣ неудержимо захотѣлось побѣжать вслѣдъ за Олесей, догнать ее и просить, умолять, даже требовать, если нужно, чтобы она не шла въ церковь. Но я сдержалъ свой неожиданный порывъ и даже — помню — пускаясь въ дорогу, проговорилъ вслухъ:

— Кажется, вы сами, дорогой мой Ванечка, заразились суевѣріемъ.

О, Боже мой! Зачѣмъ я не послушался тогда смутнаго влеченія сердца, которое — я теперь безусловно вѣрю въ это! — никогда не ошибается въ своихъ быстрыхъ тайныхъ предчувствіяхъ.

XII.

На другой день послѣ этого свиданія пришелся какъ разъ праздникъ св. Троицы, выпавшій въ этомъ году на день великомученика Тимоѳея, когда, по народнымъ сказаніямъ, бывають знаменія передъ неурожаемъ. Село Перевродъ въ церковномъ отношеніи считалось приписнымъ, т.-е. въ немъ хотя и была своя церковь, но отдѣльнаго священника при ней не полагалось, а наѣзжалъ изрѣдка, постомъ и по большимъ праздникамъ, священникъ села Волчьяго.

Мнѣ въ этотъ день необходимо было съѣздить по служебнымъ дѣламъ въ сосѣднее мѣстечко, и я отправился туда часовъ въ восемь утра, еще по холодку, верхомъ. Для разѣздовъ я давно уже купилъ себѣ небольшого жеребчика лѣтъ 6 — 7, происходившаго изъ мѣстной неказистой породы, но очень любовно и тщательно выхоненнаго прежнимъ владѣльцемъ, уѣзднымъ землемѣромъ. Лошадь звали Таранчикомъ. Я сильно привязался къ

Этому милому животному съ крѣпкими, тоненькими, точеными ножками, съ косматой чолкой, изъ-подъ которой сердито и недовѣрчиво выглядывали огненные глазки, съ крѣпкими, энергично сжатыми губами. Масти онъ былъ довольно рѣдкой и смѣшной: весь сѣрый, мышастый, и только по крупу у него шли пестрыя, бѣлыя и черныя пятна.

Мнѣ пришлось проѣзжать черезъ все село. Большая зеленая площадь, идущая отъ церкви до кабака, была сплошь занята длинными рядами телѣгъ, въ которыхъ съ женами и дѣтьми пріѣхали на праздникъ крестьяне окрестныхъ деревень: Волоши, Зульни и Печаловки. Между телѣгами сновали люди. Несмотря на ранній часъ и строгія постановленія, между ними уже замѣчались пьяные (водкой по праздникамъ и въ ночное время торговалъ потихоньку бывшій шинкаръ Сруль). Утро было безвѣтреное, душное. Въ воздухѣ парило, и день обѣщаль быть нестерпимо жаркимъ. На раскаленномъ и точно подернутомъ серебристой пылью небѣ не показывалось ни одного облачка.

Справивъ все, что мнѣ нужно было въ мѣстечкѣ, я перекусилъ на скорую руку въ заѣзжемъ домѣ фаршированной еврейской щукой, запилъ ее пресквернымъ, мутнымъ пивомъ и отправился домой. Но, проѣзжая мимо кузницы, я вспомнилъ, что у Таранчика давно уже хлябаетъ подкова на лѣвой передней, и остановился, чтобы перековать лошадь. Это заняло у меня еще часа полтора времени, такъ что, когда я подѣзжалъ къ перебродской околицѣ, было уже между четырьмя и пятью часами пополудни.

Вся площадь кишмя-кишѣла пьянымъ, галдящимъ народомъ. Ограду и крыльцо кабака буквально запрудили, толкая и давя другъ друга, покупатели; перебродскіе крестьяне перемѣшались съ пріѣзжими, разсѣвшись на

травѣ, въ тѣни повозокъ. Повсюду виднѣлись запрокинутыя назадъ головы и поднятыя вверхъ бутылки. Трезвыхъ уже не было ни одного человѣка. Общее ольянѣніе дошло до того предѣла, когда мужикъ начинаетъ бурно и хвастливо преувеличивать свой хмель, когда всѣ движенія его пріобрѣтаютъ расслабленную и грузную размашистость, когда вмѣсто того, на примѣръ, чтобы утвердительно кивнуть головой, онъ осѣдаетъ внизъ всѣмъ туловищемъ, сгибаетъ колѣни и, вдругъ потерявъ устойчивость, беспомощно пятится назадъ. Ребятишки возились и визжали тутъ же, подъ ногами лошадей, равнодушно жевавшихъ сѣно. Въ иномъ мѣстѣ баба, сама еле держась на ногахъ, съ плачемъ и руганью тащила домой за рукавъ упиравшагося, безобразно пьянаго мужа... Въ тѣни забора густая кучка, человѣкъ въ двадцать мужиковъ и бабъ, тѣсно обѣла слѣпого лирника, и его дрожащій, гнусавый теноръ, сопровождаемый звенящимъ монотоннымъ жужжаніемъ инструмента, рѣзко выдѣлялся изъ сплошного гула толпы. Еще издали услышалъ я знакомыя слова «думки»:

Ой зійшла зоря, тай вечирняя
Надъ Почаевымъ стала.
Ой вышло вѣско турецкое,
Якъ та черная хмара...

Дальше въ этой думкѣ рассказывается о томъ, какъ турки, не осиливъ Почаевской лавры приступомъ, порѣшили взять ее хитростью. Съ этой цѣлью они послали, какъ будто бы въ даръ монастырю, огромную свѣчу, начиненную порохомъ. Привезли эту свѣчу на двѣнадцати парахъ воловъ, и обрадованные монахи уже хотѣли возжечь ее передъ иконой Почаевской Божіей Матери, но Богъ не допустилъ совершиться злодѣйскому замыслу.

А приснилось старшему чтецу:
Той свѣчи не брати,

Вывезти ей въ чистое поле,
Сокирами зрубати.

И вотъ иноки

Вывезлы ей въ чистое поле,
Сталы ей рубати,
Кули и патроны на вси стороны
Сталы—геть!—роскидати...

Невыносимо жаркій воздухъ, казалось, весь былъ насыщенъ отвратительнымъ смѣшаннымъ запахомъ перегорѣвшей водки, лука, овчинныхъ тулуповъ, крѣпкой махорки-бакуна и испареній грязныхъ человѣческихъ тѣлъ. Пробираясь осторожно между людьми и съ трудомъ удерживая мотавшаго головой Таранчика, я не могъ не замѣтить, что со всѣхъ сторонъ меня провожали безцеремонные, любопытные и враждебные взгляды. Противъ обыкновенія, ни одинъ человѣкъ не снялъ шапки, но шумъ какъ будто бы утихъ при моемъ появленіи. Вдругъ гдѣ-то въ самой серединѣ толпы раздался пьяный, хриплый выкрикъ, который я однако ясно не слышалъ, но въ отвѣтъ на него раздался сдержанный хохотъ. Какой-то женскій голосъ сталъ испуганно резонировать горлана:

— Тише, ты, дурень... Чего орешь! Услышитъ...

— А что мнѣ, что услышитъ? — продолжалъ задорно мужикъ. — Что же онъ мнѣ, начальство, что ли? Онъ только въ лѣсу у своей.

• • • • •

Омерзительная, длинная, ужасная фраза повисла въ воздухѣ вмѣстѣ со взрывомъ неистоваго хохота. Я быстро повернулъ назадъ лошадь и судорожно сжалъ рукоятку нагайки, охваченный той безумной яростью, которая ничего не видитъ, ни о чемъ не думаетъ и ничего не боится. И вдругъ странная, болѣзненная, тоскливая мысль промелькнула у меня въ головѣ: «Все это уже происходило когда-то, много, много лѣтъ тому назадъ въ моей

жизни... Такъ же горячо палило солнце... Такъ же была залита шумящимъ, возбужденнымъ народомъ огромная площадь... Такъ же обернулся я назадъ въ припадкѣ бѣшеннаго гнѣва... Но гдѣ это было? Когда? Когда?..» Я опустилъ нагайку и галопомъ поскакалъ къ дому.

Ярмола, медленно вышедшій изъ кухни, принялъ у меня лошадь и сказалъ грубо:

— Тамъ, панычъ, у васъ въ комнатѣ сидитъ изъ Мариновской экономіи приказчикъ.

Мнѣ почудилось, что онъ хочетъ еще что-то прибавить, очень важное для меня и неприятное, мнѣ показалось даже, что по лицу его скользнуло бѣглое выраженіе злой насмѣшки. Я нарочно задержался въ дверяхъ и съ вызовомъ оглянулся на Ярмолу. Но онъ уже, не глядя на меня, тащилъ за узду лошадь, которая вытягивала впередъ шею и осторожно переступала ногами.

Въ моей комнатѣ я засталъ конторщика сосѣдняго имѣнія — Никиту Назарыча Мищенко. Онъ былъ въ сѣромъ пиджачкѣ съ огромными рыжими клѣтками, въ узкихъ брючкахъ васильковаго цвѣта и въ огненно-красномъ галстукѣ, съ припомаженнымъ проборомъ по срединѣ головы, весь благоухающій персидской сиренью. Увидѣвъ меня, онъ вскочилъ со стула и принялся расшаркиваться, не кланяясь, а какъ-то ломаясь въ поясицѣ, съ улыбкой, обнажавшей блѣдныя десны обѣихъ челюстей.

— Имѣю честь кланяться, — любезно тараторилъ Никита Назарычъ. — Очень пріятно увидѣться... А я ужъ тутъ жду васъ съ самой обѣдни. Давно я васъ видѣлъ, даже соскучился за вами. Чтò это вы къ намъ никогда не заглянете? Наши степаньскія барышни даже смѣются съ васъ.

И вдругъ, подхваченный внезапнымъ воспоминаніемъ, онъ разразился неудержимымъ хохотомъ.

— Вотъ, я вамъ скажу, потѣха-то была сегодня! —

воскликнулъ онъ, давясь и прыская. — Ха-ха-ха-ха... Я даже боки рвалъ со смѣху!..

— Что такое? Что за потѣха? — грубо спросилъ я, не скрывая своего неудовольствія.

— Послѣ обѣдни скандалъ здѣсь произошелъ, — продолжалъ Никита Назарычъ, прерывая свою рѣчь залпами хохота. — Перебродскія дивчата... Нѣтъ, ей-Богу, не выдержу... Перебродскія дивчата поймали здѣсь на площади вѣдьму... То-есть, конечно, онъ ее вѣдьмой считаютъ по своей мужицкой необразованности... Ну, и задали же онъ ей встряску!.. Хотѣли дегтемъ вымазать, да она вывернулась какъ-то, уткнула...

Страшная догадка блеснула у меня въ умѣ. Я бросился къ конторщику и, не помня себя отъ волненія, крѣпко вцѣпился рукой въ его плечо.

— Что вы говорите! — закричалъ я неистовымъ голосомъ. — Да перестаньте же ржать, чортъ васъ подери! Про какую вѣдьму вы говорите?

Онъ вдругъ сразу пересталъ смѣяться и выпучилъ на меня круглые, испуганные глаза.

— Я... я... право, не знаю-съ, — растерянно залепеталъ онъ. — Кажется, какая-то Самуйлиха... Мануйлиха... или... Позвольте... Дочка какой-то Мануйлихи?.. Тутъ что-то такое болтали мужики, но я, признаться, запомнилъ.

Я заставилъ его рассказать мнѣ по порядку все, что онъ видѣлъ и слышалъ. Онъ говорилъ нелѣпо, несвязно, путаясь въ подробностяхъ, и я каждую минуту перебивалъ его нетерпѣливыми разспросами и восклицаніями, почти бранью. Изъ его рассказа я понялъ очень мало и только мѣсяца два спустя возстановилъ всю послѣдовательность этого проклятаго событія со словъ его очевидицы, жены казеннаго лѣсничаго, которая въ тотъ день также была у обѣдни.

Мое предчувствіе не обмануло меня. Олеся переломила

свою боязнь и пришла въ церковь; хотя она поспѣла только къ срединѣ службы и стала въ церковныхъ сѣняхъ, но ея приходъ былъ тотчасъ же замѣченъ всѣми находившимися въ церкви крестьянами. Всю службу женщины перешептывались и оглядывались назадъ.

Однако Олеся нашла въ себѣ достаточно силы, чтобы достоять до конца обѣдню. Можетъ-быть, она не поняла настоящаго значенія этихъ враждебныхъ взглядовъ, можетъ-быть, изъ гордости пренебрегла ими. Но когда она вышла изъ церкви, то у самой ограды ее со всѣхъ сторонъ обступила кучка бабъ, становившаяся съ каждой минутой все больше и больше и все тѣснѣе сдвигавшаяся вокругъ Олеси. Сначала онѣ только молча и безцеремонно разглядывали безпомощную, пугливо озирающуюся по сторонамъ дѣвушку. Потомъ посыпались грубыя насмѣшки, крѣпкія слова, ругательства, сопровождаемыя хохотомъ, потомъ отдѣльныя восклицанія слились въ общій пронзительный бабій гвалтъ, въ которомъ ничего нельзя было разобрать и который еще больше взвинчивалъ нервы расходившейся толпы. Нѣсколько разъ Олеся пыталась пройти сквозь это живое ужасное кольцо, но ее постоянно отталкивали опять на середину. Вдругъ визгливый старушечій голосъ заоралъ откуда-то позади толпы: «Дегтемъ ее вымазать, стерву!» (Извѣстно, что въ Малороссіи мазанье дегтемъ даже воротъ того дома, гдѣ живетъ дѣвушка, сопряжено для нея съ величайшимъ, несмыкаемымъ позоромъ). Почти въ ту же минуту надъ головами бѣснующихся бабъ появилась мазница съ дегтемъ и кистью, передаваемая изъ рукъ въ руки.

Тогда Олеся, въ припадкѣ злобы, ужаса и отчаянія, бросилась на первую попавшуюся изъ своихъ мучительницъ такъ стремительно, что сбила ее съ ногъ. Тотчасъ же на землѣ закипѣла свалка, и десятки тѣлъ смѣшались въ одну общую кричащую массу. Но Олеся прямо

какимъ-то чудомъ удалось выскользнуть изъ этого клубка, и она опрометью побѣжала по дорогѣ — безъ платка, съ растерзанной въ лохмотья одеждой, изъ-подъ которой во многихъ мѣстахъ было видно голое тѣло. Вслѣдъ ей, вмѣстѣ съ бранью, хохотомъ и улюлюканьемъ, полетѣли камни. Однако погнались за ней только немногія, да и тѣ сейчасъ же отстали... Отбѣжавъ шаговъ на пятьдесятъ, Олеся остановилась, повернула къ озвѣрѣвшей толпѣ свое блѣдное, исцарапанное, окровавленное лицо и крикнула такъ громко, что каждое ея слово было слышно на площади:

— Хорошо же!.. Вы еще у меня вспомните это! Вы еще всѣ наплачетесь досыта!

Эта угроза, какъ мнѣ потомъ передавала та же очевидица событія, была произнесена съ такой страстной ненавистью, такимъ рѣшительнымъ, пророческимъ тономъ, что на мгновеніе вся толпа какъ будто бы оцѣпенѣла, но только на мгновеніе, потому что тотчасъ же раздался новый взрывъ брани.

Повторяю, что многія подробности этого происшествія я узналъ гораздо позднѣе. У меня не хватило силъ и терпѣнія дослушать до конца рассказъ Мищенки. Я вдругъ вспомнилъ, что Ярмола, навѣрно, не успѣлъ еще разсѣдлатъ лошадь, и, не сказавъ изумленному конторщику ни слова, поспѣшно вышелъ на дворъ. Ярмола, дѣйствительно, еще водилъ Таранчика вдоль забора. Я быстро взнуздаль лошадь, затянулъ подпруги и объѣздомъ, чтобы опять не пробираться сквозь пьяную толпу, поскакалъ въ лѣсъ.

XIII.

Невозможно описать того состоянія, въ которомъ я находился въ продолженіе моей бѣшеной скачки. Минутами я совсѣмъ забывалъ, куда и зачѣмъ ѣду; остава-

лось только смутное сознание, что совершилось что-то непоправимое, нелѣпое и ужасное, — сознание, похожее на тяжелую безпричинную тревогу, овладѣвающую иногда въ лихорадочномъ кошмарѣ человѣкомъ. И въ то же время — какъ это странно! — у меня въ головѣ не переставалъ дрожать, въ тактъ съ лошадинымъ топотомъ, гнусавый, разбитый голосъ слѣпого лирника:

Ой вышло вѣско турецкое,
Якъ та черная хмара...

Добравшись до узкой тропинки, ведшей прямо къ хатѣ Мануйлихи, я слѣзъ съ Таранчика, на которомъ по краямъ потника и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его кожа соприкасалась со сбруей, бѣлыми комьями выступила густая пѣна, и повелъ его въ поводу. Отъ сильнаго дневного жара и отъ быстрой ѣзды кровь шумѣла у меня въ головѣ, точно нагнетаемая какимъ-то огромнымъ, безостановочнымъ насосомъ.

Привязавъ лошадь къ плетню, я вошелъ въ хату. Сначала мнѣ показалось, что Олеси нѣтъ дома, и у меня даже въ груди и во рту похолодѣло отъ страха, но спустя минуту я ее увидѣлъ, лежащую на постели, лицомъ къ стѣнѣ, съ головой, спрятанной въ подушки. Она даже не обернулась на шумъ отворяемой двери.

Мануйлиха, сидѣвшая тутъ же, рядомъ, на землѣ, съ трудомъ поднялась на ноги и замахала на меня руками.

— Тише! Не шуми ты, окаянный, — съ угрозой зашептала она, подходя ко мнѣ вплотную. И, взглянувъ мнѣ прямо въ глаза своими выцвѣтшими, холодными глазами, она прошипѣла злобно:

— Чтò? Доигрался, голубчикъ?

— Послушай, бабка, — возразилъ я сурово: — теперь не время считаться и выговаривать. Чтò съ Олесей?

— Тсс... тише! Безъ памяти лежитъ Олеса, вотъ чтò съ Олесей... Кабы ты не лѣзъ, куда тебѣ не слѣдуетъ,

да не болталъ бы чепухи дѣвчонкѣ, ничего бы худого не случилось. И я-то, дура пѣтая, смотрѣла, потворствовала... А вѣдь чуюло мое сердце бѣду... Чуюло оно недоброе съ того самаго дня, когда ты чуть не силою къ намъ въ хату ворвался. Чтò? Скажешь, это не ты ее подбилъ въ церковь потащиться? — вдругъ съ искривленнымъ отъ ненависти лицомъ накинудась на меня старуха. — Не ты, барчукъ проклятый? Да не лги — и не верти лисьимъ хвостомъ-то, срамникъ! Зачѣмъ тебѣ понадобилось ее въ церковь манить?

— Не манилъ я ее, бабка... Даю тебѣ слово въ этомъ. Сама она захотѣла.

— Ахъ, ты, горе, горе мое! — всплеснула руками Мануйлиха. — Прибѣжала оттуда — лица на ней нѣтъ, вся рубаха въ шматки растерзана... Простоволосая... Рассказываетъ, какъ чтò было, а сама — то хохочетъ, то плачетъ... Ну, прямо, вотъ, какъ кликуша какая... Легла въ постель... все плакала, а потомъ, гляжу, какъ будто бы и задремала. Я-то, дура старая, обрадовалась-было: вотъ, думаю, все сномъ пройдетъ, перекинется. Гляжу, рука у нея внизъ свѣсилась, думаю: надо поправить, затекетъ рука-то... Тронула я ее, голубушку, за руку, а она вся такъ жаромъ и пышетъ... Значить, огневица съ ней началась... Съ часъ безъ умолку говорила, быстро да жалостно такъ... Вотъ только-только замолчала на минуточку. Чтò ты надѣлалъ? Чтò ты надѣлалъ съ ней? — съ новымъ наплывомъ отчаянiя воскликнула старуха.

И вдругъ ея коричневое лицо собралось въ чудовищную, отвратительную гримасу плача: губы растянулись и опустились по угламъ внизъ, всѣ личныя мускулы напряглись и задрожали, брови поднялись кверху, наморщивъ лобъ глубокими складками, а изъ глазъ необычайно часто посыпались крупныя, какъ горошины, слезы. Обхвативъ руками голову и положивъ локти на столъ,

она принялась качаться взадъ и впередъ всѣмъ тѣломъ и завывала нараспѣвъ вполголоса:

— Дочечка моя-а-а! Внучечка миленькая-а-а!... Охъ, г-о-о-орько мнѣ, то-о-ошно!..

— Да не реви ты, старая, — грубо прервалъ я Мануйлиху. — Разбудишь!

Старуха замолчала, но все съ той же страшной гримасой на лицѣ продолжала качаться взадъ и впередъ, между тѣмъ какъ крупныя слезы падали на столъ... Такъ прошло минутъ съ десять. Я сидѣлъ рядомъ съ Мануйлихой и съ тоской слушалъ, какъ, однообразно и прерывисто жужжа, бьется объ оконное стекло муха.

— Бабушка! — раздался вдругъ слабый, чуть слышный голосъ Олеси. — Бабушка, кто у насъ?

Мануйлиха поспѣшно заковыляла къ кровати и тотчасъ же опять завывала:

— Охъ, внучечка моя, ро-одная-а-а! Охъ, горько мнѣ ста-а-арой, тошно мнѣ-ѣ-ѣ-ѣ...

— Ахъ, бабушка, да перестань ты! — съ жалобной мольбой и страданіемъ въ голосѣ сказала Олеся. — Кто у насъ въ хатѣ сидитъ?

Я осторожно, на цыпочкахъ, подошелъ къ кровати съ тѣмъ неловкимъ, виноватымъ сознаниемъ своего здоровья и своей грубости, какое всегда ощущаешь около больного.

— Это я, Олеся, — сказалъ я, понижая голосъ. — Я только-что пріѣхалъ верхомъ изъ деревни... А все утро я въ городѣ былъ... Тебѣ нехорошо, Олеся?

Она, не отнимая лица отъ подушекъ, протянула назадъ обнаженную руку, точно ища чего-то въ воздухѣ. Я понялъ это движеніе и взялъ ея горячую руку въ свои руки. Два огромныхъ синихъ пятна — одно надъ кистью, а другое повыше локтя — рѣзко выдѣлялись на бѣлой, нѣжной кожѣ.

— Голубчикъ мой, — заговорила Олеся, медленно, съ трудомъ отдѣляя одно слово отъ другого. — Хочется мнѣ... на тебя посмотрѣть... да не могу я... Всю меня... изуродовали... Помнишь... тебѣ... мое лицо такъ нравилось?.. Правда, вѣдь нравилось, родной?.. И я такъ этому всегда радовалась... А теперь тебѣ противно будетъ... смотрѣть на меня... Ну, вотъ... я... и не хочу...

— Олеся, прости меня, — шепнулъ я, наклоняясь къ самому ея уху.

Ея пылающая рука крѣпко и долго сжимала мою.

— Да что ты!.. Что ты, милый?.. Какъ тебѣ не стыдно и думать объ этомъ? Чѣмъ же ты виноватъ здѣсь? Все я одна, глупая... Ну, чего я полѣзла... въ самомъ дѣлѣ? Нѣтъ, солнышко, ты себя не виноватъ...

— Олеся, позволь мнѣ... Только обѣщай сначала, что позволишь...

— Обѣщаю, голубчикъ... все, что ты хочешь...

— Позволь мнѣ, пожалуйста, послать за докторомъ... Прошу тебя! Ну, если хочешь, ты можешь ничего не исполнять изъ того, что онъ прикажетъ. Но ты хоть для меня согласишься, Олеся.

— Охъ, милый... Въ какую ты меня ловушку поймалъ! Нѣтъ, ужъ лучше ты позволь мнѣ своего обѣщанія не держать. Я, если бы и въ самомъ дѣлѣ была больна, при смерти бы лежала, такъ и то къ себѣ доктора не подпустила бы. А теперь я развѣ больна? Это просто у меня отъ испугу такъ сдѣлалось, это пройдетъ къ вечеру. А нѣтъ — такъ бабушка мнѣ ландышевой настойки дастъ или малины въ чайникѣ заварить. Зачѣмъ же тутъ докторъ? Ты — мой докторъ самый лучшій. Вотъ ты пришелъ, и мнѣ сразу легче сдѣлалось... Ахъ, одно мнѣ только нехорошо: хочу поглядѣть на тебя хоть однимъ глазкомъ, да боюсь...

Я съ нѣжнымъ усиліемъ отнялъ ея голову отъ по-

душки. Лицо Олеси пылало лихорадочнымъ румянцемъ, темные глаза блестѣли неестественно ярко, сухія губы нервно вздрагивали. Длинные красныя ссадины избороздили ея лобъ, щеки и шею. Темные синяки были на лбу и подъ глазами.

— Не смотри на меня... Прошу тебя... Гадкая я теперь, — умоляюще шептала Олеся, стараясь своею ладонью закрыть мнѣ глаза.

Сердце мое переполнилось жалостью. Я приникъ губами къ Олесиной рукѣ, неподвижно лежавшей на одѣялѣ, и сталъ покрывать ее долгими, тихими поцѣлуями. Я и раньше цѣловалъ иногда ея руки, но она всегда отнимала ихъ у меня съ торопливымъ, застѣнчивымъ испугомъ. Теперь же она не противилась этой ласкѣ и другою, свободной рукой тихо гладила меня по волосамъ.

— Ты все знаешь? — шопотомъ спросила она.

Я молча наклонилъ голову. Правда, я не все понялъ изъ разсказа Никиты Назарыча. Мнѣ не хотѣлось только, чтобы Олеся волновалась, вспоминая объ утреннемъ происшествіи. Но вдругъ при мысли объ оскорбленіи, которому она подверглась, на меня сразу нахлынула волна неудержимой ярости.

— О! Зачѣмъ меня тамъ не было въ это время! — вскричалъ я, выпрямившись и сжимая кулаки. — Я бы... я бы...

— Ну, полно... полно... Не сердись, голубчикъ, — кротко прервала меня Олеся.

Я не могъ болѣе удерживать слезъ, давно давившихъ мнѣ горло и жегшихъ глаза. Припавъ лицомъ къ плечу Олеси, я беззвучно и горько зарыдалъ, сотрясаясь всѣмъ тѣломъ.

— Ты плачешь? Ты плачешь? — Въ голосѣ ея зазвучали удивленіе, нѣжность и состраданіе. — Милый мой... Да перестань же, перестань... Не мучь себя, голуб-

чикъ... Вѣдь мнѣ такъ хорошо возлѣ тебя. Не будемъ же плакать, пока мы вмѣстѣ. Давай хоть послѣдніе дни проведемъ весело, чтобы намъ не такъ тяжело было разставаться.

Я съ изумленіемъ поднялъ голову. Неясное предчувствіе вдругъ медленно сжало мое сердце.

— Послѣдніе дни, Олеся? Почему — послѣдніе? Зачѣмъ же намъ разставаться?

Олеся закрыла глаза и нѣсколько секундъ молчала.

— Надо намъ проститься съ тобой, Ванечка, — заговорила она рѣшительно. — Вотъ какъ только чуть-чуть поправлюсь, сейчасъ же мы съ бабушкой и уѣдемъ отсюда. Нельзя намъ здѣсь оставаться больше...

— Ты боишься чего-нибудь?

— Нѣтъ, мой дорогой, ничего я не боюсь, если понадобится. Только зачѣмъ же людей въ грѣхъ вводить? Ты, можетъ-быть, не знаешь... Вѣдь я тамъ... въ Перебродѣ... погрозила со зла да со стыда... А теперь чуть что случится, сейчасъ на насъ скажутъ: скоть ли начнетъ падать, или хата у кого загорится, — все мы будемъ виноваты. Бабушка, — обратилась она къ Мануйлихѣ, возвышая голосъ: — правду вѣдь я говорю?

— Чего ты говорила-то, внучечка? Не разслышала я, признаться! — прошамкала старуха, подходя поближе и приставляя къ уху ладонь.

— Я говорю, что теперь, какая бы бѣда въ Перебродѣ ни случилась, все на насъ съ тобой свалить.

— Охъ, правда, правда, Олеся, — все на насъ, горемычныхъ, свалить... Не жить намъ на бѣломъ свѣтѣ, изведутъ насъ съ тобой, совсѣмъ изведутъ, проклятки... А тогда, какъ меня изъ села выгнали... Что жъ?.. Развѣ не такъ же было? Погрозила я... тоже, вотъ, съ досады... одной дурищѣ полосатой, а у нея — хватъ — ребенокъ померъ. То-есть ни сномъ, ни духомъ тутъ

моей вины не было, а вѣдь меня чуть не убили, окаянные... Камнями стали шибать... Я бѣгу отъ нихъ, да только тебя, малолѣтку, все оберегаю... Ну, думаю, пусть ужъ мнѣ попадетъ, а за что же дитю-то неповинную обижать?... Одно слово — варвары, висѣльники, поганые!

— Да куда же вы поѣдете? У васъ вѣдь нигдѣ ни родныхъ, ни знакомыхъ нѣтъ... Наконецъ и деньги нужны, чтобы на новомъ мѣстѣ устроиться.

— Обойдемся какъ-нибудь, — небрежно проговорила Олеся. — И деньги у бабушки найдутся, припасла она кое-что.

— Ну ужъ и деньги тоже! — съ неудовольствіемъ возразила старуха, отходя отъ кровати. — Копеечки сиротскія, слезами облитыя...

— Олеся... А я какъ же? Обо мнѣ ты и думать даже не хочешь! — воскликнулъ я, чувствуя, какъ во мнѣ подымается горькій, больной, недобрый упрекъ противъ Олеси.

Она привстала и, не стѣсняясь присутствіемъ бабки, взяла руками мою голову и нѣсколько разъ подъ рядъ поцѣловала меня въ лобъ и щеки.

— Объ тебѣ я больше всего думаю, мой родной. Только... видишь ли... не судьба намъ вмѣстѣ быть... вотъ что!.. Помнишь, я на тебя карты бросала? Вѣдь все такъ и вышло, какъ онѣ сказали тогда. Значитъ, не хочетъ судьба нашего съ тобой счастья... А если бы не это, развѣ, ты думаешь, я чего-нибудь испугалась бы?

— Олеся, опять ты про свою судьбу? — воскликнулъ я нетерпѣливо. — Не хочу я въ нее вѣрить... и не буду никогда вѣрить!..

— Охъ, нѣтъ, нѣтъ... не говори этого, — испуганно зашептала Олеся. — Я не за себя, за тебя боюсь, голубчикъ.

— Нѣтъ, лучше ты ужъ объ этомъ и разговора не начинай совсѣмъ.

Напрасно я старался разубѣдить Олесю, напрасно рисовалъ передъ ней картины безмятежнаго счастья, которому не помѣшаютъ ни завистливая судьба, ни грубые, злые люди. Олеся только цѣловала мои руки и отрицательно качала головой.

— Нѣтъ... нѣтъ... нѣтъ... я знаю, я вижу, — твердила она настойчиво. — Ничего намъ, кромѣ горя, не будетъ... ничего... ничего...

Растерянный, сбитый съ толку этимъ сусвѣрнымъ упорствомъ, я наконецъ спросилъ:

— Но вѣдь во всякомъ случаѣ ты дашь мнѣ знать о днѣ отъѣзда?

Олеся задумалась. Вдругъ слабая улыбка пробѣжала по ея губамъ.

— Я тебѣ на это скажу маленькую сказочку... Однажды волкъ бѣжалъ по лѣсу, увидѣлъ зайчика и говоритъ ему: «Заяцъ, а заяцъ, вѣдь я тебя съѣмъ!» Заяцъ сталъ проситься: «Помилуй меня, волкъ, мнѣ еще жить хочется, у меня дома дѣтки маленькія». Волкъ не соглашается. Тогда заяцъ говоритъ: «Ну дай мнѣ хоть три дня еще на свѣтѣ пожить, а потомъ и съѣшь. Все же мнѣ легче умирать будетъ». Далъ ему волкъ эти три дня, не ѣстъ его, а только все стережетъ. Прошелъ одинъ день, прошелъ другой, наконецъ и третій кончается. — «Ну, теперъ готовься, — говоритъ волкъ: — сейчасъ я начну тебя ѣсть». Тутъ мой заяцъ и заплакалъ горячими слезами. «Ахъ, зачѣмъ ты мнѣ, волкъ, эти три дня подарилъ! Лучше бы ты сразу меня съѣлъ, какъ только увидѣлъ. А то я всѣ три дня не жилъ, а только терзался!» Милый мой, вѣдь зайчикъ-то этотъ правду сказалъ. Какъ ты думаешь?

Я молчалъ, охваченный тоскливымъ предчувствіемъ

близкаго одиночества. Олеся вдругъ поднялась и присѣла на постели. Лицо ея стало сразу серьезнымъ

— Ваня, послушай... — произнесла она съ разстановкой. — Скажи мнѣ: покамѣсть ты былъ со мною, былъ ли ты счастливъ? Хорошо ли тебѣ было?

— Олеся! И ты еще спрашиваешь!

— Подожди... Жалѣлъ ли ты, что узналъ меня? Думалъ ли ты о другой женщинѣ, когда видѣлся со мною?

— Ни одного мгновенія! Не только въ моемъ присутствіи, но, даже и оставшись одинъ, я ни о комъ, кромѣ тебя, не думалъ.

— Ревновалъ ли ты меня? Былъ ли ты когда-нибудь на меня недоволенъ? Не скучалъ ли ты со мною?

— Никогда, Олеся! Никогда!

Она положила обѣ руки мнѣ на плечи и съ невыразимой любовью поглядѣла въ мои глаза.

— Такъ и знай же, мой дорогой, что никогда ты обо мнѣ не вспомнишь дурно или со зломъ, — сказала она такъ убѣдительно, точно читала у меня въ глазахъ будущее. — Какъ разстанемся мы съ тобой, тяжело тебѣ въ первое время будетъ, охъ, какъ тяжело... Плакать будешь, мѣста себѣ не найдешь нигдѣ. А потомъ все пройдетъ, все изгладится. И ужъ безъ горя ты будешь обо мнѣ думать, а легко и радостно.

Она опять откинулась головой на подушки и прошептала ослабѣвшимъ голосомъ:

— А теперь поѣзжай, мой дорогой... Поѣзжай домой, голубчикъ... Устала я немножко. Подожди... поцѣлуй меня... Ты бабушки не бойся... она позволитъ. Позволишь вѣдь, бабушка?

— Да ужъ простись, простись, какъ слѣдуетъ, — недовольно проворчала старуха. — Чего же передо мной таиться-то?... Давно знаю...

— Поцѣлуй меня сюда, и сюда еще... и сюда, — го-

ворила Олесю, притрогиваясь пальцемъ къ своимъ глазамъ, щекамъ и рту.

— Олеся! Ты прощаешься со мною такъ, какъ будто бы мы уже не увидимся больше! — воскликнулъ я съ испугомъ.

— Не знаю, не знаю, мой милый. Ничего не знаю. Ну, поѣзжай съ Богомъ. Нѣтъ, постой... еще минутку... Наклони ко мнѣ ухо... Знаешь, о чемъ я жалѣю? — зашептала она, прикасаясь губами къ моей щекѣ. — О томъ, что у меня нѣтъ отъ тебя ребеночка. Ахъ, какъ я была бы рада этому!

Я вышелъ на крыльцо въ сопровожденіи Мануйлихи. Полнеба закрыла черная туча съ рѣзкими курчавыми краями, но солнце еще свѣтило, склоняясь къ западу, и въ этомъ смѣшеніи свѣта и надвигающейся тьмы было что-то злобѣщее. Старуха посмотрѣла вверхъ, прикрывъ глаза, какъ зонтикомъ, ладонью, и значительно покачала головой.

— Быть сегодня надъ Перебродомъ грозѣ, — сказала она убѣдительнымъ тономъ. — А чего добраго, даже и съ градомъ.

XIV.

Я подѣзжалъ уже къ Переброду, когда внезапный вихрь закрутилъ и погналъ по дорогѣ столбы пыли. Упали первыя — рѣдкія и тяжелыя — капли дождя.

Мануйлиха не ошиблась. Гроза, медленно накоплявшаяся за весь этотъ жаркій, нестерпимо-душный день, разразилась съ необыкновенной силой надъ Перебродомъ. Молнія блистала почти непрерывно, и отъ раскатовъ грома дрожали и звенѣли стекла въ окнахъ моей комнаты. Часовъ около восьми вечера гроза утихла на нѣсколько минутъ, но только для того, чтобы потомъ на-

чатся съ повымъ ожесточеніемъ. Вдругъ что-то съ оглушительнымъ трескомъ посыпалось на крышу и на стѣны стараго дома. Я бросился къ окну. Огромный градъ, съ грецкій орѣхъ величиной, стремительно падалъ на землю, высоко подпрыгивая потомъ кверху. Я взглянулъ на тутовое дерево, росшее около самаго дома, оно стояло совершенно голое: всѣ листья были сбиты съ него страшными ударами града... Подъ окномъ показалась еле замѣтная въ темнотѣ фигура Ярмолы, который, накрывшись съ головой свиткой, выбѣжалъ изъ кухни, чтобы притворить ставни. Но онъ опоздалъ. Въ одно изъ стеколъ вдругъ съ такой силой ударилъ громадный кусокъ льду, что оно разбилося, и осколки его со звономъ разлетѣлись по полу комнаты.

Я почувствовалъ себя утомленнымъ и прилегъ, не раздѣваясь, на кровать. Я думалъ, что мнѣ вовсе не удастся заснуть въ эту ночь, и что я до утра буду въ безсильной тоскѣ ворочаться съ боку на бокъ, поэтому я рѣшилъ лучше не снимать платья, чтобы потомъ хоть немного утомить себя однообразной ходьбой по комнатѣ. Но со мной случилась очень странная вещь: мнѣ показалось, что я только на минутку закрылъ глаза; когда же я раскрылъ ихъ, то сквозь щели ставень уже тянулись длинные яркіе лучи солнца, въ которыхъ кружились безчисленные золотыя пылинки.

Надъ моей кроватью стоялъ Ярмола. Его лицо выражало суровую тревогу и нетерпѣливое ожиданіе: должно-быть, онъ уже давно дожидался здѣсь моего пробужденія.

— Панычъ, — сказалъ онъ своимъ глухимъ голосомъ, въ которомъ слышалось безпокойство. — Панычъ, треба вамъ отсюда уѣзжать...

Я свѣсилъ ноги съ кровати и съ изумленіемъ поглядѣлъ на Ярмолу.

— Уѣзжать? Куда уѣзжать? Зачѣмъ? Ты, вѣрно, съ ума сошелъ?

— Ничего я съ ума не сходилъ, — огрызнулся Ярмола. Вы не чули, что вчерашній градъ наробилъ? У половины села жито какъ ногами потоптано. У кривого Максима, у Козла, у Мута, у Прокопчуковъ, у Гордія Олѣфира... Наслала-таки шкodu вѣдьмака чортова... чтобъ ей сгинуть!

Миѣ вдругъ, въ одно мгновеніе, вспомнился весь вчерашній день, угроза, произнесенная около церкви Олеси, и ея опасенія.

— Теперь вся громада бунтуется, — продолжалъ Ярмола. — Съ утра всѣ опять перепились и орутъ... И про васъ, паньчу, кричатъ недоброе... А вы знаете, яка у насъ громада?... Если они вѣдьмакамъ що зрѣбятъ, то такъ и треба, то справедливое дѣло, а вамъ, паньчу, я скажу одно — утекайте скорѣйше.

Итакъ, опасенія Олеси оправдались. Нужно было немедленно предупредить ее о грозившей ей и Мануйлихѣ бѣдѣ. Я торопливо одѣлся, на-ходу сполоснулъ водою лицо и черезъ полчаса уже ѣхалъ крупной рысью по направленію Бисова Кута.

Чѣмъ ближе подвигался я къ пзбушкѣ на курьихъ ножкахъ, тѣмъ сильнѣе возрастало во мнѣ неопредѣленное, тоскливое безпокойство. Я съ увѣренностью говорилъ самому себѣ, что сейчасъ меня постигнетъ какое-то новое, неожиданное горе.

Почти бѣгомъ пробѣжалъ я узкую тропинку, вившуюся по песчаному пригорку. Окна хаты были открыты, дверь растворена настежь.

— Господи! Что же такое случилось? — прошепталъ я, входя съ замираніемъ сердца въ сѣни.

Хата была пуста. Въ ней господствовалъ тотъ печальный, грязный безпорядокъ, который всегда остается

послѣ поспѣшнаго выѣзда. Кучи сора и тряпокъ лежали на полу, да въ углу стоялъ деревянный остовъ кровати...

Съ стѣсненнымъ, переполненнымъ слезами сердцемъ я хотѣлъ уже выйти изъ хаты, какъ вдругъ мое вниманіе привлекъ яркій предметъ, очевидно, нарочно повѣшенный на уголь оконной рамы. Это была нитка дешевыхъ красныхъ бусъ, извѣстныхъ въ Полѣсьѣ подъ названіемъ «коралловъ», — единственная вещь, которая осталась мнѣ на память объ Олесѣ и объ ея нѣжной, великодушной любви.

МОРСКАЯ БОЛѢЗНЬ.

I.

Море въ гавани было грязно-зеленаго цвѣта, а дальняя песчаная коса, которая врѣзалась въ него на горизонтѣ, казалась нѣжно-фіолетовой. На молу пахло тухлой рыбой и смоленнымъ канатомъ. Было шесть часовъ вечера.

На палубѣ прозвонили въ третій разъ. Пароходный гудокъ засипѣлъ, точно онъ отъ простуды никакъ не могъ сначала выдать изъ себя настоящаго звука. Наконецъ ему удалось прокашляться, и онъ заревѣлъ такимъ низкимъ, мощнымъ голосомъ, что всѣ внутренности громаднаго судна задрожали въ своей темной глубинѣ.

Онъ ревѣлъ нескончаемо долго. Женщины на пароходѣ, зажавъ уши ладонями, смѣялись, жмурились и наклоняли внизъ головы. Разговаривающіе кричали, но казалось, что они только шевелятъ губами и улыбаются. И когда гудокъ пересталъ, всѣмъ вдругъ сдѣлалось такъ легко и такъ возбужденно-весело, какъ это бываетъ только въ послѣднія секунды передъ отходомъ парохода.

— Ну, прощайте, товарищъ Елена, — сказалъ Васютинскій. — Сейчасъ будутъ убирать сходни. Иду.

— Прощайте, дорогой, — сказала Травина, подавая ему

руку.—Спасибо вамъ за все, за все. Въ вашемъ кружкѣ прямо душой возрождаешься

— И вамъ спасибо, милая. Вы насъ разогрѣли. Мы, знаете, больше теоретики, книгоѣды, а вы насъ какъ живой водой вспрыснули.

Онъ, по обыкновенію, тряхнулъ ея руку, точно дѣйствовалъ насосомъ, больно сжавъ ей пальцы обручальнымъ кольцомъ.

— А качки вы все-таки не бойтесь,—сказалъ онъ.—У Тарханкута васъ дѣйствительно немного поваляетъ, но вы ложитесь заранѣе на койку, и все будетъ чудесно. Супругу и повелителю поклонъ. Скажите ему, что всѣ мы съ нетерпѣніемъ ждемъ его брошюрку. Если здѣсь не удастся тиснуть, отпечатаемъ за границей... Созкучились, небось?—спросилъ онъ, не выпуская ея руки и съ фамиллярнымъ ласковымъ лукавствомъ заглядывая ей въ глаза.

Елена улыбнулась.

— Да. Есть немножко.

— То-то. Я ужъ вижу. Шутка ли, помилуйте—десять дней не видались! Ну, addio, mio carissimo amico. Всѣмъ знакомымъ ялтинцамъ привѣтъ. Чудесная вы, ей-Богу, человѣчица. Прощайте. Всего хорошаго.

Онъ сошелъ на моль и сталъ какъ разъ напротивъ того мѣста, гдѣ стояла Елена, облокотившаяся на буковыя перила борта. Вѣтеръ раздувалъ его сѣрую крылатку, и самъ онъ, со своимъ высокимъ ростомъ и необычайной худобой, съ остренькой бородкой и длинными сѣдѣющими волосами, которые трепались изъ-подъ широкополой черной шляпы, имѣлъ въ наружности что-то добродушно- и комично-воинственное, напоминавшее Донъ-Кихота, одѣтаго по модѣ радикаловъ семидесятыхъ годовъ.

И когда Елена, глядя на него сверху внизъ, подумала о безконечной добротѣ и душевной дѣтской чистотѣ этого

смѣшноватаго чловѣка, о долгихъ годахъ каторги, перенесенной имъ, о его стальной непоколебимости въ дѣлѣ, о его безграничной вѣрѣ въ близость освобожденія, о его громадномъ вліяніи на молодежь—она почувствовала въ этой комичности что-то безконечно цѣнное, умиляющее и прекрасное. Васютинскій былъ первымъ руководителемъ ея и ея мужа на революціонномъ поприщѣ. И теперь, улыбаясь ему сверху и кивая головой, она жалѣла, что не поцѣловала на прощанье у него руку и не назвала его учителемъ. Какъ бы онъ сконфузился, бѣдный!

Кранъ паровой лебедки поднялся въ послѣдній разъ кверху, точно гигантская удочка, таща на концѣ цѣпи раскачивающуюся и вращающуюся массу чемодановъ и сундуковъ.

— Все готово!—крикнули снизу.

— Убирай сходни! — отвѣтили наверху изъ рубки и за-свистали.

Носильщики въ синихъ блузахъ подняли съ обѣихъ сторонъ сходню на плечи и отнесли ее въ сторону. Подъ пароходомъ что-то забурлило и заклокотало.

По молу проходила грязнолицая, оборванная дѣвочка съ корзиной цвѣтовъ, которые она тономъ нищенки предлагала провожающимъ:

— Бя-я-ринъ, купите цвѣтучковъ!

Васютинскій выбралъ у нея небольшой букетикъ полуувядшихъ фіалокъ и бросилъ его кверху, черезъ бортъ, задѣвъ по шляпѣ почтеннаго сѣдого господина, который отъ неожиданности извинился. Елена подняла цвѣты и, глядя съ улыбкой на Васютинскаго, приложила ихъ къ губамъ

А пароходъ, повинувшись свисткамъ и командѣ и выплевывая изъ боковыхъ нижнихъ отверстій каскады пѣяной воды, уже замѣтно отдѣлился отъ пристани. Онъ, точно большое мудрое животное, сознающее свою непо-

мѣрную силу и боящееся ея, осторожно, бокомъ отваливалъ отъ берега, выбираясь на свободное пространство. Елена долго еще видѣла Васютинскаго, возвышавшагося головой надъ сосѣдями. Онъ ритмически подымалъ и опускалъ надъ головой свою бандитскую шляпу. Елена отвѣчала ему, размахивая платкомъ. Но мало-по-малу, всѣ люди на пристани слились въ одну темную, сплошную массу, надъ которой, точно рой пестрыхъ бабочекъ, колебались платки, шляпы и зонтики.

Въ Ялтѣ теперь былъ разгаръ пасхальнаго сезона, и поэтому съ пароходомъ ѣхало необыкновенно много народа. Вся корма, всѣ проходы между бортами и пассажирскими помѣщеніями, всѣ скамейки и шпигели, всѣ коридоры (и диваны въ салонахъ были завалены и затисканы людьми, тюками, чемоданами, верхней одеждой. Назойливо и скучно кричали грудныя дѣти, пароходные официанты увеличивали толкотню, носясь по пароходу взадъ и впередъ безъ всякой нужды; женщины, какъ и всегда онѣ дѣлаютъ въ публичныхъ мѣстахъ, застрѣвали со своей болтовней именно тамъ, гдѣ всего сильнѣе кипѣла суета— въ дверяхъ, въ узкихъ переходахъ; онѣ заграждали общее движеніе и упорно не давали никому дороги. Трудно было себѣ вообразить, какъ размѣстится вся эта масса. Но мало-по-малу все утолкло, улеглось, пришло въ порядокъ, и когда пароходъ, выйдя на середину гавани и не стѣсняясь больше своей осторожностью, взялъ полный ходъ—на палубѣ уже стало просторно.

II.

Травина стояла на кормѣ, глядя назадъ, на уходящій городъ, который бѣлымъ амфитеатромъ подымался вверхъ по горамъ и вѣнчался полукруглой бесѣдкой изъ тонкихъ колоннъ. Глазу было ясно замѣтно то мѣсто, гдѣ спо-

койный, глубокой синей цвет моря переходилъ въ жидкую и грязную зелень гавани. Далекo у берега, какъ голый лѣсъ, возвышались трубы, мачты и реи судовъ. Море зыбилось. Внизу, подъ винтомъ, вода кипѣла бѣлыми, какъ вспѣнное молоко, буграми, и далеко за парходомъ среди ровной широкой синевы тянулась, чуть змѣясь, узкая зеленая гладкая дорожка, изоборожденная, какъ мраморъ, пѣнными, бѣлыми причудливыми струйками. Бѣлая чайка, рѣдко и тяжело маша крыльями, летѣли навстрѣчу пароходу къ землѣ.

Еще не качало, но Елена, которая не успѣла пообѣдать въ городѣ и рассчитывала поѣсть на пароходѣ, вдругъ почувствовала, что потеряла аппетитъ. Тогда она спустилась внизъ, въ глубину каютныхъ отдѣленій, и попросила у горничной дать ей койку. Оказалось, однако, что всѣ мѣста заняты. Краснѣя отъ стыда за себя и за другого человека, она вынула изъ портмонэ рубль и неловко протянула его горничной. Та отказалась.

— Я бы, барышня, съ моимъ удовольствіемъ, только, ей-Богу, ни одного мѣстечка. Даже свое помѣщеніе уступила одной дамѣ. Вотъ въ Севастополѣ будетъ посвободнѣе.

Елена опять вышла на палубу. Сильный вѣтеръ, дувшій навстрѣчу пароходу, облѣплялъ вокругъ ея ногъ платье и заставлялъ ее нагибаться впередъ и придерживать рукой край шляпы.

Старый, маленькій, красноносый боцманъ прилаживалъ къ правому борту кормы какой-то мѣдный цилиндрической инструментъ съ циферблатомъ и стрѣлкой. Въ лѣвой рукѣ у него былъ бунтъ изъ бѣлаго плотнаго шнура, свернутого правильными спиралями и оканчивавшагося мѣдной гирькой съ лопастями по бокамъ.

Прикрѣпивъ прочно мѣдный инструментъ къ борту, боцманъ пустилъ гирьку на отвѣсъ, быстро развертѣлъ

ее правой рукой, такъ что она вмѣстѣ съ концомъ шнура образовала сплошной мрѣющій кругъ, и вдругъ далеко метнулъ ее назадъ, туда, куда уходила зелено-бѣлая дорожка изъ-подъ винта. И въ томъ, какъ гирька со свистомъ описывала длинную дугу, въ той скорости, съ которой потомъ сбѣгали съ лѣвой руки боцмана свернутые круги, а главное — въ дѣловой небрежности, съ какой онъ это дѣлалъ, Елена почувствовала особенное, специальное морское щегольство. У нея былъ необыкновенно зоркій глазъ на эти мелочи.

Затѣмъ, когда гирька, скрывшись изъ глазъ, бултыхнула далеко за пароходомъ въ воду, боцманъ вставилъ оставшійся у него въ рукѣ свободный конецъ съ крючкомъ въ заднюю стѣнку инструмента.

— Что это такое?—спросила Травина.

— Лагъ!—сердито отвѣтилъ боцманъ.

Но, обернувшись и увидѣвъ ея милое дѣтское лицо, онъ добавилъ мягче:

— Это лагъ, барышня. Стало-быть, перо въ водѣ вертится, потому какъ съ крыльями, стало-быть, и лаглинь вертится. А тутъ вотъ жубчатки и стрѣлка. Мы, стало-быть, смотримъ на стрѣлку и знаемъ, сколько узловъ прошли. Потому какъ этотъ берегъ скроемъ, а тотъ откроемъ только утромъ. Это у насъ называется лагъ, барышня.

Елена была уже два года замужемъ, но ее очень часто называли барышней, что иногда льстило ей, а иногда причиняло досаду. Она и въ самомъ дѣлѣ была похожа на восемнадцатилѣтнюю дѣвушку со своею тонкой, гибкой фигурой, маленькой грудью и узкими бедрами, въ простомъ костюмѣ изъ бѣлой, чуть желтоватой шершавой кавказской матеріи, въ простой англійской соломенной шляпѣ съ черной бархаткой.

Помощникъ капитана, коренастый, широкогрудый, толстоногий молодой брюнетъ въ бѣломъ короткомъ кителѣ

съ золотыми пуговицами, провѣрялъ билеты. Елена замѣтила сго, еще входя на пароходъ. Онъ тогда стоялъ на палубѣ по одну сторону сходни, а по другую стоялъ юнга, ученикъ мореходныхъ классовъ, тонкій, ловкій и стройный въ своей матросской курточкѣ мальчишка, подвижной, какъ молодая обезьянка. Они оба провожали глазами всѣхъ подымавшихся женщинъ и дѣлали за ихъ спинами другъ другу веселыя гримасы, кивая головами, дергая бровями въ ихъ сторону и прищуривая одинъ глазъ. Елена еще издали замѣтила это. Она до дрожи отвращенія ненавидѣла такія восточныя красивыя лица, какъ у этого помощника капитана, очевидно, грека, съ толстыми, почти не закрывающимися, какими-то оголенными губами, съ подбородкомъ, синимъ отъ бритья и сильной растительности, съ тоненькими усами колечкомъ, съ глазами черно-коричневыми, какъ пережженные кофейныя зерна, и при томъ всегда томными, точно въ любовномъ экстазѣ, и многозначительно-безсмысленными. Но она также считала для себя унижительнымъ проходить въ такихъ случаяхъ мимо незнакомыхъ мужчинъ, опустивъ глаза, краснѣя и дѣлая видъ, что ничего не замѣчаетъ. И потому, когда Елена переступила со сходни на палубу и ей загородили дорогу — съ одной стороны этотъ самый морякъ, а съ другой толстая старая женщина съ кулками въ обѣихъ рукахъ, которая, задохнувшись отъ подъема, толклась и переваливалась на одномъ мѣстѣ, она равнодушно поглядѣла на побѣдоноснаго брюнета и сказала, какъ говорятъ нерасторопной прислугѣ:

— Потрудитесь посторониться.

И она съ удовольствіемъ увидѣла, какъ игривая молодцеватость мгновенно слиняла съ его лица отъ ея увѣреннаго пренебрежительнаго тона, и какъ онъ суетливо, безъ всякаго лomanья, отскочилъ въ сторону.

Теперь онъ подошелъ къ Еленѣ, которая стояла, прислонившись къ борту, и, возвращая ей билетъ, нарочно—это она сразу поняла—прикоснулся горячей щекочущей кожей своихъ пальцевъ къ ея ладони и задержалъ руку, можетъ-быть, только на четверть секунды долѣе, чѣмъ это было нужно. И, переведя глаза съ ея обручальнаго кольца на ея лицо и искательно улыбаясь, онъ спросилъ съ вѣжливостью, которая должна была быть свѣтской:

— Виновать-съ. Вы, кажется, съ супругомъ изволите ѣхать?

— Нѣтъ, я одна,—отвѣтила Елена и отвернулась отъ него къ борту, лицомъ въ море.

Но въ этотъ моментъ у нея слегка закружилась голова, потому что палуба подъ ея ногами вдругъ показалась ей странно неустойчивой, а собственное тѣло необыкновенно легкимъ. Она сѣла на край скамейки.

Городъ едва бѣлѣлъ вдали въ золотисто-пыльномъ сіяніи, и теперь уже нельзя было себѣ представить, что онъ стоитъ на горѣ. Налѣво плоско тянулся и пропалъ въ морѣ низкій, песчаный, чуть розоватый берегъ.

III.

Помощникъ капитана нѣсколько разъ проходилъ мимо нея сначала одинъ, потомъ со своимъ товарищемъ, тоже морякомъ, въ кителѣ съ золотыми пуговицами. И хоть она не глядѣла на него, но каждый разъ какимъ-то боковымъ чутьемъ видѣла, какъ онъ закручивалъ усы и подолгу оглядывалъ ее тающимъ бараньимъ взглядомъ черныхъ глазъ. Она даже услышала разъ его слова, сказанныя, навѣрное, въ расчетъ, чтобы она услышала:

— Чортъ! Вотъ это женщина! Это я понимаю!

— Да-а, бабець!—сказалъ другой.

Она встала, чтобы перемѣнить мѣсто и сѣсть напро-

тивъ, но ноги плохо ея слушались, и ее понесло вдругъ въ бокъ, къ запасному компасу, обмотанному парусиной. Она еле-еле успѣла удержаться за него. Тутъ только она замѣтила, что началась настоящая, ощутимая качка. Она съ трудомъ добралась до скамейки на противоположномъ борту и упала на нее.

Стемнѣло. На самомъ верху мачты вспыхнулъ одинокій желтый электрическій свѣтъ, и тотчасъ же на всемъ пароходѣ зажглись лампочки. Стеклянная будка надъ салономъ I-го класса и курительная комната тепло и уютно засіяли огнями. На палубѣ сразу точно сдѣлалось прохладнѣе. Сильный вѣтеръ дулъ съ той стороны, гдѣ сидѣла Елена, мелкія соленыя брызги изрѣдка долетали до ея лица и прикасались къ губамъ, но вставать ей не хотѣлось.

Мучительное, долгое, тянущее чувство какой-то отвратительной щекотки начиналось у нея въ груди и въ животѣ, и отъ него холодѣлъ лобъ и во рту набиралась жидкая щиплющая слюна. Палуба медленно-медленно поднималась переднимъ концомъ кверху, останавливалась на секунду въ колеблющемся равновѣсіи и вдругъ, дрогнувъ, начинала опускаться внизъ все быстрѣе и быстрѣе, и вотъ, точно шлепнувшись о воду, шла опять вверхъ. Казалось, она дышала—то распухая, то опадая, и въ зависимости отъ этихъ движеній. Елена ощущала, какъ ея тѣло то становилось тяжелымъ и приплюскивалось къ скамейкѣ, то вслѣдъ затѣмъ пріобрѣтало необычайную, противную легкость и неустойчивость. И эта чередующаяся перемѣна была болѣзненнѣе всего, что Еленѣ приходилось испытывать въ жизни.

Городъ и берегъ давно уже скрылись изъ виду. Глазъ свободно, не встрѣчая препятствій, охватывалъ кругообразную черту, замыкавшую небо и море. Вдали бѣжали неровными грядами бѣлые барашки, а внизу, около па-

рохода, вода раскачивалась взадъ и впередъ длинными скользящими ямами и, взмывая наверхъ, заворачивалась бѣлыми пѣнными раковинами.

— Пардонъ, мадамъ, — услышала Елена надъ собою голосъ.

Она оглянулась и увидѣла все того же черномазаго помощника капитана. Онъ глядѣлъ на нее сладкими, тающими, закатывающимися глазами и говорилъ:

— Извините, если я вамъ позволю дать совѣтъ. Не глядите внизъ, это гораздо хуже, отъ этого происходитъ круженіе головы. Лучше всего глядѣть на какую-нибудь неподвижную точку. Напримѣръ, на звѣзду. А лучше бы всего вамъ лечь.

— Благодарю васъ, мнѣ ничего не нужно, — сказала Елена, отвернувшись отъ него.

Но онъ не уходилъ и продолжалъ заискивающимъ, изнѣженнымъ голосомъ, въ которомъ слышался привычный тонъ парходнаго соблазнителя:

— Вы меня простите, пожалуйста, что я такъ подошелъ къ вамъ, не имѣя чести... Но мнѣ необыкновенно знакома ваша личность. Позвольте узнать, вы не ѣхали ли прошлымъ рейсомъ съ нами до Одессы? Э-э-э... можно присѣсть?

— Благодарю васъ, — сказала она, подымаясь съ мѣста и не глядя на него. — Вы очень заботливы, но предупреждаю васъ: если вы еще хоть одинъ разъ попытаете предложить мнѣ ваши совѣты или услуги, я тотчасъ же по пріѣздѣ въ Севастополь телеграфирую Василію Эдуардовичу, чтобы васъ немедленно убрали изъ Русскаго Общества парходства и торговли. Слыщали?

Она назвала первое попавшееся на языкъ имя и отчество. Это былъ старый, уморительный пріемъ, «трюкъ», которымъ когда-то спасся одинъ изъ ея друзей отъ преслѣдованія сыщика. Теперь она употребила его почти

безсознательно, и это подѣйствовало ошеломляющимъ образомъ на первобытный умъ грека. Онъ поспѣшно вскочилъ со скамейки, приподнялъ надъ головой бѣлую фуражку, и даже при слабомъ свѣтѣ, падавшемъ сквозь стекла надъ салономъ, она увидѣла, какъ онъ быстро и густо покраснѣлъ.

— Ради Бога... Не истолкуйте превратно... Честное слово... Вы, можетъ-быть, подумали? Ей-Богу...

Но въ эту секунду палуба, начавшая скользить внизъ, вдругъ круто качнулась вбокъ, налѣво, и Елена навѣрно упала бы, если бы морякъ во-время ловко и деликатно не подхватилъ ее за талию. Въ этомъ объятіи не было ничего умышленнаго, и она сказала ему нѣсколько мягче:

— Благодарю васъ, но только оставьте меня. Мнѣ нехорошо.

Онъ приложилъ руку къ козырьку, сказалъ по-морскому: «естъ!», и поспѣшно ушелъ.

Елена забралась съ ногами на скамейку, положила локти на буковые перила и, утѣздивъ между ними голову, закрыла глаза. Морякъ вдругъ сталъ въ ея глазахъ ничуть не опаснымъ, а смѣшнымъ и жалкимъ трусомъ. Ей вспомнились какіе-то глупые куплеты о пароходномъ капитанѣ, которые пѣлъ ея братъ, студентъ Аркадій—«сумасшедшій студентъ», какъ его звали въ семьѣ. Тамъ что-то говорилось о дамѣ, плывшей на пароходѣ въ Одессу, о внезапно поднявшейся бурѣ и морской болѣзни.

Но кап-питанъ любезный былъ,
Въ каюту пригласилъ,
Онъ лечь въ постель мнѣ далъ совѣтъ
И разстегнуть корсетъ...

Шикъ, блескъ, иммеръ эlegantъ...

Ей уже вспомнился мотивъ и серьезное длинное лицо Аркадія, произносившаго говоркомъ дурацкія слова. Въ

другое время она разсмѣялась бы воспоминанію, но теперь ей было все равно, все въ мірѣ для нея было какъ-то скучно, неинтересно и вяло. Чтобы испытать себя, она нарочно подумала о Васютинскомъ и его кружкѣ, о мужѣ, о пріятной работѣ для него на ремингтонѣ, старалась представить давно жданную радость свиданія съ нимъ, которая казалась такой яркой и сладостной тамъ, на берегу—нѣтъ, все выходило какимъ-то сѣрымъ, далекимъ, равнодушнымъ, не трогающимъ сердца. Во всемъ ея тѣлѣ и въ сознаніи осталось только тягучее, раздражающее, расслабленное состояніе полуобморока. Ея кожа съ ногъ до головы обливалась липкимъ холоднымъ потомъ. Невозможно было сжать влажныхъ, замиравшихъ пальцевъ въ кулакъ—такъ они обмякли и обезсилѣли. Казалось, что вотъ-вотъ сейчасъ наступитъ полный обморокъ и забвеніе. Она ждала этого и боялась.

Но вдругъ въ глазахъ ея стало мутно и зелено, раздражающая щекотка подступила къ горлу, сердце безсильно затрепыхалось гдѣ-то глубоко внизу, въ животѣ. Елена едва успѣла вскочить и наклониться надъ бортомъ.

IV.

На минуту ей стало какъ будто легче.

— Вы бы лучше походили, сударыня, — сказалъ ей участливо тотъ самый старичокъ, котораго Васютинскій задѣлъ цвѣтами по шляпѣ.

Онъ сидѣлъ на сосѣдней скамьѣ и видѣлъ, какъ Еленѣ сдѣлалось дурно.

— Вы походите по воздуху и старайтесь дышать какъ можно рѣже и глубже. Это помогаетъ.

Но она только покачала отрицательно головой и опять, улегшись лицомъ на локоть, закрыла глаза.

Ей съ трудомъ удалось заснуть. Проспала она, должно-

быть, часа два и проснулась отъ внезапнаго всплеска пѣнной воды, которая, взмывъ изъ-за борта, окатила ей волосы и шею. Была глубокая ночь—темная, облачная, безлунная и вѣтреная. Пароходъ валяло съ носа на корму и съ боку на бокъ. Шелъ мелкій косой дождь. На палубѣ было пусто, только въ проходахъ у стѣнъ рубокъ, куда не достигали брызги, лежали спящіе люди.

За лѣвымъ бортомъ въ безконечно далекой чернотѣ ночи, точно на краю свѣта, загорѣлась вдругъ яркая, бѣлая, свѣтящаяся точка маяка; продержавшись съ секунду, она мгновенно гасла, а черезъ нѣсколько секундъ опять вспыхивала, и опять гасла и опять вспыхивала черезъ точные промежутки. Смутное нѣжное чувство прикоснулось вдругъ къ душѣ Елены.

«Вотъ,—подумала она:—гдѣ-то въ одиночествѣ, на пустынномъ мысѣ, среди ночи и бури, сидитъ челоуѣкъ и слѣдитъ внимательно за этими вспышками огня, и, можетъ-быть, вотъ сейчасъ, когда я думаю о немъ, можетъ-быть; и онъ мечтаетъ о сердцѣ, которое въ это мгновеніе за много верстъ на невидимомъ пароходѣ думаетъ о немъ съ благодарностью».

И ей припомнилось, какъ прошлой зимой ее и ея мужа везъ со станціи Тумы самонадѣянный рязанскій мальчишка. Была ночь и вьюга. Не прошло и получаса, какъ мальчишка потерялъ дорогу, и они втроемъ кружили по какому-то дикому сугробному полю, перерѣзанному канавами, возвращаясь на свои слѣды, только-что прорытые въ цѣлинѣ. Кругомъ, куда бы ни глядѣлъ глазъ, была одна и та же тусклая, мертвая, бѣлесая муть, въ которой сливались однотонно снѣгъ и небо. Когда лошади попадали въ канавы, всѣмъ троимъ приходилось вылезать изъ саней и идти по поясъ въ снѣгу. Ноги у Елены окоченѣли и уже начали терять чувствительность.

Тихое, беззлобное отчаяніе овладѣло ею. Мужъ мол-

чалъ, боясь заразить ее своей тревогой. Мальчишка на козлахъ уже больше не дергалъ веревочными вожжами и не чмокалъ на лошадь. Она шла покорнымъ шагомъ, низко опустивъ голову.

И вдругъ мальчишка закричалъ радостно:

— Вѣшка!

Елена сначала ничего не поняла, такъ какъ была впервые въ такой глубокой деревенской глуши. Но когда она увидѣла большую сосновую вѣтку, торчавшую изъ снѣга, и другую вѣтку, смутно темнѣвшую вдали сквозь ночную сѣрую муть, и когда она узнала, что такимъ порядкомъ мужики обозначаютъ дорогу на случай мятели— она почувствовала теплое, благодарное умиленіе. Кто-то, кого она, вѣроятно, ни разу въ жизни не увидитъ и не услышитъ, шелъ днемъ вдоль этой дороги и заботливо втыкалъ налѣво и направо эти первобытные маяки. Пусть онъ даже вовсе не думалъ тогда о заблудившихся путникахъ, какъ, можетъ-быть, не думаетъ теперь сторожъ маяка о признательности женщины, сидящей на борту парохода и глядящей на вспышки далекаго бѣлаго огня,— но какъ радостно сблизить въ мысляхъ двѣ души, изъ которыхъ одна оставила за собою бережный, нѣжный и безкорыстный слѣдъ, а другая принимаетъ этотъ даръ съ безконечной любовью и преклоненіемъ.

И она съ восторгомъ подумала о великихъ словахъ, о глубокихъ мысляхъ, о безсмертныхъ книгахъ, оставленныхъ потомству. «Развѣ это не тѣ же вѣшки на загадочномъ пути человѣчества?»

Знакомый старый красноносый боцманъ въ клеенчатомъ желтомъ пальто, съ надвинутымъ на голову капюшономъ, съ маленькимъ фонарикомъ въ рукѣ, торопливо пробѣжалъ по палубѣ къ лагу и нагнулся надъ нимъ, освѣтивъ его циферблатъ. На обратномъ пути онъ узналъ Елену и остановился около нея.

— Не спите, барышня? Закачало? Здѣсь всегда такъ. Тарханкутъ. Самое поганое мѣсто.

— Почему?

— Н-ну! Тутъ сколько аваріевъ было. Съ одной стороны мысъ, а съ другой вода кружится, какъ въ котлѣ. Остается только узенькое мѣсто. Вотъ тутъ и угадайте. Вотъ какъ разъ, гдѣ мы сейчасъ идемъ, тутъ «Владимиръ» пошелъ ко дну, когда его «Колумбія» саданула въ бокъ. Такъ и покатился внизъ. И не нашли... Здѣсь ямища сажень въ четыреста...

Наверху на капитанскомъ мостикѣ засвистали. Боцманъ рванулся-было туда, но остановился и добавилъ торопливо:

— Эхъ, вижу я, барышня, мутить васъ. Нехорошо это. А вы, знаете, лимончикъ пососите. А то раскиснете. Да.

Елена встала и пошла по палубѣ, стараясь все время держаться руками за борта и за ручки дверей. Такъ она дошла до палубы III-го класса. Тутъ всюду въ проходахъ, на брезентѣ, покрывавшемъ люкъ, на ящикахъ и тюкахъ, почти навалившись другъ на друга, лежали, спутавшись въ кучу, мужчины, женщины и дѣти.

Иногда на нихъ падалъ свѣтъ лампочекъ, и ихъ лица отъ нездороваго сна и отъ мученій послѣ морской болѣзни казались синевато-мертвенно-блѣдными.

Она пошла дальше. Ближе къ носу парохода на свободномъ пространствѣ, раздѣленномъ пополамъ коновязью, стояли маленькія, хорошенькія лошадки съ выхоленною шерстью и съ подстриженными хвостами и гривами. Ихъ везли въ Севастополь въ циркъ. И жалко и трогательно было видѣть, какъ блѣдныя умныя животныя стойко подавали тѣло то на переднія, то на заднія ноги, сопротивляясь качкѣ, какъ они прищуривали уши и косили недоумѣвающими глазами назадъ, на бушующее море.

Затѣмъ она сошла внизъ по крутой желѣзной лѣстницѣ во II-й классъ. Тамъ заняты были всѣ мѣста; даже въ обѣденной залѣ на диванахъ, шедшихъ вдоль по стѣнамъ, лежали одѣтыми блѣдые, стонущіе люди. Морская болѣзнь всѣхъ уравнила и заставила забыть всѣ приличія. И часто нога еврейскаго комиссіонера со сползающимъ башмакомъ и грязнымъ бѣльемъ, выглядывавшимъ изъ-подъ панталонъ, почти касалась головы красивой, нарядной женщины.

Но въ спертomъ воздухѣ закрытаго со всѣхъ сторонъ помѣщенія такъ отвратительно пахло людьми, человѣческимъ соннымъ дыханіемъ, запахомъ извергнутой пищи, что Елена тотчасъ же быстро поднялась наверхъ, едва удерживая приступъ тошноты.

Теперь качка стала еще сильнѣе. Каждый разъ, когда носъ корабля, взобравшись на волну и на мгновеніе задержавшись на ней, вдругъ рѣшительно, съ возрастающей скоростью врывался въ воду, Елена слышала, какъ его борта съ уханьемъ погружались въ море, и какъ шипѣли вокругъ него точно разсерженные волны.

И опять зеленая противная муть поплыла передъ ея глазами. Лбу стало холодно, и тошно-томительное ощущение обморока овладѣло ея тѣломъ и всѣмъ ея существомъ. Она нагнулась надъ бортомъ, думая, какъ давеча, получить облегченіе, но она видѣла только темное, тяжелое пространство внизу и на немъ бѣлыя волны, то возникающія, то тающія.

Состояніе ея было настолько мучительно, что она невольно подумала о томъ, что если бы была возможность какъ-нибудь вдругъ, сейчасъ же умереть, не сходя съ мѣста, лишь бы окончилось это ощущение медленнаго и отвратительнаго умиранія, то она согласилась бы съ равнодушною усталостью. Но не было возможности самой прекратить это насильственно, потому что не было ни воли ни желанія.

V.

Къ ней подходилъ все тотъ же помощникъ капитана. Теперь онъ съ почтительнымъ видомъ остановился довольно далеко отъ нея, разставя ноги для устойчивости, балансируя движеніями тѣла при качкѣ.

— Ради Бога, не разсердитесь, не раетолкуйте превратно моихъ словъ, — сказалъ онъ вѣжливо, но просто. — Мнѣ такъ было тяжело и прискорбно, что вы придали недавно какой-то нехорошій смыслъ... Впрочемъ, можетъ-быть, я самъ въ этомъ виноватъ, я не спорю, но я, право, не могу видѣть, какъ вы мучитесь. Ради Бога, не отказывайтесь отъ моей услуги. Я до утра стою на вахтѣ. Моя каюта остается совершенно свободной. Не побрезгуйте, прошу васъ. Тамъ чистое бѣлье... все, что угодно. Я пришлю горничную... Позвольте мнѣ помочь вамъ.

Она ничего не отвѣтила, но мысль о возможности протянуться свободно на удобной, покойной кровати и полежать одной, неподвижно, хоть полчаса, показалась ей необыкновенно пріятной, почти радостной. Теперь она уже не находила никакихъ возраженій противъ фатовской наружности капитана и противъ его предложенія.

— Просту васъ, дайте мнѣ руку, я проведу васъ, — говорилъ помощникъ капитана съ мягкой ласковостью. — Я пришлю вамъ горничную, у васъ будетъ ключъ, вы можете раздѣться, если вамъ угодно.

У этого грека былъ пріятный голосъ, звучащій необыкновенно искренно и почтительно, именно въ такомъ тонѣ, не возбуждающемъ никакихъ сомнѣній, какъ умѣютъ лгать женщинамъ опытные женолюбцы и сладострастники, имѣвшіе въ своей жизни множество легкихъ, веселыхъ минутныхъ связей. Къ тому же воля Елены совершенно

угасла, растаяла отъ ужасныхъ приступовъ морской болѣзни.

— Ахъ, если бы вы знали, какъ мнѣ тяжело!—съ трудомъ выговорила она, почти не двигая холодными, помертвѣвшими губами.

— Идемте, идемте,—сказалъ онъ ласково и какъ-то трогательно, по-братски, помогъ ей подняться со скамейки, поддерживая ее.

Она не сопротивлялась.

Каюта помощника капитана была очень мала, въ ней съ трудомъ помѣщались кровать и маленькій письменный столъ, между которыми едва можно было втиснуть раскладную ковровую табуретку. Но все было щегольски чисто, ново и даже кокетливо. Плюшевое тигровое одѣяло на кровати было наполовину открыто, и свѣжее бѣлье, безъ единой складочки, прельщало глазъ сладостной бѣлизной.

Электрическая лампочка въ хрустальномъ колпачкѣ мягко свѣтила изъ-подъ зеленаго абажура. Около зеркала на складномъ умывальникѣ краснаго дерева стоялъ флакончикъ съ ландышами и нарциссами.

— И вотъ пожалуйста... Ради Бога, — говорилъ помощникъ капитана, избѣгая глядѣть на Елену.— Будьте какъ дома, здѣсь вы все найдете нужное для туалета. Мой домъ—вашъ домъ. Это наша морская обязанность — оказывать услуги прекрасному полу.

Онъ разсмѣялся съ такимъ видомъ, который долженъ былъ показать, что послѣднія слова—не болѣе, какъ милая, дружеская шутка, сказанная небрежно и даже грубовато простымъ и сердечнымъ малымъ.

— Итакъ, не бойтесь, пожалуйста, — сказалъ онъ и вышелъ.

Только разъ, на одно мгновеніе, поворачиваясь въ дверяхъ, онъ взглянулъ на Елену, и даже не въ ея глаза,

а куда-то повыше, туда, гдѣ у нея начинались пышною волной тонкіе золотистые волосы.

Какая-то инстинктивная боязнь, какой-то остатокъ благоразумной осторожности вдругъ встревожилъ Елену, но въ этотъ моментъ полъ каюты особенно сильно поднялся и точно покотился вбокъ, и тотчасъ же прежняя зеленая муть понеслась передъ глазами женщины и тяжело заняло въ груди предобморочное чувство. Забывъ о своемъ мгновенномъ предчувствіи, она сѣла на кровать и схватилась рукой за ея спинку.

Когда ее немного отпустило, она покрыла кровать одѣяломъ, разстегнула кнопки кофточки, крючки лифа и непослушные крючки низкаго мягкаго корсета, который сдавливалъ ея животъ. Затѣмъ она съ наслажденіемъ легла на спину, опустивъ голову глубоко въ подушки и спокойно протянувъ усталыя ноги.

Ей сразу стало до счастья легко.

«Отдохну совсѣмъ и потомъ раздѣнусь», — подумала она съ удовольствіемъ.

Она закрыла глаза. Сквозь опущенныя вѣки свѣтъ лампочки пріятнымъ розовымъ свѣтомъ ласкалъ глаза. Теперь покачиванія парохода уже не были такъ мучительны. Она чувствовала, что пройдетъ еще немного минутъ, и качка успокоитъ ее и смежитъ ей глаза легкимъ, освѣжающимъ сномъ. Нужно было только лишь не шевелиться.

Но въ дверь постучали. Она вспомнила, что не успѣла запереть дверь, и смутилась. Но это могла быть горничная. Приподнявшись на кровати, она крикнула:

— Войдите!

Вошелъ помощникъ капитана, и вдругъ ясное ощущение надвигающагося ужаса потрясло Елену. Голова у моряка была наклонена внизъ, онъ не глядѣлъ на Елену, но у него двигались ноздри, и она даже услышала, какъ онъ коротко и глубоко дышалъ:

— Прошу извиненія, я здѣсь забылъ журналъ, — сказалъ онъ глухо.

Онъ пошарилъ на столѣ, стоя спиной къ Еленѣ и нагнувшись. У нея мелькнула мысль — встать и тотчасъ же уйти изъ каюты, но онъ, точно угадывая и предупреждая ея мысль, вдругъ гибкимъ, чисто-звѣринымъ движеніемъ, въ одинъ прыжокъ подскочилъ къ двери и заперъ ее двумя оборотами ключа.

— Что вы дѣлаете! — крикнула Елена и безпомощно, по-дѣтски, всплеснула руками.

Онъ мягкимъ, но необыкновенно сильнымъ движеніемъ усадилъ ее на кровать и усѣлся съ нею рядомъ. Дрожащими руками онъ взялся за ея кофточку спереди и сталъ ее раскрывать. Руки его были горячи, и точно какая-то нервная, страстно возбужденная сила истекала изъ нихъ. Онъ дышалъ тяжело и даже съ хрипомъ, и на его покраснѣвшемъ лицѣ вздулись вверхъ отъ переносицы двѣ расходящіяся ижицей жилы.

— Дорогая моя... — говорилъ онъ отрывисто, и въ голосѣ его слышалась мучительная, слѣпая, томная страсть. — Дорогая... Я хочу вамъ помочь... вмѣсто горничной... Нѣтъ! Нѣтъ!.. Не подумайте чего-нибудь дурного... Какая у васъ грудь... Какое тѣло..

Онъ положилъ ей на обнаженную грудь горячую, воспаленную голову и лепеталъ, какъ въ забытьѣ:

— Надо совсѣмъ разстегнуться, тогда будетъ лучше. Ради Бога, не думайте, что я чего-нибудь... Одна минута... Только одна минута... Вѣдь никто не узнаетъ... Вы испытаете блаженство... Вамъ будетъ пріятно... Никто никогда не узнаетъ... Это предразсудки.

Она отталкивала его, упираясь руками ему въ грудь, въ голову, и огворила съ отвращеніемъ:

— Пустите меня, гадина... Животное... Подлецъ... Ко мнѣ никто не смѣлъ прикасаться такъ.

Въ ужасѣ и гнѣвѣ она начала кричать безъ словъ, пронзительно, но онъ своими толстыми, открытыми и мокрыми губами зажалъ ей ротъ. Она барахталась, кусала его губы, и когда ей удавалось на секунду отстранить свое лицо, кричала и плевалась. И вдругъ опять томительное, противное, предсмертное ощущение обморока обезсилило ее. Руки и ноги сдѣлались вялыми, какъ и все ея тѣло.

— Господи, что вы со мною сдѣлали!—сказала она тихо.—Вы сдѣлали хуже, чѣмъ убійство. Боже мой! Боже мой!

Въ эту минуту постучали въ дверь. Морякъ, все еще соня, отперъ, и въ каюту вошелъ тотъ веселый, похожий на ловкую обезьянку, юнга, котораго видѣла Елена днемъ около сходни.

— Боже мой! Боже мой! Боже мой!—сказала женщина, закрывъ лицо руками.

VI.

Наступило утро. Въ то время, когда разгружали людей и тюки въ Евпаторіи, Елена проснулась на верхней палубѣ отъ легкой сырости утренняго тумана. Море было спокойно и ласково. Сквозь туманъ розовѣло солнце. Дальняя плоская черта берега чуть желтѣла впереди.

Только теперь, когда постепенно вернулось къ ней застланное сномъ сознаніе, она глубоко охватила умомъ весь ужасъ и позоръ прошедшей ночи. Она вспомнила помощника капитана, потомъ юнгу, потомъ опять помощника капитана. Вспомнила, какъ грубо, съ нескрываемымъ отвращеніемъ изменнаго, пресытившагося челоуѣка выпроваживалъ ее этотъ красавецъ-грекъ изъ своей каюты. И это воспоминаніе было тяжелѣй всего.

На три часа пароходъ задержался въ Севастополѣ, пока длинные, послушные хоботы лебедекъ выгружали и

нагружали тюки, бочки, связки желѣзныхъ брусевъ, какія-то мраморныя доски и мѣшки. Туманъ разсѣялся. Прекрасная круглая бухта, окаймленная желтыми берегами, лежала неподвижно. Проворные бѣлые и черные катеры легко бороздили ея поверхность. Быстро проносились бѣлыя лодки военнаго флота съ Андреевскимъ косымъ крестомъ на кормѣ. Матросы съ обнаженными шеями всѣ, какъ одинъ, далеко откидывались назадъ, выбрасывая весла изъ воды.

Елена сошла на берегъ и, сама не зная для чего, объѣхала городъ на электрическомъ трамваѣ. Весь гористый, каменный бѣлый городъ казался пустымъ, вымирающимъ, и можно было подумать, что никто въ немъ не живетъ, кромѣ морскихъ офицеровъ, матросовъ и солдатъ — точно онъ былъ завоеванъ.

Она посидѣла немного въ городскомъ саду, равнодушно глядя на его газоны, пальмы и подрѣзанные кусты, равнодушно слушая музыку, игравшую въ ротондѣ. Потомъ она вернулась на пароходъ.

Въ часъ дня пароходъ отвалилъ. Только тогда, послѣ общаго завтрака, Елена потихоньку, точно крадучись, спустилась въ салонъ. Какое-то унижительное чувство, противъ ея воли, заставляло ее избѣгать общества и быть въ одиночествѣ. И для того, чтобы выйти на палубу послѣ завтрака, ей пришлось сдѣлать надъ собой громадное усиліе. До самой Ялты она просидѣла у борта, облокотившись лицомъ на его перила.

Низкій желтый песчаный берегъ постепенно началъ возвышаться, и на немъ запестрѣли рѣдкіе темные кусты зелени. Кто-то изъ пассажировъ сидѣлъ рядомъ съ Еленой и по книжкѣ путеводаителя рассказывалъ, нарочно громко, чтобы его слышали кругомъ, о тѣхъ мѣстахъ, которыя шли навстрѣчу пароходу, и она безъ всякаго участія, подавленная кошмарнымъ ужасомъ вчерашняго,

чувствуя себя съ ногъ до головы точно вываленной въ вонючей грязи, со скукою глядѣла, какъ разворачивались передъ нею прекрасныя мѣста Крымскаго полуострова. Проплылъ мысъ Фіолентъ, красный, крутой, съ заострившимися глыбами, готовыми вотъ-вотъ сорваться въ море. Когда-то тамъ стоялъ храмъ кровожадной богини — ей приносились человѣческія жертвы, и тѣла плѣнниковъ сбрасывали внизъ съ обрыва. Прошла Балаклава съ едва замѣтными силуэтами разрушенной генуэзской башни на горѣ, мохнатый мысъ Айя, кудрявый Ласпи, Форось съ византійской церковью, стоящей высоко, точно на подносѣ, съ Байдарскими воротами, вѣнчающими гору. А тамъ потянулись среди густой зелени садовъ и парковъ между зигзагами бѣлой дороги — бѣлыя дачи, богатые виллы, горныя татарскія деревушки съ плоскими крышами. Море нѣжно стлалось вокругъ парохода; въ водѣ играли дельфины.

Крѣпко, свѣжо и радостно пахло морскимъ воздухомъ. Но ничто не радовало глазъ Елены. У нея было такое чувство, точно не люди, а какое-то высшее, всемогущее, злобное и насмѣшливое существо вдругъ нелѣпо взяло и опоганило ея тѣло, осквернило ея мысли, сломало ея гордость и навѣки лишило ее спокойной, довѣрчивой радости жизни. Она сама не знала, что ей дѣлать, и думала объ этомъ такъ же вяло и безразлично, какъ глядѣла она на берегъ, на небо, на море.

Теперь публика вся толпилась на лѣвомъ борту. Однажды мелькомъ Елена увидала помощника капитана въ толпѣ. Онъ быстро скользнулъ отъ нея глазами прочь, трусливо повернулся и скрылся за рубкой. Но не только въ его быстромъ взглядѣ, а даже въ томъ, какъ подъ бѣлымъ кителемъ онъ судорожно передернулъ спиною, она прочла глубокое брезгливое отвращеніе къ ней. И она тотчасъ же почувствовала себя на вѣки вѣчные, до са-

маго конца жизни, связанной съ нимъ и совершенно равной ему.

Прошли Алупку съ ея широкимъ зеленоватымъ, мавританскаго стиля, дворцомъ и съ роскошнымъ паркомъ, весь зеленый, кудрявый Мисхоръ, бѣлый, точно выточенный изъ сахара, Дюльберъ и «Ласточкино Гнѣздо»—красный безобразный домъ съ башней, прилѣпившейся на самомъ краю отвѣсной скалы, падающей въ море.

Подходили къ Ялтѣ. Теперь вся палуба была занята поклажею. Нельзя было повернуться. Въ томъ стадномъ стремленіи, которое всегда охватываетъ людей на пароходахъ, на желѣзныхъ дорогахъ и на вокзалахъ передъ посадкой и высадкой, пассажиры стали торопливы и недоброжелательны другъ къ другу. Елену часто толкали, наступали ей на ноги и на платье. Она не оборачивалась. Теперь ей начинало становиться страшно передъ мужемъ. Она не могла себѣ представить, какъ произойдетъ ихъ встрѣча, что она будетъ говорить ему? Хватитъ ли рѣшимости у нея сказать ему все? Что онъ сдѣлаетъ? Простить? Разсердится? Пожалѣетъ или оттолкнетъ ее, какъ привычную обманщицу и распутницу?

Каждый разъ, представляя себѣ тотъ моментъ, когда она рѣшится наконецъ развернуть передъ нимъ свою бѣдную, оплеванную душу, она блѣднѣла и, закрывая глаза, глубоко набирала въ грудь воздуху.

Густой паркъ Ореанды, благородныя развалины Мраморнаго дворца, красный дворецъ Ливадіи, правильные ряды виноградника на горахъ, и вотъ наконецъ включенный въ подкову горъ, веселый, пестрый амфитеатръ Ялты, золотые купола собора, тонкіе, стройные, темные кипарисы, похожіе на черныя узкія веретѣна, каменная набережная и на ней, точно игрушечные, люди, лошади и экипажи.

Медленно и осторожно повернувшись на одномъ мѣстѣ,

пароходъ бокомъ причалилъ къ пристани. Тотчасъ же масса людей, въ грубой овечьей подражательности, ринулась съ парохода по сходнѣ на берегъ, давя, толкая и тискавая другъ друга. Глубокое отвращеніе почувствовала Елена ко всѣмъ этимъ краснымъ мужскимъ затылкамъ, къ растеряннымъ, злымъ, пудреннымъ впопыхахъ женскимъ лицамъ, потнымъ рукамъ, изогнутымъ угрожающе локтямъ. Казалось ей, что въ каждомъ изъ этихъ озвѣрѣвшихъ безъ нужды людяхъ сидѣло то же самое животное, которое вчера раздавило ее.

Только тогда, когда пассажиры отхлынули и палуба стала свободна, она подошла къ борту и тотчасъ же увидѣла мужа. И вдругъ все въ немъ: синяя шелковая косоворотка, подтянутая широкимъ кушакомъ, и панталоны на выпускъ, бѣлая широкополая войлочная шляпа, которую тогда носили поголовно всѣ социаль-демократы, его маленькій ростъ, круглый животикъ, золотыя очки, прищуренные глаза, напряженная отъ солнечныхъ лучей гримаса вокругъ рта, — все въ немъ вдругъ показалось ей безконечно знакомымъ и въ то же время почему-то враждебнымъ и непріятнымъ. У нея мелькнуло сожалѣніе, зачѣмъ она не телеграфировала изъ Севастополя, что уѣзжаетъ навсегда: такъ, просто, написать бы, безъ всякаго объясненія причинъ.

Но онъ уже увидѣлъ ее издали и размахивалъ шляпой и высоко поднятой палкой.

VII.

Поздно ночью она встала со своей постели, которая отдѣлялась отъ его постели ночнымъ столикомъ, и, не зажигая свѣта, сѣла у него въ ногахъ и слегка прикоснулась къ нему. Онъ тотчасъ же приподнялся и прошепталъ съ испугомъ:

— Что съ тобой, Елочка? Что ты?

Онъ былъ смущенъ и тяжело обезпокоенъ ея сегоднешнимъ напряженнымъ молчаніемъ, и, хотя она ссылалась на головную боль отъ морской болѣзни, онъ чувствовалъ за ея словами какое-то горе или тайну. Днемъ онъ не пристававалъ къ ней съ разспросами, думая, что время само покажетъ и объяснитъ. Но и теперь, когда онъ не перешелъ еще отъ сна къ пошлой мудрости жизни, онъ безошибочно, гдѣ-то въ самыхъ темныхъ глубинахъ души, почувствовалъ, что сейчасъ произойдетъ нѣчто грубое, страшное, не повторяющееся никогда вторично въ жизни.

Оба окна были открыты настежь. Сладостно до щеки нахло невидимыми глициніями. Въ городскомъ саду игралъ струнный оркестръ, и звуки его казались прекрасными и печальными.

— Сергѣй, выслушай меня, — сказала Елена. — Нѣтъ, нѣтъ, не зажигай свѣчу, — прибавила она торопливо, услышавъ, что онъ затарахтѣлъ коробкою со спичками. — Такъ будетъ лучше... безъ огня... То, что я тебѣ скажу, будетъ необычайно и невыносимо тяжело для тебя, но я не могу иначе, и я должна испытать тебя... Прости меня!

Она едва видѣла его въ темнотѣ по бѣлой рубашкѣ. Онъ ощупью отыскалъ стаканъ и графинъ, и она слышала, какъ дрожало стекло о стекло. Она слышала, какъ большими, громкими глотками пилъ онъ воду.

— Говори, Елочка, — сказалъ онъ шопотомъ.

— Послушай! Скажи мнѣ, что бы ты сдѣлалъ или сказалъ, если бы я пришла къ тебѣ и сказала: «Милый Сергѣй, вотъ я, твоя жена, которая никого не любила кромѣ тебя, никого не полюбитъ кромѣ тебя, и я сегодня измѣнила тебѣ. Пойми меня, измѣнила совсѣмъ, до того послѣдняго предѣла, который только возможенъ ме-

жду мужчиною и женщиною». Нѣтъ, не торопись отвѣчать мнѣ. Измѣнила не тайкомъ, не скрываючись, а нехотя, во власти обстоятельствъ... Ну, предположи... капризь истерической натуры, необыкновенную, неудержимую похоть, ну наконецъ насиліе со стороны пьянаго человѣка... какого-нибудь пѣхотнаго офицера... Милый Сергѣй, не дѣлай никакихъ отговорокъ и отклоненій, не останавливай меня, а отвѣчай мнѣ прямо. И помни, что, сдѣлавъ это, я ни на одну секунду не переставала любить тебя больше всего, что мнѣ дорого.

Онъ помолчалъ, повозился немного на постели, отыскалъ ея руку, хотѣлъ пожать ее, но она отняла руку.

— Елочка, ты испугала меня, я не знаю, что тебѣ сказать, я положительно не знаю. Вѣдь если ты полюбила бы другого, вѣдь ты сказала бы мнѣ, вѣдь ты не стала бы меня обманывать, ты пришла бы ко мнѣ и сказала: «Сергѣй! Мы оба свободные и честные люди, я перестала любить тебя, я люблю другого, прости меня— и разстанемся». И я поцѣловалъ бы твою руку на прощанье и сказалъ бы: «Благодарю тебя за все, что ты мнѣ дала, благословляю твое имя, позволь мнѣ только сохранить твою дружбу».

— Нѣтъ! Нѣтъ... не то... совсѣмъ не то... Не полюбила, а просто грубо измѣнила тебѣ. Измѣнила потому, что не могла не измѣнить, потому что не была виновата.

— Но онъ тебѣ нравился? Ты испытала сладость любви?

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Сергѣй, все время отвращеніе, глубокое, невѣроятное отвращеніе. Ну, вотъ скажи, на примѣръ, если бы меня изнасиловали?

Онъ осторожно привлекъ ее къ себѣ, — она теперь не сопротивлялась. Онъ говорилъ:

— Милая Елочка, зачѣмъ объ этомъ думать? Это все равно, если бы ты спросила меня, разлюблю ли я тебя,

если вдругъ оспа обезобразить твое лицо или желѣзнодорожный поѣздъ отрѣжетъ тебѣ ногу. Такъ и это. Если тебя изнасиловалъ какой-нибудь негодяй, — Господи, что не возможно въ нашей современной жизни! — я взялъ бы тебя, положилъ твою голову себѣ на грудь, вотъ какъ я дѣлаю сейчасъ, и сказалъ бы: «Милое мое, обиженное, бѣдное дитя, вотъ я жалѣю тебя какъ мужъ, какъ братъ, какъ единственный другъ и смываю съ твоего сердца позоръ моимъ поцѣлуемъ».

Долго они молчали, потомъ Сергѣй заговорилъ:

— Расскажи мнѣ все!

И она начала такъ:

— Предположи себѣ... Но помни, Сергѣй, что это только предположеніе... Если бы ночью на пароходѣ меня схватилъ неудержимый приступъ морской болѣзни...

И она подробно, не выпуская ни одной мелочи, рассказала ему все, что было съ ней прошлою ночью. Рассказала даже о томъ потрясающемъ и теперь безконечно мучительномъ для нея ощущеніи, которое овладѣло ею въ присутствіи молодого юнги. Но она все время вставляла въ свою рѣчь слова: «Слышишь, это только предположеніе! Ты не думай, что это было, это только предположеніе. Я выдумываю самое худшее, на что способно мое воображеніе».

И когда она замолчала, онъ сказалъ тихо и почти торжественно:

— Такъ это было? Было? Но ни судить тебя ни прощать тебя я не имѣю права. Ты виновата въ этомъ столько же, сколько въ дурномъ, нелѣпомъ снѣ, который приснился тебѣ. Дай мнѣ твою руку!

И, поцѣловавъ ея руку, онъ спросилъ ее еле слышно:

— Такъ это было, Елочка?

— Да, мой милый. Я такъ несчастна, такъ глубоко несчастна. Благодарю тебя за то, что ты утѣшилъ меня,

не разбилъ моего сердца. За эту одну минуту я не знаю, чѣмъ я отблагодарю тебя въ жизни!

И вотъ, съ горькими и радостными слезами, она прижалась къ его груди, рыдая и сотрясаясь голыми плечами и руками и смачивая его рубашку. Онъ бережно, медленно, ласково гладилъ по ея волосамъ рукою.

— Ложись, милая, поспи, отдохни. Завтра ты проснешься бодрая, и все будетъ казаться, какъ давнишній сонъ.

Она легла. Прошло четверть часа. Разслабляюще, томно пахла глицинія, сказочно-прекрасно звучалъ оркестръ вдали, но мужъ и жена не могли заснуть и лежали, боясь потревожить другъ друга, съ закрытыми глазами, стараясь не ворочаться, не вздыхать, не кашлять, и каждый понималъ, что другой не спитъ.

Но вдругъ онъ вскочилъ на кровати и произнесъ съ испугомъ:

— Елочка! А ребенокъ? А вдругъ ребенокъ?

Она помедлила и спросила беззвучно:

— Ты бы его возненавидѣлъ?

— Я его не возненавижу. Дѣти всѣ прекрасны, я тебѣ сто разъ говорилъ объ этомъ и вѣрю—не только словами, но всей душой—что нѣтъ разницы въ любви къ своему или къ чужому ребенку. Я всегда говорилъ, что исключительное материнское чувство—почти преступно, что женщина, которая, желая спасти своего ребенка отъ простой лихорадки, готова была бы съ радостью на уничтоженіе сотни чужихъ, незнакомыхъ ей дѣтей,—что такая женщина ужасна, хотя она можетъ быть прекрасной или, какъ говорятъ, «святой» матерью. Ребенокъ, который получился бы отъ тебя въ такомъ случаѣ, былъ бы моимъ ребенкомъ, но, Елочка... Этотъ человекъ, вѣроятно, пережилъ въ своей жизни тысячи подобныхъ приключеній. Онъ несомнѣнно знакомъ со всѣми постыдными

болѣзнями... Почему знать... Можетъ-быть, онъ держитъ въ своей крови наследственный алкоголизмъ... сифилисъ... Въ этомъ и есть весь ужасъ, Елочка.

Она отвѣтила усталымъ голосомъ:

— Хорошо, я сдѣлаю все, что ты захочешь.

И опять наступило молчаніе и длилось страшно долго.

Онъ заговорилъ робко:

— Я не хочу лгать, я долженъ признаться тебѣ, что только одно обстоятельство мучитъ меня, что ты узнала радость, физическую радость любви не отъ меня, а отъ какого-то проходимца. Ахъ! Зачѣмъ это случилось? Если бы я взялъ тебя уже не дѣвушкой, мнѣ было бы это все равно, но это, это... милая, — голосъ его сталъ умоляющимъ и задрожалъ:—но вѣдь, можетъ-быть, этого не было? Ты хотѣла испытать меня?

Она нервно и вслухъ разсмѣялась.

— Да неужели серьезно ты думаешь, что я могла тебѣ измѣнить? Конечно, я только испытывала тебя. Ну и довольно. Ты выдержалъ экзаменъ, теперь можешь спать спокойно и не мѣшай мнѣ спать.

— Такъ это правда? Правда? Милая моя, обожаемая, прелестная Елочка. О, какъ я радъ! Ха-ха, я-то, дуракъ, почти повѣрилъ тебѣ. Ничего не было, Елочка?

— Ничего,—отвѣтила она довольно сухо.

Онъ повозился немного и заснулъ.

Но утромъ его разбудилъ какой-то шорохъ. Въ комнатѣ было свѣтло. Елена, блѣдная послѣ бессонной ночи, похудѣвшая, съ темными кругами вокругъ глазъ, съ сухими, потрескавшимися губами, уже почти одѣтая, торопливо доканчивала свой туалетъ.

— Ты куда собралась, дорогая?—спросилъ онъ тревожно.

— Я сейчасъ вернусь, — отвѣтила она: — у меня разболѣлась голова. Я пройдуся, а спать лягу послѣ завтрака.

Онъ вспомнилъ вчерашнее и, протягивая къ ней руки, сказалъ:

— Какъ ты меня испугала, моя милая, недобрая женушка. Если бы ты знала, что ты сдѣлала съ моимъ сердцемъ. Вѣдь такой ужасъ на всю жизнь остался бы между нами. Ни ты ни я никогда не могли бы забыть его. Вѣдь это правда? Все это: помощникъ капитана, юнга, морская болѣзнь, все это—твои выдумки, не правда ли?

Она отвѣтила спокойно, сама удивляясь тому, какъ она, гордая своей всегдашней правдивостью, могла лгать такъ естественно и легко.

— Конечно, выдумки. Просто, одна дама рассказывала въ каютѣ такой случай, который дѣйствительно былъ однажды на пароходѣ. Ея рассказъ взволновалъ меня, и я такъ живо вообразила себя въ положеніи этой женщины, и меня охватилъ такой ужасъ при мысли, что ты возненавидѣлъ бы меня, если бы я была на ея мѣстѣ, что я совсѣмъ растерялась... Но, слава Богу, теперь все прошло.

— Конечно, прошло,—подтвердилъ онъ, обрадованный и совершенно успокоенный. — Господи! Да наконецъ, если бы это случилось, неужели ты стала бы хуже или ниже въ моихъ глазахъ? Какіе пустяки!

Она ушла. Онъ опять заснулъ и спалъ до десяти часовъ. Въ одиннадцать часовъ онъ уже началъ беспокоиться ея отсутствіемъ, а въ полдень мальчишка изъ какой-то гостиницы, въ шапкѣ, обшитой галунами, со множествомъ золотыхъ пуговицъ на курткѣ, принесъ ему короткое письмо отъ Елены:

«Съ девятичасовымъ пароходомъ я уѣхала опять въ Одессу. Не хочу скрывать отъ тебя того, что я ѣду къ Васютинскому, и ты, конечно, поймешь, что я буду дѣлать во всю мою остальную жизнь. Ты — единственный человѣкъ, котораго я любила, и послѣдній, потому что

мужская любовь больше не существуетъ для меня. Ты самый цѣломудренный и честный изъ всѣхъ людей, какихъ я только встрѣчала. Но ты тоже оказался, какъ и всѣ, маленькимъ, подозрительнымъ, собственникомъ въ любви, недовѣрчивымъ и унизительно-ревнивымъ. Несомнѣнно, что мы съ тобою рано или поздно встрѣтимся въ томъ дѣлѣ, которое одно будетъ для меня смысломъ жизни. Прошу тебя во имя нашей прежней любви: никакихъ разспросовъ, объясненій, упрековъ или попытокъ къ сближенію. Ты самъ знаешь, что я не перемѣняю своихъ рѣшеній.

«Конечно, весь рассказъ о пароходѣ сплошная выдумка.

«Елена».

ОБИДА.

Истинное происшествіе.

Быль іюль, пять часовъ пополудни и страшная жара. Весь каменный огромный городъ дышалъ зноемъ, точно раскаленная печь. Бѣлыя стѣны домовъ сіяли нестерпимо для глазъ. Асфальтовые тротуары размягчились и жгли подошвы. Тѣни отъ акацій простерлись по плитяной местовой жалкія, измученныя, и тоже казались горячими. Блѣдное отъ солнечныхъ лучей море лежало неподвижно и тяжело, какъ мертвое. По улицамъ носилась бѣлая пыль.

Въ это время въ одномъ изъ частныхъ театровъ, въ фойе, заканчивала свою очередную работу небольшая комиссія изъ мѣстныхъ адвокатовъ, которая взялась бесплатно вести дѣла жителей, пострадавшихъ отъ послѣдняго еврейскаго погрома. Ихъ было девятнадцать человекъ, все помощники присяжныхъ повѣренныхъ, люди молодые, передовые и добросовѣстные. Засѣданіе не требовало никакой нарядности, и потому преобладали легкіе пикейные, фланелевые и люстриновые костюмчики. Сидѣли, гдѣ кому пришлось, по двое и по трое, за мраморными столиками, а председатель помѣщался за пустующимъ прилавкомъ, гдѣ раньше, еще зимой, продавались конфеты.

Зной, лившійся въ открытыя окна вмѣстѣ съ ослѣпи-

тельнымъ свѣтомъ и уличнымъ грохотомъ, совсѣмъ изморилъ молодыхъ адвокатовъ. Засѣданіе велось лѣниво и немного раздраженно.

Высокій молодой человѣкъ съ бѣлыми усами и рѣдкими волосами на головѣ, предсѣдатель собранія, сладострастно мечталъ о томъ, какъ онъ поѣдетъ сейчасъ на новомъ, только-что купленномъ велосипедѣ на дачу и какъ онъ быстро раздѣнется и, еще не остывшій, потный, бросится въ чистое, благоуханное, прохладное море. При этихъ мысляхъ все его тѣло расслабленно потягивалось и вздрагивало. Въ то же время, нетерпѣливо передвигая передъ собою бумаги, онъ говорилъ вялымъ голосомъ:

— Итакъ, господа, дѣло Рубинчика ведетъ Іосифъ Морицовичъ. Можетъ-быть, у кого-нибудь есть еще заявленія къ порядку дня?

Самый младшій товарищъ — маленькій, толстенный, очень черный и очень живой караимъ — произнесъ вполголоса, но такъ, что его всѣ слышали:

— Къ порядку дня теперь самое лучшее квасъ со льдомъ...

Предсѣдатель взглянулъ на него строго, вбокъ, но самъ не могъ удержаться отъ улыбки. Онъ уже вздохнулъ и даже положилъ обѣ руки на столъ, чтобы подняться и объявить засѣданіе закрытымъ, какъ театральнй сторожъ, стоявшій у дверей, вдругъ отдѣлился отъ нихъ и сказалъ:

— Ваше благородіе... тамъ пришли какихъ-то семь. Просютъ впустить.

Предсѣдатель нетерпѣливо обѣжалъ глазами товарищей.

— Господа, какъ?

Послышались голоса:

— Къ слѣдующему засѣданію. Баста.

— Пусть изложатъ нисъменно...

— Да, вѣдь, если скоро. Рѣшайте поскорѣе.

— А ну ихъ! Фу, ты, Господи, какое пекло!

— Пустите ихъ, — раздраженно кивнулъ головой председатель. — И потомъ, пожалуйста, принесите мнѣ нарзану! Только холоднаго, будьте добры.

Сторожъ открылъ дверь и сказалъ въ коридоръ:

— Пожалуйста. Разрѣшили.

И вотъ въ фойе, одинъ за другимъ, вошло семь самыхъ неожиданныхъ, самыхъ неправдоподобныхъ личностей. Сначала показался нѣкто рослый, самоувѣренный, въ щегольской сюртучной парѣ цвѣта сухого морского песка, въ отличномъ бѣльѣ — розовомъ съ бѣлыми полосками, съ пунцовой розой въ петличкѣ. Голова у него, глядя спереди, была похожа формой на стоячій бобъ, а сбоку — на лежачій. Лицо украшалось крутыми, воинственными толстыми усами и остренькой модной бородкой. На носу темно-синее пенснэ, на рукахъ палевыя перчатки, въ лѣвой рукѣ черная съ серебромъ трость, въ правой — голубой носовой платокъ.

Остальные шестеро производили странное, сумбурное и пестрое впечатлѣніе. Точно всѣ они впопыхахъ перемѣшали не только одежды, но и руки, и ноги, и головы. Здѣсь былъ человекъ съ великолѣпнымъ профилемъ римскаго сенатора, но облаченный почти въ лохмотья. Другой носилъ на себѣ франтовской фракный жилетъ, изъ-за круглаго вырѣза котораго пестрѣла грязная малорусская рубаха. Здѣсь были асимметричныя лица арестантскаго типа, но глядѣвшія съ непоколебимой самоувѣренностью. И всѣ эти люди, несмотря на видимую молодость, очевидно, обладали большимъ житейскимъ опытомъ, развязностью, задоромъ и какимъ-то скрытымъ, подозрительнымъ лукавствомъ.

Баринъ въ песочномъ костюмѣ свободно и ловко поклонился головой и сказалъ полувопросительно:

— Господинъ председатель?

— Да, это я, — отвѣтилъ тотъ. — Что вамъ угодно?

— Мы, вотъ всѣ, кого вы передъ собою видите, — началъ баринъ спокойнымъ тономъ и, обернувшись назадъ, обвелъ рукой своихъ компаньоновъ: — мы являемся делегатами отъ соединенной Ростовско-Харьковской и Одесса-Николаевской организаціи воровъ.

Юристы зашевелились на своихъ мѣстахъ. Председатель откинулся назадъ и вытаращилъ глаза.

— Организаціи кого-о? — спросилъ онъ въ растяжку.

— Организаціи воровъ, — повторилъ хладнокровно джентльменъ въ песочномъ костюмѣ. — Что касается до меня, то мои товарищи сдѣлали мнѣ высокую честь, избравъ меня представителемъ делегаціи.

— Очень... пріятно, — сказалъ председатель неувѣренно.

— Благодарю васъ. Всѣ мы семеро суть обыкновенные воры, конечно, разныхъ спеціальностей. И вотъ организація уполномочила насъ изложить передъ вашимъ почтеннымъ собраніемъ, — джентльменъ опять сдѣлалъ изящный поклонъ, — нашу почтительную просьбу о помощи.

— Я не понимаю, собственно говоря, какое отношеніе... — развелъ руками председатель. — Но, однако, прошу васъ, продолжайте.

— Дѣло, съ которымъ мы имѣемъ смѣлость и честь обратиться къ вамъ, милостивые государи, — дѣло очень ясное, очень простое и очень короткое. Оно займетъ не болѣе шести-семи минутъ времени, о чемъ считаю долгомъ заранѣе предупредить въ виду поздняго времени и 37-ми градусовъ, которые показываетъ Реомюръ въ тѣни. — Ораторъ слегка откашлялся и поглядѣлъ на отличные золотые часы. — Видите ли: за послѣднее время въ мѣстныхъ газетахъ, въ отчетахъ о прискорбныхъ и ужасныхъ дняхъ послѣдняго погрома, довольно часто стали появляться ука-

занія на то, что въ число погромщиковъ, науськанныхъ и нанятыхъ полиціей, въ это отребье общества, состоявшее изъ пропойць, босяковъ, сутенеровъ и окраинныхъ хулигановъ, входили также и воры. Сначала мы молчали, но наконецъ сочли себя вынужденными протестовать предъ лицомъ всего интеллигентнаго общества противъ такого несправедливаго и тяжкаго обвиненія. Я хорошо знаю, что съ законной точки зрѣнія мы — преступники и враги общества. Но вообразите себѣ хоть на одно мгновеніе, господа, положеніе этого врага общества, когда его обвиняють огуломъ и за то преступленіе, котораго онъ не только не совершалъ, но которому готовъ противиться всѣми силами души. Несомнѣнно, вѣдь несомнѣнно, что обиду отъ такой несправедливости онъ почувствуетъ гораздо острѣе, чѣмъ средній, благополучный, нормальный обыватель. Такъ вотъ, мы и заявляемъ, что обвиненіе, взведенное на насъ, лишено всякой не только фактической, но и логической подкладки. Это я и намѣренъ доказать въ двухъ словахъ, если почтенное собраніе со- благоволить меня выслушать.

— Говорите, — сказалъ предсѣдатель.

— Просимъ, просимъ, — раздалось среди оживившихся адвокатовъ.

— Приношу вамъ мою искреннюю благодарность отъ лица всѣхъ нашихъ товарищей. Повѣрьте, вы никогда не раскаетесь въ вашемъ вниманіи къ представителямъ нашей... ну, да, скажемъ, скользкой, но въ то же время несчастной и нелегкой профессіи. Итакъ, мы начинаемъ, какъ поетъ Джиральдони въ прологѣ изъ «Паяцовъ».

«Кстати я попрошу у господина предсѣдателя позволенія немного утолить жажду. Сторожъ, принеси-ка мнѣ, братецъ, лимонаду и рюмку англійской горькой! Не буду говорить, милостивые государи, о нравственной сторонѣ нашего ремесла и о его социальномъ значеніи. Вамъ, безъ

сомнѣнія, лучше меня извѣстенъ удивительный, блестящій парадоксъ Прудона: «собственность — это воровство», парадоксъ, какъ хотите, а все-таки до сихъ поръ не опрокинутый никакими причитаніями трусливыхъ мѣщанъ и жирныхъ поповъ. Примѣръ. Отецъ — энергичный и умный хищникъ — скопилъ милліонъ и оставляетъ его сыну, рахитическому, бездѣятельному и невѣжественному балбесу, вырождающемуся идіоту, безмозглому червию, истинному паразиту. Милліонъ рублей—это въ потенциалѣ милліонъ рабочихъ дней, а, стало-быть—право ни съ того ни съ сего на трудъ, потъ, кровь и жизнь страшной уймы людей. Зачѣмъ? За что? Почему? Совсѣмъ неизвѣстно. Итакъ, господа, отчего же не согласиться съ тѣмъ положеніемъ, что наша профессія является, до извѣстной степени, какъ бы поправкой къ чрезмѣрному накопленію цѣнностей въ однихъ рукахъ, служить протестомъ противъ всѣхъ тягостей, мерзостей, произвола, насилія, пренебреженія къ человѣческой личности, противъ всѣхъ этихъ уродствъ, порожденныхъ буржуазно-капиталистическимъ строемъ современнаго общества? Соціальная революція, рано или поздно, все равно перевернетъ этотъ порядокъ. Собственность отойдетъ въ область печальныхъ воспоминаній, и тогда — увы! — сами собой исчезнемъ съ лица земного и мы — *les braves chevaliers d'industrie*».

Ораторъ остановился и, взявъ изъ рукъ подошедшаго сторожа подносъ, поставилъ его около себя на столикъ.

— Виновать. Одну минутку. Получи, братецъ, и кстати, когда отсюда выйдешь, то притвори за собою покрѣпче дверь.

— Слушаю, ваше сіятельство! — гаркнулъ радостно сторожъ.

Ораторъ отпилъ полстакана и продолжалъ:

— Однако въ сторону философскую, экономическую и соціальную сторону вопроса. Не желая утруждать вашего

вниманія, я долженъ однако, заявить, что наше зѣнятiе очень близко подходитъ къ понятiю того, что зовется искусствомъ, потому что въ него входятъ всѣ элементы, составляющіе искусство: призваніе, вдохновеніе, фантазія, изобрѣтательность, честолюбіе и долгій, тяжкій искусь науки. Въ немъ — увы! — отсутствуетъ только добродѣтель, о которой писалъ съ такою блестящей и пламенной увлекательностью великій Карамзинъ.

«Милостивые государи, я далекъ отъ мысли буффонить передъ такимъ почтеннымъ собраніемъ или отнимать у васъ драгоцѣнное время безцѣльными парадоксами. Но не могу не подтвердить хоть кратко мою мысль. Чужому уху нелѣпо, дико и смѣшно слышать о воровскомъ призваніи. Однако, смѣю васъ увѣрить, что такое призваніе существуетъ. Есть люди, которые, обладая особенной силой зрительной памяти, остротой и мѣткостью глаза, хладнокровіемъ, ловкостью пальцевъ и въ особенности тонкимъ осязаніемъ, какъ будто бы специально рождены на свѣтъ Божій для того, чтобы быть прекрасными шулерами. Ремесло карманнаго вора требуетъ необыкновенной юркости и подвижности, страшной точности движеній, не говоря уже о находчивости, наблюдательности, напряженномъ вниманіи. У нѣкоторыхъ есть положительное призваніе взламывать денежные кассы: отъ самаго нѣжнаго дѣтства ихъ влекутъ къ себѣ тайны всяческихъ сложныхъ механизмовъ: велосипедовъ, швейныхъ машинъ, заводныхъ игрушекъ, часовъ. Наконецъ, господа юристы, есть люди съ наслѣдственной враждой собственности. Вы называете это явленіе вырожденіемъ — какъ вамъ угодно. Но я скажу, что истиннаго вора, вора по призванію, не переманишь въ будни честнаго прозябанія никакими пряниками: ни хорошо обезгеченной службой, ни даровыми деньгами, ни женской любовью. Ибо здѣсь постоянная прелесть риска, увлекательная пропасть опасности, зами-

раніе сердца, буйный трепеть жизни, восторгъ! Вы вооружены покровительствомъ закона, замкàми, револьверами, телефонами, полиціей, войсками,—мы же только ловкостью, хитростью и смѣлостью. Мы — лисы, а общество — это курятникъ, охраняемый собаками. Извѣстно ли вамъ, что въ деревняхъ самыя художественныя, самыя одаренныя натуры идутъ въ конокрады и въ браконьеры-охотники? Чтò дѣлать: жизнь до сихъ поръ была такъ скудна, такъ плоска, такъ невыносимо скучна для пылкихъ сердець!

«Но я перехожу къ вдохновенію. Безъ сомнѣнія, вамъ, милостивые государи, приходилось читать о сверхъестественныхъ по своему замыслу и выполненію кражахъ? Ихъ въ газетахъ, въ рубрикѣ происшествій, обыкновенно озаглавливаютъ: «грандіозное хищеніе», или «геніальная мошенническая продѣлка», или еще «ловкая продѣлка аферистовъ». Въ этихъ случаяхъ буржуазные отцы семейства разводять руками и восклицаютъ: «Какое печальное явленіе! Если бы изобрѣтательность этихъ отщепенцевъ, ихъ удивительное знаніе людской психологіи, ихъ самообладаніе и смѣлость, ихъ несравненныя актерскія способности, — если бы все это обратить въ добрую сторону! Сколько пользы принесли бы эти люди отечеству!» Но давно извѣстно, милостивые государи, что буржуазные отцы семействъ созданы Творцомъ небеснымъ для того, чтобы говорить общія мѣста и пошлости. Мнѣ самому иногда приходится...—что жъ, сознаюсь, мы, воры, народъ сентиментальный,—приходится гдѣ-нибудь въ Александровскомъ паркѣ или на морскомъ берегу любоваться прекраснымъ закатомъ. И я всегда заранѣе увѣренъ, что кто-нибудь непременно около меня скажетъ съ апломбомъ: «а вотъ, поди, нарисуй такъ художникъ, — никто никогда не повѣритъ!» Тогда я оборачиваюсь и, конечно, вижу самодовольнаго, откормленнаго отца семейства, ко-

торый, сказавъ чужую глупость, радуется на свою собственную. Что же касается до любезнаго отечества, то буржуазный отецъ семейства глядитъ на него, какъ на жаренаго индюка: урвалъ кусокъ послаще и ѣшь его потихоньку въ укромномъ мѣстѣ, и славь Бога. Но, собственно, и не въ немъ дѣло. Ненависть къ пошлости отвлекла меня, и я прошу прощенія за лишнія слова. Но дѣло въ томъ, что гений и вдохновеніе, хотя бы они были обращены и не на пользу православной церкви, все-таки остаются рѣдкими и прекрасными вещами. Все идетъ впередъ, и въ воровствѣ есть свое творчество.

«Наконецъ наше ремесло вовсе не такъ ужъ легко и весело, какъ это кажется съ перваго взгляда. Оно требуетъ долговременнаго опыта, постоянныхъ упражненій, медленной и мучительной тренировки. Оно заключаетъ въ себѣ сотни гибкихъ, осторожныхъ приемовъ, недоступныхъ самому ловкому фокуснику. Но, не желая быть голословнымъ, я, милостивые государи, сейчасъ произведу передъ вами нѣсколько опытовъ. Прошу васъ быть покойными за исполнителей. Всѣ мы въ настоящее время находимся на легальной свободѣ, и хотя за нами, по обыкновению, слѣдятъ и насъ знаютъ наперечетъ въ лицо, и наши фотографіи украшаютъ альбомы всѣхъ сыскныхъ отдѣленій, но, покаместъ, намъ нѣтъ надобности скрываться ни отъ кого. Если же впоследствии вы узнаете кого-либо изъ насъ при иныхъ обстоятельствахъ, то, пожалуйста, мы васъ объ этомъ усиленно просимъ, поступайте всегда сообразно съ тѣмъ, что вамъ велятъ профессиональный долгъ и обязанности гражданина. Мы же, въ благодарность за ваше вниманіе, рѣшили объявить вашу частную собственность неприкосновенной, облечь ее воровскимъ табу. Однако къ дѣлу».

Обернувшись назадъ, ораторъ приказалъ:

— Сысой Великій, прошу.

Огромный сутуловатый малый, съ руками по колѣни, челоуѣкъ безъ лба и безъ шеи, похожій на заспаннаго ярмарочнаго геркулеса, выдвинулся впередъ. Онъ тупо улыбался и отъ смущенія почесывалъ лѣвую бровь.

— Та тутъ нема чога робить, — сказалъ онъ сипло.

Но за него заговорилъ джентльменъ въ песочномъ костюмѣ, обращаясь къ собранію:

— Милостивые государи. Передъ вами одинъ изъ почтенныхъ членовъ нашей организаціи. По спеціальности онъ взламыватель сундуковъ, желѣзныхъ кассъ и другихъ хранилищъ денежныхъ знаковъ. Иногда при своихъ вечернихъ занятіяхъ онъ пользуется для расплавки металла электрическимъ токомъ отъ освѣтительныхъ проводовъ. Къ сожалѣнію, здѣсь ему не на чемъ показать лучшіе номера своего искусства. Всякую дверь, съ самымъ сложнымъ замкомъ, онъ отпираетъ безукоризненно. Кстати, вотъ эта дверь, должно-быть, заперта?

Все обернулись назадъ къ двери, на которой висѣлъ печатный плакатъ: «Входъ за кулисы постороннимъ лицамъ строго воспрещенъ».

— Да, эта дверь, повидимому, заперта, — подтвердилъ предсѣдатель.

— И чудесно. Сысой Великій, будьте любезны.

— Та це жъ пустое дило, — сказалъ великанъ лѣниво и пренебрежительно.

Онъ подошелъ къ двери, потрясъ ее сначала осторожно рукой, потомъ вытащилъ изъ кармана какой-то маленькой блестящій инструментъ, сдѣлалъ имъ, нагнувшись къ замку, нѣсколько почти незамѣтныхъ движеній и вдругъ, выпрямившись, распахнулъ дверь быстро и безшумно. Предсѣдатель слѣдилъ за нимъ съ часами въ рукахъ: все дѣло заняло не болѣе десяти секундъ.

— Благодарю васъ, Сысой Великій, — сказалъ вѣжливо

джентльменъ въ песочномъ костюмѣ. — Вы можете идти на мѣсто.

Но предсѣдатель возразилъ съ нѣкоторой тревогой:

— Виновать. Все это интересно и очень поучительно, но... скажите, входитъ ли въ профессію вашего уважаемаго коллеги также и искусство затворять двери?

— Ah, mille pardons! — торопливо поклонился джентльменъ. — Я упустилъ это изъ виду. Сысой Великій, будьте добры...

Дверь была такъ же ловко и безшумно заперта. Уважаемый коллега, переваливаясь и усмѣхаясь, возвратился къ своимъ друзьямъ.

— Теперь я буду имѣть честь показать вамъ искусство одного нашего товарища, оперирующаго по части карманныхъ кражъ въ театрахъ и на вокзалахъ, — продолжалъ ораторъ. — Онъ еще чрезвычайно молодъ, но, по его тонкой работѣ, вы можете, до извѣстной степени, судить о томъ, что изъ него выйдетъ впоследствии при нѣкоторомъ прилежаніи. Яша!

Смуглый юноша, въ синей шелковой рубахѣ и лакированныхъ сапогахъ, похожій на цыгана, развязно вышелъ впередъ и остановился около оратора, поигрывая кистями пояса и весело щуря большіе, съ желтыми бѣлками, наглые черные глаза.

Джентльменъ въ песочномъ костюмѣ сказалъ искачительно:

— Господа... я принужденъ попросить... не согласится ли кто-нибудь... подвергнуть себя маленькому опыту. Увѣрю васъ, что это будетъ только примѣръ, такъ сказать, игра...

Онъ обводилъ сидящихъ глазами. Маленькій, толстенькій, черный, какъ жукъ, караимъ вышелъ изъ-за своего столика.

— Къ вашимъ услугамъ, — сказалъ онъ смѣшливо.

— Яша! — кивнулъ головой ораторъ.

Яша подошелъ вплотную къ адвокату. Теперь на лѣвой, согнутой рукѣ висѣлъ у него блестящій, шелковый, узорчатый фуляръ.

— Ежели, примѣрно, въ церкви, или, скажемъ, въ буфетѣ въ театрѣ, или тоже въ циркѣ... — началъ онъ сладенькой скороговоркой: — сейчасъ вижу, это идетъ фрейеръ... извините, господинъ, вотъ хоть бы вы... фрейеръ — тутъ ничего нѣтъ обиднаго: просто богатый господинъ, который приличный и ничего не понимаетъ. Первымъ долгомъ: какіе могутъ быть предметы? Предметы самые разнообразныя. Обыкновенно сначала часы съ чѣпочкой. Опять-таки — гдѣ? Нѣкоторые носятъ въ верхнемъ карманѣ жилеточки — вотъ здѣсь, нѣкоторые въ нижнемъ — вотъ тутъ. Портомонетъ же почти всегда лежитъ въ брючныхъ карманахъ. Развѣ ужъ какой совсѣмъ ёлодь положить въ пиджакъ. Затѣмъ — порцыгаръ. Естественно, прежде поглядишь, какой: золотой или серебряный съ монограмомъ, а изъ кожанаго кто же станетъ мараться, если себя уважаешь? Порцыгаръ можетъ быть, въ семи карманахъ: здѣсь, здѣсь, здѣсь, вотъ здѣсь, здѣсь, тамъ и тутъ. Не такъ-ли-съ? Сообразно съ тѣмъ и оперируешь.

Говоря такимъ образомъ, молодой воръ улыбался, блестя глазами прямо въ глаза адвокату и быстрыми, ловкими движеніями правой руки указывалъ на разныя мѣста въ его одеждѣ.

— Опять-таки можетъ обращать вниманіе и булабочка вотъ тутъ-съ, въ галстучкѣ. Однако мы избѣгаемъ присвоять. Теперь такой народъ пошелъ, что рѣдко изъ мужчинъ носятъ настоящіе камушки. И вотъ я подхожу-съ. Сейчасъ обращаюсь по-благовоспитанному: господинъ, дозвоьте прикуриться, или еще что-нибудь, одно слово, завожу разговоръ. Первое дѣло чтò? Первымъ дѣломъ

гляжу ему прямо въ зѣньки, вотъ такъ, а работаютъ у меня только два пальца: вотъ этотъ-съ и вотъ этотъ-съ.

Яша поднялъ въ уровень своего лица два пальца правой руки, указательный и средній, и пошевелилъ ими.

— Видали? Вотъ этими двумя пальцами вся музыка и играетъ. И, главное, ничего тутъ нѣтъ удивительнаго: разъ, два, три — и готово! Всякій неглупый человѣкъ можетъ весьма легко выучиться. Вотъ и все-съ. Самое обыкновенное дѣло. Мое почтеніе-съ.

Воръ легко повернулся и пошелъ-было на мѣсто.

— Яша! — вѣско и многозначительно произнесъ джентльменъ въ песочномъ костюмѣ. — Я-ша! — повторилъ онъ строго.

Яша остановился. Онъ былъ спиной къ адвокату, но, должно-быть, о чемъ-то краснорѣчиво упрашивалъ глазами своего представителя, потому что тотъ хмурилъ брови и отрицательно трясъ головой.

— Яша! — въ третій разъ съ выраженіемъ угрозы произнесъ онъ.

— Эхъ! — крикнулъ досадливо молодой воръ и нехотя повернулся опять лицомъ къ адвокату. — А гдѣ же ваши часики-то, господинъ? — произнесъ онъ тонкимъ голосомъ.

— Ахъ! — схватился караимъ.

— Вотъ видите, теперь — ахъ! — продолжалъ Яша укоризненно. — Вы все время на мою правую ручку любовались, а я тѣмъ временемъ ваши часики лѣвой ручкой соперировалъ-съ. Вотъ именно этими двумя пальчиками. Изъ-подъ кашны-съ. Для того и кашну носимъ. А какъ у васъ чѣпка несостоящая, шнурокъ, должно-быть, на память отъ какой мамзели, а часики золотые, то я чѣпку вамъ оставилъ въ знакъ предмета памяти. Получайте-съ, — прибавилъ онъ со вздохомъ, протягивая часы.

— Однако ловко! — сказалъ смущенный адвокатъ. — Я и не замѣтилъ.

— Тѣмъ торгуемъ, — замѣтилъ Яша съ гордостью.

Онъ развязно возвратился къ своимъ товарищамъ. Ораторъ между тѣмъ отшилъ изъ стакана и продолжалъ:

— Теперь, милостивые государи, слѣдующій изъ нашихъ сотрудниковъ покажетъ вамъ нѣсколько обыкновенныхъ карточныхъ вольтовъ, которые въ ходу на ярмаркахъ, на пароходахъ и на желѣзныхъ дорогахъ. Съ помощью трехъ картъ, наиримѣръ, дамы, туза и шестерки, онъ весьма удобно... Впрочемъ, можетъ-быть, господа, васъ утомили эти опыты?

— Нѣтъ, все это крайне интересно, — любезно отвѣтилъ председатель. — Я бы хотѣлъ только спросить, — если, конечно, мой вопросъ не покажется вамъ нескромнымъ: — ваша специальность?

— Моя... гм... нѣтъ, отчего же нескромность?.. Я работаю въ большихъ брильянтовыхъ магазинахъ, а другое мое занятіе — банки, — со скромной улыбкой отвѣтилъ ораторъ. — Нѣтъ, вы не думайте, что мое ремесло легче другихъ. Достаточно того, что я знаю четыре европейскіхъ языка: нѣмецкій, французскій, англійскій и итальянскій, не считая, понятно, польскаго, малорусскаго и еврейскаго. Такъ какъ же, господинъ председатель, производить ли дальнѣйшую демонстрацію?

Председатель взглянулъ на часы.

— Къ сожалѣнію, у насъ слишкомъ мало времени, — сказалъ онъ. — Не перейти ли намъ лучше къ самой сути вашего дѣла? Тѣмъ болѣе, что опыты, которыхъ мы были только-что свидѣтелями, въ достаточной мѣрѣ убѣждаютъ насъ въ ловкости вашихъ почтенныхъ сочленовъ. Не правда ли, Исаакъ Абрамовичъ?

— О, да, совершенно! — подтвердилъ съ готовностью адвокатъ-караимъ.

— И прекрасно, — любезно согласился джентльменъ въ песочномъ костюмѣ. — Графчикъ, — обратился онъ къ

курчавому блондину, похожему на маркера въ праздникъ:—спрячьте вашу машинку, она не нужна больше. Мнѣ осталось, господа, всего нѣсколько словъ. Теперь, когда вы удостовѣрились въ томъ, что наше искусство, хотя и не пользуется просвѣщеннымъ покровительствомъ высокопоставленныхъ особъ, но оно все-таки—искусство; когда вы, можетъ-быть, согласились со мною, что это искусство требуетъ многихъ личныхъ качествъ, кромѣ постояннаго труда, опасностей и непріятныхъ недоразумѣній, — вы, надѣюсь, повѣрите также, что къ нашему искусству можно пристраститься и — какъ это ни странно съ перваго взгляда — любить и уважать его. Теперь представьте себѣ, что вдругъ извѣстному, талантливому поэту, легенды и поэмы котораго украшаютъ лучшіе наши журналы, вдругъ ему предлагаютъ написать въ стихахъ, по три копейки за строчку и при томъ за полной подписью, рекламу для папиросъ «Жасминъ»? Или кого-нибудь изъ васъ, блестящихъ и знаменитыхъ адвокатовъ, вдругъ оклеветали въ томъ, что вы промышляете лжесвидѣтельствомъ по бракоразводнымъ дѣламъ или пишете въ кабакахъ прошенія къ градоначальнику для извозчиковъ? Конечно, ваши родные, друзья и знакомые не повѣрятъ этому, но слухъ уже отравилъ васъ, и вы переживаете мучительныя минуты. А теперь представьте себѣ, что такая позорная, неизвѣстно кѣмъ пущенная клевета грозитъ не только вашему доброму имени и спокойному пищеваренію, но угрожаетъ вашей свободѣ, вашему здоровью, даже вашей жизни?

«Въ такомъ именно положеніи находимся мы, оклеветанные газетами воры. Я долженъ оговориться. Существуетъ категорія прохвостовъ — *passez moi le mot*, — которыхъ мы называемъ маменькиными сынками и съ которыми насъ — увы! — смѣшиваютъ. Это люди безъ стыда и безъ совѣсти, промотавшаяся шушера, именно маменькины обол-

тусы, лѣнныя и неуклюжіе дармоѣды, неумѣло проворовавшіеся приказчики. Ему ничего не стоить жить на счетъ своей любовницы-проститутки, подобно самцу рыбы макрели, которая плаваетъ за самкой и питается ея изверженіями; онъ способенъ обобратъ и обидѣть ребенка въ темномъ переулкѣ, чтобы отнять у него три копейки; онъ убьетъ спящаго и будетъ пытаться старуху. Эти люди — язва нашего ремесла. Для нихъ не существуетъ ни прелестей ни традиціи искусства. Они слѣдятъ за нами, за настоящими, ловкими ворами, какъ шакалы за львомъ. Положимъ, мнѣ удалось сдѣлать большое дѣло. Не говоря уже о томъ, что при продажѣ вещей или при промѣнѣ билетовъ я оставляю въ рукахъ ростовщиковъ до двухъ третей всей суммы, не говоря даже объ обычныхъ подачкахъ неподкупной полиціи, — я долженъ еще удѣлить нѣкоторую часть каждому изъ этихъ паразитовъ, который хоть мелькомъ, случайно, по наслышкѣ знаетъ о моемъ дѣлѣ. Мы ихъ такъ и называемъ: мотиенты, отъ слова «мотя», что значитъ — половина, испорченное — moitié... своеобразная филологія. Я даю только за то, что онъ знаетъ и можетъ донести. И чаще всего бываетъ такъ, что, воспользовавшись своею частью, онъ все-таки мгновенно бѣжитъ въ полицію и доноситъ на меня, чтобы заработать еще пять рублей. Мы, честные воры... да, да, смѣйтесь, господа, я все-таки говорю: мы, честные воры, презираемъ этихъ гадовъ. У насъ есть для нихъ еще одна кличка, позорная, какъ клеймо, но я не смѣю ее выговорить здѣсь изъ уваженія къ мѣсту и людямъ. О, да, они услужливо примутъ приглашеніе итти на погромъ; но одна мысль о томъ, что насъ могутъ смѣшать съ ними, въ сто разъ обиднѣе для насъ, чѣмъ самое обвиненіе въ погромѣ.

«Милостивые государи! До сихъ поръ, пока я говорилъ, я часто замѣчалъ на вашихъ лицахъ улыбки. Я пони-

маю васъ: наше присутствіе здѣсь, наше обращеніе къ вашей помощи, наконецъ самая неожиданность такого явленія, какъ систематическая воровская организація, съ делегатами-ворами и уполномоченнымъ отъ делегаціи—воромъ-профессіоналомъ, все это настолько оригинально, что не можетъ не вызвать улыбки. Но теперь я буду говорить отъ глубины моего сердца. Сбросимте, господа, внѣшнія оболочки. Люди говорятъ къ людямъ.

«Почти всѣ мы грамотны и всѣ любимъ чтеніе и читаемъ не только «Похожденія Рокамболя», какъ пишутъ о насъ наши бытописатели. Или, вы думаете, у насъ не обливалось кровью сердце и не горѣли щеки, какъ отъ пощечинъ, отъ стыда за все время этой несчастной, позорной, проклятой, подлой войны? И неужели вы думаете, что у насъ не пылаютъ души отъ гнѣва, когда нашу родину полосуютъ пагайками, топчутъ каблуками, разстрѣливаютъ и плюютъ на нее дикіе, остервенѣлые люди? Неужели вы не повѣрите тому, что мы—воры—съ трепетомъ восторга встрѣчаемъ каждый шагъ грядущаго освобожденія?»

«Каждый изъ насъ понимаетъ—развѣ немногимъ хуже, чѣмъ вы, господа адвокаты—истинную суть погромовъ. Каждый разъ, послѣ крупной подлости или постыдной неудачи, совершивъ ли казнь мученика въ темномъ крѣпостномъ закоулкѣ, передернувъ ли на народномъ довѣрїи, кто-то скрытый, неуловимый пугается народного гнѣва и отводитъ его русло на головы неповинныхъ евреевъ. Какой дьявольскій умъ изобрѣтаетъ эти погромы—эти гигантскія кровесосныя банки, эти каннибальскія утѣхи для темныхъ, звѣриныхъ душъ?»

«Но всѣ мы отлично видимъ, что наступаютъ послѣднія судороги бюрократіи. Простите, я расскажу образно. У одного народа былъ главный храмъ, и въ немъ за занавѣской, охраняемой жрецами, обитало кровожадное бо-

жество. Ему приносились человѣческія жертвы. Но вотъ однажды смѣлыя руки сорвали завѣсу, и всѣ тогда увидѣли, вмѣсто бога, огромнаго, мохнатого, прожорливаго паука, омерзительнаго спрута. Его бьютъ, въ него стрѣляютъ, его уже расчленили на куски, но онъ все-таки въ бѣшенствѣ послѣдней агоніи простираетъ по всему древнему храму свои гадкіе, цѣпкіе щупальцы. И жрецы, сами приговоренные къ смерти, толкаютъ въ лапы чудовища всѣхъ, кого захватятъ ихъ дрожащіе отъ ужаса пальцы.

«Простите. То, что я сказалъ, вѣроятно, несвязно и дико. Но я нѣсколько взволнованъ. Простите. Я продолжаю. Намъ, ворами по профессіи, болѣе, чѣмъ кому-либо другому, извѣстно, какъ дѣлались эти погромы. Мы толкаемся повсюду: въ кабакахъ, на базарахъ, въ чайныхъ, по ночлежкамъ, по площадямъ, въ порту. Да, мы, именно мы, можемъ присягнуть передъ Богомъ, передъ людьми, передъ потомствомъ, что мы видѣли, какъ грубо, не стыдясь и почти не прячась, организовала полиція массовыя избіенія. Мы ихъ всѣхъ знаемъ въ лицо — и одѣтыхъ и переодѣтыхъ. Они предлагали многимъ изъ насъ принять участіе, но никто изъ нашихъ не былъ настолько подлъ, чтобы дать хоть ложное, хоть вынужденное трусостью согласіе.

«Вы знаете, конечно, какъ всѣ слои русскаго общества относятся къ полиціи? Ее не уважаютъ даже тѣ, кто питается ея темными услугами. Но мы презираемъ и ненавидимъ ее втрое, въ десять разъ. И не за то, что многихъ изъ насъ истязали въ сыскныхъ отдѣленіяхъ, въ этихъ настоящихъ застѣнкахъ, били смертнымъ боемъ, били воловьими жилами и гуттаперчевыми палками, чтобы выпытать сознаніе или заставитьъ предать товарища. Да, конечно, и за то. Но мы, воры, мы всѣ, сидѣвшіе въ тюрьмѣ, съ безумной страстностью обожаемъ свободу. И потому-то именно мы и ненавидимъ тюремщиковъ всею

ненавистью, на которую способно человѣческое сердце. Я скажу про себя. Меня трижды истязали полицейскіе сыщики до полусмерти. У меня отбиты легкія и печень. По утрамъ я кашляю кровью, пока не отдышусь. Но, если мнѣ скажутъ, что я, пожавъ руку самаго главнаго генерала-отъ-полиціи, предотвращу этимъ такое же четвертое избіеніе, — я откажусь!

«И вотъ газеты говорятъ, что изъ этихъ рукъ мы приняли деньги іудины, юмоченныя свѣжей человѣческой кровью. Нѣтъ, господа, это — клевета, колющая насъ въ самую душу съ нестерпимой болью. Ни деньги, ни угрозы, ни обѣщанія не сдѣлаютъ насъ наемными братоубійцами или ихъ пособниками».

— Никогда! Нѣтъ, нѣтъ! — глухо зароптали сзади оратора его товарищи.

— Я скажу больше, — продолжалъ воръ. — Многіе изъ насъ во время этого погрома защищали избиваемыхъ. Нашъ товарищъ, носящій кличку Сысой Великій, — вы его только-что видѣли, господа, — квартировалъ въ это время у еврея-шмуклера на Молдаванкѣ. И онъ отстоялъ своего хозяина съ кочергой въ рукахъ противъ цѣлой орды убійць. Правда, Сысой Великій обладаетъ страшной физической силой, и это хорошо извѣстно многимъ изъ обитателей Молдаванки, но все-таки согласитесь, господа, развѣ Сысой Великій не глядѣлъ въ эти минуты прямо въ лицо смерти? Другой нашъ товарищъ — Мартынъ Рудокопъ — вотъ этотъ самый, господа, — ораторъ указалъ на державшагося сзади блѣднаго бородатаго мужчину съ прекрасными темными глазами: — онъ спасъ старую незнакомую еврейку, за которой гналась толпа этой рвани. Ему за это пробили голову желѣзомъ, сломали въ двухъ мѣстахъ руку и перебили ребро. Онъ только-что изъ больницы. Вотъ какъ поступили наиболѣе пылкіе и сильные духомъ. Другіе дрожали отъ злости и плакали отъ безсилія.

«Никто изъ насъ не забудеть ужасовъ этихъ кровавыхъ дней, этихъ ночей, озаренныхъ пламенемъ пожаровъ, этихъ женскихъ воплей, этихъ неубранныхъ, истерзанныхъ, маленькихъ дѣтскихъ труповъ. Но никто изъ насъ зато и не думаетъ, что полиція и чернь—начало зла. Эти маленькіе, глупые, омерзительные звѣрюшки — они только безсмысленный кулакъ, управляемый подлымъ, расчетливымъ умомъ, возбуждаемый дьявольской волей...

«Да, господа адвокаты, — продолжалъ ораторъ: — мы — воры и заслужили ваше законное презрѣніе. Но когда вамъ, лучшимъ людямъ, понадобятся на баррикадахъ ловкіе, смѣлые, послушные молодчики, которые сумѣютъ весело, съ пѣсней и шуткой встрѣтить смерть ради лучшаго слова въ мірѣ—свобода, — неужели вы изъ-за застарѣлой брезгливости оттолкнете, прогоните насъ?»

«Чортъ возьми! Во время французской революціи первой жертвой была проститутка. Она вскочила на баррикаду и, подобравъ съ шикомъ платье, крикнула: «Ну-ка, солдаты, кто изъ васъ посмѣетъ выстрѣлить въ женщину?» Да, чортъ! — воскликнулъ громко ораторъ и ударилъ кулакомъ по мраморной доскѣ стола: — ее убили, но, ей-Богу, ея жестъ былъ великолѣпенъ, и ея слова бессмертно-прекрасны.

«Если вы въ великую минуту прогоните насъ, мы скажемъ вамъ, о, незапятнанные херувимы: «А что, если человѣческія мысли обладали бы способностью ранить, убивать, лишать людей чести и имущества, то кто изъ васъ, о, невинные голуби, не заслужилъ бы кнута и каторги?» И тогда мы уйдемъ отъ васъ и построимъ свою собственную веселую, смѣшную, отчаянную воровскую баррикаду и умремъ съ такимъ дружнымъ пѣніемъ, что вы позавидуете намъ, бѣлоснѣжные!»

«Впрочемъ, я опять увлекся. Простите. Кончаю. Вы ви-

дите теперь, господа, какія чувства вызвала въ насъ газетная клевета. Вѣрьте же нашей искренности и сдѣлайте что-нибудь, чтобы снять съ насъ это кровавое и грязное пятно, такъ несправедливо насъ заклеившее. Я кончилъ».

Онъ отошелъ отъ стола и присоединился къ своимъ товарищамъ. Адвокаты вполголоса о чемъ-то перешептывались, подобно тому, какъ это дѣлаютъ члены суда на засѣданіяхъ. Потомъ предсѣдатель всталъ и объявилъ:

— Мы безусловно довѣряемъ вамъ и приложимъ всѣ усилія, чтобы очистить имя вашей корпораціи отъ этого тяжелаго обвиненія. вмѣстѣ съ тѣмъ мои товарищи уполномочили меня выразить вамъ, господа, наше глубокое уваженіе за ваши горячія гражданскія чувства. Я же, лично съ своей стороны, прошу у представителя делегации позволенія пожать ему руку.

И эти два человѣка, оба высокіе и серьезные, стиснули другъ другу руки крѣпкимъ, мужскимъ пожатіемъ.

Адвокаты расходились изъ театра. Но четверо изъ нихъ замѣшкались въ передней около вѣшалокъ: Исаакъ Абрамовичъ никакъ не могъ отыскать своей новой желтой прекрасной шляпы — панамы. вмѣсто нея на деревянномъ колышкѣ висѣлъ суконый картузь, лихо приплюснутый съ боковъ.

— Яша! — вдругъ послышался снаружи, по ту сторону дверей, строгій голосъ недавняго оратора. — Яша, я тебѣ въ послѣдній разъ говорю, чортъ бы тебя побралъ!.. Слышишь? Ну?..

Тяжелая дверь распахнулась. Вошелъ джентльменъ въ песочномъ костюмѣ. Въ рукахъ у него была шляпа Исаака Абрамовича; на лицѣ играла милая, свѣтская улыбка.

— Господа! Ради Бога простите. Маленькое, смѣшное недоразумѣніе. Одинъ изъ нашихъ товарищей совершенно случайно обмѣнилъ шляпу. Ахъ, это ваша? Тысячу извиненій. Швейцаръ, что же ты, братецъ, зѣваешь? А? Подай сюда вотъ эту фуражку. Еще разъ простите, господа.

И съ любезными поклонами, все съ тою же милою улыбкой, онъ быстро вышелъ на улицу.

ОСЕННИЕ ЦВѢТЫ.

РАЗСКАЗЪ.

Мой милый, сердитый другъ! Я потому пишу — сердитый, что заранѣе воображаю себѣ: сначала ваше изумленіе, а потомъ негодованіе, когда вы получите это письмо и узнаете изъ него, что я не сдержала слова, обманула васъ, уѣхавъ внезапно изъ города, вмѣсто того, чтобы ждать васъ завтра вечеромъ, какъ это было условлено, въ моей гостиницѣ. Дорогой мой, я просто-напросто бѣжала отъ васъ, или нѣтъ, вѣрнѣе — отъ насъ обоихъ, бѣжала отъ того мучительнаго, неловкаго, и ненужнаго, что неминуемо должно было произойти между нами.

И не торопитесь съ ѣдкой улыбкой на губахъ обвинять меня въ спасительномъ благоразуміи: вѣдь вамъ больше всѣхъ на свѣтѣ извѣстно, какъ оно покидаетъ меня въ самыхъ нужныхъ случаяхъ! Богъ свидѣтель, до послѣдней минуты я не знала, поѣду ли я на самомъ дѣлѣ или не поѣду. Вотъ и теперь я совсѣмъ не увѣрена въ томъ, что до конца устою противъ нестерпимаго соблазна еще одинъ разъ, хоть мелькомъ, хоть издали взглянуть на васъ.

Я даже не знаю, удержусь ли я отъ того, чтобы не

выскочить изъ вагона послѣ третьяго звонка, и потому, окончивъ это письмо (если только мнѣ удастся его окончить), я отдамъ его носильщику и прикажу ему опустить письмо въ ящикъ въ тотъ самый моментъ, когда поѣздъ тронется. А я буду изъ окна слѣдить за нимъ и чувствовать, точно при прощаніи съ вами, какъ тоскливо, тоскливо сожмется мое сердце.

Простите меня: все, что я говорила вамъ о лиманахъ, о морскомъ воздухѣ и о докторахъ, будто бы уславшихъ меня сюда изъ Петербурга, все это было неправдой! Я приѣхала только потому, что меня вдругъ неудержимо потянуло къ вамъ, потянуло снова извѣдать хоть жалкую частицу того горячаго, ослѣпительнаго счастья, которымъ мы когда-то наслаждались расточительно и небрежно, точно сказочные цари.

Я думаю, изъ моихъ рассказовъ вы могли составить себѣ довольно ясное понятіе объ образѣ моей жизни среди того громаднаго звѣринца, который называется петербургскимъ обществомъ. Визиты, театры, балы, обязательные четверги у насъ, благотворительные базары и т. д. и т. д., и во всемъ этомъ я должна участвовать въ качествѣ красивой вывѣски надъ служебными и коммерческими дѣлами мужа. Только, пожалуйста, не ждите отъ меня избитой тирады о мелочности, пустотѣ, пошлости, лживости — я ужъ не помню, какъ это говорится въ романахъ — нашего общества. Я втянулась въ эту жизнь, полную комфорта, приличныхъ манеръ, свѣжихъ новостей, связей и вліяній, и у меня никогда бы не хватило силъ отъ этой жизни отказаться. Но сердце мое не участвуетъ въ ней. Мечутся предо мной какіе-то люди, говорятъ какія-то слова, и сама я что-то дѣлаю, что-то говорю, но ни люди ни слова не затрагиваютъ моей души, и мнѣ минутами кажется, что все это происходитъ гдѣ-то въ страшномъ отдаленіи отъ меня,

точно въ книгѣ или на картинѣ, точно «понарочку», какъ выражалась когда-то моя нянька — Домнушка.

И вдругъ среди этой тусклой и равнодушной жизни меня, точно волной, взмыло наше милое, сладкое прошлое. Случалось ли вамъ когда-нибудь проснуться подъ впечатлѣніемъ одного изъ тѣхъ странныхъ сновъ, которые такъ радостны, что послѣ нихъ цѣлый день ходишь въ какомъ-то блаженномъ опьянѣніи, и въ то же время такъ бѣдны содержаніемъ, что если ихъ рассказать не только постороннему, но даже самому близкому человѣку, — выйдетъ ничтожно и плоско до смѣшного. Рассказывающіе хорошо свои сны часто лгутъ, говорить у Шекспира Меркуціо, и — Боже мой, какая въ этомъ глубокая психологическая правда!

Ну, такъ вотъ и я однажды проснулась утромъ послѣ такого сна. Я видѣла себя въ лодкѣ вмѣстѣ съ вами гдѣ-то далеко-далеко въ морѣ. Вы сидѣли на веслахъ, а я лежала на кормѣ и глядѣла въ голубое небо. Вотъ и все. Лодка тихонько покачивалась, а небо было такое глубокое, что мнѣ временами казалось, будто я гляжу внизъ въ бездонную пропасть. И какое-то непостижимое, радостное чувство такъ нѣжно, такъ гармонично овладѣло моей душой, что мнѣ захотѣлось въ одно и то же время заплакать и засмѣяться отъ избытка счастья. Я проснулась, но этотъ сонъ остался въ моей душѣ, точно приросъ къ ней. Небольшимъ усиліемъ воображенія мнѣ часто удавалось вызывать его въ памяти и вмѣстѣ съ этимъ вновь испытать слабую тѣнь той радости, которая его сопровождала.

Иногда это случалось въ гостиной, во время какого-нибудь пустого разговора, который слушаешь не слыша, и тогда я должна была закрывать на нѣсколько мгновений руками глаза, чтобы не выдать ихъ неожиданнаго сіянія. О, какъ сильно, какъ неотступно повлекло меня

къ вамъ. Точно живая, воскресла предо мной плѣнительная волшебная сказка, въ которой промелькнула шесть лѣтъ тому назадъ подъ ласковымъ южнымъ небомъ наша любовь. Все мнѣ вдругъ вспомнилось: внезапныя ссоры, съ нелѣпой ревностью и смѣшными подозрѣніями, и веселыя примиренія, послѣ которыхъ наши поцѣлуи пріобрѣтали новую прелесть перваго поцѣлуя; нетерпѣливыя ожиданія въ условленномъ мѣстѣ; чувство тоскливой пустоты въ тѣ минуты, когда мы, разставшись вечеромъ, чтобы сойтись опять на другой день утромъ, по многу разъ оборачивались одновременно назадъ и издали, изъ-за плечъ раздѣлявшей насъ толпы, розовой отъ пыльнаго солнечнаго заката, встрѣчались глазами; вспоминалась мнѣ вся эта сверкающая жизнь, полная могучаго, неудержимаго счастья!

Мы не могли усидѣть на мѣстѣ. Насъ жадно тянуло къ новымъ мѣстамъ и новымъ впечатлѣніямъ. Какъ хороши были наши далекія поѣздки въ этихъ допотопныхъ, душныхъ дилижансахъ, завѣшенныхъ грязной парусиной, въ обществѣ хмурыхъ нѣмцевъ, съ жилистыми красными шеями, съ лицами, точно вырѣзанными грубо изъ куска дерева, и чинныхъ тощихъ нѣмокъ, которыя дѣлали широкіе, изумленные глаза, прислушиваясь къ нашему сумасшедшему хохоту. А эти случайные завтраки у какого-нибудь «добраго, стараго, честнаго колониста», подъ тѣнью цвѣтущей акаціи, въ глубинѣ маленькаго, чистенькаго дворика, обнесеннаго бѣлой низкой стѣной и усыпаннаго морскимъ пескомъ? Съ какимъ невѣроятнымъ аппетитомъ набрасывались мы на жареную скумбрію и на мѣстное мутное и кислое вино, не переставая дѣлать тысячи нѣжныхъ и смѣшныхъ глупостей, въ родѣ того историческаго дерзкаго поцѣлуя, который заставилъ всѣхъ дачниковъ въ негодованіи обернуться къ намъ спинами. А теплыя іюльскія ночи на тоняхъ?.. Помните ли

вы этот удивительный лунный свѣтъ, который былъ такъ яркъ, что казался преувеличеннымъ, неправдоподобнымъ; это спокойное озаренное море, играющее переливами серебристаго муара, а на его блестящемъ фонѣ темные силуэты рыбаковъ, которые, выбирая сѣти, однообразно и ритмично, всѣ сразу наклоняются въ одну и ту же сторону?

Но иногда нами овладѣвала потребность въ городскомъ шумѣ, въ сутолокѣ, въ чужихъ людяхъ. Затерявшись въ незнакомой толпѣ, мы бродили, прижавшись другъ къ другу, и еще тѣснѣе, еще глубже сознавали нашу взаимную близость. Помните ли вы это, дорогой мой? Что касается меня, я помню каждую мелочь и болѣю этимъ. Вѣдь это все мое, оно живетъ во мнѣ и будетъ жить всегда, до самой смерти. Я никогда, если бы даже хотѣла, не въ силахъ отдѣлаться отъ него... Понимаете ли, — никогда; а между тѣмъ его на самомъ дѣлѣ нѣтъ, и я терзаюсь сознаниемъ, что не могу еще разъ по-настоящему пережить и почувствовать его. Богъ или природа, — я ужъ не знаю, кто, — давъ человѣку почти божескій умъ, выдумали въ то же время для него двѣ мучительныя ловушки: неизвѣстность будущаго и незабвенность, невозвратность прошедшаго.

Получивъ мою короткую записочку, которую я послала вамъ изъ гостиницы, вы тотчасъ же поспѣшили ко мнѣ. Вы торопились и были взволнованы: это я узнала издали по вашимъ скорымъ, нервнымъ шагамъ и по тому еще, что, прежде чѣмъ постучаться, вы довольно долго стояли въ коридорѣ около моего номера. Я сама взволновалась въ эту минуту не меньше васъ, представляя себѣ, какъ вы стоите тамъ, за дверью, всего въ двухъ шагахъ отъ меня, блѣдный, крѣпко притиснувъ руку къ сердцу, глубоко и трудно переводя дыханіе... И почему-то въ то же время мнѣ казалось невозможнымъ, несбыточнымъ,

что я сейчас, через нѣсколько секундъ, увижу васъ и буду слышать вашъ голосъ. Я испытывала настроеніе, похожее на то, которое бываетъ въ полуснѣ, когда довольно ясно видишь образы, но вмѣстѣ съ тѣмъ, не просыпаясь, говоришь себѣ: — это неправда, это — сонъ.

Вы измѣнились за это время, возмужали и какъ будто бы выросли; черный сюртукъ идетъ вамъ гораздо больше, чѣмъ студенческой мундиръ, манеры у васъ стали сдержаннѣй, глаза смотрятъ увѣреннѣй и холоднѣй, модная остроконечная бородка положительно краситъ васъ. Вы нашли, что я тоже похорошѣла, и я охотно вѣрю, что вы сказали это искренно, тѣмъ болѣе, что я прочла это въ вашемъ первомъ, бѣгомъ и нѣсколько удивленномъ взглядѣ. Вѣдь каждая женщина, если она не безнадежно глупа, — никогда не ошибется насчетъ того впечатлѣнія, которое произвела ея наружность...

Когда я ѣхала сюда, то всю дорогу, сидя въ вагонѣ, старалась представить себѣ нашу встрѣчу. Признаюсь, я никакъ не думала, что она выйдетъ такой странной, напряженной и неловкой для насъ обоихъ. Мы обмѣнивались незначительными, обыденными словами о моей дорогѣ, о Петербургѣ, о здоровьѣ, но глазами мы пытливо всматривались въ лица другъ друга, ревниво отыскивая въ нихъ новыя черты, наложенныя временемъ и чужой, незнакомой жизнью... Разговоръ у насъ не вязался. Начавъ его на «вы», въ искусственно-оживленномъ тонѣ, мы оба скоро почувствовали, что намъ съ каждой минутой становится все тяжелѣе и скучнѣе его поддерживать. Между нами какъ будто бы стояло какое-то постороннее, громоздкое, холодное препятствіе, и мы не знали, какимъ образомъ удалить его.

Весенній вечеръ тихо угасалъ. Въ комнатѣ сдѣлалось темно. Я хотѣла позвонить, чтобъ приказать принести лампу, но вы попросили меня не зажигать огня. Можетъ-

быть, темнота способствовала тому, что мы рѣшились наконецъ, коснуться нашего прошлаго. Мы заговорили о немъ съ той добродушной и снисходительной насмѣшкой, съ какой взрослые говорятъ о своихъ дѣтскихъ шалостяхъ, но, странно, чѣмъ больше мы старались притворяться другъ передъ другомъ и сами передъ собой — веселыми и небрежными, — тѣмъ печальнѣе становились наши слова... Наконецъ мы и совсѣмъ замолчали и долго сидѣли — я въ углу дивана, вы — на креслѣ, — не шевелясь, почти не дыша. Въ открытое окно къ намъ плылъ смутный гулъ большого города, слышался стукъ колесъ, хрипяья вскрикиванья трамвайныхъ рожковъ, отрывистые звонки велосипедистовъ, и, какъ это всегда бываетъ весенними вечерами, эти звуки доносились до насъ смягченными, нѣжными и грустно-тревожными. Изъ окна была видна узкая полоса неба — цвѣта блѣдной, вылинявшей бронзы, — и на ней рѣзко чернѣлъ силуэтъ какой-то крыши съ трубами и слуховой вышкой, чуть-чуть сверкавшей своими стеклами. Въ темнотѣ я не различала вашей фигуры, но видѣла блескъ вашихъ глазъ, устремленныхъ въ окно, и мнѣ казалось, что въ нихъ стоятъ слезы.

Знаете ли, какое сравненіе пришло мнѣ въ голову въ то время, когда мы молчали, перебирая въ умѣ наши милыя, трогательныя воспоминанія? Мы точно встрѣтились съ вами послѣ многихъ лѣтъ разлуки, на могилѣ человека, котораго мы оба когда-то любили одинаково горячо. Тихое кладбище... весна... вездѣ молодая травка... сирени цвѣтутъ, а мы стоимъ надъ знакомой могилой и не можемъ уйти, отряхнуться отъ объявшихъ насъ смутныхъ, печальныхъ, безконечно милыхъ призраковъ. Этотъ покойникъ — наша старая любовь, дорогой мой!

Вы вдругъ прервали молчаніе, вскочивъ съ кресла и рѣзко его отодвинувъ.

— Нѣтъ, такъ нельзя! Мы совсѣмъ измучимъ себя! —

воскликнули вы, и я слышала, какъ тоскливо задрожалъ вашъ голосъ. — Ради Бога, пойдите на воздухъ, потому что иначе я расплачусь или сойду съ ума!..

Мы вышли. Въ воздухѣ была уже разлита полупрозрачная, мягкая, смуглая тьма весенняго вечера, и въ ней необыкновенно легко, тонко и четко рисовались углы зданій, вѣтки деревьевъ и контуры человѣческихъ фигуръ. Когда мы прошли бульваръ и вы подозвали коляску, я уже знала, куда вы хотите меня повезти.

Тамъ все попрежнему. Огромная площадка, плотно утрамбованная и усыпанная крупнымъ желтымъ пескомъ, яркій голубой свѣтъ висячихъ электрическихъ фонарей, рѣзвые, бодрящіе звуки военнаго оркестра, длинные ряды легкихъ мраморныхъ столиковъ, занятыхъ мужчинами и женщинами, стукъ ножей, неразборчивый и монотонный говоръ толпы, торопливо снующіе лакеи, — все та же подмывающая обстановка дорогого ресторана... Боже мой! Какъ быстро, безостановочно мѣняется человѣкъ, и какъ постоянны, непоколебимы окружающіе его мѣста и предметы. Въ этомъ контрастѣ всегда есть что-то безконечно-печальное и таинственное. Знаете ли, попадались мнѣ иногда дурныя квартиры, даже не просто дурныя, а отвратительныя, невозможныя и при томъ связанныя съ цѣлой кучей непріятныхъ событій, огорченій, болѣзней. Перемѣнишь такую квартиру, и прямо кажется, что въ царство небесное попалъ. Но стоитъ черезъ недѣлю, другую проѣхать случайно мимо этого дома и взглянуть на пустыя окна съ приклеенными бѣлыми билетиками; и — душа сожметса отъ какого-то мучительнаго, томнаго сожалѣнія. Правда, было здѣсь гадко, было тяжело, но все-таки здѣсь какъ будто бы осталась навѣки цѣлая полоса твоей жизни, — невозвратимая полоса!

Такъ же, какъ и раньше, у воротъ ресторана сидятъ дѣвушки съ корзинами цвѣтовъ. Помнишь, ты всегда вы-

бираль для меня двѣ розы: темно-карминную и чайную? Когда мы проходили мимо, я по внезапному движенію твоей руки замѣтила, что ты и теперь хочешь сдѣлать то же самое, но ты во-время остановился, и какъ я тебѣ за это благодарна, милый!

Подъ сотнями любопытныхъ взглядовъ мы прошли въ легкую бесѣдку, которая такъ дерзко повисла со страшной высоты надъ моремъ, что, когда глядишь внизъ, перегнувшись черезъ перила, то не видишь берега, и кажется, что плаваешь въ воздухѣ. Подъ нашими ногами шумѣло море; сверху оно казалось такимъ чернымъ и жуткимъ! Недалеко отъ берега торчатъ изъ воды большіе, черные, угловатые камни. На нихъ то и дѣло набѣгали волны и, разбившись, покрывали ихъ буграми бѣлой пѣны; когда же волны уходили назадъ, то отшлифованные прибоемъ мокрые бока камней блестѣли, какъ лакированные, отражая свѣтъ электрическихъ фонарей. Иногда налеталъ легкій вѣтерокъ, насыщенный такимъ крѣпкимъ, здоровымъ запахомъ морскихъ водорослей, рыбы и соленой влаги, что отъ него сама собой расширялась грудь и вздрагивали ноздри...

А насъ все сильнѣе, все тягостнѣе сковывало что-то нехорошее, скучное, принужденное... Когда принесли шампанское, ты, наливая мой бокалъ, сказалъ съ мрачной шутливостью:

— Попробуемъ хоть искусственно приподнять себя. Выпьемъ этого храбраго, добраго вина, какъ говорятъ пылкіе французы.

Нѣтъ, намъ все равно не помогло бы и храброе, доброе вино. Ты самъ понималъ это, потому что сейчасъ же прибавилъ съ длиннымъ вздохомъ:

— А помните, какъ мы съ вами бывали отъ утра до вечера пьяны безъ вина, одной нашей любовью и радостью существованія?

Внизу, въ морѣ, около камней показалась лодка. Большой, бѣлый, стройный парусъ красиво раскачивался, опускаясь и подымаясь на волнахъ. Въ лодкѣ слышался женскій смѣхъ, и кто-то, должно-быть, иностранецъ, насвистывалъ очень вѣрно вмѣстѣ съ оркестромъ мелодіи вальдтейфелевскаго вальса.

Ты тоже слѣдилъ глазами за парусомъ и, не отрываясь отъ него, произнесъ мечтательно:

— Хорошо было бы теперь сѣсть въ такую шлюпку и уѣхать далеко-далеко въ море, такъ, чтобъ берега не было видно... Помните, какъ въ прежнее время?

— Да, умерло наше прежнее время...

Я сказала эту фразу совсѣмъ нечаянно, отвѣчая вслухъ на свои мысли, и тотчасъ же испугалась того неожиданнаго дѣйствія, которое произвели на тебя мои слова. Ты вдругъ такъ сильно поблѣднѣлъ и такъ быстро откинулся на спинку стула, что мнѣ казалось, будто ты падаешь... Черезъ минуту ты заговорилъ глухимъ, точно сразу охрипшимъ голосомъ:

— Какъ странно сошлись наши мысли! Я только-что думалъ о томъ же самомъ. Мнѣ представляется чѣмъ-то дикимъ, невѣроятнымъ, невозможнымъ, что именно мы съ вами, а не какіе-то двое совсѣмъ постороннихъ намъ людей, шесть лѣтъ тому назадъ такъ безумно любили другъ друга и такъ полно, такъ красиво наслаждались жизнью. Тѣхъ двоихъ давно нѣтъ на свѣтѣ. Они умерли... умерли...

Мы поѣхали обратно въ городъ... Дорога шла все время черезъ дачные поселки, застроенные вилами мѣстныхъ милліонеровъ. Мимо насъ проходили изящныя чугунныя рѣшетки и высокія каменные стѣны, изъ-за которыхъ свѣшивалась на улицу густая зелень платановъ; огромныя, всѣ въ рѣзбѣ, точно въ кружевахъ, ворота; сады, увѣшанные гирляндами разноцвѣтныхъ фонарей;

ярко освѣщенныя роскошныя веранды; экзотическія растенія въ цвѣтникахъ передъ дачами, похожими на волшебные дворцы. Бѣлыя акаціи пахли такъ сильно, что ихъ сладкій, приторный, конфетный ароматъ чувствовался на губахъ и во рту. Иногда откуда-то насъ вдругъ обдавало на нѣсколько секундъ сыроватымъ холодкомъ, но тотчасъ же опять мы попадали въ душистую теплоту тихой весенней ночи.

Лошади быстро бѣжали, звучно и равномерно стуча подковами. Мы плавно покачивались на рессорахъ и молчали. Когда мы были уже недалеко отъ города, я почувствовала, что твоя рука осторожно, медленно обвивается вокругъ моей талии и тихо, но настойчиво привлекаетъ меня къ тебѣ. Я не сопротивлялась, но и не отдавалась этому объятію. И ты понялъ, тебѣ стало стыдно. Ты оставилъ меня, и когда я, отыскавъ въ темнотѣ твою руку, признательно пожала ее, твоя рука отвѣтила мнѣ дружескимъ, извиняющимся пожатіемъ...

Но я знала, что въ тебѣ все-таки заговорить оскорбленное мужское самолюбіе. И я не ошиблась. Передъ тѣмъ, какъ разстаться, у подъѣзда гостиницы, ты попросилъ позволенія навѣщать меня. Я назначила день, и вотъ... прости меня... я тайкомъ убѣждала отъ тебя. Дорогой мой! Если не завтра, то черезъ два дня, черезъ недѣлю въ насъ вспыхнула бы просто-напросто чувственность, противъ которой безсильны и честь, и воля, и разумъ. Мы обокрали бы тѣхъ двухъ умершихъ людей, устроивъ тайкомъ фальшивый и смѣшной подлогъ подъ прежнюю любовь. И мертвецы жестоко отместили бы намъ за это, поселивъ между нами ссору, недовѣріе, холодность и — что всего ужаснѣе — постоянное ревнивое сравненіе настоящаго съ прошлымъ.

Прощайте. Сгоряча я и не замѣтила, какъ перешла въ письмѣ на «ты». Я увѣрена, что черезъ нѣсколько

дней, когда утихнет у васъ первая боль оскорбленнаго самолюбія, вы согласитесь со мною и перестанете сердиться на мой неожиданный отъѣздъ.

Сейчасъ въ дверь вошелъ швейцаръ и прозвонилъ первый звонокъ. Но теперь я уже увѣрена, что устою отъ искушенія и не выскочу изъ вагона...

И все-таки наша короткая встрѣча уже начинается въ моемъ воображеніи одѣваться дымкой какой-то нѣжной, тихой, поэтической, покорной грусти. Знакомо ли вамъ это чудное стихотвореніе Пушкина: «Цвѣты осенніе милѣй роскошныхъ первенцевъ полей... Такъ иногда разлуки часъ живѣе самого свиданья...»?

Да, мой дорогой, именно осенніе цвѣты! Приходилось ли вамъ когда-нибудь поздней осенью, въ хмурое, дождливое утро выйти въ садъ? Деревья—почти голыя, сквозятъ и качаются, на дорожкахъ гніютъ опавшіе листья, вездѣ смерть и запустѣніе. И только на клумбахъ, надъ поникшими, пожелтѣвшими стеблями другихъ цвѣтовъ, ярко цвѣтутъ осеннія астры и георгины. Помните ли вы ихъ острый, травяной запахъ? Стоишь, бывало, въ странномъ оцѣпенѣніи около клумбы, дрожа отъ холода, слышишь этотъ меланхолическій, чисто-осенній запахъ, и тоскуешь. Все есть въ этой тоскѣ: и сожалѣніе о быстро промелькнувшемъ лѣтѣ, и ожиданіе холодной зимы со снѣгами и съ воемъ въ печныхъ трубахъ, и грусть по своему собственному, такъ быстро пронесшемуся лѣту... Милый мой, дорогой, единственный! Совершенно такое же чувство владѣетъ теперь моей душой. Пройдетъ еще немного времени, и воспоминаніе о нашей послѣдней встрѣчѣ станетъ и для васъ такимъ же нѣжнымъ, сладкимъ, печальнымъ и трогательнымъ. Прощайте же. Цѣлую васъ въ ваши умные красивые глаза.

Ваша З.

КЪ СЛАВЪ.

Когда я вышелъ въ 18** году изъ земледѣльческой академіи, мнѣ пришлось начинать мое жизненное поприще въ невѣроятной глуши, въ одномъ изъ пограничныхъ юго-западныхъ городковъ. Вѣчная грязь, стада свиней на улицахъ, хатенки, мазанная изъ глины и навоза... Общество въ такихъ городишкахъ извѣстное: мировой посредникъ, исправникъ, нотаріусъ, акцизные чиновники. Спайки въ этомъ обществѣ не было никакой; всѣ глядѣли врозь, и причиной этому, конечно, были женщины. Сначала заведется адюльтеръ, потомъ недоразумѣніе изъ-за того, кому первому подходить въ соборѣ ко кресту, потомъ чреватая всякими бѣдами сплетня. Сыщутся непременно свои Монтекки и Капулетти, и за ихъ враждой весь городъ слѣдитъ съ животрепещущимъ интересомъ. Словомъ, все развѣхалось и расклеилось.

Приѣхалъ къ намъ новый слѣдователь.

Есть, знаете ли, такіе универсальные люди, которые умѣютъ какъ-то сразу, съ одного маху, очаровывать самое разнохарактерное общество. Я думаю, что ихъ тайна очень проста и заключается только въ умѣнхи слушать. Чутьемъ какимъ-то угадаетъ онъ ваше слабое мѣсто, подведетъ къ нему разговоръ и тогда ужъ только слушаетъ терпѣливо. Вы передъ нимъ самые лучшіе перлы души высыпаете, а онъ знай себѣ головой киваетъ да погмы-

киваетъ. Этимъ, впрочемъ, однимъ таланты слѣдователя не исчерпывались. Онъ умѣлъ до коликъ смѣшить дамъ, могъ хорошо выпить и въ холостой компаніи прекрасно рассказывалъ скабрзные анекдоты.

Слѣдователь сдѣлался первымъ звеномъ сближенія общества. Можетъ-быть, онъ сдѣлался имъ даже невольно, потому что всѣ взоры на него устремились съ ожиданіемъ чего-то новаго и веселаго. Началось съ любительскихъ спектаклей.

Когда дѣло было совсѣмъ ужъ поставлено на ноги, то и меня къ нему притянули, но я, къ счастью, оказался съ первыхъ же шаговъ никуда негоднымъ. Дали мнѣ въ глупѣйшей переводной драмѣ роль ревниваго мужа, самую безцвѣтную и длинную роль во всей пьесѣ. Вы и представить себѣ не можете, съ какой кротостью я переносилъ на репетиціяхъ всякія издѣвательства. Кто только ни училъ меня, кто надо мной ни ломался! И режиссеръ, и суфлеръ, и любительницы, и даже, я помню, одинъ гимназистъ четвертаго класса, говорившій сиплымъ басомъ и носившій пенснэ. Особенно не давалось мнѣ то мѣсто, когда я узнаю о невѣрности жены и «съ ужасными жестами отчаянія» (такъ стояло въ пьесѣ) кричу ей: «О, проклятіе! Каждый разъ, когда я вспомню о своемъ позорѣ, — я трепещу отъ негодованія!» Какъ дойдетъ до этого мѣста, — любительницы смѣются, а режиссеръ кричитъ: «Вы, какъ манекенъ, держитесь! Видите сами, — здѣсь ремарка: «жесты отчаянія». Смотрите на меня. Вотъ какъ нужно жестикулировать!»

Пришелъ ожидаемый день спектакля. Жутко было. А главное — чѣмъ ближе подходитъ пьеса къ роковому мѣсту, тѣмъ больше я чувствую, что оно меня зарѣжетъ. Наконецъ сценаріусъ выталкиваетъ меня въ спину изъ-за кулисъ. Я стремглавъ вылетаю, ворочаю глазами, вспо-

минаю режиссерскія указанія и дѣлаю первый жестъ отчаянія. Но въ это мгновеніе я, къ ужасу своему, чувствую, что убійственныя слова совсѣмъ вылетѣли изъ моей памяти. Ну, вотъ не могу припомнить и — баста! Прошла минута, можетъ-быть, двѣ, — для меня этотъ ужасъ длился цѣлые года. Я стою, окаменѣвъ въ отчаянной позѣ, и молчу, и ничего не слышу, кромѣ звона въ ушахъ. Наконецъ изъ суфлерской будочки до меня доносится: «О, проклятіе, каждый разъ»... Я дѣлаю последнее, невѣроятное усиліе, хватаю себя за волосы и дикимъ голосомъ на весь театръ кричу: «О, проклятіе! Каждый разъ, когда я вспомню о своемъ трезорѣ, я попищу отъ негодованія!» Ну, понятное дѣло, меня изъ кружка въ тотъ же вечеръ выгнали съ величайшимъ триумфомъ, а перековерканная фраза обратилась въ анекдотъ, и я не удивлюсь, если кто-нибудь изъ васъ его уже слышалъ.

Такимъ образомъ я остался въ сторонѣ. Какъ и нужно было ожидать, на первый разъ всѣ единодушно рѣшили поставить какую-то тяжелую драму, написанную суконнымъ языкомъ, и кромѣ нея, конечно, водевиль. Не обошлось безъ интригъ. Двѣ дамы рассчитывали на главную драматическую роль. Одна основывала свое право на томъ, что видѣла въ этой роли Федотову, другая утверждала, что нарочно для этой роли заказала платье съ кружевными оборочками и дамассе. Не разъ дѣло разстраивалось и вновь склеивалось... Въ концѣ концовъ, передъ самымъ спектаклемъ, барышня, которая должна была играть въ водевилѣ, обидѣлась, закапризничала, заболѣла и отказалась. Отмѣнить водевиль не было возможности, потому что афиши уже были напечатаны и часть билетовъ распродана. Никто не хотѣлъ идти на затычку, по случаю отказа прежней исполнительницы. Тогда кто-то посоветовалъ просить Лидочку Гнетневу.

Можетъ-быть, господа, кому-нибудь изъ васъ случилось встрѣтить хоть разъ такую женщину, которая промелькнетъ въ вашей жизни, точно оссіановская тѣнь, и навсегда останется въ памяти, какъ далекое, милое, но странное сновидѣніе? Пусть она на васъ не обращала никакого вниманія, пусть вы сами никогда и не пытались даже полюбить ее, пусть вы потомъ встрѣчали женщинъ умныхъ, чуткихъ, красивыхъ, — ни одинъ образъ не застелетъ этого неуловимо-своеобразнаго тонкаго образа. Такою именно и была Лидочка. Я до сихъ поръ необыкновенно живо умѣю представлять себѣ ея наружность: гибкое, худощавое тѣло, властно очерченныя брови, черныя кудри, голубыя жилки на вискахъ, нервный некрасивый ротъ и въ видѣ контраста къ нему прекрасныя темныя глаза, суровые, почти скорбныя, никогда не улыбающіеся. Отецъ Лидочки, служившій у насъ уѣзднымъ казначеемъ, жилъ открыто. Я часто, въ продолженіе многихъ лѣтъ, бывалъ у Гнетневыхъ, и Лидочка на моихъ глазахъ изъ шаловливаго котенка-подростка въ короткихъ платьицахъ выровнялась въ красивую дѣвушку. Все въ ней было очаровательно: и простая, внимательная отзывчивость на чужое горе, и граціозная прелесть каприза, и наивно-рѣзкая правдивость, и застѣнчивость, и еще что-то, что сказывалось во всемъ ея существѣ: не то дерзость, не то какое-то жадное ко всему крайнему любопытство. Не умѣю я, чертъ возьми, всего этого, глубокаго, передать, но такихъ женщинъ на каждомъ шагу не встрѣтишь.

Сначала она наотрѣзъ было-отказалась отъ предложенной роли и согласилась только послѣ долгихъ упрашиваній. На репетиціяхъ я ея почти не видалъ, но догадывался издали, что Лидочку задѣло за живое. Обыкновенно она часто дѣлилась со мной впечатлѣніями, и удивительно какъ ясно и точно она умѣла передавать са

мыя тонкія подробности видѣннаго, слышаннаго и пере-чувствованнаго. Я встрѣтился съ ней близко уже на самомъ спектаклѣ, за кулисами, куда имѣлъ доступъ, благодаря тому, что принималъ участіе въ писаніи декораций.

Столкнулись мы какъ разъ передъ ея выходомъ, въ тѣсномъ коридорѣ, между стѣной и кулисами. На ней было бѣлое простенькое платье, схваченное въ талии голубой ленточкой. Странно измѣнилось ея лицо подъ гримомъ: оно стало какъ будто незнакомымъ, черты его выяснились рѣзче и красивѣй, глаза, подведенные и ярко блестяшіе отъ внутренняго волненія и отъ темной краски, казались неестественно-громадными.

— Что, — спросилъ я ее: — жутко приходится?

Она прижала обѣ руки къ груди и посмотрѣла на меня какимъ-то просящимъ о помощи взглядомъ.

— Страшно... Тутъ вотъ такъ и бьется... Я, кажется, откажусь выйти на сцену. Ну, куда я дѣну свои руки и ноги? Боже мой, какое мученье!

Позвалъ ее сценаріусъ. Я сталъ прислушиваться. Въ-мѣсто веселыхъ вступительныхъ словъ ея роли, вмѣсто звонкаго хохота, требуемаго пьесой въ этомъ мѣстѣ, я услышалъ робко срывающійся, какъ будто чужой голосъ и невольно зажмурилъ глаза. Стыдно мнѣ какъ-то стало за Лидочку и страшно. Я зналъ ея нервы и самолюбіе и понималъ, какъ она сама страдаетъ отъ своей неловкости.

Нѣсколько томительныхъ секундъ я ничего не слышалъ, а когда наконецъ боязливо заглянулъ изъ бокового марлеваго окна на сцену, то такъ и окаменѣлъ отъ удивленія. Лидочка не только оправилась, — она была неузнаваема. Каждое движеніе ея отличалось непринужденной и увѣренной граціей, каждое слово произносила она именно такъ, какъ его произносятъ въ обыденной жизни. Впрочемъ, не на одного меня Лидочка произвела

такое впечатлѣніе. Я окинулъ глазами зрительную залу и увидѣлъ всѣ давно знакомыя лица оживленными и улыбающимися.

Вся роль Лидочки заключалась въ какихъ-нибудь двухъ-трехъ десяткахъ репликъ, чрезвычайно живыхъ и кокетливыхъ. Когда она, напѣвая какой-то мотивъ и подбрасывая на ходу большой резиновый мячъ, направилась къ дверямъ, вслѣдъ ей раздались крики и шумные аплодисменты. Она вернулась и растерянно, немного по-инстинктуски раскланялась. Ее вызвали еще и еще — раза четыре, кажется. Я стоялъ у дверей и отворялъ ихъ. Она вышла задыхающаяся, со сверкающими глазами, съ румянцемъ, выступившимъ даже изъ-подъ грима, съ пересохшими отъ волненія губами. На мое поздравленіе она протянула мнѣ обѣ руки.

Весь этотъ вечеръ Лидочка была чрезвычайно, даже, пожалуй, неестественно оживлена и часто смѣялась нервнымъ, безпричиннымъ смѣхомъ. Я раза два подходилъ къ ней и рассказывалъ что-то. Она слушала меня, не перебивая, но отвѣчала невпопадъ, глядѣла на меня неотступно, но въ ея глазахъ сіяло такое мечтательное счастье, губы складывались въ такую блаженную улыбку, что мнѣ становилось понятно, какъ далеко были ея мысли отъ моихъ рассказовъ. Она смотрѣла на меня, какъ смотритъ замечтавшійся человѣкъ на отдаленный предметъ, на какое-нибудь пятнышко на обояхъ: самого пятнышка не видишь, а оторваться отъ него невозможно.

Такъ и Лидочка, должно-быть, все еще видѣла передъ собой подмости, возвышающіе ее надъ сотнями головъ, слышала оглушительный, пьянящій плескъ аплодисментовъ, и ее опять тянуло къ тому прекрасному сну, отъ котораго она только-что проснулась.

Среди публики Лидочкинъ дебютъ положительно произвелъ эффектъ, и многіе поспѣшили въ тотъ же вечеръ

высказать ей это въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Мнѣніе большинства обезпечило за ней на слѣдующій спектакль трудную и выдающуюся роль: она должна была играть Офелію.

Взялась она за дѣло съ той страстностью, съ какой она хваталась за все для нея новое, и при томъ — такъ настойчиво, какъ трудно было отъ нея ожидать. Она даже осунулась и поблѣднѣла. Что она тогда чувствовала, какъ работало ея воображеніе — Господь ее знаетъ; никому она объ этомъ не говорила. Но, вѣроятно, въ ея душѣ именно тогда и родился цѣлый міръ новыхъ надеждъ и ощущеній, имѣвшій громадное вліяніе на всю ея послѣдующую жизнь.

Наконецъ поставили и спектакль. Я былъ въ числѣ зрителей — за кулисы меня больше уже не пустили, потому что пошли въ театрѣ строгіе порядки, и спектакль ставилъ настоящей заправскій актеръ не безъ имени.

Лидочка, правда, не избѣгла общей участи дебютантовъ: говорила иногда слишкомъ тихо, дѣлала большія паузы... Но зато я видѣлъ настоящую Офелію, тотъ самый прелестный женственный образъ, который нарисованъ Шекспиромъ. Она такой и явилась предъ нашими глазами: нѣжной и робкой, любящей и въ то же время жертвующей любовью ради придворнаго этикета и безусловнаго преклоненія предъ отцовскою моралью. Она не героиня: въ ней скорѣе больше чисто-дѣтской доврчивости и податливости. По натурѣ она пряма и не умѣетъ лгать, но привычка постоянно держаться на виду дѣлаетъ то, что любовь ея никому не кидается въ глаза. Никому и въ голову не приходитъ догадаться, что совершается въ ея душѣ, до тѣхъ поръ, пока долго скрываема внутренняя борьба не раздражается внезапнымъ безуміемъ. Тогда только каждый начинаетъ понимать, что

„Все это ядъ глубокой скорби сердца“.

Лидочкѣ устроили шумную овацію. Кто-то поднесъ ей громадный вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ, перевязанный широкими розовыми атласными лентами. Я самъ бѣсновался не хуже другихъ, но все-таки успѣлъ замѣтить по той же блаженной улыбкѣ на Лидочкиныхъ губахъ, по загорѣвшимся щекамъ, что у нея закружилась голова.

Я ее проводилъ домой поздно ночью, счастливую, обезсиленную. Мы шли подъ руку. Было то время весны, когда только начинаетъ распускаться сирень. Въ теплой дремлющей темнотѣ ночи точно разливалась какая-то душистая, сладостная нѣга, точно вѣяло въ лицо чье-то дыханіе, и чьи-то жаркія губы, казалось, вотъ-вотъ приблизятся къ губамъ.

Мы съ Лидочкой шли очень скоро и далеко оставили за собой остальное общество. Я нагнулся и поглядѣлъ на нее сбоку: ея головка была закинута кверху, и глаза устремлены на мигающія серебряныя звѣзды. Почувствовавъ мой взглядъ, она вздрогнула и вдругъ крѣпко прижала къ себѣ мою руку.

— Холодно? — спросилъ я вполголоса.

— Нѣтъ, говорить, не холодно, а я отъ своихъ мыслей вздрогнула. Я объ васъ сейчасъ думала.

Страшно мнѣ и сладко отъ ея словъ сдѣлалось.

— Обо мнѣ. Неужели — обо мнѣ?

— Да, — о васъ. Скажите, умѣете вы вставать рано утромъ? Часовъ въ шесть?

Я отвѣчалъ, что я не только въ шесть часовъ готовъ встать, но даже... не помню, право, что я такое именно сказалъ; надо думать, что-нибудь очень глупое.

Мы въ это время подошли къ ихней калиткѣ и остановились, чтобы подождать отставшихъ. Она оглянулась назадъ, потомъ приблизила ко мнѣ лицо и проговорила быстрымъ шопотомъ:

— Завтра... въ нашемъ саду... Рано, рано... часовъ въ шесть, въ половинѣ седьмого... Папа встаетъ поздно...

И опять крѣпко пожала мнѣ руку.

Надо сознаться, господа, что я въ то время былъ чрезвычайно молодъ, непростительно молодъ. Домой дошелъ я точно на крыльяхъ и, ей-Богу, не могу сказать, спалъ или не спалъ въ эту ночь. Бываетъ такое состояніе: не то спишь, не то бодрствуешь, не то гредишь. Это — когда на душѣ есть какое-нибудь особенное, крупное впечатлѣніе. Понятное дѣло, я тогда же догадался, что уже давно влюбленъ въ Лидочку (хотя, говоря откровенно, раньше этой любви не замѣчалось ни малѣйшаго признака). Думалъ я всю ночь, какъ увижу ее завтра робкую, краснѣющую за свою вчерашнюю смѣлость, какъ я ей скажу, что полюбилъ ее съ перваго взгляда... Вотъ только меня останавливало, въ какой формѣ сдѣлать предложеніе? «Позвольте предложить вамъ руку и сердце?» Безобразно: точь въ точь — приглашеніе на контрдансъ. «Хотите ли вы, Лидія Михайловна, быть моей женой?» Гм... Оно какъ будто бы и ничего, но для молодой дѣвицы, пожалуй, немного дѣловито. А? Словомъ, въ этомъ пунктѣ я ни на какомъ ясномъ рѣшеніи не остановился.

Въ шесть часовъ утра, точно отъ внезапнаго толчка, я проснулся съ мыслью о Лидочкѣ и о предстоящемъ свиданіи. Черезъ нѣсколько минутъ, вздрагивая отъ холода и молодого восторга, чувствуя свѣжесть и упругость во всѣхъ мускулахъ, я уже перепрыгивалъ однимъ махомъ заборъ Лидочкина сада.

Утро, какъ нарочно, выдалось прохладное, золотое, веселое, звонкое такое. Трава лоснилась, точно яркій зеленый шелкъ, и на ней тамъ и сямъ дрожали, играя разноцвѣтными огнями, крупные алмазы росы. Солнечные лучи, пробившись сквозь густую чащу липовой аллеи, ложились на песокъ дорожки круглыми движущимися пят-

нами. Мнѣ казалось, что и птицы пришли въ безумный восторгъ отъ этого чудеснаго утра, такъ онѣ возились въ кустахъ, такъ щебетали, свистѣли и чирикали. Боже мой! А у меня-то, у меня-то какъ въ душѣ пѣлось, сколько во мнѣ трепетало радости и силы!.. Былъ ли я когда-нибудь счастливѣе, чѣмъ въ эти мгновѣнія? Едва ли.

Я не успѣлъ еще пройти половины аллеи, какъ на другомъ концѣ показалась Лидочка. Она шла очень скоро, склонивъ, по своей милой привычкѣ, голову немного внизъ. Ея тоненькая, изящная фигурка въ простомъ бѣломъ платьѣ то мелькала въ тѣни деревьевъ, то заливалась яркимъ золотымъ свѣтомъ. Я пошелъ ей навстрѣчу. Мнѣ хотѣлось упасть къ ея ногамъ, хотѣлось кричать, смѣяться и пѣть. Въ ея глазахъ еще виднѣлось отраженіе утренняго сна; темные кудри, наскоро причесанные нетерпѣливою рукой, падали на лобъ небрежными локонами. Какъ она была прекрасна: свѣжая, розовая, смѣющаяся!

Лидочка протянула мнѣ обѣ руки. Я нагнулся, поцѣловалъ сначала одну, потомъ другую. Она отняла руки и сказала: «Пойдемте дальше, здѣсь могутъ увидѣть».

Я пошелъ слѣдомъ за Лидочкой, любуясь на красивыя движенія ея тѣла и прислушиваясь къ легкому шуму ея платья, между тѣмъ какъ мое сердце билось восторженно и беспорядочно. Мы зашли въ самый дальній уголь сада, гдѣ такъ буйно разрослись высокіе кусты сирени, что подъ ними всегда стояла темная и душистая прохлада. Лидочка какъ будто въ нерѣшительномъ раздумьѣ остановилась, стала на цыпочки и схватила рукой густую, упругую кисть бѣлой сирени. Разрѣзной рукавъ капота упалъ внизъ, и я увидѣлъ ея тонкую розовую руку съ дѣвически-острымъ локтемъ. Вѣтка не поддавалась. Лидочка нахмурила брови, перегнула вѣтку такъ,

что она хрустнула, и съ усиліемъ дернула къ себѣ. Листья задрожали, и на насъ вдругъ посыпался цѣлый дождь крупныхъ, холодныхъ капель росы. Я не выдержалъ. Ароматъ сирени, бодрящая свѣжесть ранняго весенняго утра, розовая обнаженная рука въ двухъ верхкахъ отъ моихъ губъ, — все это внезапно лишило меня соображенія.

— Лидія Михайловна, — сказалъ я дрожащимъ, нерѣшительнымъ голосомъ: — знаете ли вы, что я... что вы... что я...

Лидочка обернулась ко мнѣ. Должно-быть, мой тонъ былъ ей очень понятенъ, но на ея лицѣ я не прочелъ ничего, кромѣ удивленія и затаеннаго смѣха, дрожавшаго въ уголкахъ губъ. Моя рѣшимость такъ же быстро пропала, какъ и появилась.

— Что же вы замолчали? — спросила наконецъ Лидочка.

— Я... я... я, собственно, ничего не говорю... Вы вчера сдѣлали мнѣ честь почтить меня своимъ довѣріемъ... Если вамъ нужна услуга беззавѣтно-преданнаго человѣка (я понемногу началъ оправляться отъ смущенія), то я буду васъ просить выбрать непременно меня.

Лидочка понюхала цвѣты, поглядѣла на меня исподлобья и спросила:

— И я могу во всемъ на васъ положиться, какъ на вѣрнаго друга? Ахъ, какое бы это было въ самомъ дѣлѣ счастье; нѣтъ ничего святѣе и безкорыстнѣе дружбы!

Должно-быть, Лидочка замѣтила мои разочарованно вытянутыя губы и сжалилась надо мной. Она не знала, конечно, какъ безкорыстныя друзья-женщины деспотически обращаются съ друзьями-мужчинами. Я поспѣшилъ дать цѣлый десятокъ самыхъ краснорѣчивыхъ увѣреній. Къ своему горю, я уже начиналъ понимать, куда клонится дѣло.

— Если такъ, — сказала Лидочка: — то вы мнѣ можете оказать очень большую услугу. Я рѣшила совсѣмъ отдаться театру. Пусть это, впрочемъ, останется пока-мѣстъ только между нами. Конечно, мнѣ раньше всего надо учиться и учиться, я это знаю, и вотъ поэтому-то мнѣ и необходимъ опытный и строгій руководитель. Найдите для меня хорошаго профессора и заслужите мою вѣчную признательность.

— Но какъ же, Лидія Михайловна, — пробовалъ я возразить: — вѣдь вамъ извѣстно, что у насъ здѣсь не только профессора...

— Знаю, знаю, — перебила нетерпѣливо Лидочка: — я все это уже обдумала. Скажите, правда, что вы на-дняхъ собираетесь въ Москву?

— Да, собираюсь, но, если вамъ угодно, могу и остаться. Дѣло не къ спѣху.

— Нѣтъ, непременно поѣзжайте и—какъ можно скорѣе. Черезъ недѣлю я тамъ буду съ папой, и вы, если хотите, устройте для меня все. Хорошо? Можете вы это сдѣлать? Ну, вотъ, спасибо вамъ большое. А теперь идите, идите; папа сейчасъ проснется. И помните: самая строгая тайна!

Я ушелъ, повѣся голову. У меня сейчасъ же явилась мысль: какъ это я могъ подумать, что я влюбленъ въ Лидочку? Развѣ я влюбленъ? Просто, я—ея другъ, преданный, вѣрный другъ. Отецъ ея — добрый человекъ, но онъ ничего, кромѣ своего казначейства, знать не хочетъ; мать всю жизнь возится съ нервами и докторами. Необходимъ же вѣдь Лидочкѣ другъ и совѣтникъ, который бы охранялъ ея дѣтскую неопытность.

Все-таки, какъ я ни старался утѣшить себя соблазнами солидной роли друга, а въ душѣ у меня ныло и сверлило чувство обиды. Въ то зеленое время я не успѣлъ еще прійти къ заключенію, что судьба осудила меня на

вѣчное безбрачіе. Я, кажется, и на свѣтъ Божій родился съ какими-то особенными качествами стараго холостяка. Сколько дѣвушекъ повѣряло мнѣ свои маленькія тайны, сколько дамъ избирало меня «первымъ другомъ»! А между тѣмъ, едва только мое сердце прилѣпится къ какой-нибудь избранницѣ, — она меня сразу и огорошитъ. Либо порученіе дастъ къ счастливому сопернику, либо выберетъ меня сосудомъ изліянія всякихъ нѣжныхъ, но для меня совсѣмъ неинтересныхъ чувствъ. Отчего это, господа, такъ постоянно выходило? Вѣдь не уродъ я, не калѣка, не женоподобенъ, не скажу, чтобы и глупъ былъ особенно. Неужели взаправду есть несчастные, вылѣпленные изъ спеціально-холостяцкаго матеріала? А впрочемъ, чортъ побери, можетъ-быть, это вовсе и не несчастіе!

Встрѣтились мы съ Лидочкой въ Москвѣ. Обо всемъ сговорились заранѣе. Я и о профессорѣ къ ея пріѣзду разузналъ. Онъ въ то время уже сошелъ со сцены, но фамилію его вы, навѣрно, слыхали отъ вашихъ отцовъ и матерей. Это былъ извѣстный артистъ — Славинъ-Славинскій.

Однажды Лидочка сказала своимъ, что отправляется къ теткѣ, а на самомъ дѣлѣ встрѣтилась со мною въ Пассажѣ, и мы вмѣстѣ отправились куда-то на Прѣсню. Съ трудомъ отыскали домъ, гдѣ жилъ Славинскій: скромная квартира съ дешевенькими обоями и низкими потолками. На стѣнахъ гигантскіе вѣнки съ надписями на лентахъ: «Горе отъ ума», «Кинъ, или геній и безпутство», «Ревизоръ», «Ромео и Джульетта» и дальше: «нашему дорогому», «высокоталантливому», «великому артисту» и т. д., и т. д. Кромѣ насъ въ гостиной дожидался бритый господинъ въ пенснэ съ морщинистымъ презрительнымъ лицомъ и двѣ дамы, обѣ немолодыя и некрасивыя. Вышелъ къ намъ наконецъ профессоръ. Физиономія стараго льва: косматая грива сѣдыхъ волосъ, смѣлые глаза

и широкія ноздри. Онъ перекинулся двумя словами съ бритымъ господиномъ, сухо поклонился обѣимъ дамамъ, затѣмъ подошелъ къ намъ и остановился, вопросительно глядя на Лидочку. Онъ своимъ долголѣтнимъ чутьемъ догадывался, что весь смыслъ нашего визита находится въ ней.

— Чѣмъ могу служить? — спрашиваетъ.

Лидочка мгновенно сдѣлалась пунцовой. Воображаю, сколько она еще раньше перемучилась, представляя себѣ этотъ вопросъ. Но уже никакія смущенія не могли ея поколебать. Она справилась съ собой и сказала, глядя прямо въ глаза профессору:

— Я бы желала... учиться у васъ... драматическому искусству.

Я думаю, всякому изъ васъ, господа, случалось: когда долго готовишь въ умѣ какую-нибудь фразу, — непременно она въ концѣ концовъ станетъ или худой, или пошлой, или напыщенно-неестественной.

Славинскій поглядѣлъ внимательно на Лидочку и сказалъ:

— Будьте добры, зайдите въ мой кабинетъ.

Лидочка умоляюще оглянулась на меня. Профессоръ тотчасъ же поклонился и жестомъ уступилъ мнѣ дорогу. Мы усѣлись въ кресла, а Славинскій принялся ходить изъ угла въ уголъ.

— Для чего, собственно, угодно вамъ брать уроки? — спросилъ онъ послѣ нѣкоторой паузы. — Желаете ли вы поступить на сцену, или такъ... для себя?

Лидочка собралась съ силами и отвѣчала смѣлымъ, но въ то же время срывающимся отъ волненія голосомъ:

— Да, я хочу поступить на сцену.

— Хорошо-съ. А вамъ извѣстно, что вы можете поступить только на провинціальную сцену?

— Извѣстно. Но я полагаю, что въ послѣдствіи...

Славинскій покачалъ головой съ такимъ видомъ, какъ будто бы хотѣлъ сказать: я эти слова слышу уже не въ первый, можетъ-быть, даже не въ сотый разъ...

— Скажите мнѣ правду, милая барышня, вы, вѣрно, играли въ любительскихъ спектакляхъ?

— Играла.

— И, вѣрно, имѣли, къ вашему несчастью, успѣхъ?

— Да, имѣла нѣкоторый... Но почему же къ несчастью?

Славинскій остановился передъ ней съ ласковой улыбкой на своемъ красивомъ лицѣ.

— Потому, милое мое дитя, что нѣтъ въ мірѣ ни одного такого сильнаго яда, какъ слава. И слаще его тоже ничего нѣтъ. Онъ даже въ самыхъ маленькихъ дозахъ дѣйствуетъ неотразимо, хотя и медленно. Шумный успѣхъ, аплодисменты, напечатанная фамилія, — и вы отравлены, и васъ неудержимо тянетъ къ еще и еще большому приему сладкаго яда. Я вѣдь знаю, что теперь совершается въ вашей милой головкѣ: тысячная публика, слезы восторга, оглушительный ревъ толпы и слава, слава, слава... Охъ, тернисть, тернисть этотъ путь! Что стѣсняться? Я не безъ чести прошелъ по нему, но дайте мнѣ начать снова жизнь, я предпочту стать купцомъ или ремесленникомъ. Вѣрьте мнѣ, я уже старикъ, и наконецъ лгать нѣтъ для меня никакого расчета. Черезъ мои руки прошло много молодого народа, такъ же окрыленнаго надеждами, какъ и вы. Но спросите, гдѣ они теперь? Десять, пятнадцать человѣкъ пріобрѣли кое-какую извѣстность. О большинствѣ нѣтъ ни слуху ни духу. Крупный процентъ пошелъ по торной дорогѣ пьянства, двусмысленнаго балаганнаго успѣха, закулисныхъ интригъ и сплетенъ! Я вѣдь, голубчикъ, ни слова не говорю, когда лѣзутъ ко мнѣ офицеры отставные, или купеческіе сынки, или безнадежныя, въ смыслѣ Гименея, дѣвицы. Видали у меня въ гостиной парочку? Это мой

крестъ, за который мнѣ, вѣроятно, многое простится. Но зато каждый разъ, когда судьба приведетъ въ мою гостиную молодое, стремительное существо, — мнѣ все кажется, что я его толкаю собственными руками въ глубокой и грязный омутъ. Вы и представить себѣ не можете, что это за клоака — провинціальная сцена...

Славинскій говорилъ еще долго и убѣдительно. Не помню всѣхъ его словъ, но, по-моему, трудно было не повѣрить его горячей рѣчи.

Лидочка встала и, не поднимая глазъ, начала суетливымъ, нервнымъ движеніемъ надѣвать перчатки.

Славинскій бросился къ ней. Онъ по ея сердитому лицу убѣдился, что его слова были, яко кимваль бряцающій, и сталъ извиняться. Онъ сознался, что увлекся, что ему не слѣдовало бы всего этого говорить, и что, въ концѣ концовъ, онъ согласенъ давать уроки. Богъ знаетъ, что имъ руководило въ его страстной рѣчи: расчетливая игра на искренность, или настоящее сердечное сочувствіе?

— Что вы знаете наизусть? — спросилъ Славинскій, когда мы усѣлись.

Оказалось, что Лидочка ничего, кромѣ басенъ, не знаетъ, и тѣ не рѣшается говорить безъ книжки. Профессоръ досталъ съ этажерки одну изъ книгъ въ сафьяновыхъ красныхъ переплетахъ и, развернувъ ее наугадъ, подалъ Лидочкѣ.

— Потрудитесь, говорить, прочитайте.

Я заглянулъ черезъ Лидочкино плечо и узналъ несравнимую ни съ чѣмъ по красотѣ сцену прощанія Ромео съ Джульеттой, когда Ромео спускается утромъ по лѣстницѣ изъ окна своей возлюбленной. Лидочка начала очень неувѣренно, путалась, немного торопилась, — сцена была ей незнакома, — но все-таки, мнѣ кажется, прочла очень и очень недурно. Профессоръ слѣдилъ за

ней съ большимъ вниманіемъ, хмуря слегка брови при ея ошибкахъ.

— Хорошо, очень хорошо, — сказалъ онъ; когда Лидочка кончила и робко подняла на него глаза. — У васъ есть способности, не беру на себя смѣлости сказать — талантъ. Во всякомъ случаѣ вы можете быть полезной работницей на сценѣ. Только надо учиться, учиться и учиться. Вотъ, потрудитесь прослушать, какъ я прочту вамъ то же самое.

Ну, и прочелъ же!

Вышли мы отъ Славинскаго порядкомъ-таки сконфуженные, хотя профессоръ съ нами былъ чрезвычайно любезенъ. По выраженію Лидочкина лица я видѣлъ, что она осталась непреклонной.

Это было наше послѣднее свиданіе. Затѣмъ какъ-то сразу потерялъ я Лидочку изъ виду, потому что судьба меня вскорѣ опять бросила въ захолустье. Я, господа, захватилъ еще доисторическія времена, такъ сказать. Не только нашего клуба не было, или фонарей на улицахъ, или любительскихъ спектаклей, но и лавокъ на весь городъ было только двѣ. Зато, чего теперь нѣтъ, стоялъ цѣлый полкъ Энэнскихъ гусаръ. Если бы ихъ теперь сюда, то-то наши дѣвицы запрыгали бы! А въ тѣ отдаленныя и невѣжественныя времена присутствіе Энэнскихъ гусаръ въ городѣ не только никого не радовало, но благочестивыя старушки, ложась ночью въ постель и заслыша на улицѣ шпоры, творили, крестясь, молитву про царя Давида и всю кротость его. Да и у меня иной разъ до сихъ поръ волосъ становится дыбомъ при тѣхъ пріятныхъ воспоминаніяхъ, которыя связаны съ энэнцами.

Впрочемъ, между ними были славные ребята и, главное, рѣдкостные питухи. Съ однимъ — корнетомъ Алфировымъ — я жилъ вмѣстѣ на квартирѣ. Что насъ свя-

зало; — всегда оставалось для меня загадкой; мы жили въ тѣснѣйшей дружбѣ, хотя по недѣлямъ не говорили другъ другу ни слова. Правда, корнетъ Алферовъ съ перваго взгляда не поражалъ умомъ, но чѣмъ ближе приходилось его узнавать, тѣмъ онъ казался глупѣе. Говорилъ онъ мало, или, вѣрнѣе, не говорилъ, а выпаливалъ, и всегда съ примѣсью собственныхъ словечекъ: кобылячья голова, дамеша—вмѣсто дама, бекалія тентерь-вентерь и т. п. Когда онъ бывалъ дома (что, впрочемъ, случалось рѣдко), я его всегда заставалъ въ неизмѣнной позѣ лежащимъ на диванѣ: длинныя ноги, закинутыя вверхъ одна на другую, разстегнутая цвѣтная рубашка, гитара въ рукахъ и папироса въ углу рта. Весь его музыкальный репертуаръ, исполняемый необыкновенно фальшивымъ басомъ, состоялъ только изъ двухъ пьесъ. Одна, мажорная—пѣлась въ антрактахъ между кутежами, въ денежную полосу, приблизительно, такимъ образомъ:

Бѣ-сются кони, брещать мундштука-ами,
Пѣ-няются, рвутся, храпя-я-ять.
Барыни, барышни взорами отчаянными
Вслѣдъ уходящимъ глядятъ.

Минорная пьеса отличалась самыми нелѣпыми словами. Помню только, что тамъ говорилось о томъ,

Какъ пріятно
Умирать въ горячкѣ,
Когда сердце бьется, какъ
У молодой собачки.

Словомъ, какъ видите, былъ отличный малый во всѣхъ отношеніяхъ.

Однажды, когда я предавался сладостному послѣобѣденному ничегонедѣланью, влетаетъ Алферовъ въ мою комнату, дѣлая на ходу воздушныя пируэты. Въ рукахъ у него большой листъ красной бумаги. Я смотрю на него съ недоумѣніемъ.

— У насъ, чортъ возьми, черезъ три дня будетъ въ городѣ драматическая труппа, — кричитъ Алферовъ. — Труп-па, труппа, труп-па-па! — И, напѣвая польку, которая бросила бы въ потъ послѣдняго талера, онъ начинаетъ носиться взадъ и впередъ по комнатѣ.

Такъ какъ я достаточно хорошо зналъ Алферова съ его эстетической стороны, то, не переставая удивляться, спрашиваю:

— Что же тутъ такого радостнаго?

— Какъ радостнаго? — изумляется въ свою очередь Алферовъ. — А актрисы? Ура, да здравствуетъ драматическая труппа!

Я беру изъ рукъ Алферова афишу и читаю слѣдующее:

«Русско-малорусское товарищество драматическихъ артистовъ, подъ управленіемъ г. Максименка и при участіи артистовъ Императорскихъ театровъ г. Южина и г-жи Вѣриной, будетъ имѣть честь дать въ самое непродолжительное время въ домѣ г. Соловейчика рядъ блестящихъ представлений, въ которыя войдутъ выдающія пьесы какъ русскихъ, такъ и прочихъ заграничныхъ авторовъ.

«Между прочимъ, въ среду, 22 сентября, поставлена будетъ:

ПРОКЛЯТІЕ МАТЕРИ.

Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ.

«Эта драма, съ успѣхомъ исполнявшаяся на европейскихъ столичныхъ сценахъ и многихъ провинціальныхъ знаменитостей. Въ заключеніе будетъ всѣми артистами труппы поставленъ разнохарактерный дивертисментъ».

Помню я, поразили меня фамиліи актеровъ. Тутъ были: и Сапѣга-Никольскій, и Малининъ-Анчарскій, и Смѣльская, и Андреева-Дольская, и даже наконецъ Гнѣдичъ-Баратынская.

Среди нашей глухой, монотонной жизни даже учение мѣстной инвалидной команды было зрѣлищемъ, собиравшимъ весь городъ. Нечего и говорить, что всѣ мѣста на первый спектакль доставались чуть не съ бою, хотя театръ, перестроенный на живую руку изъ яичнаго склада, отличался помѣстительностью. Мой корнетъ въ этотъ вечеръ одѣлся особенно тщательно и крѣпко надушился духами пачули. Входя въ театръ, онъ такъ гремѣлъ саблей и шпорами, что сразу обратилъ на себя общее вниманіе.

Громадная зрительная зала (состоявшая изъ одного только партера) освѣщалась тремя или четырьмя висячими лампами. Глазъ долженъ былъ сначала привыкнуть къ темнотѣ, чтобы различить что-нибудь. Театръ быстро наполнялся. Изъ заднихъ рядовъ, гдѣ, стоя за барьеромъ, помѣщалась толпа еврейчиковъ и солдатъ, привлеченная низкой входной платой, все громче и громче слышались разговоры, кашлянье и смѣхъ. Изъ-за занавѣси, изображавшей двухъ гусей и торчащую изъ воды башню, доносились торопливые удары молотка, топанье ногъ и невнятные быстрыя фразы. Между сценой и зрительной залой сидѣли, оборотясь лицомъ къ публикѣ, пять или шесть музыкантовъ съ двумя скрипками, флейтой, тромбономъ и турецкимъ барабаномъ: въ полномъ сѣставѣ оркестръ Гершки Шпильмана, игравшій обыкновенно на еврейскихъ свадьбахъ.

Чей-то здоровенный голосъ закричалъ съ галерки: «Пора! Начинайте!» Его поддержали еще нѣсколько голосовъ: «Время! Времечко-о!» Гершко постучалъ два раза нотами о пюпитръ и, крикнувъ: «ша!», оглянулъ музыкантовъ, разбиравшихъ инструменты. Когда всѣ успокоились, онъ взмахнулъ одновременно и головой, и флейтой, приложенной къ губамъ. Такимъ образомъ Шпильманъ игралъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дирижировалъ флейтой, а оркестръ игралъ «Маюфесъ» — національный еврейскій

танецъ. Наконецъ за сценой зазвонили, и занавѣсъ поднялся.

Кажется, пьеса была переводная, съ сюжетомъ, заимствованнымъ изъ средневѣковой жизни, но въ чемъ заключалось ея содержаніе, я такъ и не могъ понять. Что дѣйствительно произвело въ публикѣ неожиданный, но великолѣпный эффектъ, такъ это — иностранныя фамиліи. Выходить, напримѣръ, на сцену молодой человекъ, подходитъ къ героинѣ и, прикладывая руку къ сердцу, рекомендуется: «Маркиза, я — Фернандо де-ла-Капо-ди-Монте, племянникъ вашего стараго друга графа д'Аргентюеля». Галерка приходитъ въ неописанный восторгъ. «Такъ, такъ, валяй его, — слышатся оттуда голоса: — каттай его на всѣ корки!»

Былъ въ пьесѣ, я помню, іезуитскій патеръ, тайная пружина всей драмы. Онъ говорилъ искусственно-дребезжащимъ голосомъ и все смѣялся шипящимъ смѣхомъ театральнаго злодѣя. Затѣмъ былъ молодой и благородный потомокъ древней фамиліи. Эту роль исполнялъ актеръ, одѣтый въ ботфорты, со шпорами и въ сѣрую фуфайку, запрятанную въ рейтузы Энэнскаго полка (какъ я потомъ узналъ, всѣ бутафорскія и костюмерныя принадлежности собирались за нѣсколько дней до спектакля у доврчивыхъ почитателей искусства.) По наущенію коварнаго патера, кто-то въ чемъ-то оклеветалъ благороднаго потомка въ болотныхъ сапогахъ и навлекъ на него проклятіе матери. Потомокъ прощается со своей возлюбленной, идетъ изъ города и, удрученный горемъ, скитается въ лѣсахъ. Тамъ онъ мимоходомъ убиваетъ патера. Наконецъ, тоскуя по возлюбленной, онъ опять идетъ въ городъ и на этотъ разъ появляется передъ публикой обросшій волосами, въ длинной блузѣ, подпоясанной веревкой, съ кухоннымъ ножомъ въ рукахъ. Заставъ возлюбленную въ объятіяхъ вѣроломнаго друга,

онъ убиваетъ обоихъ на мѣстѣ преступленія. Его ведутъ въ тюрьму; онъ по дорогѣ говоритъ еще одинъ монологъ и, вырвавшись изъ рукъ стражи, кидается въ рѣку, куда за нимъ немедленно стремится и его мать, слишкомъ поздно узнавшая о своей ошибкѣ. Масса крови, длинные монологи съ проклятіями, иностранныя имена, — словомъ, раздирательная драма во вкусѣ провинціальныхъ труппъ.

Чѣмъ дальше я слушалъ, тѣмъ сильнѣе возрастало во мнѣ какое-то напряженное, гнетущее чувство не то стыда за этихъ ломающихся людей, не то жалости. Взглянулъ я на сосѣдей — и у нихъ у всѣхъ тоже болѣзненно-сморщенные лица. Кричитъ человѣкъ, кривляется, бьетъ себя въ грудь, и, чувствуешь, самъ онъ не понимаетъ, какъ неприятно и жалко на него смотрѣть. Такъ бы, кажется, и закричалъ ему: «Добрый человѣкъ, зачѣмъ вы избрали такой неблагодарный и тяжелый трудъ; если вы ужъ ни къ чему больше неспособны, наймитесь гранить булыжникъ; это занятіе и легче, и почетнѣе, и прибыльнѣе, чѣмъ кривляніе, возбуждающее только болѣзненную жалость».

Всего больше меня поразилъ тотъ самый актеръ, который игралъ благороднаго потомка. Судя по голосу, это былъ человѣкъ уже преклоннаго возраста. Вѣроятно, когда-нибудь онъ хоть мелькомъ видѣлъ чью-то игру и твердо запечатлѣлъ въ памяти пять-шесть артистическихъ приемовъ, преувеличивъ ихъ до послѣдней крайности. Такъ, наприимѣръ, въ минуты особенно трагическія онъ уже не ходилъ, какъ ходятъ обыкновенно всѣ люди, хотя бы и удрученные большимъ горемъ, а все падалъ. Опуститъ голову на грудь и начинаетъ наклоняться впередъ тѣломъ, точно падающая статуя, вотъ-вотъ, кажется, грохнется на землю. Но внезапно его ноги дѣлаютъ два быстрыхъ шага впередъ, голова взбрасывается вверхъ, глаза вращаются, и руки съ растопыренными и скрючен-

ными пальцами вытягиваются въ пространство. А между тѣмъ, Боже мой, сколько рвенія влагалъ онъ въ свою роль! Онъ игралъ безъ парика, и, вѣрите ли, я самъ видѣлъ, какъ онъ дѣйствительно рвалъ на себѣ волосы. Когда онъ билъ себя кулаками по впалой груди, удары эти раздавались по всему театру и заставляли галерку ржать.

Когда кончилось первое дѣйствіе, я вышелъ въ холодныя сѣни покурить. Ко мнѣ подбѣжалъ сіяющій и гремящій Алферовъ.

— Былъ! Видѣлъ! — крикнулъ онъ еще издалека. — Одна — прехорошенькая.

— Кого видѣлъ-то?

— Актрисъ. Три — рожи, а одна — прелесть.

— Что же, ты познакомился?

— Нѣтъ еще. Я покамѣстъ — въ щёлку. Знаешь, неловко какъ-то. Я думаю ротмистра попросить, онъ этимъ ничѣмъ не смущается. Вонъ онъ стоитъ, курить. Подойдемъ къ нему.

Этотъ ротмистръ, послѣдній отпрыскъ знаменитаго гусарства временъ партизанскихъ войнъ и Дениса Давыдова, уже и въ то отдаленное время являлся въ нашихъ глазахъ почтеннымъ и немного страшнымъ анахронизмомъ. Онъ могъ выпить колоссальное количество всякихъ водокъ и винъ, обладалъ знаменитымъ въ дивизіи голосомъ, рыцарски-вѣжливо обращался съ женщинами и деспотически съ мужчинами. Мы подошли къ нему.

— Голубчикъ, ротмистръ, — не то смѣясь, не то робѣя, не то заискивая, сказалъ Алферовъ: — я хочу съ актрисами познакомиться. Можно это?

Ротмистръ скосилъ на него глаза.

— Ну, а я-то здѣсь при чемъ?

— Знаете, неловко какъ-то. Не умѣю я предлога найти. И вообще... неловко.

— Не умѣешь? А носъ-то свой ты самъ вытираешь? — пустилъ ротмистръ густымъ басомъ. — Иди прямо за кулисы и говори: вотъ, молъ, я такой-то и такой, корнетъ, и меня, молъ, по правдѣ сказать, надо еще въ пеленкахъ держать. Глупъ ты, Алѣерушка, молодъ и глупъ. Пойдемъ.

Осчастливленный Алѣеровъ побѣжалъ за ротмистромъ, а я вернулся въ душную залу на свое мѣсто; Гершко опять сыгралъ «Маюфесъ», занавѣсъ медленно и неуклюже поднялся. Въ глубинѣ сцены жестикулировали два актера, въ сторонѣ отъ нихъ, близко къ рампѣ, сидѣла молодая женщина, оборотясь лицомъ къ публикѣ. Въ первомъ дѣйствіи она не выходила, иначе я бы сразу ее замѣтилъ. Сначала я самъ не сознавалъ, почему она такъ приковала къ себѣ мое вниманіе. Потомъ лицо ея показалось мнѣ до такой степени знакомымъ, что я ждалъ только ея голоса. «Если она заговоритъ, — думалъ я: — я, навѣрное, вспомню». И когда она заговорила, я тотчасъ же узналъ Лидочку. Какъ она измѣнилась за эти три года! Ничего еще, если бы она только осунулась и постарѣла; нѣтъ, она еще была настолько молода и красива, чтобы сразу плѣнить веселаго корнета. Но въ ея лицѣ, въ усталыхъ движеніяхъ, въ нервномъ, измученномъ голосѣ сказывалось давнишнее затаенное страданіе, сказывалось даже сквозь привычную ложь театральнoй напыщенности. Я оставилъ Лидочку шаловливой граціозной дѣвушкой, чуть не ребенкомъ, а теперь съ удивленіемъ и глубокой жалостью смотрѣлъ на женщину, уставшую жить. Видно было, что этотъ страдальческій оттѣнокъ пріобрѣтенъ не на сценѣ, а за кулисами. Въ памяти моей невольно возникъ первый театральнoй дебютъ Лидочки, — теперь и слѣда не оставалось ея прежней наивно-плѣнительной простоты. Теперь она держалась передъ глазами публики свободно, я сказалъ бы, даже слишкомъ

свободно; теперь она только улыбалась, неестественно показывая зубы, какъ и всѣ до одной актрисы, такъ же напряженно и деревянно хохотала, такъ же ломала руки съ вывертываніемъ наружу локтей. Я поглядѣлъ въ афишку: оказалось, что по сценѣ Лидочка называется Вѣриной.

Едва кончилось третье дѣйствіе, какъ я увидѣлъ Алферова, который торопливо пробирался ко мнѣ, наступая на чужія ноги и звякая оружіемъ по чужимъ колѣнямъ:

— Пойдемъ, голубчикъ, за кулисы, тамъ всѣ наши. Только тебя и дожидаемся. Видалъ Вѣрину? Мамочка! Сейчасъ меня съ ней обѣщали познакомить. Развѣ букетъ закатить? А? Какъ ты думаешь?

Мы пошли кругомъ всего театра узкимъ неосвѣщеннымъ коридоромъ, нѣсколько разъ опускаясь и поднимаясь въ совершенной темнотѣ по какимъ-то лѣстницамъ. Алферовъ, уже знакомый съ расположеніемъ театра, велъ меня за руку. Мы вошли въ уборную, большую сырую комнату съ землянымъ поломъ и съ узкой лѣстницей прямо на сцену. Два угла, отгороженные досками, служили мужчинамъ и женщинамъ для одѣванія. Въ облакахъ табачнаго дыма, при коптящемъ мерцаніи двухъ лампъ, сначала трудно было что-нибудь разобратить. Народа въ уборной толкалось чрезвычайно много. Изъ нашихъ сюда, кромѣ меня, Алферова и ротмистра, забрался еще земскій докторъ, большой, грязный, приторный и болтливый циникъ. На столѣ, по срединѣ комнаты, въ безпорядкѣ были разбросаны: сардинки, яблоки, сыръ, водка, красное вино и пирожное.

Общество было еще недостаточно знакомо и недостаточно пьяно, чтобы чувствовать себя непринужденно. Поэтому нашему приходу всѣ очень шумно и преувеличенно обрадовались. Алферовъ подвелъ меня сначала къ тремъ актрисамъ, которыя подозрительно-чинно сидѣли рядомъ, стѣснившись на узкомъ плетеномъ диванчикѣ.

Первая — старая, очень полная женщина съ добрымъ и смѣшнымъ лицомъ — мнѣ очень понравилась. Алферовъ сказалъ, что это — m-me Венельская, а она сама, крѣпко потряхнувъ мою руку, прибавила съ улыбкой: «комическая старуха». Другая очень бойко и отчетливо назвала себя: «Андреева-Дольская». Лицо этой особы, съ курчавыми и жесткими черными волосами, съ наглымъ взглядомъ большихъ сѣрыхъ глазъ, съ негритянскимъ ртомъ, краснорѣчиво говорило о низменныхъ инстинктахъ. Третья оказалась вялой, нервной и болѣзненной блондинкой, немного косоватой, но недурненькой. Ея тонкая и длинная рука была холодна и влажна.

Мужской персоналъ отличался затасканными костюмами и полнымъ отсутствіемъ бѣлья. Jeune premier, не въ мѣру развязный и единственный франтоватый человекъ во всей труппѣ, назывался Южинымъ. Повидимому, онъ страдалъ хроническимъ воспаленіемъ самолюбія: фізіономія его ни на минуту не теряла выраженія готовности немедленно обидѣться.

— Вы не родственникъ тому, знаменитому Южину? — спросилъ я, желая сказать ему пріятное.

Jeune premier тотчасъ же обидѣлся, заложилъ руки въ карманы и отставилъ правую ногу впередъ.

— То-есть почему же это: знаменитому? Что онъ на императорской сценѣ? Да вѣдь тамъ, если ужъ хотите знать, только однѣ бездарности и уживаются!

— Но позвольте, зачѣмъ же такъ строго? — спросилъ я какъ можно мягче. — Тамъ же, вѣдь, всѣ средства есть, чтобы вполне изучить дѣло. По крайней мѣрѣ такъ мнѣ кажется.

Я еще не договорилъ, а Южинъ уже началъ смѣяться горькимъ смѣхомъ.

— Вамъ такъ кажется? — воскликнулъ онъ съ оскорбленнымъ и ироническимъ видомъ. — Вамъ такъ кажется!

И такъ будетъ казаться всякому, кто къ дѣлу близко не стоитъ, а берется судить. Вы говорите: изучить! А я вамъ скажу, что изученіе погубило чистое искусство. Развѣ я могу играть на нервахъ зрителей, если у меня каждый жестъ, каждая поза вызубрена? Знаменитость! Техника, и — ни на грошъ чувства.

— Но какъ же... безъ разработки?

— А такъ-же-съ, — отрѣзалъ *jeune premier*: — очень просто. Я — напимѣрь. Я на репетиціяхъ никогда не играю и роли не учу. А почему? Потому, что я — артистъ нервный, я играю, какъ скажется. Эхъ, да развѣ эта публика что-нибудь понимаетъ? Вотъ когда я игралъ въ Торжкѣ съ Ивановымъ-Козельскимъ — меня оцѣнили, меня принимала публика. Это я могу сказать.

— Чтò вы тамъ говорите про Козельскаго, — вмѣшался чей-то женскій голосъ. — Вашъ Козельскій давнымъ-давно выдохся. Нѣтъ, вотъ, когда я служила съ Новиковымъ... Это — артистъ, я понимаю.

— А я вамъ доложу, что вашъ Новиковъ — марионетка, — окрысился грубо *jeune premier*, поблѣднѣвъ и сразу теряя наигранный апломбъ. — И никогда вы съ нимъ не играли!

— А я вамъ доложу, что вы — нахаль. Васъ въ Торжкѣ гнилыми яблоками закидали, а вы говорите, что васъ принимала публика!

Вскипѣвшая ссора съ трудомъ была потушена антрепренеромъ, добродушнымъ и плутоватымъ толстякомъ.

— Арсеній Петровичъ! Марья Яковлевна! — вопилъ онъ, кидаясь то къ *jeune premier*'у, то къ артисткѣ, между тѣмъ какъ спорящіе съ злыми лицами порывались другъ къ другу. — Ради Бога! Ради Бога, я васъ прошу. Ну, развѣ можно? Вѣдь опять, какъ въ Рязскѣ, полиція прикажетъ опустить занавѣсъ. Послушайте, господинъ, не имѣю чести знать вашего святого имечка (онъ под-

бѣжалъ ко мнѣ и взялъ меня за рукавъ), можетъ-быть, вы повліяете? Скажите имъ-съ! И вѣдь, главное, не со зла все это. А, знаете, вотъ тутъ (онъ потеръ кулакомъ кругообразно по груди), вотъ тутъ... кровь, знаете, горячая. Художникъ! Вѣдь умнѣйшій человѣкъ-съ. Почти всю гимназію кончилъ. Впрочемъ, сами сейчасъ изволили слышать, какъ они насчетъ искусства-то...

Потомъ этотъ милый импрессаріо весь вечеръ сновалъ между нами и шопотомъ упрашивалъ, чтобы не давали водки актерамъ. Особенно безпокоился онъ за трагика, игравшаго роль благороднаго потомка.

— Анчарскій, душечка моя, — упрашивалъ онъ: — вѣдь вы же меня зарѣжете. Пршлый разъ васъ въ «Лирѣ» насилу за ноги выволокли. Для чего вамъ пить-съ? Не пей вы этой проклятой водчищи, вы бы украшеніемъ русской сцены могли сдѣлаться.

Трагикъ, старый человѣкъ съ слезящимися глазами, сидѣлъ передъ зеркаломъ и, съ хрустомъ пережевывая отурецъ, расписывалъ себя коричневымъ карандашомъ.

— Не бойся, Иванъ Ивановичъ, — успокоилъ онъ антрепенера: — Анчарскій не выдастъ, Анчарскій знаетъ границу! А безъ этого намъ, трагикамъ, жить невозможно. Сильныя ощущенія!

Въ это время его позвали на сцену, и онъ невѣрными шагами поднялся по лѣстницѣ. Навстрѣчу ему спускалась, держа въ одной рукѣ сумку на длинномъ шнуркѣ и придерживая другою платье, Лидочка.

Не могу я вамъ передать, что сказало ея лицо, когда она меня увидѣла (я бросился къ ней навстрѣчу). На немъ выразилось и усиліе воспоминанія, и недоумѣніе, и тревога, и радость, мгновенно вспыхнувшая и такъ же мгновенно погасшая, замѣнившаяся сухой суровостью.

— Лидія Михайловна, — сказалъ я, волнуясь и загля-

дывая ей въ глаза: — Лидія Михайловна, при какихъ странныхъ условіяхъ намъ приходится встрѣчаться!

Лидочка совсѣмъ враждебно нахмурила властныя брови.

— Да, мы съ вами, кажется, немного знакомы, — сказала она. — Только страннаго въ нашей встрѣчѣ я ничего не вижу.

И, отвернувшись отъ меня, она пошла къ сидящимъ на диванѣ артистамъ. Я въ то время былъ слабъ въ знаніи жизни, и ея сухость глубоко меня уязвила, тѣмъ болѣе, что вся эта сцена произошла передъ многочисленными зрителями и вызвала полузадушенный смѣшокъ. «За что она меня такъ обрѣзала? — думалъ я въ замѣшательствѣ: — я, кажется, кромѣ радости видѣть ее, ничего не высказалъ».

Между тѣмъ Алферовъ, звякая шпорами, уже давно несъ Лидочкѣ страшную чепуху: «То высокое наслажденіе, которое испытали всѣ зрители, которые при видѣ той, которая сумѣла воплотить...» Наконецъ онъ такъ запутался въ роковыхъ «которыхъ», что сконфузился и не ждано не гадано закончилъ рѣчь громогласнымъ требованіемъ шампанскаго.

Пробки захлопали, стулья придвинулись къ столу, уборная сразу наполнилась гуломъ мужскихъ и женскихъ голосовъ. Докторъ, точно съ цѣпи сорвавшись, началъ налѣво и направо сыпать анекдотами, ротмистръ потрясалъ своимъ могучимъ хохотомъ дощатые стѣны. Алферовъ суетился восторженно и бессмысленно, женщины быстро раскраснѣлись, закурили папиросы и приняли свободныя позы. Говорили всѣ сразу, и никто никого не слушалъ. Оставалась серьезной и все время молчала одна только Лидочка. Напрасно я искалъ встрѣтиться съ ней глазами, — мнѣ такъ много хотѣлось сказать ей, — ея взглядъ скользилъ по мнѣ, какъ по неодушевленному

предмету. На любезности Алферова она даже не считала нужнымъ и отвѣчать.

Чѣмъ больше шумѣли «таланты и поклонники», тѣмъ больше волновался антрепренеръ: «Господа, прошу васъ, тише, пожалуйста, потише, господа. Вѣдь послѣднее дѣйствіе, самое трагическое мѣсто!.. Ради Бога! Вы весь эффектъ испортите, господа! Васъ слышно изъ залы...»

Но неожиданно въ самомъ трагическомъ мѣстѣ драмы изъ зрительной залы донесся до насъ бѣшеный взрывъ хохота и аплодисментовъ. Всѣ изумленно переглянулись. Увы! Это означало только то, что Анчарскій, «знавшій границу», не могъ подняться со стула, несмотря на усилія двухъ сопровождавшихъ его тюремщиковъ. Когда онъ появился наконецъ наверху лѣстницы, ведшей въ уборную, антрепренеръ кинулся на него съ бранью, съ упреками, задыхаясь отъ бѣшенства.

— Несчастный человѣкъ! Пьяница! Что вы со мной дѣлаете! — вопилъ онъ, потрясая кулакомъ. — Вы вѣдь съ голоду безъ меня подошли бы, я васъ изъ грязи поднялъ, а вы... Какъ это подло, какъ это низко! Пропойца!..

— Другъ мой! — прервалъ его Анчарскій растроганнымъ голосомъ. — Я изнемогъ подъ сладкой тяжестью лавровъ. Оставьте меня...

Оглянувшись вокругъ, онъ безсильно палъ рядомъ со мною на свободный стулъ и вдругъ, опустивъ лицо въ ладони, горько заплакалъ.

— Никто меня не понимаетъ, — услыхалъ я сквозь рыданія, а чей-то голосъ съ другого конца стола запѣлъ, что есть мочи:

„И никому меня не жаль“.

— Знаете, о чемъ онъ убивается? — вмѣшалась черно-волосая актриса — повидимому, неугомонная и неуживчивая особа. — У него на прошлой недѣлѣ жена сбѣжала.

— Жена? Неужели? — спросилъ я участливо.

— Ну да, жена. Театральная жена.

— То-есть какъ это — театральная?

— Ахъ, какой вы странный. Господа, посмотрите, какой онъ наивный. Онъ не знаетъ, что такое театральная жена!

Нѣкоторые съ любопытствомъ на меня обернулись. Я неизвѣстно отчего сконфузился.

— Это васъ удивляетъ? — высокомерно обратился ко мнѣ jeune premier (мнѣ кажется, онъ даже назвалъ меня молодымъ человѣкомъ). — Мы — свободные художники, а не чиновники консисторіи, и потому никогда не прикрываемъ нашихъ отношеній къ женщинѣ обрядовой ложью-съ. У насъ любятъ, когда хочется и сколько хочется. А театральная жена — только терминъ. Я такъ называю женщину, съ которой меня, кромѣ извѣстныхъ физиологическихъ узъ, связываютъ сценическіе интересы...

Онъ долго говорилъ въ этомъ родѣ, но я уже не слушалъ его, меня беспокоило то, что подъ общій шумъ и хохотъ происходило на другомъ концѣ стола между Алферовымъ и Лидочкой. По ея сдвинутымъ бровямъ и гнѣвно сжатому рту я замѣтилъ, что она оскорблена. Алферовъ былъ уже на третьемъ взводѣ. Онъ беспомощно качался взадъ и впередъ на стулѣ, силясь поднять закрывающіяся вѣки.

— Послушайте, — донесся до меня возбужденный, но сдержанный голосъ Лидочки: — вы меня не можете оскорбить. Я и не такую гадость слышала. Но неужели вы не понимаете, что я съ вами не хочу даже говорить.

Алферовъ качнулся на стулѣ.

— К-да я не м-гу? Насъ все равно не слышатъ. Я же отъ чистаго сердца! Квартира, лошади и все такое... Понимаете? И чтобы что-нибудь?.. Н-ни-ни! Ни Боже мой! Потомъ развѣ когда-нибудь за хорошее поведеніе,

а теперь н-ни-ни! *L'appetit vient en mangeant*. Ты чего насъ подслушиваешь? — погрозился онъ съ пьяной улыбкой, замѣтя мой взглядъ.

Тогда и Лидочка на меня посмотрѣла. Глаза ея сверкали негодованіемъ.

— Скажите, пожалуйста, — воскликнула она, умышленно возвышая голосъ, такъ, чтобы ее всѣ слышали: — вы такъ обращаетесь со всѣми незнакомыми женщинами или только съ тѣми, за которыхъ не можетъ вступиться мужчина?

Алферовъ опѣшилъ. Со всѣхъ сторонъ посыпались вопросы:

— Что такое случилось? Въ чемъ дѣло? Кто кого обидѣлъ?

— Какія нѣжности, подумаешь, — язвительно хихикнула черезъ столъ черноволосая актриса: — точно ея отъ этого убудеть!

Лидочка перевела на нее сверкающіе глаза. Щеки ея мгновенно поблѣднѣли и такъ же мгновенно вспыхнули яркимъ и неровнымъ румянцемъ.

— Меня отъ этого не убудеть, м-мѣ Дольская, — крикнула она: — а прибудеть только скандальной славы про наши бродячія трупы... Вы видите: этотъ господинъ такъ глядитъ на актрису, что съ перваго слова предлагаетъ ей итти на содержаніе. Какой же вамъ нужно еще обиды, если вы этого не понимаете?

Внезапно въ уборной поднялся невообразимый гвалтъ. Актрисы закричали всѣ разомъ, мужчины принялись ругаться между собою, припоминая другъ другу старыя счеты въ видѣ какихъ-то разовыхъ и бенефисныхъ, упрекали другъ друга въ воровствѣ и неспособности къ сценѣ. Земскій докторъ пригнулся къ столу и, приставивъ ко рту руки въ видѣ рупора, кричалъ пронзительнымъ голосомъ: — Вззы его, куси его! Вззы, вз-зы! —

Анчарскій, заснувшій-было на стулѣ, поднялся и подошелъ косвенными шагами къ Лидочкѣ, стоявшей посреди кричащей группы актеровъ.

— Дитя мое! — завопилъ Анчарскій, разставляя широко руки. — Божественная Офелія! Преклони свою страдальческую голову на мою растерзанную грудь; и будемъ плакать вмѣстѣ!..

Но Лидочка была близка къ обмороку. Я подбѣжалъ къ ней, оттолкнулъ трагика и схватилъ ее за руку. Она невольно пошла за мною, вся дрожа отъ волненія. Чьи-то услужливыя руки накиннули на нее ротонду и платокъ, и мы вышли на улицу. Не знаю, слыхала ли она, но вслѣдъ намъ изъ уборной вылетѣлъ цѣлый потокъ ругани.

— Какъ будто бы мы не знаемъ, что за дрянь эта Вѣрина, — визжала громче всѣхъ Дольская: — прикидывается угнетенной невинностью, а у самой въ Тифлисѣ ребенокъ былъ!

Крупные хлопья снѣга безшумно валились на землю, мелькая точно бѣлыя звѣзды въ ночной тьмѣ. Нога ступала, какъ по пушистому ковру, по слою молодого, мягкаго снѣга.

— Что же вы молчите? — раздражительно обратилась ко мнѣ Лидочка, когда мы отошли шаговъ сто отъ театра.

— Что же здѣсь говорить? — пожалъ я плечами.

Она насильственно размѣялась.

— А я, представьте себѣ, была увѣрена, что вы разразитесь благороднымъ негодованіемъ по поводу этого скандала. Давеча вы такъ трагически меня привѣтствовали! «При какихъ странныхъ условіяхъ намъ приходится встрѣчаться». О!! Я отлично поняла смыслъ вашего восклицанія, хотя, можетъ-быть, оно даже невольно у васъ вырвалось. «Прежде ты была женщиной моего общества, — хотѣли вы сказать: — и я относился къ тебѣ съ

тѣмъ условнымъ почтеніемъ, на которое меня обязывало наше знакомство. Теперь я тебя встрѣчаю актрисой; за мои деньги ты должна меня увеселять въ продолженіе двухъ часовъ. Не подумай, пожалуйста, что мы съ тобой встрѣчаемся, какъ равный съ равнымъ».

Я понималъ, что Лидочкѣ нуженъ былъ предлогъ, на который она могла бы излить вскипѣвшую въ ней злобу, и потому продолжалъ молчать. Это ее, повидимому, еще болѣе раздражало.

— И вотъ вы являетесь за кулисы. «Актрисы — это интересно! Легкіе нравы, веселые разговоры и дешевые амуры!» Любопытно взглянуть поближе. У васъ еще сравнительно довольно приличная цѣль. Тотъ пошлякъ прямо явился, какъ... А знаете, что я вамъ скажу? Вы вотъ на насъ пришли какъ на диковинный сбродъ полюбоваться, а, по-моему, этотъ сбродъ чище и лучше, чѣмъ всѣ вы, приглаженные, прилизанные и развратные. Вы видѣли сейчасъ, какъ мы скандальничаемъ, какъ мы пьемъ водку, ругаемся и принимаемъ подачки. Ну что же? Зато вы не видали, какъ тѣ же бродячіе голодные актеры, всѣ — цѣлой труппой закладываютъ послѣднія пальтишки, чтобы помочь больному товарищу! Зато вы не видали, какъ насъ, точно довѣрчивыхъ дѣтей, какъ барановъ, обсчитываетъ ловкій антрепренеръ! Зато вы и представить себѣ не сумѣете, какъ каждый изъ насъ страдаетъ отъ вашего презрительнаго и развратнаго любопытства. О, какъ я ненавижу васъ, покровители искусства, закулисные меценаты! Сто разъ лучше тонуть въ нашей грязи, чѣмъ пользоваться вашими гнусными милостями. Прощайте. Вотъ моя калитка. Благодарю васъ за вашу любезность, хотя я и сама нашла бы дорогу.

Она отворила калитку и пошла впередъ, не оборачиваясь.

— Лидія Михайловна! — воскликнулъ я, простирая къ

ней руки. — Неужели мы такъ и простимся? Вспомните, вѣдь мы никогда не были врагами.

Она остановилась.

— О чемъ же намъ еще говорить? Развѣ у васъ есть теперь что-нибудь общее съ странствующей комедіанткой? А впрочемъ, если уже вы хотите составить цѣлое впечатлѣніе, то зайдите. По крайней мѣрѣ увидите, какъ мы живемъ. Чтò же вы остановились? Не бойтесь—у меня театральнаго мужа нѣтъ.

Слова ея еще продолжали быть язвительными, но тонъ смягчился. Должно-быть, улеглась острая потребность оскорблять и чувствовать себя оскорбленной, а моя кротость еще болѣе ее обезоружила.

Я вошелъ въ домъ. Лидочка занимала одну комнату. Чтò это была за комната! Крошечныя окна, низкій, кривой потолокъ съ балками внутри, известковыя стѣны, синія отъ сырости, узенькая желѣзная кровать и столъ съ зеркаломъ, завѣшеннымъ шитымъ полотенцемъ. Лидочка зажгла грязную лампу безъ абажура и опустилась на стулъ совершенно изнеможенная. Руки ея бессильно легли по колѣнамъ, усталые и грустные глаза неподвижно устремились на огонь лампы. Теперь меня еще больше, чѣмъ въ театрѣ, поразило страдальческое выраженіе ея лица. Повинуясь безотчетному влеченію жалости, я приблизился, осторожно взялъ одну изъ ея блѣдныхъ, тоненькихъ ручекъ и прижалъ къ губамъ. И вдругъ — ласка ли моя подѣйствовала, нервы ли усталые не выдержали — Лидочка порывисто прижала лицо къ моей груди, охватила рукой шею и, вся сотрясаясь, зарыдала. Знаете, всегда такъ: таится-таится въ чловѣкѣ давнее нераздѣленное горе, а потомъ какъ прорвется, то и удержу нѣтъ слезамъ. И тутъ Лидочка съ истерическимъ плачемъ, цѣлуя мои руки, передала мнѣ печальную повѣсть своей жизни.

Послѣ нашего московскаго визита къ Славинскому она благополучно воротилась домой. Можетъ-быть, ея сценическое увлеченіе такъ и кончилось бы безъ гибельныхъ послѣдствій, если бы она не встрѣтилась со своей бывшей гимназической подругой — провинціальной артисткой. Богъ знаетъ, что эту артистку заставило расхваливать свою жизнь: природная ли тупость, нечувствительность и неразборчивость, или женское хвастовство, или злой, мстительный умыселъ неудачницы, но встрѣча съ подругой рѣшила Лидочкину участь. Она поступила на сцену. Сначала она все видѣла въ розовомъ свѣтѣ. Внѣшняя сторона дѣла, то-есть бѣдность, голодъ, долги, жалкая театральная обстановка—для нея не существовали. Но вскорѣ къ искусству примѣшалась любовь. Судьба столкнула ее съ артистомъ — его имя и теперь еще довольно извѣстно, я не буду его называть: это красивый лгунъ съ горячими словами и холоднымъ сердцемъ. Онъ записалъ себя въ російскіе Кины, у него были художественные странности и капризы, а Лидочка должна была восхищаться имъ и находить проблески генія въ проявленіяхъ его животной природы. Когда Лидочка сказала ему, что черезъ три мѣсяца она должна родить, онъ по-воровски, тайкомъ, бросилъ ее на произволъ судьбы. Ребенокъ умеръ. Что было потомъ? Цѣлая вереница скучныхъ дней, жалкихъ аплодисментовъ по вечерамъ, ночныхъ оргій... Она приучилась пить. По крайней мѣрѣ не сосетъ за сердце всегдашняя тоска. Родные раньше преслѣдовали ее письмами, и она не прочь была бы возвратиться, но послѣ ребенка въ ней заговорила ея собственная, своеобразная гордость. Если она раньше не пришла, когда еще было время, то какъ же она могла бы прійти, вынужденная крайностью. И въ этой странной гордости я узналъ прежнюю Лидочку.

— Вы мнѣ, родной мой, простите, что я вамъ дорѣ-

гой наговорила, — просила она, глядя на меня прекрасными, умоляющими глазами. — Ужъ очень больно мнѣ было. Какъ я васъ увидала, такъ мнѣ все мое прошлое и кинулось въ память, хорошее такое, ничѣмъ не загрязненное. И тому, что объ артистахъ говорила, не вѣрьте. Уколоть мнѣ васъ хотѣлось, злобу свою сорвать. Помните, какъ мы вмѣстѣ были въ Москвѣ у Славинскаго? Тысячу, тысячу разъ онъ былъ правъ. Хотя и онъ тоже хорошъ, нечего сказать!.. Только тутъ не терніи даже, а сплошная мерзость. Вѣдь нѣтъ дня, чтобы меня не оскорбляли чѣмъ-нибудь! И бросила бы я сейчасъ же эту проклятую сцену, да развѣ можно? Я обо всемъ, понимаете, обо всемъ своихъ извѣстила; корабли нарочно за собой сожгла. Съ какими глазами я теперь явлюсь? Ну развѣ объ этомъ можно думать! Развѣ можно? Ради Бога скажите, развѣ можно?

Столько настойчивости было въ этихъ торопливыхъ вопросахъ, такъ жадно они ждали моего отвѣта, что мнѣ стало понятно, какъ часто мучила ее мысль о возвращеніи домой. Я, по возможности, простыми и искренними словами старался ее успокоить: сказалъ, что она не только можетъ, но даже должна возвратиться къ своимъ старикамъ, что она теперь, больная и замученная, вдвое имъ дороже, какъ матери дороже больной ребенокъ, что никогда не поздно отдохнуть физически и нравственно отъ этой тяжелой жизни.

Лидочка очень внимательно меня слушала, не выпуская моей руки и изрѣдка глубоко и прерывисто вздыхая, какъ ребенокъ послѣ долгаго плача. Ея еще не высохшіе отъ слезъ глаза заблестѣли радостной надеждой. Незамѣтно для насъ самихъ мы перешли къ нашимъ общимъ воспоминаніямъ и долго сидѣли рядомъ, тѣсно составивъ стулья, позабывъ о приключеніяхъ этого вечера, не уставая спрашивать и отвѣчать, точно братъ и сестра послѣ

долгой разлуки. Лидочка и смѣялась какимъ-то стыдливымъ, дѣтскимъ смѣхомъ, и вздыхала, и какъ будто сама не вѣрила тому, что въ ней въ эти минуты происходило. Наконецъ, когда огонь началъ потухать въ лампѣ, я спохватился и сталъ прощаться.

— Я жду васъ завтра, — сказала Лидочка, крѣпко пожимая мою руку. — Помните: какъ вы скажете, такъ и будетъ. Я вамъ такъ вѣрю, что даже принять отъ васъ помощь для меня будетъ легко.

И опять въ эту ночь, такъ же, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, послѣ моего прощанія съ Лидочкой, я долго не могъ заснуть, и опять мнѣ пришло въ голову сдѣлать ей предложеніе. Меня растрогалъ рассказъ о ея скитальческой жизни, и мнѣ всѣми силами хотѣлось дать ей отдохнуть, приласкать ее и успокоить. «Женщина, много страдавшая, должна умѣть и много любить, — думалъ я, ворочаясь съ боку на бокъ: — она будетъ самой нѣжной женой и матерью. И ужъ, конечно, если она станетъ моею женой, никто не посмѣетъ упрекнуть ее позоромъ прежней жизни».

Такъ я рассуждалъ, потому что до сихъ поръ не встрѣчалъ еще людей, похожихъ на Лидочку. Но вышло на другой день нѣчто неожиданное, странное, на мой тогдашній взглядъ даже нелѣпое. Вамъ приходилось, господа, слышать, какъ въ церкви возглашаютъ моленіе: «О всякой душѣ христіанской, скорбящей же и озлобленной, чающей Христова утѣшенія»? Вотъ Лидочка-то именно и принадлежала къ этимъ скорбящимъ и озлобленнымъ. Это самые неуравновѣшенные люди. Треплеть-треплеть ихъ судьба и такъ въ концѣ концовъ изуродуетъ и ожесточитъ, что и узнать трудно. Много въ нихъ чуткости, нѣжности, состраданія, готовности къ самопожертвованію, доброты сердечной, а съ другой стороны — гордость сатанинская, обидчивая и нелѣпая гордость, по-

стоянное сомнѣніе и въ себѣ, и въ людяхъ, склонность во всѣхъ своихъ ощущеніяхъ копаться и, главное, какой-то чрезмѣрный, дикій стыдъ. Нашла минута — отдастъ онъ вамъ душу, самое дорогое и неприкосновенное передъ вами выложить, а прошла минута — и онъ васъ самъ за свою откровенность уже ненавидитъ и торопится облегчить себя оскорбленіемъ. Позднѣе я догадался, что и Лидочка была изъ числа этихъ загнанныхъ судьбою.

Утромъ меня разбудилъ денщикъ Алфѣрова (самого корнета такъ всю ночь и не было дома). Подаетъ мнѣ Кириллъ записку, у меня и сердце екнуло.

— Отъ кого? — спрашиваю.

— Не могу знать, ваше высокоблагородіе. Какой-то жидочекъ приносилъ. Сказываетъ, отвѣта не нужно, а самъ убѣгъ.

Записка была отъ Лидочки.

«Милостивый государь Николай Аркадьевичъ, — писала Лидочка: — я думаю, вамъ не менѣе меня стыдно за вчерашнее. Все, что я вамъ говорила, — слѣдствіе минутной слабости нервовъ. Какъ вы ни великолѣпны съ вашимъ благоразуміемъ, я предпочитаю свою свободу и любимое дѣло, которому я буду служить такъ же, какъ и другіе, не мудрствуя и не осуждая. Пишу вамъ второпяхъ, потому что меня дожидаютъ лошади Алфѣрова. Повторяю еще разъ, что, кромѣ взаимнаго стыда, между нами ничего быть не можетъ».

Я посмотрѣлъ на часы — было уже далеко за полдень, — поспѣшно одѣлся и кинулся на поиски за Лидочкой. На ея квартирѣ старая и грязная еврейка сказала мнѣ, что «барышня только-что уѣхали». «Такихъ было хорошихъ двоихъ коней у въ коляска, точно у габирнатора». Я долго находилъ бы въ затрудненіи, куда отправиться дальше, если бы меня не осѣнила мысль заѣхать въ театръ. Дѣйствительно, не доходя еще до убор-

ной, я услышалъ въ ней шумъ, многочисленной компаніи. Я отворилъ дверь, и моимъ глазамъ представилась слѣдующая сцена:

Посреди комнаты, на столѣ, уставленномъ пустыми и цѣлыми бутылками отъ шампанскаго, стояла Лидочка, растрепанная, раскраснѣвшаяся, съ бокаломъ въ высоко поднятой рукѣ. Кругомъ нея, стоя и сидя, толпились: Алферовъ, докторъ, ротмистръ и еще человекъ пять-шесть нашихъ городскихъ шалопаевъ. Въ глубинѣ комнаты, глядя съ недоумѣніемъ и нѣкоторой тревогой на происходившее, стояла группа артистовъ. Моего появленія никто не замѣтилъ, потому что вниманіе всѣхъ было поглощено тѣмъ, что въ эту минуту Лидочка съ выразительной жестикуляціей пѣла съ своего возвышенія:

„Какой обѣдъ намъ подавали!
Какимъ виномъ насъ угощали!
Ужъ я пила, пила, пила
И до того теперь дошла,
Что, право, готова... готова...
Ха-ха-ха-ха-ха...
Тсс... объ этомъ ни слова!“

И вдругъ наши глаза встрѣтились. Она мгновенно поблѣднѣла, пошатнулась, и бокаль со звономъ и дребезгомъ покатился по полу. Всѣ обернулись на меня.

— Господа, — закричала Лидочка, злобно блеснувъ глазами: — кто хочетъ пить вино изъ моей туфли?

— Я, я, я! — раздалось сразу нѣсколько голосовъ.

— Всѣмъ сразу нельзя. Алферовъ, сними!

И она протянула свою маленькую ножку Алферову. Тотъ снялъ туфлю и поставилъ въ нее бокаль.

— Выпьемъ за здоровье Николая Аркадьевича, — продолжала возбужденно Лидочка. — Онъ вчера ночью обра-

щаль меня на путь спасенія. Да здравствуютъ добродѣтельные молодые люди!

— Уррра! — заорала громогласно подкутившая компанія.

— У него однако губа не дура, — перекричалъ всѣхъ докторъ: — дайте ему за это вина!

Меня охватила злоба.

— Поздравляю васъ, Лидія Михайловна, — сказалъ я съ насмѣшливо-низкимъ поклономъ. — Вы дѣйствительно превосходная артистка, но я теперь только понялъ, какія побужденія влекли васъ на сцену.

Я вышелъ изъ уборной, сопровождаемый общимъ хохотомъ. Впрочемъ, не все ли мнѣ было равно? Настоящей подкладки этой дурацкой сцены никто не зналъ, хотя смѣшная-то роль во всякомъ случаѣ выпала на мою долю... Да и что говорить: злая роль, мстительная и несправедливая...

БЕЗЪ ЗАГЛАВІЯ.

I.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я проводилъ лѣтніе мѣсяцы на дачѣ, вдали отъ пыльнаго, душнаго, наполненнаго суетой и грохотомъ города, въ тихой деревушкѣ, затерявшейся среди густого сосноваго лѣса, верстахъ въ 8-ми отъ станціи желѣзной дороги. Туда только-что начинали въ то время показываться первые піонеры будущей дачной колоніи, которая теперь совершенно заполонила это милое, уютное мѣстечко франтовскими дачными костюмами, сплетнями, любительскими спектаклями, подсолнечной шелухой, фортепіанными экзерсисами и флиртомъ. Теперь уже тамъ нѣтъ ни прежней дешевизны, ни прежней тишины, ни плѣнительной простоты нравовъ.

Прежде, бывало, встанешь рано утромъ вмѣстѣ съ восходомъ солнца, когда росистая трава еще бѣлѣетъ, а изъ лѣса съ его высокими, голыми, красными стволами особенно сильно доносится крѣпкій смолистый ароматъ. Не умываясь, накинувъ только поверхъ бѣлья старое пальтишко, бѣжишь къ рѣкѣ, на ходу быстро раздѣваешься и съ размаху бухаешься въ студеную, розовую отъ зари, еще подернутую легкимъ паромъ, гладкую, какъ зеркало,

водяную поверхность, къ великому ужасу цѣлаго утиного семейства, которое съ тревожнымъ кряканьемъ и плескомъ поспѣшно расплывается въ разныя стороны изъ прибрежнаго тростника. Выкупаешься и, дрожа отъ холода, съ чувствомъ здоровья и свѣжести во всемъ тѣлѣ, спѣшишь къ чаю, накрытому въ густо заросшемъ палисадникѣ въ тѣни сиреневыхъ кустовъ, образующихъ надъ столомъ душистую зеленую бесѣдку. На столѣ вокругъ блестящаго самовара разставлены: молочникъ съ густыми желтыми сливками, большой ломоть свѣжаго деревенскаго хлѣба, кусокъ теплаго, только-что вырѣзаннаго сотоваго меда на листѣ лопуха, тарелка крупной, покрытой сизоватымъ налетомъ, малины. Около самовара хлопочетъ хозяйская дочка Ганнуся — черноглазая, крѣпкая деревенская дѣвочка, задорная и лукавая. И какъ радостно, какъ молодо звучить въ утреннемъ чистомъ воздухѣ ея веселое привѣтствіе: «Здоровеньки были съ середию, панычу!»

Цѣлый день бродишь съ ружьемъ и собакой по окрестнымъ лѣсамъ и болотцамъ, ловишь съ бѣлоголовыми ребятами у берега раковъ, тянешь съ рыбаками неводъ и варишь съ ними поздней ночью уху, или сидишь съ удочкой, закрывши отъ солнца голову соломеннымъ брылемъ съ полями въ полъ-аршина шириною, и слѣдишь пристально за поплавкомъ, едва виднымъ въ расплавленномъ и дрожащемъ серебрѣ рѣки. Домой возвращаешься усталый, перепачканный съ ногъ до головы, но бодрый и веселый, съ чудовищнымъ аппетитомъ.

А позднимъ вечеромъ, послѣ того, когда возвратится въ деревню стадо, пыля и толпясь, и наполняя воздухъ запахомъ парного молока и травы, какое наслажденіе сидѣть у воротъ и слушать и смотрѣть, какъ постепенно стихаетъ мирная сельская жизнь!.. Все рѣже, тише и отдаленнѣе раздаются: то скрипъ колесъ, то нѣжная ма-

лорусская пѣсня, то звонкое лошадиное ржанье, то возня и послѣднее щебетанье засыпающихъ птицъ, то, наконецъ тѣ невѣдомые, загадочные, прекрасные аккорды ночной гармоніи, которую каждый слышалъ и которую никто не могъ ни понять, ни описать... Огни гаснутъ, въ темно-синемъ небѣ загораются и дрожатъ ясныя серебряныя звѣзды... Сладкія, но неясныя мечты, дорогія воспоминанія тѣсняются въ головѣ. Чувствуешь себя молодымъ, добрымъ и хорошимъ, чувствуешь, какъ стряхивается съ тебя накипѣвшая за зиму городская скука, городское озлобленіе, всѣ городскія недомоганія...

Теперь нѣтъ уже въ моемъ мирномъ пріютѣ ни неподдѣльнаго молока, ни масла безъ маргарина, ни чарующихъ буколическихъ картинъ. Въ лѣсу прибиты роковыя дощечки, запрещающія охоту и собираніе грибовъ и ягодъ, по дорогамъ мчатся, согнувшись въ три погибели, длинноногіе велосипедисты, на рѣкѣ толкуются декольтированные спортсмены въ полосатыхъ фуфайкахъ, а хозяйскія дочери носятъ нитяныя перчатки и давно уже переняли отъ интендантскихъ писарей извѣстный жестокой романсъ про «собачку вѣрную — Фингала».

II.

Когда я пріѣхалъ въ деревню на второе лѣто и съ помощью Ганнуса устраивалъ свою комнату, Ганнуса, въ числѣ прочихъ многочисленныхъ новостей, объявила мнѣ, что напротивъ ихъ хаты, у Комарихи, наняли комнату «какихъ-то двоихъ постояльцевъ», мужъ и жена.

— Осипивна каже, що вони вже десять рокивъ, якъ поженылысь. Винъ не дуже красивый, а вона така гарна, така гарна, якъ зиронька ясна... Отъ самы побачите.

Каже Осипивна, той панъ десь тамъ у городи за учителя. Каждый день по зализной дорози издыть у городъ.

Часа два спустя, выглянувъ въ окно, я увидѣлъ мою сосѣдку. Маленькій въ четыре окна домикъ, весело выглядывавшій бѣлыми стѣнами изъ густой зелени вишенъ, сливъ, яблокъ и грушъ, былъ напротивъ нашего. Она сидѣла у открытаго, полузавѣшеннаго легкими кисейными занавѣсками окна, въ бѣлой кофточкѣ съ ажурными прошивками на рукавахъ и груди, и, облокотясь на подоконникъ, читала книгу. У нея было одно изъ тѣхъ нѣжныхъ, простыхъ лицъ, мимо которыхъ сначала проходишь равнодушно, но, взглянувъ пристальнѣе и понявъ ихъ, невольно очаровываешься свойственнымъ имъ смѣшаннымъ выраженіемъ ласки, мечтательности и, можетъ-быть, затаенной страстности. Всѣхъ мелочей ея лица издали и съ перваго раза я, конечно, не могъ разглядѣть, но успѣлъ замѣтить ея пышные бѣлокурые волосы, не завитые, а заброшенные назадъ, такъ что ея небольшой, заросшій съ боковъ блестящимъ рыжеватымъ пушкомъ лобъ оставался открытымъ; очень тонкія брови, гораздо темнѣе волосъ, съ насмѣшливымъ и наивнымъ въ то же время надломомъ посрединѣ, и маленькія розовыя уши. Впослѣдствіи я разглядѣлъ ее поближе: самой красивой чертой у нея были глаза — продолговатые, темно-сѣрые и очень блестящіе.

Въ началѣ 6-го часа пріѣхалъ мужъ блондинки, господинъ лѣтъ 40, съ типичной наружностью учителя: съ растрепанной бородой, брюнетъ, въ золотыхъ очкахъ, съ усталымъ пріятнымъ лицомъ и тощей фигурой. Онъ пріѣхалъ на простой мужицкой телѣгѣ, закутавшись отъ пыли въ бѣлый парусиновый балахонъ съ капюшономъ, прикрывавшимъ голову. Не успѣлъ онъ еще вылѣзть изъ своего неудобнаго экипажа, какъ жена выбѣжала ему навстрѣчу, накинувъ по дорогѣ на голову бѣлый фуляръ.

Тутъ я разглядѣлъ ея фигуру: она была высока, стройна и гибка, точно сильно выросшій подростокъ, несмотря на то, что ей по лицу можно было дать не менѣе 27 — 28 лѣтъ. Въ то время, какъ ея мужъ неловко перекидывалъ затекшія ноги черезъ высокій бокъ телѣги и осторожно сползалъ на землю, жена что-то оживленно говорила, смѣялась и вынимала изъ телѣги какіе-то пакеты и свертки.

Вслѣдъ за блондинкой изъ калитки стремглавъ выскочилъ мальчикъ лѣтъ семи, очень на нее похожій, тоненькій, блѣдный, вѣроятно, болѣзненный. Онъ съ визгомъ бросился къ отцу на шею и повисъ на ней, болтая въ воздухѣ ножками, голыми по колѣни. Всѣ трое пошли въ хату

Вечеромъ я опять ихъ видѣлъ. Мужъ въ длинной синей блузѣ безъ пояса, въ родѣ той, какую носятъ во время работы художники, сидѣлъ на корточкахъ, нагнувшись надъ одной изъ крошечныхъ клумбъ, разбитыхъ въ ихъ палисадничкѣ передъ домомъ, и съ сосредоточеннымъ терпѣніемъ что-то надъ нею дѣлалъ. Я догадался, что онъ сажаетъ цвѣточныя сѣмена. Сынишка его стоялъ около, заложивъ за спину руки, и внимательно слѣдилъ за работою отца. Стройная фигура блондинки въ бѣломъ платьѣ показывалась то въ домѣ, то въ саду, и я невольно залюбовался ея граціозными, ловкими движеніями. Одинъ разъ она подошла къ мужу, и онъ, не вставая съ корточекъ, поднялъ къ ней вспотѣвшее и улыбающееся лицо и сказалъ ей нѣсколько словъ, указывая на свою работу. Она нагнулась къ нему, сняла съ него шляпу и вытерла его мокрый лобъ носовымъ платкомъ. Онъ налету поймалъ ея руку и поцѣловалъ.

«Нѣтъ, — подумалъ я, глядя на эту нѣжную и наивную сцену: — хотя дачное сосѣдство и даетъ нѣкоторыя права на безцеремонное знакомство, но я не буду искать его.

Развѣ я посмѣю непрошеннымъ вторженіемъ въ семью отнять у этого, такого славнаго, добраго на видѣ чело-вѣка, хотъ самую малую часть его домашнихъ радостей? Вмѣсто того, чтобы мирно копаться въ своихъ грядкахъ, онъ принужденъ будетъ занимать меня разговоромъ о винтѣ, о погодѣ, о газетахъ, о здоровьѣ, обо всемъ томъ, что ему, навѣрно, такъ давно уже надоѣло въ городѣ. И, кромѣ того, — кто знаетъ? — можетъ-быть, при ближайшемъ знакомствѣ этотъ славный и добрый чело-вѣкъ превратится въ педанта и озлобленнаго неудачника, а мечтательная блондинка окажется сплетницей, или гене-ральскою дочерью съ аристократической родней и же-манными манерами... Такія превращенія не рѣдкость».

Такимъ образомъ, рѣшивъ въ умѣ не пользоваться пра-вами сосѣдства, я предался своимъ обычнымъ занятіямъ: охотѣ, рыбной ловлѣ, купанью, чтенію и въ промежут-кахъ — созерцательному ничегонедѣланію. Сосѣди тоже ничѣмъ не обнаруживали признаковъ особенно сильнаго желанія познакомиться съ моею особою, можетъ-быть, даже по соображеніямъ, одинаковымъ съ моими.

Тѣмъ не менѣе, невольно, я былъ свидѣтелемъ всѣхъ мелочей ихъ жизни, и, долженъ признаться, эта жизнь зарождала порою въ моей головѣ смутныя желанія своего собственнаго тихаго угла и теплой, неизмѣнной женской ла-ски. Если бы мнѣ предоставили въ этомъ отношеніи вы-боръ, я не пожелалъ бы лучшей жены, чѣмъ моя бѣлокурая сосѣдка—столько въ ней было женственности, граціи, шаловливости и заботливости къ мужу. Правда, въ своей женѣ я былъ бы доволенъ отсутствіемъ одной черты, кото-рая въ блондинкѣ мнѣ кинулась въ глаза съ первыхъ же дней: она читала просто запоемъ. Каждую свободную ми-нуту, едва оторвавшись отъ дѣла, она посвящала кни-гамъ, и до сихъ поръ, когда я ее вспоминаю, она ри-суется въ моихъ глазахъ не иначе, какъ сидящей у от-

крытаго окна съ кисейными занавѣсками, или лежащею въ гамакѣ, въ тѣни старыхъ яблонь, и непременно съ книжкою въ рукѣ. По манерѣ ея чтенія и по легкомысленнымъ переплетамъ книгъ я былъ убѣжденъ, что она читаетъ переводные романы. Возвращаясь домой поздною ночью, я всегда заставалъ въ ея окнѣ свѣтъ. Вставала она поздно, въ то время, когда мужъ ея, въ одиночку напившись чаю, уже уходилъ въ городъ, и по ея блѣдному, немного измученному лицу я видѣлъ, что она спала плохо и мало.

III.

Прошло около мѣсяца. Въ городѣ кончились экзамены, и мужъ блондинки совсѣмъ поселился на дачѣ. Цѣлыми днями онъ возился въ своемъ садикѣ: поливалъ его, полоть, выравнивалъ заступомъ газоны, стругалъ какія-то палочки и втыкалъ ихъ въ землю. Почти у каждаго человека, гдѣ бы онъ ни служилъ, чѣмъ бы ни занимался, всегда есть маленькая посторонняя слабость, которую онъ любить гораздо болѣе своего «настоящаго» дѣла: у одного охота, у другого клейка картонажей, у третьяго собираніе коллекціи мундштуковъ, у четвертаго какое-нибудь ручное мастерство. Видно было, что страсть учителя — цвѣты: такъ нѣжно онъ за ними ухаживалъ. Въ комнатахъ у него я также замѣтилъ много горшковъ съ рѣдкими растеніями, которыя онъ часто и заботливо вытиралъ губкою, окуривалъ, подрѣзывалъ ножницами и поливалъ.

По субботамъ къ сосѣдямъ пріѣзжали изъ города знакомые, человекъ пять мужчинъ, на видъ тоже учителей, съ женами и дѣтьми. Видно было, что гости и хозяева составляютъ давно свыкшееся, сплоченное общество: такъ всѣ они просто и непринужденно держались

другъ съ другомъ. Хозяинъ нанималъ пару простыхъ телѣгъ, вся компанія съ шумомъ и хохотомъ разсаживалась и уѣзжала въ лѣсъ собирать грибы и ягоды. Вечеромъ играли въ винтъ, пѣли, смѣялись и наконецъ оставались на дачѣ ночевать, при чемъ мужчины всѣ до одного лѣзли на сѣноваль.

Это была счастливая жизнь, незатѣйливая, конечно, не богатая, но радостная, свѣжая, честная, ничѣмъ не смущаемая. И чѣмъ больше я на нее смотрѣлъ, тѣмъ болѣе убѣждался, что я былъ правъ, избѣгая съ сосѣдями знакомства. Впрочемъ, съ мужемъ мы уже раскланивались издали. Поводомъ къ этому послужило наше обоюдное вмѣшательство въ вооруженное столкновение, происшедшее на улицѣ между его сыномъ и маленькимъ братишкой Ганнуси. Однако наши отношенія только одними поклонами и юграничились, но дальше не пошли.

Прошло уже довольно много времени съ моего переѣзда на дачу. Одна за другой отцвѣли: сначала яблони и вишни, потомъ черемуха и за нею сирень. Соловьи уже стали прекращать свои ночные концерты. Блондинка по-прежнему читала и хозяйничала, мужъ ея хлопоталъ цѣлый день въ палисадникѣ, я ловилъ окуней и ершей. Знакомство мое съ сосѣдями не подвигалось.

Однажды утромъ къ калиткѣ учителя подѣхала телѣга. Въ телѣгѣ сидѣлъ плотный, высокій господинъ, — я никогда не видѣлъ его въ числѣ сосѣдскихъ гостей, — по наружности актеръ или пѣвецъ: бритый, съ цѣлой гривой курчавыхъ волосъ, съ большимъ квадратнымъ лбомъ, съ крупными складками у угловъ рта съ высокомерно-выдвинувшейся впередъ нижней губой, съ презрительными глазами подъ нависшими наискось, какъ у Рубинштейна, верхними вѣками. Не видя никого вокругъ, приѣзжій нѣкоторое время сидѣлъ молча въ телѣгѣ и оглядывался по сторонамъ. На стукъ подѣха-

вшей телѣги изъ сада вышелъ учитель въ своей синей блузѣ, съ заступомъ въ рукѣ. Закрываясь рукою отъ солнца, онъ долго вглядывался въ пріѣзжаго. Потомъ они, должно-быть, узнали другъ друга. Пріѣзжій гибкимъ, сильнымъ движеніемъ спрыгнулъ съ телѣги, учитель кинулся къ нему навстрѣчу, и они расцѣловались.

Особенно растроганъ этимъ событіемъ былъ учитель. Онъ суетился, бросался отъ своего друга къ мужику, снимавшему съ телѣги чемоданъ и прочія вещи пріѣзжаго, и отъ мужика опять къ своему другу. Наконецъ они оба, въ сопровожденіи мужика съ вещами, пошли въ домъ, при чемъ учитель велъ пріятеля, обнявъ его за спину, и любовно заглядывалъ ему въ глаза. Пріѣзжій былъ выше своего друга на цѣлую голову; онъ шелъ легкой и упругой походкой, свойственной людямъ, привыкшимъ къ паркету или къ подмосткамъ.

На крыльцѣ ихъ встрѣтила блондинка. По жестамъ учителя, по церемонному поклону пріѣзжаго и по нѣсколько застѣнчивому движенію, съ какимъ блондинка подала ему руку, я увидѣлъ, что учитель знакомитъ жену съ своимъ другомъ.

«Значитъ, — подумалъ я: — актеръ и учитель не встрѣчались, по крайней мѣрѣ, лѣтъ десять-двѣнадцать. Если человѣкъ рѣшается пріѣхать сюрпризомъ въ семейный домъ, онъ долженъ быть въ очень близкихъ отношеніяхъ къ кому-нибудь въ семьѣ. Словомъ, это — другъ юности или дѣтства моего сосѣда, такой близкій и вѣрный, что ихъ дружбы не охладил даже женитьба одного изъ нихъ. Только гдѣ я его видѣлъ раньше, этого актера? Очень знакомая фізіономія. А впрочемъ, можетъ-быть, это еще вовсе и не актеръ.

Однако на другой же день я убѣдился въ основательности моего перваго предположенія. Передъ вечеромъ всѣ трое — и хозяйка, и ихъ гость — пили въ саду чай. Прі-

Взвѣсивъ что-то разсказывалъ очень оживленно съ красивыми, изысканными движеніями. Вдругъ среди разсказа онъ всталъ, медленно скрестилъ руки на груди и опустилъ голову на грудь, при чемъ лицо его приняло задумчиво-трагическое выраженіе. Очевидно, онъ декламировалъ и, судя по характеру жестовъ, что-нибудь въ родѣ гамлетовскаго «Быть или не быть». Учитель и блондинка смотрѣли на него съ напряженнымъ вниманіемъ. Когда онъ кончилъ и съ дѣланымъ красивымъ безсиліемъ опустился на скамью, учитель нѣсколько разъ похлопалъ ладонью объ ладонь, какъ будто бы аплодируя. Блондинка не шевелилась. Трудно было сказать, какое впечатлѣніе произвелъ на нее монологъ, но ея лицо — впрочемъ, можетъ-быть, это мнѣ только такъ показалось издали — приняло еще болѣе, чѣмъ когда-либо, мечтательное выраженіе.

Актеръ поселился у моихъ сосѣдей и, повидимому, надолго, потому что привезъ съ собою нѣсколько лѣтнихъ костюмовъ и цѣлый запасъ самаго разнообразнаго и самаго моднаго бѣлья. Фамиліи—какъ его, такъ и его друзей—для меня остались неизвѣстными. «Паны, тай годи»,—отвѣчали наивно на мои разспросы хохлы. Однако я до сихъ поръ убѣжденъ, что актера я раньше видѣлъ на сценѣ, и что онъ принадлежитъ къ числу крупнѣйшихъ свѣтилъ русскаго артистическаго небосклона.

IV.

Два дня учитель не могъ достаточно нарадоваться пріѣзду друга, не отходилъ отъ него ни на шагъ, занималъ разговорами, показывалъ ему въ палисадникѣ свои цвѣты. А цвѣты у него, дѣйствительно, выросли великолѣпные, видно было, что учитель мастеръ своего дѣла.

Но черезъ нѣсколько дней, когда радость по поводу пріѣзда друга утеряла свою первоначальную остроту, и

присутствіе его въ домѣ стало явленіемъ привычнымъ, жизнь учителя вошла въ свою обычную колею. Точно такъ же, какъ и раньше, вставалъ онъ съ восходомъ солнца, самъ приносилъ въ лейкѣ воду изъ ближайшаго колодца и до обѣда въ своей обычной широкой блузѣ рылся въ клумбахъ. Зато жизнь его жены замѣтно перемѣнилась съ пріѣздомъ актера. вмѣсто прежней бѣлой кофточки съ прошивками, я теперь постоянно видѣлъ на ней нарядные цвѣтные лифы, надѣтые поверхъ корсета, съ оборками и кружевами. пышные бѣлокурые волосы, прежде такъ мило зачесанные назадъ, теперь познакомились со щипцами и превратились въ кудрявую гривку. И даже читала она теперь не болѣе часа въ день, потому что все остальное время проводила съ гостемъ. То они ходили рядомъ по узкимъ извилистымъ дорожкамъ палисадника, оживленно разговаривая, то она лежала въ гамакѣ, тихо раскачиваясь и глядя, закинувъ назадъ голову, въ небо, а онъ сидѣлъ рядомъ, съ книгой, и читалъ ей вслухъ, то, захвативъ удочки, они отправлялись на берегъ, и я часто видѣлъ ихъ сидящими близко рядомъ, занятыми разговоромъ и не обращающими вниманія на поплавки...

Разказы актера и разговоры съ нимъ должны были интересовать молодую женщину. ничто такъ не привлекаетъ издали людей непосвященныхъ, какъ разказы артистовъ о закулисныхъ тайнахъ сцены. Я часто видѣлъ, какъ, идя съ нею рядомъ и говоря что-то съ красивой и оживленной жестикуляціей, онъ вдругъ останавливался, заставляя ее тоже остановиться и обернуться къ нему лицомъ, и начиналъ, вѣроятно, для поясненія своихъ словъ, читать наизусть какой-нибудь монологъ. И каждый разъ въ этихъ случаяхъ, глядя на его красивую, мощную фигуру, на эффектную пластичность его жестовъ, я все болѣе и болѣе убѣждался, что это далеко не заурядный артистъ.

Однажды передъ вечеромъ я сдѣлалъ важное открытіе: онъ училъ ее сценическому искусству. Онъ сидѣлъ въ саду на скамейкѣ передъ круглымъ деревяннымъ столомъ, на которомъ обыкновенно пили чай. Она стояла передъ нимъ, точно ученица передъ учителемъ, смущенная, взволнованная, и читала что-то наизусть. Актеръ слушалъ, опустивъ голову внизъ, слегка покачиваясь тѣломъ и плавно ударяя ребромъ правой ладони по столу.

Когда блондинка окончила чтеніе, онъ быстро бросился къ ней, схватилъ обѣ ея руки въ свои и, съ жаромъ пожимая ихъ, что-то заговорилъ. Должно-быть, онъ выражалъ свое восхищеніе. Она отворачивалась и отнимала руки, но онъ не выпускалъ ихъ и продолжалъ говорить, стараясь заглянуть ей въ лицо.

Очевидно, блондинка вкусила сладкаго яда восторженныхъ похвалъ артиста, потому что съ этого дня я каждый вечеръ бывалъ свидѣтелемъ происходившихъ въ саду уроковъ драматической декламации. Былъ ли искрененъ актеръ, или нѣтъ, я не знаю, но онъ принялся за занятія съ блондинкой самымъ рѣшительнымъ образомъ. Мужъ не мѣшалъ имъ. Случалось, во время урока онъ подходилъ къ ученицѣ и учителю, слушалъ минутъ съ пять, заложивъ руки въ карманы, потомъ съ добродушнымъ видомъ трепалъ актера по плечу и уходилъ къ своимъ цвѣтамъ.

Къ концу мѣсяца я сдѣлалъ другое открытіе, но гораздо болѣе важное, чѣмъ первое. Случилось это также вечеромъ, когда прозрачный воздухъ уже замѣтно стемнѣлъ, и въ немъ носились съ густымъ жужжаньемъ юньскіе жуки. Блондинка лежала въ гамакѣ. Она такъ глубоко задумалась, глядя по своему обыкновенію вверхъ, что не услышала шаговъ осторожно къ ней подходящаго актера. Актеръ подкрался совсѣмъ вплотную къ своей ученицѣ, оглянулся по сторонамъ, желая

убѣдиться, не смотритъ ли кто-нибудь за нимъ, и затѣмъ, быстро нагнувшись, поцѣловалъ блондинку въ волосы. Она вздрогнула, слегка привстала въ гамакѣ и вдругъ, къ моему удивленію, вмѣсто того, чтобы разсердиться или крикнуть на актера, она нѣжнымъ движеніемъ обвила руками его шею, притянула его лицо къ своему и... пауза въ три минуты... Я поспѣшно отвернулся. Хотя все мною видѣнное и не касалось меня, но я почувствовалъ къ актеру странную ревнивую зависть.

Въ этотъ вечеръ учитель уѣхалъ въ городъ. Блондинка и актеръ провожали его. Они жали ему на прощанье руку, цѣловали его и смѣялись самымъ дружескимъ и безпечнымъ образомъ. Учитель улыбался имъ и долго еще, сидя въ удаляющейся телѣгѣ, кивалъ головою стоящимъ у калитки женѣ и другу дѣтства.

На другой день, вставъ рано утромъ и выглянувъ въ окно, я былъ пораженъ до такой степени, что сначала не вѣрилъ своимъ глазамъ. Около калитки моего сосѣда стояла телѣга, нагруженная вещами, въ числѣ которыхъ я узналъ весь багажъ, привезенный актеромъ. Вскорѣ и онъ самъ вышелъ изъ дому вмѣстѣ съ блондинкой. Оба были въ дорожныхъ платьяхъ. Блондинка казалась утомленной, лицо ея поблѣднѣло, вѣки покраснѣли, видно было, что она въ эту ночь не спала, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, она имѣла видъ чело-вѣка, рѣшившагося на какой-то роковой, невозвратимый шагъ. Поддерживаемая подъ локоть актеромъ, она сѣла въ телѣгу. Слѣдомъ за ней влѣзъ актеръ и сказалъ что-то хохлу, сидѣвшему на облучкѣ. Хохоль ударилъ кнутомъ лошадей, телѣга загрохотала по дорогѣ и... вдругъ остановилась...

Маленькій учитель въ золотыхъ очкахъ, Богъ вѣсть откуда взявшійся, стоялъ посреди дороги, держа лошадей подъ уздцы. Видъ у него былъ растрепанный,

немножко смѣшной, но чрезвычайно рѣшительный. Онъ кричалъ что-то, чего я не могъ слышать.

И вдругъ онъ бросился, какъ пуля, въ телѣгу, схватилъ актера за шиворотъ и выкинулъ его на землю. Признаться, это было поразительное зрѣлище. Но дальше было еще страннѣе. Я ожидалъ, что актеръ — этотъ большой, массивный, величественный и гордый человекъ — станетъ драться, сопротивляться, или хотя бы, по крайней мѣрѣ, начнетъ объясненіе. Нѣтъ, онъ побѣжалъ впередъ съ поразительной быстротою, потерялъ по дорогѣ круглую шляпу и — я замѣтилъ это! — все время подтягивалъ панталоны. Ей-Богу, я ожидалъ всего, даже кровопролитія, но не этого театрального эффе́кта.

Но конецъ всей этой исторіи меня не только удивилъ, но растрогалъ, потрясъ и почти ужаснулъ.

Они оба — блондинка и учитель — прошли мимо моихъ оконъ, въ разстояніи какихъ-нибудь пяти-шести шаговъ отъ меня. И я почти видѣлъ, какимъ счастьемъ сіяли ея глаза, я видѣлъ и слышалъ, какъ она цѣловала его учительскую, растрепанную бороденку, и слышалъ также, какъ она говорила, задыхаясь:

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Никогда въ моей жизни ничто подобное не можетъ повториться. Онъ только притворялся мужчиной, а ты настоящій, смѣлый и любящій мужчина!

Тогда я закрылъ окошко и больше за моими сосѣдями не наблюдалъ.

УЧЕНИКЪ.

I.

Большой, бѣлый, двухъэтажный американскій пароходъ весело бѣжалъ внизъ по Волгѣ. Стояли жаркіе, томные іюльскіе дни. Половину дня публика проводила на западномъ наружномъ балкончикѣ, а половину на восточномъ, въ зависимости отъ того, какая сторона бывала въ тѣни. Пассажиры садились и вылѣзали на промежуточныхъ станціяхъ, и въ концѣ концовъ образовался постоянный составъ путешественниковъ, которые уже давно знали другъ друга въ лицо и порядочно другъ другу надоѣли.

Днемъ лѣниво занимались флиртомъ, покупали на пристаняхъ землянику, вяленую волокнистую воблу, молоко, баранки и стерлядей, пахнувшихъ керосиномъ. Въ продолженіе цѣлаго дня фли не переставая, какъ это всегда бываетъ на пароходахъ, гдѣ плавная тряска, свѣжій воздухъ, близость воды и скука чрезмѣрно развиваютъ аппетитъ.

Вечеромъ, когда становилось прохладнѣе, съ береговъ доносился на палубу запахъ скошеннаго сѣна и медвяныхъ цвѣтовъ, и когда отъ рѣки поднимался густой, лѣтній туманъ, всѣ собирались въ салонъ.

Худенькая барышня изъ Москвы, ученица консерва-

торіи, у которой рѣзко выступали ключицы изъ-подъ низко вырѣзанной блузки, а глаза неестественно блестѣли и на щекахъ горѣли болѣзненные пятна, пѣла маленькимъ, но необыкновенно пріятнаго тембра голосомъ романсы Даргомыжскаго. Потомъ немного спорили о внутренней политикѣ.

Общимъ посмѣшищемъ и развлеченіемъ служилъ тридцатилѣтній симбирскій помѣщикъ, розовый и гладкій, какъ іоркширскій поросенокъ, съ бѣлокурыми волосами ежикомъ, съ разинутымъ ртомъ, съ громаднымъ разстояніемъ отъ носа до верхней губы, съ бѣлыми рѣсницами и возмутительно бѣлыми усами. Отъ него вѣяло непосредственной черноземной глупостью, свѣжестью, наивностью и усердіемъ. Онъ только-что женился, пріобрѣлъ цензъ и получилъ мѣсто земскаго начальника. Всѣ эти подробности, а также дѣвическая фамилія его матери и фамиліи всѣхъ людей, оказавшихъ ему протекцію, были уже давно извѣстны всему пароходу, включая сюда капитана и двухъ его помощниковъ и, кажется, — палубной командѣ. Какъ представитель власти и членъ все-россійской дворянской семьи, онъ пересаливалъ въ своемъ патріотизмѣ и постоянно завирался. Отъ Нижняго до Саратова онъ уже успѣлъ перестрѣлять и перевѣшать всѣхъ жидовъ, финляндцевъ, поляковъ, армяшекъ, малороссовъ и прочихъ инородцевъ.

Во время стоянокъ онъ выходилъ на палубу въ своей фуражкѣ съ бархатнымъ околышемъ и съ двумя значками и, заложивъ руки въ карманы брюкъ, обнаруживая толстый дворянскій задъ въ сѣрыхъ панталонахъ, поглядывалъ на всякій случай начальственно на матросовъ, на разносчиковъ, на троечныхъ ямщиковъ въ круглыхъ шляпахъ съ павлиньими перьями. Жена его, тоненькая, изящная, некрасивая петербургская полудѣва, съ очень блѣднымъ лицомъ и очень яркими, злыми губами,

не препятствовала ему ни въ чемъ, была молчалива, иногда при глупостяхъ мужа улыбалась недоброй, тонкой усмѣшкой; большую часть дня сидѣла на солнечномъ припекѣ, съ желтымъ французскимъ романомъ въ рукахъ, съ пледомъ на колѣняхъ, вытянувъ вдоль скамейки и скрестивъ маленькія, породистыя ножки въ красныхъ сафьяновыхъ туфляхъ. Какъ-то невольно чувствовалась въ ней карьеристка, будущая губернаторша или предводительша, очень можетъ быть, что будущая губернская Мессалина. Отъ нея всегда пахло помадой *crème Simon* и какими-то модными духами—сладкими, острыми и терпкими, отъ которыхъ хотѣлось чихать. Фамилія ихъ была Кострецовы.

Изъ постоянныхъ пассажировъ былъ еще артиллерійскій полковникъ, добродушнѣйшій человѣкъ, неряха и обжора, у котораго полусѣдая щетина торчала на щекахъ у подбородка, а китель цвѣта хаки надъ толстымъ животомъ лоснился отъ всевозможныхъ суповъ и соусовъ. Каждый день утромъ онъ спускался внизъ въ помещеніе повара и выбиралъ тамъ стерлядку или севрюжку, которую ему приносили наверхъ въ сачкѣ, еще трепещущую, и онъ самъ, священнодѣйствуя, сопя и почмокивая, дѣлалъ рыбѣ ножомъ на головѣ помѣтки во избѣжаніе поварской лукавости, чтобы не подали другую, дохлую.

Каждый вечеръ, послѣ пѣнія московской барышни и политическихъ споровъ, полковникъ игралъ до поздней ночи въ винтъ. Его постоянными партнерами были: акцизный надзиратель, ѣхавшій въ Асхабадъ — человѣкъ совершенно неопредѣленныхъ лѣтъ, сморщенный, со скверными зубами, помѣшанный на любительскихъ спектакляхъ — онъ недурно, бойко и весело рассказывалъ въ промежуткахъ игры, во время сдачъ, анекдоты изъ еврейскаго быта; редакторъ какой-то приволжской газеты, боро-

датый, низколобий, въ золотыхъ очкахъ, и студентъ, по фамиліи Држевецкій.

Студентъ игралъ съ постояннымъ счастіемъ. Онъ быстро разбирался въ игрѣ, великолѣпно помнилъ всѣ назначенія и ходы, относился къ ошибкамъ партнеровъ съ неизмѣняемымъ благодушіемъ. Несмотря на сильныя жары, онъ всегда былъ одѣтъ въ застегнутый на всѣ пуговицы зеленоватый сюртукъ съ очень длинными полами и преувеличенно высокимъ воротникомъ. Спинныя лопатки были у него такъ сильно развиты, что онъ казался сутуловатымъ, даже при его высокомъ ростѣ. Волосы у него были свѣтлые и курчавые, голубые глаза, бритое длинное лицо: онъ немножко походилъ, судя по стариннымъ портретамъ, на 25-лѣтнихъ генераловъ Отечественной войны 1812 года. Однако нѣчто странное было въ его наружности. Иногда, когда онъ не слѣдилъ за собою, его глаза принимали такое усталое, измученное выраженіе, что ему свободно можно было дать на видъ даже и 50 лѣтъ. Но ненаблюдательная парходная публика этого, конечно, не замѣчала, какъ не замѣчали партнеры необыкновенной особенности его рукъ: большіе пальцы у студента достигали по длинѣ почти концовъ указательныхъ, и всѣ ногти на пальцахъ были коротки, широки, плоски и крѣпки. Эти руки съ необыкновенной убѣдительною свидѣтельствомъ о упорной волѣ, о холодномъ, не знающемъ колебаній эгоизмѣ и о способности къ преступленію.

Отъ Нижняго до Сызрани какъ-то въ продолженіе двухъ вечеровъ составлялись маленькія азартныя игры. Играли въ двадцать одно, желѣзную дорогу, польскій банчокъ. Студентъ выигралъ что-то рублей около семидесяти. Но онъ это сдѣлалъ такъ мило и потомъ такъ любезно предложилъ обыгранному имъ мелкому лѣсопромышленнику взаймы денегъ, что у всѣхъ получилось впе-

чатлѣніе, что онъ богатый человѣкъ, хорошаго общества и воспитанія.

II.

Въ Самарѣ пароходъ очень долго разгружался и нагружался. Студентъ съѣздилъ выкупаться и, вернувшись, сидѣлъ въ капитанской рубкѣ — вольность, которая разрѣшается только очень симпатичнымъ пассажирамъ послѣ долгаго совмѣстнаго плаванья. Онъ съ особеннымъ вниманіемъ, пристально слѣдилъ за тѣмъ, какъ на пароходъ взошли порознь три еврея, всѣ очень хорошо одѣтые, съ перстнями на рукахъ, съ блестящими булавками въ галстукахъ. Онъ успѣлъ замѣтить и то, что евреи дѣлали видъ, какъ будто они не знакомы другъ съ другомъ, и какую-то общую черту въ наружности, какъ будто наложенную одинаковой профессіей, и почти неуловимые знаки, которые они подавали другъ другу издали.

— Не знаете — кто это? — спросилъ онъ помощника капитана.

Помощникъ капитана, черненькій, безусый мальчикъ, изображавшій изъ себя въ салонѣ стараго морского волка, очень благоволилъ къ студенту. Во время своихъ очередныхъ вахтъ онъ рассказывалъ Држевецкому непристойные рассказы изъ своей прошлой жизни, говорилъ гнусности про всѣхъ женщинъ, находившихся на суднѣ, а студентъ выслушивалъ его терпѣливо и внимательно, хотя и нѣсколько холодно.

— Эти?—переспросилъ помощникъ капитана. — Несомнѣнно комиссіонеры. Должно-быть, торгуютъ мукой или зерномъ. Да вотъ мы сейчасъ узнаемъ. Послушайте, господинъ, какъ васъ, послушайте! — закричалъ онъ, перегнувшись черезъ перила. — Вы съ грузомъ? Хлѣбъ?

— Ужѣ! — отвѣтилъ еврей, поднявъ кверху умное, наблюдательное лицо. — Теперь я ѣду для собственнаго удовольствія.

Вечеромъ опять пѣла московская барышня, — «Разстались гордо мы», — земскій начальникъ кричалъ о пользѣ уничтоженія жидовъ и введенія общей, всероссійской порки, полковникъ заказывалъ севрюжку по-американски съ каперсами. Два комиссіонера усѣлись играть въ шестьдесятъ шесть — старыми картами, потомъ къ нимъ, какъ будто невзначай, подсѣлъ третій, и они перешли на прѣферансъ. При окончательномъ расчетѣ у одного изъ игроковъ не нашлось сдачи, — оказались только крупныя бумажки.

Онъ сказалъ:

— Ну, господа, какъ же мы теперь раздѣлимся? Хотите на черное и красное?

— Нѣтъ, ужъ спасибо, въ азартныя игры не играю, — отвѣтилъ другой. — Да это пустяки. Пускай мелочь останется за вами.

Первый какъ будто бы обидѣлся, но тутъ вмѣшался третій:

— Господа, кажется, мы не пароходные шулера и находимся въ порядочной компаніи. Позвольте, сколько у васъ выигрыша?

— Однако какой вы горячій, — сказалъ первый. — Шестъ рублей 20 копеекъ.

— Ну, вотъ... Иду на все.

— Ой, какъ страшно! — сказалъ первый и началъ метать.

Онъ проигралъ и въ сердцахъ удвоилъ ставку. И вотъ черезъ нѣсколько минутъ между этими тремя людьми завязалась оживленная, азартная игра въ польскій банкочокъ, въ который банкочетъ сдаетъ всѣмъ партнерамъ по три карты и отъ себя открываетъ на каждаго по одной.

Не прошло и получаса, какъ на столѣ ворохами лежали кредитные билеты, столбики золота и груды серебра. Банкометъ все время проигрывалъ. При этомъ онъ очень правдоподобно разыгрывалъ удивленіе и негодованіе.

— Это вамъ всегда такъ везетъ на пароходахъ? — спрашивалъ онъ съ ядовитой усмѣшкой партнера.

— Да. А особенно по четвергамъ, — отвѣчалъ тотъ хладнокровно.

Неудачный игрокъ потребовалъ новую талію. Но онъ опять сталъ проигрывать. Вокругъ ихъ стола столпились пассажиры перваго и втораго классовъ. Игра понемногу разожгла всѣхъ. Сначала вмѣшался добродушный артиллерійскій полковникъ, потомъ акцизный чиновникъ, ѣхавшій въ Асхабадъ, и бородатый редакторъ. У мадамъ Кострецовоѣ загорѣлись глаза, и въ этомъ сказалась ея пылкая, нервная натура.

— Ставьте же противъ него, — сказала она злымъ шопотомъ мужу. — Развѣ вы не видите, что его преслѣдуетъ несчастье.

— Mais, дорогая моя... Богъ знаетъ съ кѣмъ, — слабо протестовалъ земскій начальникъ.

— Идіотъ! — сказала она злымъ шопотомъ. — Принесите изъ каюты мой ридикюль.

III.

Студентъ давно уже понялъ, въ чемъ дѣло. Для него было совершенно ясно, что эти три человѣка составляютъ обыкновенную компанію пароходныхъ шулеровъ. Но, очевидно, ему нужно было кое-что обдумать и сообразить. Онъ взялъ въ буфетѣ длинную, черную сигару и усѣлся на балконѣ, слѣдя, какъ тѣнь отъ парохода скользила по желтой водѣ, игравшей солнечными зайчиками. По-

мощникъ капитана, увидѣвъ его, сбѣжалъ съ рубки, многозначительно смѣясь.

— Профессоръ, хотите, я вамъ покажу одного изъ самыхъ интересныхъ людей въ Россіи.

— Да? — сказалъ равнодушно студентъ, стряхивая ногтемъ пепель съ сигары:

— Посмотрите, вонъ тотъ господинъ, съ сѣдыми усами и съ зеленымъ шелковымъ зонтикомъ надъ глазами. Это — Балунскій, король шулеровъ.

Студентъ оживился и быстро посмотрѣлъ направо.

— Тотъ? Да? Въ самомъ дѣлѣ Балунскій?

— Да. Тотъ самый.

— Что же, онъ теперь играетъ?

— Нѣтъ. Совсѣмъ упалъ. Да если бы онъ и сѣлъ играть, такъ вѣдь, вы знаете, мы обязаны предупредить публику... Онъ только торчитъ за столами, смотритъ и больше ничего.

Въ это время Балунскій проходилъ мимо нихъ, и студентъ съ самымъ живымъ интересомъ проводилъ его глазами. Балунскій былъ высокій, прекрасно сложенный старикъ съ тонкими, гордыми чертами лица. Студентъ многое увидалъ въ его наружности: давнишнюю привычку держать себя независимо и увѣренно на глазахъ большой публики, выхоленные, нѣжныя руки, наигранную внѣшнюю барственность, но также и маленькій дефектъ въ движеніи правой ноги, и побѣлѣвшіе отъ времени швы когда-то великолѣпнаго парижскаго пальто. И студентъ съ неослабнымъ вниманіемъ и съ какимъ-то страннымъ смѣшаннымъ чувствомъ равнодушной жалости и беззлобнаго презрѣнія слѣдилъ за всѣми этими мелочами.

— Былъ конь, да изъѣздили, — сказалъ помощникъ капитана.

— А внизу идетъ большая игра, — сказалъ спокойно студентъ.

Потомъ, вдругъ повернувшись къ помощнику капитана и глядя ему каменнымъ взглядомъ въ самые зрачки, онъ сказалъ такъ просто, какъ будто заказывалъ себѣ завтракъ или обѣдъ:

— Вотъ что, *mon cher ami*, я къ вамъ приглядываюсь уже два дня и вижу, что вы человекъ неглупый и, конечно, стойте выше всякихъ старушечьихъ предразсудковъ. Вѣдь мы съ вами сверхъ-люди, не правда ли?

— Да, вообще... И по теоріи Ницше, вообще...—про-
бормоталъ важно помощникъ капитана.

— Ну, ладно. Подробности письмомъ.

Студентъ разстегнулъ сюртукъ, досталъ изъ бокового кармана щегольской бумажникъ изъ красной кожи съ золотой монограммой и вынулъ изъ него двѣ бумажки, по сту рублей каждая.

— Держите, адмиралъ! Это ваши, — сказалъ онъ вну-
шительно.

— За что? — спросилъ помощникъ капитана, захопавъ глазами.

— За вашу за прекрасную за красоту, — сказалъ серьезно студентъ. — И за удовольствіе поговорить съ умнымъ человекомъ, несвязаннымъ предразсудками.

— Что я долженъ сдѣлать?

Теперь студентъ заговорилъ отрывисто и вѣско, точно полководецъ передъ сраженіемъ:

— Во-первыхъ, не предупреждать никого о Балунскомъ. Онъ мнѣ нуженъ будетъ, какъ контроль и какъ лѣвая рука. Есть?

— Есть! — отвѣтилъ весело помощникъ капитана.

— Во-вторыхъ: укажите мнѣ того изъ офиціантовъ, который можетъ подать на столъ мою колоду.

Морякъ немножко замаялся.

— Развѣ Прокофій? — сказалъ онъ, какъ бы разсуждая съ самимъ собой.

— 'Ахъ, это тотъ, худой, желтый, съ висячими усами? Да?

— Да. Тотъ.

— Ну, ну... У него подходящее лицо. Съ нимъ у меня будетъ свой разговоръ и особый расчетъ. Затѣмъ, мой молодой, но пылкій другъ, я вамъ предлагаю слѣдующую комбинацію. Два съ половиной процента съ валового сбора.

— Съ валового сбора? — захихикалъ восторженно помощникъ капитана.

— Да-съ. Это составитъ, приблизительно вотъ сколько... у полковника своихъ, я думаю, рублей тысяча и, можетъ-быть, еще казенныя—скажемъ кругло, двѣ. Земскаго начальника я тоже цѣню въ тысячу. Если удастся развертѣть его жену, то эти деньги я считаю какъ въ своемъ карманѣ. Остальные всѣ — мелочь. Да еще у этихъ сморкачей я считаю сотенъ около шести-восьми... вмѣстѣ...

— У кого?

— А у этихъ пароходныхъ шулеришекъ. У этихъ самыхъ молодыхъ людей, которые, по вашимъ словамъ, торгуютъ зерномъ и мукой.

— Да развѣ? Да развѣ? — спохватился помощникъ капитана.

— Вотъ вамъ и развѣ. Я имъ покажу, какъ нужно играть. Имъ играть въ три листика на ярмаркахъ подъ заборомъ. Капитанъ, кромѣ этихъ двухсотъ, вы имѣете еще сто обезпеченныхъ. Но уговоръ: не дѣлать мнѣ страшныхъ гримасъ, хотя бы я даже проигрался до тла, не соваться, когда васъ не спрашиваютъ, не держать за меня и — главное — что бы со мной ни случилось, даже самое худшее, не обнаруживать своего знакомства со мной. Помните — вы не мастеръ, не ученикъ, а только статистъ.

— Статистъ! — хихикнулъ помощникъ капитана.

— Экій дуракъ, — сказалъ спокойно студентъ.

И, бросивъ окурокъ сигары черезъ бортъ, онъ быстро всталъ навстрѣчу проходившему Балунскому и фамиллярно просунулъ ему руку подъ руку. Они поговорили не больше двухъ минутъ, и, когда окончили, Балунскій снялъ шляпу съ льстивымъ и недовѣрчивымъ видомъ.

IV.

Поздно ночью студентъ и Балунскій сидѣли на пароходномъ балконѣ. Лунный свѣтъ игралъ и плескался въ водѣ. Лѣвый берегъ, высокій, крутой, весь обросшій мохнатымъ лѣсомъ, молчаливо свѣшивался надъ самымъ пароходомъ, который шелъ совсѣмъ близко около него. Правый берегъ лежалъ далекимъ плоскимъ пятномъ. Весь опустившись, сгорбившись еще больше, студентъ небрежно сидѣлъ на скамейкѣ, вытянувъ впередъ свои длинные ноги. Лицо у него было усталое и глаза тусклые.

— Сколько вамъ можетъ быть лѣтъ? — спросилъ Балунскій, глядя на рѣку.

Студентъ промолчалъ.

— Вы меня извините за нескромность, — продолжалъ, немного помявшись, Балунскій. — Я отлично понялъ, для чего вы меня посадили около себя. Я также понимаю, почему вы сказали этому фушеру, что вы его ударите по лицу, если колода, послѣ провѣрки, окажется вѣрной. Вы это произнесли великолѣпно. Я любовался вами. Но, ради Бога, скажите, какъ вы это дѣлали?

Студентъ, наконецъ, заговорилъ черезъ силу, точно съ отвращеніемъ:

— Видите ли, штука въ томъ, что я не прибѣгаю ни къ какимъ противозаконнымъ приемамъ. У меня игра на человѣческой душѣ. Не беспокойтесь, я знаю всѣ ваши

старые приемы. Накладка, передержка; наколка, крапленые колоды — вѣдь такъ?

— Нѣтъ, — замѣтилъ обидчиво Балунскій. — У насъ были и болѣе сложныя штучки. Я, напримѣръ, первый ввелъ въ употребленіе атласныя карты.

— Атласныя карты? — переспросилъ студентъ.

— Ну, да. На карту наклеивается атласъ. Трениемъ о сукно ворсъ пригибается въ одну сторону, на немъ рисуется валетъ. Затѣмъ, когда краска высохла, ворсъ переворачиваютъ въ другую сторону и рисуютъ даму. Если ваша дама бита, вамъ нужно только провести картой по столу.

— Да, я объ этомъ слышалъ, — сказалъ студентъ. — Одинъ лишній шансъ. Но вѣдь зато и дурацкая игра — штоссь.

— Согласенъ, она вышла изъ моды. Но это было время великолѣпнаго расцвѣта искусства. Сколько мы употребили остроумія, находчивости... Полубояриновъ подстригалъ себѣ кожу на концахъ пальцевъ; у него осязаніе было лучше, чѣмъ у слѣпого. Онъ узнавалъ карту однимъ прикосновеніемъ. А крапленныя колоды? Вѣдь это дѣлалось цѣлыми годами.

Студентъ зѣвнулъ.

— Примитивная игра.

— Да, да. Поэтому-то я васъ и спрашиваю. Въ чемъ вашъ секретъ? Долженъ я вамъ сказать, что я бывалъ въ большихъ выигрышахъ. Въ продолженіе одного мѣсяца я сдѣлалъ въ Одессѣ и въ Петербургѣ болѣе шестисотъ тысячъ. И кромѣ того выигралъ четырехъэтажный домъ съ бойкой гостиницей.

Студентъ подождалъ — не скажетъ ли онъ еще чего, и, немного погодя, спросилъ:

— Ага! Завели любовницу, лихача, мальчика въ бѣлыхъ перчаткахъ за столомъ, да?

— Да, — отвѣтилъ покорно и печально Балунскій.

— Ну, вотъ, видите: я это угадалъ заранѣе. Въ вашемъ поколѣнїи, дѣйствительно, было что-то романтическое. Оно и понятно. Конскія ярмарки, гусары, цыганки, шампанское... Били васъ когда-нибудь?

— Да, послѣ Лебядинской ярмарки я лежалъ въ Тамбовѣ цѣлый мѣсяць. Можете себѣ представить, даже облысѣлъ — всѣ волосы вылѣзли. Этого со мной не случилось до тѣхъ поръ, пока около меня былъ князь Кудуковъ. Онъ работалъ у меня изъ десяти процентовъ. Надо сказать, что болѣе сильнаго физически человѣка я не встрѣчалъ въ жизни. Насъ прикрывалъ и его титулъ и сила. Кромѣ того онъ былъ человѣкомъ необыкновенной смѣлости. Онъ сидѣлъ, насасывался тенерифомъ въ буфетѣ, и когда слышалъ шумъ въ игральной комнатѣ, то приходилъ меня выручать. Охъ, какой тарарамъ мы съ нимъ закатали въ Пензѣ. Подсвѣчники, зеркала, люстры...

— Онъ спился? — спросилъ вскользя студентъ.

— Откуда вы это знаете? — спросилъ съ удивленіемъ Балунскій.

— Да оттуда... Поступки людей крайне однообразны. Право, иногда скучно становится жить.

Послѣ долгаго молчанія Балунскій спросилъ:

— А отчего вы сами играете?

— Право, я и самъ этого не знаю, — сказалъ съ печальнымъ вздохомъ студентъ. — Вотъ я далъ себѣ честное слово не играть ровно три года. И два года я воздерживался, а сегодня меня почему-то взмыло. И, увѣряю васъ — мнѣ это противно. Деньги мнѣ не нужны.

— Вы ихъ сохраняете?

— Да, нѣсколько тысячъ. Раньше я думалъ, что сумѣю ими когда-нибудь воспользоваться. Но время пробѣжало какъ-то нелѣпо-быстро. Часто я спрашиваю себя—

чего мнѣ хочется? Женщинами я пресытился. Чистая любовь, бракъ, семья—мнѣ недоступны, или, вѣрнѣе сказать, я въ нихъ не вѣрю. Ымъ я чрезвычайно умеренно и ничего не пью. Копить на старость? Но что я буду дѣлать въ старости? У другихъ есть утѣшеніе — религія. Я часто думаю: ну, вотъ пускай меня сдѣлаютъ сегодня королемъ, императоромъ... Чего я захочу? Честное слово — не знаю. Мнѣ нечего даже желать.

Моноotonно журчала вода, разсѣкаемая пароходомъ. Свѣтло, печально и однообразно лила свой свѣтъ луна на бѣлыя стѣнки парохода, на рѣку, на дальніе берега. Пароходъ проходилъ узкимъ, мелкимъ мѣстомъ... «Шесть... ше-е-сть съ половиной!.. Подъ таба-а-къ!» — кричалъ на носу водоливъ.

— Но какъ вы играете? — спросилъ робко Балунскій.

— Да никакъ, — отвѣтилъ лѣниво студентъ. — Я играю не на картахъ, а на человѣческой глупости. Я вовсе не шулеръ. Я никогда ни накалываю ни отмѣчаю колоду. Я только знакомлюсь съ рубашкой и потому играю всегда вторымъ сортомъ. Вѣдь все равно, послѣ двухъ-трехъ сдачъ я буду знать каждую карту, потому что зрительная память у меня феноменальна. Но я не хочу напрасну тратить энергію мозга. Я твердо убѣжденъ, что если человѣкъ захочетъ быть одураченнымъ, то несомнѣнно онъ и будетъ одураченъ. И я зналъ заранѣе судьбу сегодняшней игры.

— Какимъ образомъ?

— Просто. Напримѣръ: земскій начальникъ тщеславный и глупый дуракъ, простите за плеоназмъ. Жена дѣлаетъ съ нимъ все, что хочетъ. А она женщина страстная, нетерпѣливая и, кажется, истеричная. Мнѣ нужно было обоихъ ихъ втравить въ игру. Онъ дѣлалъ глупости, а она на зло вдвое. Такимъ манеромъ они пропустили тотъ моментъ, когда имъ шло натуральное счастье.

Они имъ не воспользовались. Они стали отыгрываться тогда, когда счастье повернулось къ нимъ спиной. Но за десять минутъ до этого они могли бы меня оставить безъ штановъ.

— Неужели это возможно разсчитать? — спросилъ тихо Балупскій.

— Конечно. Теперь другой случай. Это полковникъ. У этого человѣка широкое, неистощимое счастье, котораго онъ самъ не подозрѣваетъ. И это потому, что онъ широкій, небрежный, великодушный человѣкъ. Ей-Богу, мнѣ было немножко неловко его потрошить. Но уже нельзя было остановиться. Дѣло въ томъ, что меня раздражали эти три жидочка.

— Не вытерпѣлъ — зажглося ретивое? — спросилъ стихомъ изъ Лермонтова старый шулеръ.

Студентъ заскрипѣлъ зубами, и лицо его оживилось немного.

— Совершенно вѣрно, — сказалъ онъ презрительно. — Именно, не вытерпѣлъ. Судите сами: они сѣли на пароходъ, чтобы стричь барановъ, но у нихъ нѣтъ ни смѣлости, ни риска, ни хладнокровія. Когда онъ мнѣ передавалъ колоду, я сейчасъ же замѣтилъ, что у него руки холодныя и трясутся. «Эге, голубчикъ, у тебя сердце прыгаетъ!» Игра-то ихъ была для меня совершенно ясна. Партнеръ слѣва, тотъ, у котораго бородавочка на губѣ заросла волосами, дѣлалъ готовую накладку. Это было ясно, какъ апельсинъ. Нужно было ихъ разсадить, и поэтому-то — тутъ студентъ заговорилъ скороговоркой — я и прибѣгнулъ, *cher maître*, къ вашему просвѣщенному содѣйствію. И я долженъ сказать, что вы вполне корректно выполнили мою мысль. Позвольте вамъ вручить вашу долю.

— О, зачѣмъ такъ много?

— Пустяки. Вы мнѣ окажете еще одну услугу.

— Слушаю.

— Вы твердо помните лицо земской начальницы?

— Да.

— Такъ вы пойдете къ ней и скажете: деньги ваши были выиграны совершенно случайно. Вы даже можете ей сказать, что я шулеръ. Да, но, понимаете, въ этакоемъ возвышенномъ байроновскомъ духѣ. Она клюнетъ. Деньги она получитъ въ Саратовѣ, въ Московской гостиницѣ, сегодня въ шесть часовъ вечера, отъ студента Држевецкаго. Номеръ первый.

— Это, стало-быть, сводничество? — спросилъ Балунскій.

— Зачѣмъ такія кислыя слова? Не проще ли: услуга за услугу.

Балунскій всталъ, потоптался на мѣстѣ, снялъ шляпу. Наконецъ сказалъ неувѣренно:

— Это я сдѣлаю. Это, положимъ, пустяки. Но, можетъ-быть, я вамъ понадобитсяъ, какъ машинистъ?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ студентъ. — Это старая манера дѣйствовать скопомъ. Я одинъ.

— Одинъ? Всегда одинъ?

— Конечно. Кому я могу довѣриться? — возразилъ студентъ со спокойной горечью. — Если я увѣренъ, положимъ, въ вашей товарищеской честности, понимаете, въ каторжной честности, — то я не увѣренъ въ крѣпости вашихъ нервовъ. Другой и смѣлъ, и некорыстолюбивъ, и вѣрный другъ, но... до первой шелковой юбки, которая сдѣлаетъ его свиньей, собакой и предателемъ! А шантажи? Вымогательства? Клянченье на старость? На инвалидность?... Эхъ!..

— Я вамъ удивляюсь, — сказалъ Балунскій тихо. — Вы — новое поколѣніе. У васъ нѣтъ ни робости, ни жалости, ни фантазіи... Какое-то презрѣніе ко всему. Неужели въ этомъ только и заключается вашъ секретъ?

— Въ этомъ. Но также и въ большомъ напряженіи воли. Вы мнѣ можете вѣрить или не вѣрить, — это мнѣ все равно, — но я сегодня разъ десять заставлялъ усиленіемъ воли, чтобы полковникъ ставилъ маленькіе куши, когда ему слѣдовало ставить большіе. Мнѣ это не легко... У меня сейчасъ чудовищно болитъ голова. И потомъ... Потомъ я не знаю, не могу себѣ представить, что это значить быть прибитымъ, или раскиснуть отъ замѣшательства. Органически я лишень стыда и страха, а это вовсе не такъ весело, какъ кажется съ перваго взгляда. Я, правда, ношу съ собой постоянно револьверъ, но зато ужъ повѣрьте, что въ критическую минуту я о немъ не забуду. Однако... — студентъ дѣланно зѣвнулъ и протянулъ Балунскому руку усталымъ движеніемъ:—однако до свиданія, генераль. Вижу, у васъ глаза смыкаются...

— Всего лучшаго, — сказалъ почтительно старый шулеръ, склоняя свою сѣдую голову.

Балунскій ушелъ спать. Студентъ, сгорбившись, долго глядѣлъ усталыми, печальными глазами на волны, игравшія, какъ рыба чешуя. Среди ночи вышла на палубу Кострецова. Но онъ даже не обернулся въ ея сторону.

Оглавленіе

V ТОМА.

Повѣсти и рассказы.

	СТР.
Гранатовый браслетъ	3
Листригоны.	
I. Тишина	64
II. Макрель	68
III. Воровство	73
IV. Бѣлуга	78
V. Господня рыба. Апокрифическое сказаніе	85
VI. Бора	89
VII. Водолазы	94
VIII. Бѣшеное вино	115
Олеся. Повѣсть	122
Морская болѣзнь	218
Обида. Истинное происшествіе	250
Осенніе цвѣты. Разсказъ	272
Къ славѣ	284
Безъ заглавія	325
Ученикъ	329
